

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Труды Санкт-Петербургского
криминологического клуба**

№ 2 (15), 2008

Санкт-Петербург
2008

ББК 67
УДК 343
К 82

Редакционная коллегия

Ван Я. (Китай)

Гилинский Я. И. (Россия)

Гондолф Э. (США)

Дикаев С. У. (Россия) — заместитель главного редактора,

Кури Х. (Германия)

Милоков С. Ф. (Россия)

Сморгунова В. Ю. (Россия) — заместитель главного редактора

Сыдыкова Л. Ч. (Кыргызстан)

Тугельбаева Б. Г. (Кыргызстан) — заместитель главного редактора

Хэслер В. (Швейцария)

Чураков А. В. (Россия) — ответственный секретарь

Шестаков Д. А. (Россия) — главный редактор

К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2008. — № 2 (15). — СПб., 2008. .... с.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский криминологический клуб
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224

Факс: (+7 812) 312 99 10

Электронная почта: criminology_club@mail.ru

Сайт: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-98529-078-3

© Санкт-Петербургский криминологический клуб, 2008
© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2008

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY OF A. I. HERZEN
DEPARTMENT OF LAW

SAINT-PETERSBURG
CRIMINOLOGY
CLUB

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

**Works of St. Petersburg
Criminology Club**

№ 2 (15), 2008

St. Petersburg
2008

ББК 67
УДК 343
К 82

Editorial board:

Dikaev S. U. (Russia) – Assistant of the Chief Editor

Gilinskiy Y.I. (Russia)

Gondolf E. (USA)

Haesler W. (Switzerland)

Kury H. (Germany)

Miliukov S. F. (Russia)

Shestakov D. A. (Russia) – Chief Editor

Smorgunova V. Y. (Russia) – Assistant of the Chief Editor

Sydykova L. T. (Kyrgyzstan)

Tugelbaeva B. G. (Kyrgyzstan) – Assistant of the Chief Editor

Wang Y. (China)

Churakov A. V. (Russia) – Executive Secretary

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: Works of St. Petersburg
Criminology Club. 2008. № 2 (15). – St. Petersburg, 2008. – ..... p.

Address of editor's office:

St. Petersburg Criminology Club

Nab. Moyki 48 Herzen University Law Faculty

191186 St. Petersburg Russia

Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224

Fax: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Website: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-98529-078-3

© St. Petersburg Criminology Club, 2008
© Russian State Pedagogical University of
A. I. Herzen, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Анкета для криминологов от главного редактора 11

МАТЕРИАЛЫ БАЛТИЙСКОГО

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ОТ 27. 06. 2007

Гишинский Я. И. (Россия, Санкт-Петербург). 20-й Международный Балтийский криминологический семинар 13

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Научные направления, школы и теории криминологии

Кристи Н. (Норвегия, Осло). Три формы бедности 15

Бачинин В. А. (Россия, Санкт-Петербург). Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания 19

Массовое преступное поведение

Гишинский Я. И. (Россия, Санкт-Петербург). Глобализация и преступность 23

Лясковска К. (Польша, Белосток). Деятельность русскоязычных организованных преступных групп в Польше (По результатам криминологических исследований) 33

Объяснение преступности

Ениколопов С. Н. (Россия, Москва), Умняшкина Д. А. (Россия, Москва).

Психологические проблемы влечения к азартным играм 43

Ениколопов С. Н. (Россия, Москва), Мешкова Н. В. (Россия, Москва). Психологические аспекты «преступлений ненависти» 63

Ильюк Е. В. (Россия, Челябинск). Роль эмоций в детерминации криминального поведения 75

Противодействие преступности

Овчинский В. С. (Россия, Москва). Радикальный либерализм, сильное государство и уголовная политика 78

Папендорф К. ((Норвегия, Осло). Модельные проекты лечения героиневой зависимости в Западной Европе 85

Мауленов Г. С. (Казахстан, Астана). О совершенствовании правовых мер, направленных на противодействие коррупции и организованной преступности в Казахстане 88

Гиртсен. Х. (Норвегия, Осло). Целостный взгляд на личность наркозависимых, не предусматривающий деления на правовые, медицинские и социальные аспекты 92

История и современное состояние криминологии

Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Развитие криминологической науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (вторая половина XX – начало XXI века). Оппонентский отзыв на диссертацию Э. В. Масловой 97

Лепс А. (Эстонская Республика, Таллинн). Тартускому университету — 375 лет	101
Самая первая публикация учредителя Санкт-Петербургского криминологического клуба Милоков С. Ф. (Россия, Санкт-Петербург). К понятию посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника	110
Милоков С. Ф. (Россия, Санкт-Петербург). Моя первая публикация.....	111

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы презентации «Частной криминологии» 14. 12. 2007

Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Частная криминология в структуре науки о преступности.....	114
Данилов А. П. (Россия, Санкт-Петербург), Константинова Т. В. (Россия, Санкт-Петербург), Носкова И. А. (Россия, Санкт-Петербург). Применение семантической концепции в отраслевых исследованиях	118

Вайолентология

Шипунова Т. В. (Россия, Санкт-Петербург). «Обыденные» («привычные») насилие и агрессия в социальном взаимодействии	122
--	-----

Организованная преступная деятельность

Овчинский В. С. (Россия, Москва) Об организованной преступности как форме социальной организации жизни в России и необходимости Нового российского курса.....	131
---	-----

Преступления несовершеннолетних и против несовершеннолетних

Зарипов З. С. (Россия, Рязань). Криминологическая безопасность несовершеннолетних и противодействие незаконному обороту наркотиков в России и Центрально-Азиатском регионе.....	138
---	-----

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

Экономическая криминология

Шейност М. (Чехия, Прага). Торговля людьми, опыт Чехии	150
Пишикина Н. И., Грицай Г. И. (Россия, Санкт-Петербург). О принципах ответственности в налоговой сфере в современной России.....	156

Богословская криминология

Бачинин В. А. (Россия, Санкт-Петербург). Секулярная криминология и библейская концепция преступления.....	164
---	-----

Семейная криминология

Лысова А. В. (Россия, Владивосток). Насилие в семье и межличностных отношениях в России: обзор основных исследований.....	169
---	-----

Экологическая криминология

Тангиев Б. Б. (Россия, Санкт-Петербург). Научный эколого-криминологи-	
---	--

ческий комплекс как новое направление криминологических исследований.
Социально-правовые предпосылки и концепция его формирования..... 178

Политическая криминология

Материалы семинара «Измена как криминологическая проблема» 12. 10. 2007

Шарыгин В. Г. (Россия, Санкт-Петербург). Феномен предательства в новой и новейшей истории России (криминологический взгляд).....	190
Бачинин В. А. (Россия, Санкт-Петербург). Феномен измены в свете библейской аксиологии	200
Данилов А. П. (Россия, Санкт-Петербург). Политико-криминологический аспект измены в контексте противоречий между бюрократическими и олигархическими силами в причинном комплексе убийств по политическим мотивам (постановка вопроса).....	203
Носкова И. А. (Россия, Санкт-Петербург). Средства массовой информации о предательстве	210
Чураков А. В. (Россия, Санкт-Петербург). Криминологический аспект супружеской измены	212
Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Измена в свете криминологической теории.....	216
Сысоев А. М. (Россия, Вологда). О психологической сущности экстремистской деятельности	220
Апухтин Ю. С. (Россия, Санкт-Петербург). Международная правовая ответственность частных военных компаний	223

4. ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Шестакова С.Д. (Россия, Санкт-Петербург), Ковтун Д.Д. (Россия, Санкт-Петербург). К вопросу о реализации права обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него.....	232
--	-----

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Азалия Ивановна Долгова	237
Зарип Саидович Зарипов	237
Нинель Фёдоровна Кузнецова.....	238
Александр Максимович Яковлев.....	239

6. НЕКРОЛОГ

Борис Владимирович Волженкин	241
---	-----

Резюме	243
---------------------	-----

К нашим авторам	258
------------------------------	-----

CONTENT

The Questionnaire for Criminologist From the Editor-in-chief..... 11

PROCEEDINGS OF THE BALTIC CRIMINOLOGICAL SEMINAR OF JUNE 27, 2007

Gilinskij J. I. (Russia, St. Petersburg). 20th International Baltic Criminological Seminar..... 13

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

Orientations of Research, Schools and Criminological Concepts

Christie N. (Norway, Oslo). Three Forms of Poverty 15

Bachinin V. A. (Russia, St. Petersburg). Freud and-or Dostoevsky Ideological Choice of Criminological Consciousness 19

Mass Criminal Behaviour

Gilinsky J. I. (Russia, St. Petersburg). Globalization and Criminality..... 23

Lyaskovska K. (Poland, Bialystok). Activity of Russian-Speaking Organized Criminal Group in Poland (by Results of Criminological Researches)..... 33

Explanation of Crime

Enikolopov S. N. (Russia, Moscow), Umnyashkina D. A. (Russia, Moscow).

Psychological Problems of an Inclination for Gamblings 43

Enikolopov S. N. (Russia, Moscow), Meshkova. N. V. (Russia, Moscow).

Psychological Aspects of «Crimes of Hatred»..... 63

Ilyuk E. (Russia, Chelyabinsk). Role of Emotions in Determination of Crimes ... 75

Crime Prevention

Ovchinsky V. S. (Russia, Moscow).

Radikal Liberalism, the Strong State and a Criminal Politics 78

Papendorf K. (Norway, Oslo).

Model Projects With Heroin Medication in Western Europe 85

Maulenov G. S. (Kazakhstan, Astana). Improvement of the Legal Measures of Counteraction of Corruption and the Organized Crime 88

Giertsen H. (Norway, Oslo). Drug Users Seen as Whole Persons – in Contrast to the Segmented Perspective in Law, in Medicine and Social Work 92

History and Modern Condition of Criminology

Shestakov D. A. (Russia, St. Petersburg). Development of Criminology in Leningrad – Saint Petersburg (the Second Half of XX - the Beginning of XXI Century).

A Response of the Official Opponent to the Dissertation on Competition of an Academic Degree of the Candidate of Jurisprudence by E. V. Maslova 97

Leps A. (Republic of Estonia). University of Tartu – 375 Years.....	101
The Very First Publication of the Founder of St.-Petersburg Criminology Club S.F.Miljukov The Concept of an Encroachment on Life of the Worker of Militia or the National Combatant.....	110
S.F.Miljukov. My First Article.....	111

2. SPECIFIC PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

Proceedings of the Presentation of «Particular Criminology» of December 14, 2007

Shestakov D. A. (Russia, St. Petersburg). The Particular Criminology in the Structure of a Science about Criminality	114
Danilov A. P. (Russia, St. Petersburg), Konstantinova T. V. (Russia, St. Petersburg), Noskova I. A. (Russia, St. Petersburg). Application of Semantic Conception in the Branches of the Criminology	118

Violentology

Shipunova T. V. (Russia, St. Petersburg). Ordinary (Habitual) Aggression and Violence in Social Interaction	122
--	-----

Organized Crime Activity

Ovchinsky V. (Russia, Moscow). The Organized Crime as the form of Social Organization of Life in Russia and Necessity of a New Russian Policy	131
--	-----

Crimes of Minors and Against Minors

Zaripov Z. S. (Russia, Ryazan). Criminological Safety of Minors and Counteraction to Illegal Circulation of Drugs in Russia and the Central-Asian Region	138
--	-----

3. CRIMINOLOGICAL AREAS

Economical Criminology

Scheinost M. (Czechia, Prague). Human Trafficking: Experience of the Czech Republic.....	150
Pishikina N. I. (Russia, St. Petersburg), Gritcay G. I. (Russia, St. Petersburg). About Principles of Responsibility in Tax Sphere in Modern Russia	156

Theological Criminology

Bachinin V. A. (Russia, St. Petersburg). Secular Criminology and the Biblical Concept of a Crime	164
---	-----

Family Criminology

Lysova A. V. (Russia, Vladivostok). Family/Partner Violence in Russia: The review of the Major Studies.....	169
--	-----

Ecological Criminology

Tangiev B. B. (Russia, St. Petersburg). Scientific Ecological-Criminological	
--	--

Complex as a New Direction Criminological Researches. Social-Legal Preconditions and the Concept of Its Formation.....	178
---	-----

Political Criminology

**Proceedings of the Seminar «Treason as a Criminological Problem»
of October 12, 2007**

Sharygin V. G. (Russia, St. Petersburg). The Phenomenon of Betrayal in Modern Russian History (The Criminological View).....	190
Bachinin. V. A. (Russia, St. Petersburg).	
Secular Criminology and the Biblical Concept of a Crime	200
Danilov A. P. (Russia, St. Petersburg). Political-Criminological Aspect of Change in a Context of Contradictions Between Bureaucratic and Oligarchical Forces in a Causal Complex of Political Assassinations (Statement of a Question)	203
Noskova I. A. (Russia, St. Petersburg). Mass Media About Treachery	210
Churakov A. V. (Russia, St. Petersburg). Criminological Aspect of Adultery	212
Shestakov D. A. (Russia, St. Petersburg).	
Treason in Light Criminological Theories.....	216
Sysoyev A. M. (Russia, Vologda).	
The Psychological Essence of Extremist Activity	220
Apukhtin Y. S. (Russia, St. Petersburg). Responsibility of Private Military Companies according to International Law	223

4. CRIMINAL PROCEDURAL LAW ISSUES

Shestakova S.D. (Russia, St. Petersburg), Kovtun D.D. (Russia, St. Petersburg). Problems of Realization of Everyone’s Charged with a Criminal Offence Right to Obtain the Attendance and Examination of Witnesses on His Behalf under the Same Conditions as Witnesses against Him	232
---	-----

5. JUBILEE GREETINGS

Azaliya Ivanovna Dolgova.....	237
Zarip Saidovich Zaripov	237
Ninel Phedorovna Kuznetsova	238
Alexandr Maksimovich Yakovlev	239

6. NECROLOG

Boris Vladimirovich Voljenkin	241
Summary	243
To our Authors	258

АНКЕТА ДЛЯ КРИМИНОЛОГОВ ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Напоминаем вам двух, в недавнем прошлом «сошедших со сцены» мужчин, о которых много писали средства массовой информации.

Александр Печушкин, «битцевский маньяк»,
и Билл Клинтон, экс-президент США

Находите ли Вы как криминолог в поведении этих людей нечто общее?

- Нет
- Затрудняюсь с ответом
- Да, а именно: _____

Кто учинённым им насильем причинил больший вред людям?

- Клинтон
- Печушкин
- Вред обоих соизмерим
- Затрудняюсь с ответом
- Иное: _____

Как Вы относитесь к тому, что, в отличие от Печушкина, пожизненно лишённого свободы, Клинтон процветает, их ответственность за содеянное распределилась «не равным» образом?

- Мне это безразлично
- Подобное положение вещей я одобряю
- Меня это возмущает
- Иное: _____

Ваш пол

- Мужчина
- Женщина

Ваш возраст

- По 20 лет включительно
- 21 – 30
- 31 – 40
- 41 – 50
- 50 – 60
- Свыше 60

Ваша учёная степень

- Не имею степени
- Кандидат наук
- Доктор наук

Считаете ли Вы себя криминологом?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь с ответом

В прямоугольнике напротив выбранного Вами ответа поставьте любой знак.

Будем Вам признательны, если Вы направите заполненную анкету на сайт Санкт-Петербургского криминологического клуба: criminology.narod.ru/ главная страница / «Напиши мне»

Коллеги, начинаем дискуссию о постлиберальной криминологии.¹

---

¹ См. в этом номере: *Шестаков Д. А.* Развитие криминологической науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге (вторая половина XX – начало XXI века). Оппонентский отзыв на диссертацию Э. В. Масловой. – С. 167.

МАТЕРИАЛЫ БАЛТИЙСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ОТ 27.06.2007

20-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Балтийский криминологический семинар был основан в 1987 г. по инициативе группы криминологов из Ленинграда, Москвы, Латвии, Литвы, Эстонии (Д. Блувштейн, С. Босхолов, Я. Гишинский, А. Добрынин, В. Коган, А. Лепс, Э. Раска, Д. Сепс, Д. Шестаков, В. Юстицкий, А. Яковлев и др.) с целью обмена мнениями ведущих криминологов тогдашнего СССР. Первоначальная «сверхзадача» семинара — *свободная дискуссия* криминологов, чьи научные взгляды далеко не всегда совпадали с советским официозом...

С общего согласия семинар является ежегодным и проводится последовательно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Менялась политическая ситуация, республики Прибалтики добились независимости, а Семинар продолжал существовать и развиваться, привлекая всё большее число участников из стран Европы и Северной Америки. Материалы большинства семинаров опубликованы.

С 1991 г. семинар становится международным. И не только в связи с обретением Латвией, Литвой, Эстонией независимости, но и в силу присоединения участников вначале из стран Балтийского региона (Германия, Дания, Норвегия, Польша, Финляндия, Швеция), а затем и других государств.

Гордостью Международного Балтийского криминологического семинара является участие в его работе таких учёных с мировым именем, как профессора Ian Taylor (Великобритания), Nils Christie (Норвегия), Kauka Aromaa (Финляндия), Manfred Brusten (Германия), Klaus Sessar (Германия), Fritz Sack (Германия), Jerzy Jasinski (Польша), Monika Platek (Польша), Jerzy Sarnecki (Швеция), Louise Shelley (США) и др.

Одна из заслуг семинара — сохранение профессиональных и межличностных отношений между криминологами стран Балтийского региона.

29 июня — 1 июля 2007 г. в Санкт-Петербурге на базе юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ) состоялся двадцатый (юбилейный) Международный Балтийский криминологический семинар. Его *тема*: «Преступность и девиантность в изменяющемся мире» («Crime and Deviance in the Changing World»). *Рабочие языки* — английский, русский.

В работе семинара приняли участие криминологи Великобритании (Джон Спенсер), Германии (Кнут Папендорф, Ольга Зигмунт), Израиля (Леонид Цывьян), Латвии (Андреас Вилкс, Юрис Янсонс и др.), Литвы (Виктор Юстицкий, Светлана Юстицкая, Аушра Гавенайте), Норвегии (Нильс Кристи, Хедда Гиерстен и др.), Польши (Моника Платек, Катаржина Ласковска), Чехии (Мирослав Шейност, Марина Луптакова), Эстонии (Андо Лепс, Анна

Маркина, Сильвия Каугиа и др.), а также многочисленные отечественные специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Иркутска, Краснодара, Саратова, Ставрополя, Тюмени.

Этот Семинар, как и предыдущие, способствовал объединению усилий криминологов, укреплению не только профессиональных, но и политических, экономических, культурных связей между странами. Тем более что тематика Семинара затрагивает общие проблемы насильственной и организованной преступности, глобализации и преступности, торговли людьми, наркотизма, «преступлений ненависти» (Hate crime), прав человека, социального контроля над преступностью.

Организаторы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Социологический институт Российской Академии наук, Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Председатель оргкомитета,
доктор юридических наук, профессор
Я. И. Гилинский

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ И ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИИ

N. Christie*

THREE FORMS OF POVERTY

I am to talk about poverty. What a paradox. Talking about poverty — coming from one of the richest countries in the world. But that affluence is a danger for two other important types of capital; the social capital, and also for some forms of cultural capital.

Material poverty

...is my point of departure. This poverty remains in Norway, as in most countries. Few children go hungry to bed in my country, but many immigrants, particularly those without legal permission to stay, live materially miserable lives. So do also heavy users of alcohol and drugs. Death-figures are still reflecting social differences. In the materially most deprived part of Oslo, males have an expected life-length of 68,4 years, against 80,5 years in the most affluent district.² And here comes the old point of relative deprivation. It feels worse to be poor among rich, than among those who share my destiny. And it feels particularly strong when the rich becomes so extremely rich as in our case. In Norway, that supposed egalitarian country, developments have been like this: In 1986 the 10 percent at the top of the income scale received more than four times as much of incomes than the 10 percent at the bottom. In 2005 they received nine times as much.

But we have also another type of problem, creating much dissatisfaction. We live in a country with an explosion in wealth. It came so fast, and seems to have no end. But sudden change, also in income, is a dangerous phenomenon. It raises the fundamental question; when is enough, enough? Emile Durkheim gave the documentation in his book on suicide.³ Samuel Stouffer (1949) did the same in his book about the American soldier.⁴ It was in military units with the greatest amount of promotion that soldiers were most dissatisfied with the rate of promotion. Norms change, or disappear. May be I earn one million dollars now, against half a million two years ago. But why only one million, why not two or three — or a billion for that sake? Normative expectations explode, usual standards evaporate, anomie results, accompanied with decreased solidarity and increased law breaking both at the top and at the bottom of societies.

---

* **Нильс Кристи** — профессор, член Академии наук Норвегии, Шведской Королевской Академии наук, экс-директор Института криминологии и уголовного права (Норвегия), экс-президент Скандинавского Совета по криминологии (Осло, Норвегия).

© Н. Кристи, 2008

² Dybendal, Kirsten Enger og Halvard Skiri. Klare geografiske forskjeller i levealder mellom bydeler i Oslo. — Oslo, 2005 — Samfunnsspeilet. — № 6. — Pp. 18–27.

³ *Durkheim E.* Le Suicide.— Oslo, 1978. (Originalutgivelsen — 1897).

⁴ *Stouffer S.* The Americal soldier. — Princeton, 1949.

And here comes a special aspect of our time. Our affluence is, literally speaking, an advertised affluence. In newspapers, journals, films and TV – we are continuously told about all we ought to own, and how the perfect consumers spend their life. I am old enough to remember times when rich people in my country tried to hide their wealth. Our recent affluence, combined with increasing class-differences, is of a particularly unpleasant type because it exist in welfare states with ideals that all citizens ought to live good lives, – equally good lives.

I have in earlier books described how the market thinking can be seen as a sort of totalitarian system.⁵ The celebration of money and trade invade all other major institutions in society, eats its way into religion, family, politics and culture. Those with doubts about unrestricted competition and free move of money and people are seen as heretics, – dubious personages as Muslims in totally Christian communities. We are nowadays even organizing our university education so it can be useful for free trade and its need for mobility of money, people and university degrees.

But, as Elliot Currie describes in a central article, this market thinking is not a kind, benevolent set of ideas. A free market is a market of unrestricted cannibalism, eat, or be eaten. But what sort of moral message is this, to the cannibals, and to those who have not yet reached that high level of accumulation? Several studies find extreme materialism (a materialism increasing year for year) among youth in the inner cities in the US. Where do they get their models? Business tycoons are moral leaders, for those below, and for each other.

In a criminological perspective, it is close to obvious that the dominant ideas in the market economy increase the risk for engaging in illegal behaviour. This is so at the very bottom of society, but also for the remaining populations as we slowly learn that the goal in life is affluence.

The social poverty.

The word capital comes stems from Latin. It was the word for the top of the pillar in the temple, – maybe we could say the top of all, the most important thing. It is an illustration of our time that most people nowadays think of money when the word capital is used.

But recently, a new use of capital has emerged. That is “social capital”. Social capital is what you build up through interaction with other people. It can have many forms, but some sort of broad mutual responsibility seems to stay central. While obligations related to money are narrowly and strictly defined, social capital comes closer to general human relations as in family and friendship.

Often there is an inverse relationship between monetary and social capital. People with much money might think they do not need to gain and preserve other forms of social capital than what they find useful for business purposes. Other forms for help and assistance can be bought for money. But poor people might have no alternatives to the social network when in need for help. But social capital is easy to loose. The great contrast to money capital is that social capital has no general validity. You can't bring it with you everywhere, as with conventional money. You

---

⁵ *Christie N.* Crime control as industry. – Routledge, 2000. (Russian edition – 2003).
Christie N. A suitable amount of crime. – Routledge, 2004. (Russian edition – 2006).

loose it when you move in to strangers. Let me illustrate with what happens when old, slummy areas are invaded by rich people.

The living areas for poor people have often much atmosphere. Poor people don't have cars, and are to a greater extent forced to stay where they are. They get thereby more roots in their local neighbourhoods. Where they are many, the small shops survive, so does also kiosks and local pubs and restaurants. In such quarters there will often develop lively neighbourhoods. Some groupings at the street-corners, some unemployed, some out of schools, - often participants with time to spend. It creates some of the atmosphere we pay a lot to experience during vacation in what often is called underdeveloped countries. But then, when ordinary middle class or upper class youngsters move away from their family of birth, then they want to live just in such quarters, in the centre of large towns, in the heavily populated, slightly worn quarters. Here something is alive, quite different from the socially dull quarters these affluent youngsters have grown up in. And gradually, also their upper or middle-class parents observe these qualities, - absent in their plush west-end quarters.

And then the inevitable happens. The wealthy intruders take over. They have money enough to destruct a tightly knit and enjoyable neighbourhood. The small, inexpensive restaurants are converted to respectable restaurants, several small apartments are merged into one plush ones suitable for rich people, the external entrance doors are given solid locks, and as a result of all this, the rent-level in the neighbourhood increases, the small shops can't follow and disappears, and soon they are gone, all those qualities that made the neighbourhood attractive.

Gone are also the old inhabitants. Forced away by the increased rent-level. Gentrification is the term for what happens. It is a social catastrophe for those driven away. They loose their dwellings. But more important, they do also loose their social capital. It takes time and demands stability to build up social capital. Elderly people risk loosing it all if forced away and spread out in new and unfamiliar neighbourhood. Those with special problems; eccentrics of various sorts, heavy drinkers, drug users, mad or bad, - they must once more attempt to create new social capital. Our extreme affluence has created a situation where the money capital destructs the social capital.

The school created poverty

The third type of poverty is the one created by the explosion in formal education, particularly in high schools and universities. I am fond of what goes on in these institutions, fond of science, fond of teaching. And I suppose most among us here share that attitude, otherwise we would not have been here today. But that attitude must not blind us for the other side of the coin: The enormous growth in formal education creates a danger for the survival of other types of knowledge, and thereby also for the survival of ordinary civil society.

More and more among us spend more and more time in Universities and high schools, and leaves from this type of education as certified experts of one sort or another. We have thereby created societies of experts. Fine. But it is also bad.

As with money-capital and social capital, what we could call knowledge capital is unequal distributed. This is particularly so with the authorized knowledge capital

gained through high schools and universities. Most of this capital goes to those from families that already have much of this capital.

But there also exists another type of knowledge. That is the non-authorized. One type of such knowledge is what all have, some have much. I do not have a good term for it. May be we might call it "life-knowledge". Praxis-knowledge is the term Bourdieu apply. I like to call it kitchen-table knowledge. It is what we have learned from life, about life. We have gathered such knowledge since birth, some will claim before birth, and many continues until death.

We all have such knowledge. Seemingly, here are no poor people. But then it happens the same as when people with much money invade good neighbourhoods for poor people. The rich people invade, here the rich people in the meaning of rich on certified knowledge. The life-knowledge is threatened exactly as the social capital in the old neighbourhoods. The highly educated, in the meaning of being the certified owners of knowledge, make the kitchen knowledge invalid, leaves no room for the life-knowledge.

It is the certified ones that are supposed to have the real knowledge. They are supposed to know best and will also often hide against insight by using a vocabulary of complex Latinized words. It demands a great amount of safe arrogance to resist a certified know-hover.

In addition comes that the conditions for gathering life-knowledge are weakened. Geographic mobility and the resulting weakening of the social capital do simply mean that we all have more limited knowledge about each other. It is not only the professionals who push their way and reduce the thrust around the kitchen table as a useful place for exchange of information. Kitchen tables have less to offer.

And again, it is the same people who are hit. They have little money-capital. They are removed from their base of social capital. And they are removed from belief in their own knowledge, their life-knowledge.

What ought to be done?

I have no time for elaborations. Therefore only two short statements:

First: Our major problem in most western states is our unrestricted belief in the blessings of the free market and the survival of the fittest as a governing principle. If we want to be anything different from state-sponsoring criminologists, we must therefore point to the need of control of the economy and the need for furthering other goals in life than material wealth.

Secondly: Of central importance is to hinder the loss of social capital and thereby also the loss of life knowledge gained around kitchen tables. Small scale social life must be encouraged, mobility discouraged. An outcry is raised when I say this in Norway: This will hinder economic development. My answer for my own country is this: Why should we encourage economic development? Is such development only a blessing? It is not instead growth in other values we need, – such as care for persons close to us and care for civil life and culture and knowledge. We are already filled up with money and things, more than enough, most of us in Scandinavia. We need a bit more money to those below the usual standards, and considerably less to the rest of us. And we need more participation for all, more to believe in, more to live for. Material abundance is too limited a goal for a decent society.

В. А. Бачинин*

ФРЕЙД И/ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ВЫБОР КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

«Попытайтесь мысленно наклониться над чужой душой — вы ничего не увидите, кроме пустоты, огромной, чёрной бездны, и в результате испытаете головокружение».

Л. Шестов

Криминология не только имеет дело с эмпирическим человеком, но и оперирует некими априорными представлениями о человеке. Эти последние сводятся к двум основным антропологическим моделям — секулярной (антропоцентрической) и религиозно-теологической (теоцентрической). Моделями первого типа криминологическое сознание пользуется постоянно, а модели второго типа практически игнорируются им.

Подобные несимметричные предпочтения обусловлены духом нашего времени, воздействием множества социально-исторических обстоятельств и идейно-мировоззренческих факторов. Каждая из указанных моделей представлена рядом определенных персоналий и текстов. И криминолог, если у него есть желание поразмышлять над мировоззренческими основаниями своей теоретической деятельности, вынужден определиться и сделать сознательный выбор между этими двумя моделями.

Впрочем, в XX в. социально-исторические обстоятельства и социокультурные условия складывались таким образом, что криминологи были фактически освобождены от такого выбора. Секуляризм безраздельно господствовал во всех социогуманитарных науках, в том числе в правоведении, криминологии, психологии, социологии. Такова была особенность последних полутора столетий, именуемых сегодня эпохой модерна и отмеченных духом богоборчества. Но в настоящее время ситуация изменяется: мир вступил в эпоху постмодерна, и секуляризм, успевший исчерпать все свои мировоззренчески-эвристические ресурсы, начал постепенно вытесняться интересом теоретического сознания к религиозно-теологическим аспектам социальных и антропологических проблем. И сегодня криминолог уже не заперт внутри секулярной парадигмы как в клетке. У него есть возможность выбора между секулярным и теологическим дискурсами. Более того, не за горами то время, когда эта *возможность* перерастет в *необходимость*. Глобальная активность исламского мира заставляет западный мир всё чаще вспоминать о своих христианских основаниях и о том, что религиозная мотивация является по своей сути одной из самых сильных и действенных. Не исключено, что уже скоро студенты, аспиранты начнут спрашивать своих преподавателей и научных руководителей: «С кем вы, мастера

---

* **Владислав Аркадьевич Бачинин** — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия).

© В. А. Бачинин, 2008

криминологии? С атеистами или с верующими? На кого вы опираетесь в своих трудах, на Маркса или на Библию, на Фрейда или на Достоевского?»

Для кого-то и сегодня З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Э. Фромм и другие психоаналитики, несомненно, предпочтительнее. Ведь они указали на такую важную для криминологов сферу, как подсознание, привлекли внимание исследователей к психологическим глубинам, в которых дремлет энергия, толкающая людей на преступления. В общественном мнении XX в. того же Фрейда обычно ставили в один ряд с Коперником и Эйнштейном, называли ученым-революционером, совершившим дерзкий интеллектуальный прорыв в сферы «глубинной психологии», куда до него наука почти не проникала. Интерес к его теоретической позиции не ослабевает по сей день.

Главной заслугой Фрейда продолжают считать открытие существования бессознательных психических процессов, отвергаемых сознанием, разработка методологии объяснений психологии взрослого человека событиями детства, связанными с сексуальным развитием. Согласно Фрейду, бессознательное чрезвычайно усложняет поведение, лишает его стопроцентной предсказуемости. Подавленные бессознательные влечения способны порождать неврозы и состояния фрустрации с характерным для них негативным и даже откровенно враждебным отношением человека к морально-правовым запретам, мешающим ему реализовать свои агрессивные интенции. Характерная особенность бессознательных агрессивных импульсов состоит в том, что они далеко не всегда доводятся до сознания индивида и потому могут быть не ясны ему в силу их значительного отличия от рациональных, отчетливо осознаваемых мотивов. Человек может с удивлением обнаружить их в себе и у него будут все основания для того, чтобы не считать их принадлежностью своего «я» из-за их очевидной чужеродности. Подобные коллизии свидетельствуют, что люди иногда сами не в полной мере понимают, что их толкнуло на тот или иной поступок, поскольку между сознанием и бессознательным оказывается барьер, за который ни рассудок, ни разум не в состоянии проникнуть. Чаще всего бессознательное выступает как темный двойник сознательного «я», как его тайная, повсюду за ним следующая тень, способная провоцировать на агрессивно-криминальные действия.

Отдавая должное Фрейду, исследователи часто забывают о том, что гораздо раньше аналогичное открытие совершил русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Только он назвал открытое им гнездилище темной энергии не подсознанием, а *подпольем*.

Подполье — это всё темное, что пребывает на дне человеческой души. Это подвал души, куда не проникает свет веры, добра, любви. Это маленькая преисподняя, которую человек носит в себе. Там, в этом маленьком, персональном аду заперто всё низменное, что есть в человеке. Оттуда исходит энергия зла, которая заставляет людей лгать, ненавидеть, красть, убивать, то есть нарушать все божеские и человеческие законы.

Открыв и описав подполье, Достоевский радикально изменил распространенную в его время философскую модель человека, строившуюся на началах рационализма, просветительства и прогресса. Он как бы маркировал то место,

где прячется пусковой механизм совершаемых человеком преступлений против Бога, общества и личности. Писатель дал, хотя и не совсем обычное, но достаточно точное название мрачному прибежищу тех разрушительных позывов, которые толкают людей на преступления. Он, говоря современным языком, «запеленговал» ту демоническую реальность, которая пребывает внутри человека и служит концентратом темной, безблагодатной энергии, не пригодной для созидательных работ, но зато легко творящей всевозможные разрушения.

Достоевский заглянул в темную пропасть внутри человека и увидел, что на её дне толкуются бесы запертые, но одержимые одним стремлением — вырваться во что бы то ни стало из подполья на волю и потому заставляющие человека прилагать невероятные усилия, чтобы держать их под замком и не позволять им освободиться.

Подполье характеризуют несколько сущностных признаков. Во-первых, оно генетически первично; человек не приобретает его в награду или наказание за что-либо, но оно дано ему изначально, от рождения и сопровождает его по жизни, до самого конца. Во-вторых, оно доминантно, т. е. способно довлеть над жизненным миром человека, над смыслами, ценностями и нормами, которыми он живет. Эта доминантность может быть мягкой и жёсткой, завуалированной и откровенно грубой, локализованной и тотальной. И, в-третьих, подполье имеет свойство выступать в качестве средоточия *причинных факторов*, порождающих деструктивные мотивы, которые, в свою очередь, толкают человека на путь уголовных преступлений.

На первый взгляд может показаться, что Фрейд и Достоевский создали идентичные концепции. Даже в понятиях *подсознание* и *подполье* имеется несомненное внешнее сходство. Но, на самом деле, у предложенных ими подходов, несмотря на общий предмет, разные мировоззренческие основания. Концепция Фрейда *антропоцентрична*, Я-центрична и даже сексоцентрична. В мире Фрейда человек предоставлен самому себе, пребывает наедине со своим подсознанием и в своем поединке с этим последним не имеет союзников, не может рассчитывать ни на чью эффективную помощь. Но самым удручающим является то, что этот мир безблагодатен, что его главным обитателем является не *человек духовный*, а, говоря библейским языком, *человек плотский*, пребывающий в полной зависимости от своего естества и порождаемых им витальных импульсов.

Мир Достоевского *теоцентричен*. В нем, кроме человека, присутствуют силы, о которых говорит Библия, — Бог с Его ангелами и борющийся с Ним сатана с его бесами.⁶ И хотя человеку чрезвычайно нелегко жить в этом мире, он всегда может рассчитывать на помощь и поддержку со стороны Бога, если искренне уверует в Него, в Его милость и могущество.

Подполье у Достоевского — это не просто антропологема. Глубины подполья, сообщающиеся с темной, запредельной реальностью, со зловецами, демоническими силами, подталкивающими человека к хаосу и гибели, предстают

---

⁶ Библия, кстати, содержит большое количество свидетельств о существовании бесов и об их вмешательствах в жизнь людей, и у нас нет никаких оснований не верить ей.

как некий бездонный провал, как сверхфизическая бездна, в которой сосредоточено абсолютное зло. И в этом смысле позиция Достоевского непосредственно восходит к библейской антропологии.

Сегодня приходится признать, что в XX веке ни позитивизм, ни материализм, базирующиеся на атеистическом основании, не привели криминологическую мысль к каким-либо эпохальным открытиям. Напротив, они многое отняли у нее, поскольку обрубили тянущуюся из глубины веков интеллектуально-познавательную традицию библейско-теологического характера. Ими была совершенно отсечена от сферы криминологического дискурса трансцендентная реальность. И сегодня теологическая проблематика существует где-то на периферии криминологического дискурса, с большим трудом и крайне медленно входя в поле зрения современных криминологов. Именно поэтому столь важно обращение криминологов к духовному опыту Достоевского, который позволяет облегчить этот значимый и необходимый процесс.

Вряд ли будет выглядеть преувеличением суждение о том, что две указанные выше парадигмы, секулярная и теологическая, не равноценны по своему эвристическому потенциалу, по своей творческой продуктивности. Опыт последних полутора столетий эпохи модерна свидетельствует о том, что секулярная парадигма оказалась несравнимо беднее и ограниченнее парадигмы религиозно-теологической. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к библейскому интертексту мировой христианской культуры, содержащему богатейший материал, приподымающий завесу над тайной предрасположенности человека к преступлениям. В пределах этого интертекста издавна представлены ясные ответы на вопросы о том, почему всегда были, есть и будут два типа людей — совершающие преступления и не совершающие их.

Достоевский с его антропологией подполья потому и интересен нам сегодня, что он в своих размышлениях о предрасположенности человека к злодеяниям опирается не на позитивистские конструкции, а на библейско-христианскую интеллектуальную традицию. Он сегодня в наших глазах стоит как бы между библейским текстом и современным криминологическим гипертекстом. И логика внутренней эволюции криминологического дискурса заставляет современных исследователей, почти помимо их воли, двигаться от Достоевского всё дальше, устремляться всё глубже — к библейским первоисточкам, дающим возможность понимания того, что в пределах материалистически-позитивистских конструкций не поддаётся удовлетворительным объяснениям.

МАССОВОЕ ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Я. И. Гилинский* ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

«Никто, я думаю, не будет оспаривать факт наличия глобальной социальной системы».

(Н. Луман)

«Реальность является девиантной».

(Н. Луман)

Тема глобализации является одной из широко обсуждаемых в современных общественных науках со всеми вытекающими из её «модности» позитивными и негативными последствиями.⁷

Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и прочих процессов. Наиболее кратко глобализацию можно представить **как всеобщий (глобальный) взаимообмен** (*general global interchange*). Заметим, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и динамичный характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

В рамках нашей темы представляется важным констатация и обсуждение нескольких проблем.

Во-первых, глобализация — *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний. Деятельность транснациональных компаний; *взаимозависимость* стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т.п.); мировая информационная система (интернет, спутниковая связь и др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем — всё это

---

* **Яков Ильич Гилинский** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Россия).

© Я. И. Гилинский, 2008

⁷ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. — М., 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М., 2001; Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. — М., 2004; *Проблемы глобализации // Pro et contra* — Т.4, № 4. — 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) *The Globalization of World Politics*. — Oxford, 1997.

свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многополярный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, «глобализация» касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит».⁸

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами — лидерами цивилизационного развития и странами-аутсайдерами, к которым относится и Россия.⁹ Достаточно сказать, что к 2005 г. Россия занимала 147 место в мире по ожидаемой продолжительности жизни (и то только «благодаря» женщинам — продолжительность жизни 72 года, тогда как мужчины в среднем не доживают до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни — 59 лет — одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами), 58 место по валовому национальному продукту на одного жителя (2003 г.), 233 место (одно из последних) по коэффициенту естественного прироста, одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16 — 17 — только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель — 9).¹⁰ Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$ 8950 при среднемировом показателе \$ 8 180, в Люксембурге — \$ 55 500, Норвегии \$ 37 910, в США — \$ 37 750, в Японии — \$ 28 450.¹¹

Во-вторых, глобализация, как всё на свете, имеет свои *позитивные и негативные последствия*. При этом «позитивность» и «негативность» *неравномерно* распределяются по странам и регионам. Параллельно с процессом глобализации (и интеграции — например, Европейский Союз) идёт процесс дифференциации и поляризации.

Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона — «*глокализация*». «Глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества — взаимосвязанность, взаимосоотнесённость. Наряду с этим действуют и другие механизмы — членения-дифференциации или — несколько в другом ракурсе — *диверсификации*».¹² Выделяются развитые страны «*золотого миллиарда*» в отличие от остальных государств, включая Россию. По Уоллестайну, мир разделился на Центр, Полупериферию и Периферию. Россия была отнесена им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она

⁸ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. — С. 88.

⁹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. — С. 354—471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. — М., 1999. — Сб. 1—4; Проблемы глобализации. — С. 227—232, 254—265; и др.

¹⁰ Все страны мира (2005) // Население и общество, №93, сентябрь 2005.

¹¹ Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М., 2005. — С. 258—266.

¹² Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Проблемы глобализации. — С. 121.

деградирует в направлении Периферии».¹³ Думаю, что процесс деградации завершён...

В-третьих, происходит глобализация (интернационализация) различных форм *девиантности*: преступности, включая организованную, проституции (*prostitutes traffic*), наркотизма (*drugs traffic*), терроризма, торговли людьми (*human trafficking*). Это вполне закономерный процесс, поскольку девиантность и преступность (их структура, масштабы, динамика) зависят от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживлённая миграция населения), культуральных процессов.

Так, глобализация сопровождается процессом «включения / исключения» («*inclusion/exclusion*»), когда некоторые люди и социальные группы оказываются исключёнными (*excluded*) из общественной жизни — экономической, политической, культурной.¹⁴ «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже текущего — *авт.*) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение останутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения».¹⁵ Процесс «*inclusion/exclusion*» имеет принципиальное значение для нашей темы, поскольку «исключённые» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой преступности, алкоголизации, наркотизации, что осознаётся мировой наукой.¹⁶

Деление (раскол!) стран, социальных групп и людей на включённых/исключённых в том или ином виде, под тем или иным названием признаётся многими современными учёными. Так, З. Бауман, избегая термины «включённые»/«исключённые», предпочитает говорить о «туристах» (включённые)/«бродягах» (исключённые), подчёркивая, что эти группы —

---

¹³ Пантин В. Рецензия на: Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия // Проблемы глобализации. — С. 227.

¹⁴ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Ж. социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. II. — С. 140–156.

¹⁵ Думан Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. — С. 107.

¹⁶ *Finer C., Nellis M.* (Eds.) *Crime and Social Exclusion*. — Blackwell Publishers Ltd., 1998; *Young J.* *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. — SAGE Publications, 1999. Подробнее см.: *Гулинский Я.И.* «Исключённость» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. — 2004. — №6. — С. 69–76.

«два мира, два представления о мире, две стратегии».¹⁷ Иногда «исключённых» он именуёт «отбракованными» (*burned-out*).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали «отходами» трансформационного процесса, ещё многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жильё и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала «транзитным пунктом» на пути в никуда».¹⁸

Но глобализация таит угрозы и для стран «золотого миллиарда», а таким образом и для всего человечества. Эти угрозы, как это часто бывает, парадоксально исходят из основ экономического могущества и процветания современной западной цивилизации. «Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом — хотя бы уже «только» потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места)... Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и *de facto* расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных».¹⁹ И как возможный итог — бразилизация Европы.²⁰

Не случайно, поэтому «термин «глобализация» вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всём мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда».²¹ Отсюда — движение антиглобалистов, протесты против всемирной «макдонализации», стихийный выплеск «исключённых» парижских пригородов и, в конечном счете, — исламский фундаментализм (хотя, конечно, всё не так просто и заслуживает более углубленного анализа).

В-четвёртых, ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию девиантных проявлений является глобализация *социального контроля* над девиантностью: создание и деятельность Интерпола и Европола; разработка и принятие многочисленных международно-правовых актов, направленных на

¹⁷ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. — С. 142.

¹⁸ Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. — 2004. №1/2. — С. 205.

¹⁹ Бек У. Что такое глобализация? — С. 10, 19.

²⁰ Там же. — С. 276—278.

²¹ Многоликая глобализация. — С. 9.

противодействие организованной преступности, наркобизнесу, «отмыванию денег», терроризму; международно-правовая регламентация условий содержания осуждённых в пенитенциарных учреждениях (в том числе так называемые «Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными»); распространение идеи и практики «*community policing*» — партнёрских отношений между полицией и «коммюнити» (общины, населения по месту жительства); практика «восстановительной» юстиции (*restorative justice*) и ювенальной юстиции, общемировая тенденция отказа от смертной казни и др. Одновременно исследователи отмечают усиление репрессивности полиции и уголовной юстиции, направленной прежде всего против «исключённых» («селективность» деятельности полиции и уголовной юстиции).²²

Некоторые криминогенные факторы глобализации представлены В.В. Лунеевым (который также воспринимает глобализацию как объективную данность).²³

1. *Проблема занятости.* Глобалисты говорят о «концепции 20:80»: в XXI веке заняты будут всего 20% населения, а 80% окажутся «лишними». С нашей точки зрения, это парафраз концепции «inclusion/exclusion». Если 80% населения окажутся безработными, без средств к существованию, то это — огромный резерв девиантности, включая преступность.

2. *Проблема рынков финансовых спекуляций.* Выше 80% финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому — российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).

3. *Существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом и в обеспечении социального контроля над преступностью.* Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия.

Кроме того — глобальные демографические диспропорции и массовая миграция. «Безысходность для населения отсталых стран (включая Россию — авт.) — серьёзная социальная база радикализма и терроризма».²⁴

Преступность — сложный социальный феномен, развивающийся по своим законам.²⁵ Зависимость преступности от экономических, социальных, политических, демографических, культурологических процессов и их глобализа-

---

²² Евроремонт ГУЛАГ'а // Индекс: Досье на цензуру. № 18, 2003; Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М., 1999; Уолмсли Р. Содержание под стражей: Глобальные тенденции // Форум по проблемам преступности и общества. — Т.3, №№1 — 2, 2003. — С.73—90; Robinson M. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. Prentice Hall. Upper Saddle River. — NJ., 2002.

²³ Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. — 2003, №2. — С. 21—39.

²⁴ Лунеев В.В. Там же, с. 34.

²⁵ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб., 2002.

ция неизбежно сказываются на глобализации преступности. Это проявляется, прежде всего, в наличии некоторых *общемировых закономерностей*. Основными из них до середины — конца 90-х годов минувшего столетия были:²⁶

- абсолютный и относительный рост зарегистрированной преступности в мире (общемировой уровень преступности в расчёте на 100 000 человек населения вырос с 1600 в 1975 г. до 7000 к 1995 г.);

- существенно более высокий уровень зарегистрированной преступности в развитых странах, чем в развивающихся (в 1975 г. соответственно 4200 и 800, в 1995 г. — свыше 8000 и свыше 1500);

- «гуманизация» преступности в развитых странах — рост удельного веса имущественных преступлений при сокращении удельного веса насильственной преступности (в развивающихся странах и в странах бывшего СССР эта тенденция либо не наблюдается, либо менее ярко выражена; в России удельный вес преступлений против личности составил в 1988 г. 6,0% общей преступности, в 2006 г. — 4,0%, а преступлений против собственности соответственно 51,5% и 65,8%);²⁷

- отставание социального контроля над преступностью от её развития.

Конечно, общие тенденции проявляются неодинаково в разных странах и регионах, возможны те или иные «отклонения». Кроме того, речь идёт о тенденции *зарегистрированной* преступности, что не соответствует реальной ситуации (латентная, т. е. неучтённая, незарегистрированная преступность всегда значительно превосходит зарегистрированную её часть).²⁸

Однако с конца 1990-х гг. наметилась тенденция замедления темпов роста, а то и относительного сокращения уровня преступности в целом и отдельных её видов во многих регионах.²⁹

Так, в странах Европы в 2000 — 2001 гг. снижался уровень общей преступности в Австрии (–7%), Болгарии (–3%), Дании (–6%), Италии (–2%), Литве (–4%), Румынии (–4%), Финляндии (–6%), Чехии (–8%), Швеции (–2%). «Реперными» точками могут служить 1980, 1993, 2000 гг. Так, например, в эти годы уровень преступности составлял: в Дании — 8282, 12084, 9451; в Герма-

---

²⁶ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. М., 2005.

²⁷ Здесь и далее основным источником статистических сведений о преступности в России служат ежегодники «Преступность и правонарушения: Статистический сборник». — М.: РВД РФ, МЮ РФ.

²⁸ Подробнее см.: Гаврилов Б. Способна ли российская статистика о преступности быть реальной? // Государство и право. — 2001, №1. С. 47–62; Shaw M., van Dijk J., Rhombert W. Determining Trends in Global Crime and Justice: An Overview of Results from the United Nations Surveys of Crime Trends and Operations of Criminal Justice System // Forum on Crime and Society. — Vol. 3, № 1 — 2. — 2003. — NY, 2004. — Pp. 35–63.

²⁹ Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е. М., 2005. — С. 35 — 46; Barclay G., Tavares C. International Comparisons of Criminal Justice Statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin. — 2003, Issue 12/03; Shaw M., van Dijk J., Rhombert W. Determining Trends in Global Crime and Justice ... // Forum on Crime and Society. — Vol. 3, № 1 — 2. — 2003. NY, 2004. — Pp. 35–63.

нии — 4873, 8337, 7621; в Канаде — 8804, 11447, 8041. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран Европы и Северной Америки.

Вместе с тем, в ряде европейских государств уровень общей преступности продолжал расти (Испания, Норвегия, Португалия и др.). В некоторых странах при общем росте преступности резко сократились темпы роста (Польша, Япония).

В целом уровень общей преступности (на 100 тыс. населения) во всём мире повысился с 2500 в 1980 г. до 3100 в 2000 г.; в Северной Америке снизился с 8900 в 1991 г. до 6000 в 2000 г.; в странах Европейского Союза этот показатель возрастал с 5000 в 1980 г. до 6200 в 1994 г. с последующей стабилизацией, сокращением до 6000 в 1998 г. и вновь небольшим повышением до 6200 к 2000 г.; в странах Латинской Америки и Карибского бассейна уровень преступности волнообразно колебался: 2200 в 1980 г., 2000 в 1984 г., немногим более 3000 в 1989, 1993 — 1994 гг., снижение до 2800 в 1997 г., возрастание до 3500 в 1998 — 1999 гг. с небольшим снижением в 2000 г.

Однако уровень общей преступности максимально зависит от активности полиции и степени латентности. Значительно представительней данные о таких тягчайших преступлениях, как убийство.

В целом уровень убийств в мире и в большинстве регионов относительно стабилен. Так, общемировой показатель в течение 1980 — 2000 гг. держится примерно между 6 — 8 убийствами в год на 100 тыс. населения с небольшим возрастанием в 1989 г. и 1992 — 1994 гг. Самые высокие средние показатели убийств — 23–26 — в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Высокий уровень убийств в странах Африки к югу от Сахары — 17–21 с тенденцией к снижению (максимум — 21 в 1989 г., к 2000 г. — 17). Самые низкие показатели — в Арабских государствах (2 — 3) и в странах Европейского Союза (2–2,5). И лишь «из всех рассматриваемых регионов Восточная Европа и Содружество Независимых Государств имеют показатели, демонстрирующие самые явные тенденции к увеличению на протяжении всего отчётного периода».³⁰

Более наглядная картина представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Уровень на (100 тыс. населения) смертности от убийств
в некоторых государствах (1984 — 2001)**

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1999-2001
Австралия				1,9	2,4	1,8	2,2	2,5	1,6	1,8	1,8		1,9
Австрия				1,3	1,2	1,1	1,6		1,5	1,3		1,0	1,2
Аргентина	4,5	4,9		5,4			5,0	4,3	4,6	4,4			
Венгрия				2,5	2,7	2,9	3,1		4,0	4,5	3,5	3,5	2,3
Германия				1,1	1,1	1,0		1,1	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2
Дания			1,2	1,0	1,1	1,2	1,0		1,3	1,2	1,3	1,2	1,0

³⁰ Shaw M., van Dijk J., Rhombert W. Ibid. — P. 48.

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1999-2001
Израиль			1,8	1,3	1,3		1,7	1,2	1,4	2,3	2,7	1,4	
Испания	0,9	1,0	1,0	1,2			0,9	0,9	1,2	0,9	0,9		1,1
Италия	1,6	1,5	1,3	1,6	1,9		2,6	2,8	2,2	1,7			1,5
Канада			2,0	2,2		2,1		2,3	2,1	1,8	1,7	1,6	1,8
Колумбия	33,3							89,5	88,5	88,5	78,7		
Мексика		18,6	19,4					17,5	18,8	17,8	17,7	17,1	
Нидерланды			1,0	0,9	0,9	0,9		1,2	1,3	1,2	1,1	1,2	1,5
Норвегия			1,5	1,4	1,1	1,3		1,5	1,1	0,9	0,8		0,9
Польша			1,7		1,7	2,1	2,9		2,9	2,7	2,9	2,8	2,0
Россия					9,7	12,6	14,3	15,2	22,9	30,6	32,6	30,8	22,0
США	8,2	8,9	8,5	8,9		9,9	10,4	9,8	9,9	9,1	9,1		5,6
Финляндия				3,1	2,8	3,2			3,4	3,3	3,2	2,9	2,8
Франция			1,2	1,1	1,0	1,1		1,1	1,0	1,1	1,1		1,7
Швейцария				1,2	1,2	1,3	1,5		1,5	1,5	1,3		1,1
Швеция			1,4	1,2	1,4		1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	0,9	1,1
Япония				0,7	0,7	0,6	0,6		0,6	0,6	0,6		1,0

Источник: Ежегодник World Health Statistics. Geneva; Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal Justice statistics, 2001 // Home Office. — 2003.

Другим традиционным для международного сравнения преступлением служит грабёж, точнее *robbery*, который в большинстве стран объединяет то, что в России разведено в виде грабежа и разбойного нападения. Если общемировые показатели грабежей характеризуются плавным возрастанием от 40 (на 100 тыс. населения) в 1980 г. до 65 в 2000 г., то региональные различия весьма существенны. Уровень грабежей стран Европейского Союза очень близок к среднемировым показателем (возрастание за те же годы от 30 до 70). В Северной Америке основные точки (минимакс): 175 в 1980 г., 149 в 1985 г., 190 в 1991 г., 125 в 1999 г. и 135 в 2000 г.

Авторы обзора делают общий вывод относительно стран Восточной Европы, Латинской Америки и Южной Африки: «Почти во всех случаях переход к демократии сопровождался ростом как числа убийств, так и имущественных преступлений с применением насилия, таких как ограбление».³¹

Значительный интерес представляет мировой сравнительный анализ виктимизации населения.

Для начала заметим, что по результатам наших исследований 1999 — 2002 гг. в Санкт-Петербурге доля жертв преступлений среди населения составляла свыше 26%, в Волгограде в 2000 г. — 18%, в Боровичах в 2000 г. — 20,5%.³² Сравнительные международные исследования по 17 странам (2000 г.) показали, что удельный вес жертв среди населения свыше 24% был в Австралии, Англии с Уэльсом, Нидерландах и Швеции, 20 — 24% — в Канаде, Шотландии,

³¹ Shaw M., van Dijk J., Rhomberg W. Ibid. — P. 51.

³² Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе». — СПб., 2002.

Дании, Польше, Бельгии, Франции и США, ниже 20% — в Финляндии, Каталонии (Испания), Швейцарии, Португалии, Японии и Северной Ирландии.³³ Это же исследование позволило выделить страны различной степени риска по отдельным видам преступлений. Так, например, наибольший риск стать жертвой грабежей был в Польше (1,8%), Англии с Уэльсом и в Австралии (по 1,2%), наименьший — в Японии и Северной Ирландии (0,1%); наибольший риск нападений — в Австралии, Шотландии, Англии с Уэльсом (свыше 6%), наименьший — в Японии, Португалии (меньше 1%). Наибольший риск стать жертвой сексуального насилия у женщин Швеции, Финляндии, Австралии и Англии с Уэльсом, наименьший — у женщин Японии, Северной Ирландии, Польши и Португалии.

Наиболее ярко процессы глобализации девиантных проявлений видны на примере организованной преступности и терроризма.

Формирование и развитие организованной преступности — закономерный общемировой процесс, частный случай повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др.

Организованная преступность институционализируется в различное время в разных странах. Основные признаки организованной преступности как социального института: длительность существования; регулярность (постоянство) функционирования; выполнение определенных социальных функций (удовлетворение спроса на нелегальные или дефицитные товары и услуги, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); наличие комплекса норм (правил поведения), «профессионального» языка (сленг), вполне определенных ролей. Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Этот процесс начался в России (СССР) с конца 50-х — начала 60-х гг. прошедшего столетия и завершился в конце 70-х — начале 80-х гг.

Организованная преступность является способом частного предпринимательства (бизнеса). Исходя из этого, процесс глобализации и как встречный процесс — локализация (в крайней форме — антиглобализм) не может не затронуть этот социальный институт.

Ясно, что экономическая целесообразность и криминальная настойчивость предрешили динамичную глобализацию организованной преступности. Международные связи криминальных структур известны давно. Нелегальный экспорт-импорт наркотиков, оружия, алкоголя, проституток, международный характер «отмывания» денег, нажитых преступным путём, — стали общим местом и никого уже не удивляют.³⁴

---

³³ Bondeson U. (Ed.) *Crime and Justice in Scandinavia*. — Copenhagen, 2005. — P. 146.

³⁴ *Основы борьбы с организованной преступностью* / ред. В.С. Овчинский., В.Е. Эминов., Н.П. Яблоков. М., 1996. — С.18–51; Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001; Backman J. *The Inflation of Crime in Russia: The Social Danger of the Emerging Markets*. Helsinki, 1998; Roth J. *Die Roten Bosse. Russlands Tycoone uebernehmer die Macht in Europe*. Munchen, 1998.

Самый широкий размах приобрел международный наркобизнес. Эксперты ООН оценивают ежегодный международный оборот наркотиков в 400 млрд. долларов, что составляет около 8% всей мировой торговли. В Россию идут потоки героина из Афганистана, Пакистана, Северной Кореи, производные каннабиса — из стран Средней Азии и с Украины, кокаин из Латинской Америки, «колеса» (медикаментозные средства) из стран Западной Европы, эфедрин и его производные («лёд») — из Китая. В свою очередь Россия реэкспортирует героин и каннабис в Западную Европу.³⁵

К сказанному следует добавить глобализацию криминализованной «легальной» экономики (типа Trans World Group — TWG, контролирующей алюминиевую и добывающую глинозем промышленность Сибири).³⁶

Доходы транснациональной организованной преступности «отмываются» путём инвестиций в легальную экономику, в офшорных зонах, через контролируемые банки. По мнению экспертов Вашингтонского национального Стратегического информационного комитета, общие доходы международной организованной преступности приближаются к триллиону долларов, т. е. сопоставимы с годовым бюджетом США.

Глобализация преступности осуществляется не только в форме организованной её части. Резко усилившиеся миграционные потоки наряду с позитивными результатами (интернационализация науки, искусства, культуры) несут с собой и негативные последствия. Мигранты, независимо от этнической принадлежности их и «коренного» населения, на первых порах всегда хуже адаптированы к условиям жизни принимающей страны: языковые барьеры, профессионально-квалификационные трудности, проблема жилья, культуральные различия и прочие проявления «социальной неустроенности», служат существенным источником девиантного поведения.

Многие страны-реципиенты испытывают всё большие проблемы в связи с преступностью иностранцев, мигрантов. Так, например, в Германии в 1992 г. около 27% всех преступлений было совершено иностранцами; в 1994 г. 37% убийств и смертельных повреждений было совершено иностранцами (из них 35 — 38% — турки, 11 — 15% — жители Югославии, 4 — 5% — итальянцы, 3 — 4% — албанцы, свыше 2% — вьетнамцы и т. п.).³⁷ В 2006 г. представители некоренной национальности (не немцы) составили 22,0% подозреваемых (максимум — 33,6% в 1993 г.), что свидетельствует об относительно высокой криминальной активности мигрантов. Среди последних первое место составляют мигранты из Турции (21,5%), далее следуют мигранты из Сербии и Черногории — 8,2% (в 1999 г. — 16,0%), из Польши (6,7%), Италии (5,0%) и России (3,2%).

³⁵ *Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б.* Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. СПб., 2003; Романова Л.В. Наркотики: Преступления, ответственность. Владивосток, 2000. — С. 43—79

³⁶ *Ренецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. — Иркутск, 2001.

³⁷ *Polizeiliche Kriminalstatistik BRD: Berichtsjahr 2001. Bundeskriminalamt. — Wiesbaden, 2002; Police Crime Statistics 2006. Federal Republic of Germany. Bundeskriminalamt, 2007.*

Есть и утилитарно-инструментальные составляющие процесса глобализации, которые не могут не повлиять на развитие организованной преступности (как, впрочем, и остальных, вполне легальных сфер жизни). Например, либерализация таможенно-приграничных отношений между многими странами облегчает физическое перемещение грузов и людей. Универсализация национальных валют, создание единых банковских систем облегчают процесс расчётов между партнёрами, создание транснациональных систем связи, интернет способствует расширению круга и скорости общения. «Быстрому развитию транснациональных преступных сообществ в значительной степени способствовали упрощение в осуществлении международных контактов, поездок; повышение «прозрачности» государственных границ; формирование мировых финансовых сетей, развитие мировых рынков сбыта законной и незаконной продукции; офшорных зон; развитие криминального бизнеса различных сфер криминальной деятельности».³⁸

В рамках организованной преступности можно назвать такие виды деятельности, как наркобизнес, нелегальная торговля оружием и вооружением, незаконная миграция и торговля людьми, секс — индустрия (включая порнобизнес), оборот краденых автомобилей, несанкционированная торговля культурными ценностями, флорой и фауной, радиоактивными металлами, человеческими органами и др. И, наконец, такой фактор, как отмывание денег, то есть легализация преступных доходов. Во всех перечисленных отраслях преступной экономики заняты миллионы людей в разных частях земного шара, казалось бы, объединённых содержанием своей деятельности в единую систему транснациональной, международной, глобальной организованной преступности.

Такие виды интернациональной преступности, как терроризм, торговля людьми, наркоторговля подробно изложены в коллективной монографии «Глобализация и девиантность».³⁹

К. Ляковска*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП В ПОЛЬШЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Настоящая публикация является сокращённым обзором результатов исследований на тему деятельности русскоязычных организованных преступных групп в Польше в 1990 — 2005 годы.

Автор настоящей работы считала нужным исследование этой очень интересной проблемы. В Польше до сих пор не было научных разработок на эту

---

³⁸ Организованная преступность, миграция, политика. — М., 2002. — С.31.

³⁹ Глобализация и девиантность / ред. Я. Гишинский. — СПб., 2006. — (главы 5, 6, 8).

* **Катажина Ляковска** — доктор права, кафедры уголовного права юридического факультета Белостокского университета (Белосток, Польша)

© К. Ляковска, 2008

тому, зато убеждение в том, что в нашей стране такие группы существуют (речь шла даже о русской мафии), было довольно распространённым. Большую роль в распространении такого мнения сыграли средства массовой информации. Поэтому автор решила провести верификацию этого тезиса.

В исследованиях использовались разные исследовательские методы, начиная со статистических данных, полученных из Центрального следственного бюро Главного управления полиции (ЦСБ ГУП), интервью с сотрудниками бюро, анализа материалов уголовных дел преступников, осуждённых по статье 258 Уголовного кодекса (касающейся ответственности за участие, создание и руководство организованной преступной группой или преступным сообществом), до анкетных исследований русскоязычных осуждённых, отбывающих наказание в польских пенитенциарных учреждениях, и анкетных исследований сотрудников пенитенциарных учреждений, работающих с заключёнными.

1. Причины увлечения Польшей как местом миграции граждан бывшего СССР.

Распад Советского Союза и наступившая вследствие того миграция населения из возникших новых самостоятельных государств повлияли на то, что Польша естественным образом стала местом, куда приезжали граждане тех стран. Их присутствие в Польше отмечается уже в 1989 году. Наша страна оказалась привлекательной именно по поводу хорошего и удобного географического положения (соседство с государствами бывшего СССР, Германией и близость со Скандинавией), а также, начиная с 1990-х годов, ничем не ограниченной свободой приезда в Польшу граждан бывших соцстран, что было связано с несложностью получения документов, сравнительно недорогим проездом и небольшим расстоянием между Польшей и страной происхождения.

В начале 1990-х годов такие приезды имели чисто торговый характер. Граждане стран бывшего СССР покупали в Польше разные товары (главным образом, одежду, обувь, современную технику), которые потом выгодно продавали в своих государствах. Такие приезды были очень выгодными.⁴⁰ Кроме торговли, занимались также работой на строительных предприятиях, в сельском хозяйстве (в частных сельских хозяйствах, занимались садоводством, огородничеством), а также работали домашними хозяйками, уборщицами, ухаживали за детьми.⁴¹

Благодаря частым контактам с гражданами стран бывшего СССР, а также сообщениям в СМИ, их присутствие становилось более выразительным. Легальная занятость граждан этих стран в Польше (очень часто это были специалисты из разных областей), развитие торговли и связанное с этим развитие рынка труда привели к хозяйственному росту на начальном этапе транс-

⁴⁰ Świeczyński J. Przystępstwa popelniane w Polsce przez obywateli państw powstałych po upadku Związku Radzieckiego [w:] / red. W. Pływaczewski, J. Świerczewski Policja polska wobec przestępczości zorganizowanej. — Szczytno, 1997 — S. 186—187.

⁴¹ Okólski M. Imigranci. Przyczyny napływu. Cechy demograficzno — społeczne. Funkcjonowanie w społeczeństwie polskim, ISS UW, Seria: Prace Migracyjne — 1998. — nr 17 — S. 43.

формации. И это был положительный аспект их пребывания в нашей стране. К сожалению, можем назвать также отрицательные последствия таких приездов в Польшу. Это были: работа без соответствующих разрешений и связанное с этим уклонение от уплаты налогов, что тем самым расширяло теневую экономику.⁴² Большой проблемой были мигранты, которые считали Польшу транзитной страной. Они нелегальным путём пересекали границу, а также (из-за отсутствия документов, квартиры, денег) часто были исполнителями преступлений или их жертвами. Поэтому в общественном сознании одной из самых серьёзных угроз со стороны части граждан бывшего СССР была преступность. Особенно СМИ представляли потрясающий образ поведения. По мнению средств массовой информации, преступники совершали особо тяжкие преступления на территории Польши в составе преступных групп. Поэтому появлялись отнюдь не единичные голоса о принадлежности или связи таких групп с русской мафией.

2. Преступная активность групп, происходящих из стран бывшего СССР.

В начале 1990-х годов польская полиция обладала информацией о том, что преступники из стран бывшего СССР начали считать нашу страну территорией своего действия.⁴³ Из полицейского распознавания вытекало, что были они исполнителями многих преступлений, совершаемых с применением не встречаемых ранее методов.

В самом начале полиция воспринимала преступность граждан бывшего СССР как одно целое (так было изображено в полицейских разработках), со временем указывалось на всё лучше организованные формы и характер их деятельности. Полиция стала различать, устанавливать и разрабатывать русскоязычные организованные преступные группы, под термином которых понимала организованные группы, в которых 100% членов составляли граждане бывшего СССР.

Полиция отдавала себе отчёт в том, что данный термин не был юридической и криминологической категорией, но для нужд полицейской практики применялся. Поэтому, как подчёркивали сотрудники полиции, признание преступной группы русскоязычной на практике встречало некоторые затруднения. Эти трудности вытекали из того, что часто предметный состав группы и её структура (особенно в случаях, когда группа не имела никаких пунктов прикосновения с польскими группами) были очень трудными для установления. Особенный феномен в этом отношении составляли чеченские и армянские группы.

Обладание хорошим полицейским распознаванием стало необходимостью, так как уже в начале 1990-х годов начали появляться симптомы, которые сви-

---

⁴² *Iglicka K.* Trendy w migracji do Polski po roku 1989 w świetle rozszerzenia Unii Europejskiej [w:] / red. P. Jaworski Polska droga do Schengen. Opinie ekspertów. — Warszawa, 2001 — S. 218-219.

⁴³ *Zajac B.* Dyfuzja (przenikanie) idei i technik kryminalnych Wschód — Zachód w I połowie lat 1990-tych XX wieku [w:] / red. F. Prusak Przestępczość w Polsce w latach 90.— Warszawa, 2002. — S. 73.

детельствовали о формировании преступного профессионализма в русскоязычных группах (между прочим существование преступных «общих касс», запугивание жертв и свидетелей, существование лидеров и организаторов, избежание проникновения польских преступников в окружение лидеров и организаторов групп).

Анализ сведений, полученных из полиции, дал возможность охарактеризовать преступную деятельность таких групп в качественном и количественном отношении, а также назвать их черты.

А. Объём действующих в Польше русскоязычных организованных преступных групп в свете полицейского распознавания.

Начиная с представления объёма этих групп в Польше следует сказать, что особенно в начале 1990-х годов его было очень трудно установить. Считалось, что в первой половине 1990-х годов в нашей стране действовало около 60 преступных групп (прежде всего с Украины и из России),⁴⁴ а во второй половине 1990-х годов — около 150 групп, которые контролировались преступниками из-за восточной границы или сотрудничали с ними. Начало нового века принесло некоторые изменения в статистике. Начиная с 2000 года ЦСБ ГУП распознавало всё меньше таких групп, то есть несколько, причём в 2004—2005 годах не распознало ни одной.

Такую ситуацию можно объяснить эффективностью действий ЦСБ, и что с этим непосредственно связано, сокращением количества групп, действующих в Польше. Такое сокращение групп могло быть связано также с фактом восприятия Польши гражданами бывшего СССР как транзитная страна, в которой по разным причинам осуществление преступной деятельности перестало быть выгодным.

В составе групп, как русскоязычных, так и международных (с участием граждан бывшего СССР), преобладали граждане государств, непосредственно граничащих с Польшей. Среди них самую большую группу составляли граждане Украины, затем Беларуси, России и Литвы. Тревожно часто выступали граждане других государств бывшего СССР, главным образом Чечни, Армении, Азербайджана и Молдавии.

Б. Проявления деятельности русскоязычных организованных преступных групп в Польше.

Исследования, проведённые автором настоящей разработки, позволили показать проявления преступной активности вышепредставленных групп в Польше. Было установлено, что действовали они в сфере криминальной, наркотической и экономической преступности. С точки зрения общества и государства, самым значимым и опасным было участие этих групп в криминальной преступности. Как показали результаты исследований, члены групп совершали преступления против жизни и здоровья (к которым надо зачислить убийства, тяжкий ущерб здоровью, нанесение побоев).

Однако, как вытекло из интервью с сотрудниками полиции, вопреки сенсационным СМИ, в Польше не действовали организованные преступные груп-

---

⁴⁴ Januszewski R. Mafii w Polsce nie ma // Prawo i Życie. — 1994. — № 35. — S. 10.

пы русскоязычных убийц по заказу. Конечно, граждане бывшего СССР совершали такие преступления, но чаще всего они действовали индивидуально, по заказу частных лиц. Здесь можем говорить о свободных связях убийц по заказу из стран бывшего СССР с организованной преступностью в нашей стране.⁴⁵

Важной проблемой, особенно в 1990-е годы, была деятельность групп в преступлениях против имущества. Русскоязычные граждане являлись исполнителями, главным образом, разбоев и разбойнических вымогательств (так называемого рэкета), хищений. Местом действий исполнителей были прежде всего базарные рынки и торговые места, в которых торгующие товарами, привезёнными в Польшу, должны были платить своеобразную дань «за охрану». Требуемые от отдельных продавцов суммы были небольшие, но собранные от нескольких сотен человек приносили огромный доход.

Серьёзную угрозу составляли также исполнители разбоев на дорогах, где жертвами были водители пассажирских и грузовых машин и автобусов. Нападения чаще всего совершались на международных дорогах, ведущих к государственной границе (как восточной, так и западной).⁴⁶ Практически в каждом случае после задержания машины исполнители требовали оплаты за проезд через территорию Польши, в случае отказа применялось насилие или с помощью оружия и других опасных орудий принуждали потерпевших к выдаче денег, машины вместе с документами, а также других документов. После оплаты исполнители неоднократно вручали потерпевшим записки с надписью, сделанной от руки, например: «рэкет сделано», «транзит оплачен» и т. п.⁴⁷

Надо подчеркнуть, что преступления такого вида совершались с помощью криминального террора, который проявлялся в обстреле машин под угрозой их уничтожения, под угрозой побоев, нанесения увечий, мести или захвата заложников. Такие методы действительно ослабляли психику жертвы.⁴⁸

Важную проблему представляли хищения и контрабанда автомобилей. Этим занимались профессиональные преступные группы, часто международного состава, которые перебрасывали похищенные в Западной Европе машины в Польшу, прибалтийские страны и страны СНГ.⁴⁹ Со временем именно Польша стала для русскоязычных групп территорией приобретения автомобилей для нужд восточного рынка.

---

⁴⁵ *Smarzewski W.* Zwalczenie przestępstw kryminalnych i gospodarczych popełnianych w Polsce przez cudzoziemców w ocenie Departamentu Prokuratury [w:] / red. E. Pływaczewski *Przestępczość cudzoziemców. Nowe wyzwania dla teorii i praktyki.* — Szczytno, 1995. — S. 154.

⁴⁶ *Nowicka I.* Rozbój drogowy jako przejaw zorganizowanej działalności przestępczej. — Kraków, 2004. — S. 193.

⁴⁷ *Laskowska K.* Przestępczość cudzoziemców w województwie podlaskim. *Jurysta* — 2003 — № 2. — S. 16.; *Zob. W. Mocarcki, J. Świerczewski.* Rozboje na drogach publicznych, [w:] / red. W. Pływaczewski, J. Świerczewski *Policja polska wobec przestępczości zorganizowanej.* — Szczytno, 1996. — S. 190—192.

⁴⁸ *Pływaczewski E.* Problem sprawców tzw. rosyjskojęzycznych na tle przestępczości cudzoziemców w Polsce. [w:] / red. O. Górniok *U progu nowych kodyfikacji karnych. Księga pamiątkowa ofiarowana Prof. L. Tyszkiewiczowi* — Katowice, 1999. — S. 278.

Огромные доходы русскоязычные преступные группы получали от наркобизнеса (главным образом, производство и контрабанда наркотиков). Несмотря на то, что Польша не лежит на пути главных контрабандистских маршрутов, однако была использована международными преступными группами для производства и транзита наркотиков. Русскоязычные группы, избегая отечественных преступных групп, занимались контрабандой наркотиков через польские морские порты на территорию СНГ, обходя при этом порты Литвы, Латвии, Эстонии и России. Кроме того, находящаяся без контроля посевная площадь мака и конопли в европейской части государств, возникших после распада СССР, составляла огромную базу для производства наркотиков, а самый короткий путь на европейские рынки сбыта проходил через Польшу.⁵⁰ Серьёзной опасностью не только для Польши, была всё растущая экспансия наркотических картелей, находящихся в азиатских республиках бывшего СССР, через территорию которых проходили главные контрабандные маршруты афганского героина, который ввозимого в Западную Европу через Польшу.

Увлечение этой отраслью преступной деятельности оставалось на таком же уровне среди граждан Литвы, Беларуси и Украины, которые с этой целью налаживали контакты с турками, албанцами и гражданами бывшей Югославии.

Тревожно большое участие русскоязычных преступных групп в Польше было отмечено в области экономической преступности. Члены групп совершали преступления против хозяйственного оборота (в том числе отмывание «грязных денег»), преступления по уголовно-налоговому кодексу (главным образом, контрабанда алкоголя и сигарет,⁵¹ произведений искусства,⁵² взрывчатых материалов, оружия, растений и животных).⁵³ Преступные группы занимались также незаконным трансфертом валюты, банковским мошенничеством и незаконными азартными играми. Чаще всего этим занимались украинцы, белорусы, россияне. По оценкам сотрудников ЦСБ, начиная с середины 2004 года наблюдались в этой области новые явления. Вход в Европейский Союз облегчил русскоязычным учреждение новых фирм, предприятий, как с помощью подставленных поляков, так называемых столбов, или законно пребывающих в Польше граждан бывшего СССР. Регистрация хозяйственной деятельности облегчила выманивание кредитов и товаров от фирм. Из анализируемых сведений вытекало, что группы действовали также в области преступлений, связанных с оборотом топлива.⁵⁴

---

⁴⁹ *Pływaczewski W.* Zorganizowane kradzieże i przemyt samochodów zagrożeniem dla europejskiego systemu bezpieczeństwa. — *Przegląd Policyjny* — 1996. — № 2. — S. 58—59; *Pływaczewski W.* Kradzieże samochodów. Studium kryminologiczne. — *Szczytno*, 1996. — S. 63.

⁵⁰ *Laskowska K.* Nielegalny handel narkotykami w Polsce. — *Białystok*, 1999. — S. 70—72, 79—80.

⁵¹ *Laskowska K.* Zorganizowany przemyt przez granice Rzeczypospolitej Polskiej, Prokurator. — 2003. — № 1. — S. 51—54.

⁵² *Pływaczewski W.* Zapobieganie i zwalczanie zorganizowanych kradzieży i przemytu dóbr kultury (na przykładzie Francji). — *Przegląd Policyjny*. — 1996. — № 2. — S. 109—110.

⁵³ *Hołyst B.* Kryminologia. — *Warszawa*, 1999. — S. 432.

Кроме вышепредставленных категорий преступной деятельности стоит также в этом месте сказать несколько слов на тему проституции женщин из СНГ, опекаемых собственными сутенёрами. Надо также вспомнить об одном событии, произошедшем в начале 1990-х годов, когда в посольство СССР в Варшаве, затем в столичную комендатуру полиции пришли двое граждан СССР, которые заявили о совершённом на них разбое. Утраченным движимым имуществом были две проститутки, которые зарабатывали на их содержание. Как затем выяснилось, обе женщины были насильственно отняты более сильной группой советских сутенёров. Всё это свидетельствовало о чувстве безнаказанности сутенёров в это время.⁵⁵ Со временем проституция русскоязычных гражданок приобретала характер организованной преступности и была почвой для других видов преступности. Наблюдался «перехват» её рынка на данной территории иностранцами, происходящими из русскоязычных преступных групп. Самыми активными в это время были группы с Украины. Наиболее подверженная опасности в этом отношении была территория восточной и южной Польши.

В последние годы наблюдалась тенденция, что русскоязычные группы всё реже занимались или специализировались только в одном виде преступности, всё чаще их деятельность становилась многосторонней, разнообразной, что можем назвать мультипреступностью.

Нет никакого сомнения, что, осуществляя широкую и разнообразную деятельность уже в начале 1990-х годов, польские и русскоязычные преступные группы стали сотрудничать друг с другом.⁵⁶ Герметические в самом начале русскоязычные группы вошли в прочные связи с польскими преступниками, что благоприятствовало расширению в Польше влияния международных преступных групп.⁵⁷ Однако после нескольких лет совместного действия россияне часто приходили к выводу, что польская помощь во многих случаях им не была нужна. По всей вероятности, примером этого была смерть польского короля воров машин в мае 1997 года — Веслава К. (подпольная кличка Шванценгер), который был убит россиянином после конфликта с резидентом российской преступной группы в Гданьске.

После анализа доступных материалов на вышеизложенную тему можем назвать основные черты, характеризующие деятельность русскоязычных организованных преступных групп в Польше. Это в основном:

---

⁵⁴ *Gołębiowski J.* Przemysłowość zorganizowana w Polsce z perspektywy Centralnego Biura Śledczego [w:] / red. E. Pływaczewski Przemysłowość zorganizowana. Świadek koronny. Terroryzm. W ujęciu praktycznym. — Krakow, 2005. — S. 194.

⁵⁵ *Zajac B.* Dyfuzja (przenikanie)... — S. 75.

⁵⁶ *Jachowicz J.* Idziemy ciągle krok za nimi // *Gazeta Wyborcza*. — 1998. — № 244. — S. 21.

⁵⁷ *Świeczyński J.* Cudzoziemcy jako sprawcy i ofiary przestępstw w Polsce. Rosyjskojęzyczne grupy przestępcze [w:] / red. W. Pływaczewski, J. Świerczewski // *Policja polska wobec przestępczości zorganizowanej*. — Szczepno, 1997. — S.184.; *Pływaczewski E.* Organised Crime in Poland: Its Development from „Real Socialism” to Present Times [w:] / red. C. Fijnaut, L. Paoli. // *Organised Crime in Europe*. — 2004. — S. 477.

- перенос из своих стран и культур образцов преступного поведения, часто связанных с применением насилия,
- профессионализм преступной деятельности,
- стремление к получению прибыли с помощью сочетания в преступной деятельности трёх взаимно связанных сфер: криминальной, наркотической и экономической,
- стремление к проникновению в хозяйственные структуры и попытки легализации преступной деятельности в Польше,
- сотрудничество с поляками, прежде всего групп, происходящих из европейской части бывшего СССР (налаживание связей с россиянами имело место прежде всего в области автомобильной и наркотической преступности, в свою очередь, в торговле людьми более близкими партнёрами в преступном бизнесе были украинцы),
- преобладание в составе групп граждан соседних государств, главным образом, Украины, Беларуси и России,
- национальная однородность групп (особенно грузинских, армянских и чеченских),
- использование в преступной деятельности представителей групп-резидентов, которые наблюдали за реализацией целей группы (например, в украинских преступных группах),
- направление преступных действий, главным образом против соотечественников, особенно в начале 1990-х годов,
- обусловленность характера преступной деятельности от региона действия в Польше,
- международный характер преступной деятельности групп как по составу, так и по осуществлению преступных действий во многих государствах (главным образом, в области оборота наркотиками, автомобилями, оружием).

В течение последних 15 лет преступность русскоязычных организованных преступных групп принимала сначала бандитский характер, а затем экономический.

В. Черты русскоязычных организованных преступных групп в свете криминологических исследований.

Анализ результатов исследований материалов уголовных дел показал, что количество действующих русскоязычных организованных преступных групп в Польше не было большим (однако надо отметить, что автору исследования не удалось получить доступ ко всем материалам). Главным образом, граждане бывшего СССР принимали участие в международных преступных группах. Чаще всего это были молодые мужчины — граждане Украины и Беларуси, среднего образования, не имеющие места постоянного пребывания как в своей стране, так и в Польше.

Результаты исследований подтвердили, что русскоязычные организованные преступные группы и международные преступные группы характеризуются хорошей организацией, несложной структурой, облегчающей владение группой. В зависимости от рода совершаемых преступлений группы создавались из членов, необходимых для их функционирования: предприимчивых и

имеющих опыт в области преступной деятельности. Члены групп были соединены сильными экономическими связями. Финансовый подход членов лишил группы своеобразного колорита, следования традициям, обычаям, соответствующего оформления их деятельности. Всё это привело к тому, что преступники стали прагматиками, стремящимися к реализации своих экономических целей. Исправная деятельность группы была обеспечена твёрдыми правилами, иерархичностью, дисциплиной и конспирацией.

«Общие кассы» действующие, правда, не во всех группах, также имели своё практическое предназначение. Участники группы должны были заработать на свою зарплату, внести свой вклад. Поэтому стремились эффективно совершать преступления. Независимо от того, в каких группах действовали преступники (то ли в группах, состоящих только из граждан бывшего СССР, то ли вместе с преступниками другой национальности), они становились маленькой частью исправно работающей машины.

Русскоязычные и международные преступные группы совершали прежде всего преступления, которые приносили им прибыль (пограничная преступность, имущественные преступления, производство и контрабанда наркотиков). Неоднократно при этом вызывали угрозу жизни и здоровья общества. Основой деятельности исполнителей было приобретение денег определённым образом, в некоторых случаях с особой жестокостью и беспощадностью, что свидетельствовало об отсутствии какого-либо уважения к закону в Польше.

С точки зрения интересов нашего государства важно то, что эти группы в своей деятельности не использовали коррупции и политического влияния. Группы не влияли на служащих и представителей власти разных уровней, тем самым не имели своих корней в экономике и политике страны. Международные связи не были широкими и не влияли решающим образом на образ международной организованной преступности в Польше.

3. Проблема контроля деятельности русскоязычных организованных преступных групп в Польше — возможности и трудности.

Как вытекает из вышеизложенных рассуждений, проблема преступности граждан бывшего СССР была замечена ещё в начале 1990-х годов. В связи с этим 10 мая 1993 года Решением № 26/93 начальника полиции была создана в оперативное-разведочном бюро оперативная группа, так называемая восточная секция. Основной целью секции было согласование действий криминальной полиции (милиции) из стран бывшего Советского Союза в области ограничения и преодоления преступности, исполнителями которой были граждане бывшего СССР.

В настоящее время борьбой с организованной преступностью (в том числе иностранной) занимается созданное в 2000 году ЦСБ ГУП. На основании опыта можем назвать несколько проблем, связанных с преследованием и борьбой с этой преступностью. Надо подчеркнуть, что в большинстве своём это трудности, сходные с теми, которые появляются в процессе производства по отношению ко всем иностранцам. К ним можем зачислить:

— трудности, связанные с установлением личности исполнителя, пользующегося подложными документами или вообще не имеющего никаких документов,

— уклонение преступников от дачи показаний на русском языке,

— неэффективность депортации (в начале 1990-х годов),

— отсутствие заявлений потерпевших о факте, что они стали жертвами преступления,

— кадровые и организационные проблемы польской полиции,

— недостаточное знание русского языка сотрудниками польских органов преследования,

— недостатки в сотрудничестве международной польской полиции с милицией стран бывшего СССР,

— нехватка международных договоров (в начале 1990-х гг.).

Со временем многие проблемы были решены, но, наверное, по-прежнему будут появляться проблемы, вытекающие из недостаточного полицейского распознавания и поведения потерпевших.

Подытоживая, можем сказать, что результаты настоящих исследований были попыткой узнать объём и шкалу деятельности русскоязычных организованных преступных групп в Польше. Результаты исследований позволили назвать самые важные черты и тенденции этого явления. Показали также многие трудности в исследовании организованной преступности, связанные с существованием «тёмного количества» этого явления и, наверное, с неполным полицейским распознаванием. Однако позволили констатировать, что в Польше не существуют русскоязычные высокоорганизованные структуры — организации мафиозного характера. Полицейское распознавание и анализ материалов уголовных дел не подтвердили существования в Польше русскоязычных организованных групп. Не было никаких оснований для подтверждения сведений СМИ о том, что в Польше действовала и действует русскоязычная мафия. Название деятельности русскоязычных организованных преступных групп мафией не было обоснованным. Признан был только факт, что в нашей стране действовали русскоязычные организованные преступные группы или международные организованные преступные группы с участием граждан бывшего СССР. Таким образом, русскоязычная организованная преступность на территории Польши оказалась явлением значительно меньшего масштаба, чем это вытекало из общественного мнения, сформированного СМИ. Тем не менее, польское государство не должно пренебрегать никакими проявлениями деятельности вышеназванных групп.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

С.Н. Ениколопов* , Д.А. Умняшкина** **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛЕЧЕНИЯ** **К АЗАРТНЫМ ИГРАМ**

В последние годы стало очевидным существование в России проблемы азартной игры, или гемблинга (от англ. gamble — «играть в азартные игры на деньги»). Рост числа казино и игровых автоматов, их распространённость и доступность способствуют увеличению количества лиц, имеющих патологическую склонность к азартным играм. Впервые существование проблемы гемблинг-зависимости признали в США. Американская психиатрическая ассоциация в 1980 году классифицировала патологический гемблинг как болезнь. По данным зарубежных исследований, распространённость зависимости от азартных игр в популяции составляет 1 — 3 процента среди взрослых и 2 — 6 процентов среди юношества.⁵⁸

Следует отметить, что в отечественной научной литературе и прессе гемблингом часто называют зависимость от азартных игр, что является семантически не совсем правильным использованием «кальки» с английского языка. Гемблинг — это азартная игра на деньги. Если речь идёт о зависимости, представляется более правильным использование понятий «проблемный гемблинг», «патологический гемблинг», «патологическая склонность к азартной игре», «патологическая азартная игра». Несмотря на сходство патологической склонности к азартной игре с другими видами аддиктивного поведения, этот вид зависимости имеет свои отличительные особенности, требующие особых методов исследования.

Классификация гемблинга. Основные понятия.

Следствием неразработанности тематики зависимости от азартных игр в психологии является отсутствие разработанного понятийного аппарата в данной сфере. Чаще всего гемблинг понимается как гетерогенный комплекс активностей, который включает в себя множество видов азартных игр на деньги: карточные игры; игры в казино; лотереи; ставки на бегах; спортивные ставки; игра в игровые автоматы и т. д.

Иногда к гемблингу относят также игры, требующие навыка, например бильярд, дартс, гольф, когда в них играют на деньги. Это спорно, т. к. азартные игры — это «игры, в которых выигрыш зависит от случая, случайного

---

* **Сергей Николаевич Ениколопов** — кандидат психологических наук, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья Российской Академии медицинских наук (Москва, Россия).

** **Дилара Алмасовна Умняшкина** — соискатель Научного центра психического здоровья Российской Академии медицинских наук (Москва, Россия).

© С. Н. Ениколопов, 2008

© Д. А. Умняшкина, 2008

⁵⁸ Chambers R. A., Potenza M. N. Neurodevelopment, impulsivity, and adolescent gambling // Journal of gambling Studies. Vol. 19. — 2003. — No. 1.

расклада карт и т.п.»,⁵⁹ т. е. это вероятностные игры. Следуя этой формулировке, все игры, требующие навыка, не должны относиться к азартным играм, хотя и они имеют в какой-то степени вероятностный характер. Если в рулетке вероятность выигрыша «размазана» (математический термин, применяемый в теории игр) по числовому ряду, и игрок, делающий ставку, не может влиять на результат, то в бильярде опытный игрок увеличивает вероятность выигрыша на порядок по сравнению с начинающим игроком, т. е. игроки могут влиять на результаты, используя навык, на котором основана игра.

Наиболее распространенной за рубежом является следующая классификация вовлеченности в азартные игры:

– **Социальный (беспроблемный) гемблинг.** Большинство игроков являются социальными гемблерами, у которых нет зависимости от игры. Более 80 процентов популяции хотя бы раз в своей жизни играли в азартные игры. Для социальных гемблеров игра — это развлечение, которое не имеет негативных последствий. Они контролируют свою игровую активность, редко играют и редко думают об игре.

– **Частый (регулярный) гемблинг** выделяется некоторыми авторами как промежуточный этап между социальным и проблемным гемблингом. Игра становится важной частью жизни таких гемблеров, они могут быть сфокусированы на одном типе игры (например, спортивный тотализатор или лотерея). Но такие игроки не теряют контроль над частотой игры и затратами на игру. Гемблинг не влияет на их профессиональную успешность; у них есть и другие виды развлечений помимо азартной игры. Однако в итоге часто играющий гемблер может перейти в следующую категорию — проблемного гемблинга.

– **Проблемный гемблинг.** У таких гемблеров пристрастие к азартной игре может влиять на профессиональную деятельность; их долгосрочные цели и амбиции часто связаны с гемблингом; они часто думают об азартной игре как о второй работе или источнике дохода; они могут потратить деньги, предназначенные для других целей, на азартную игру. Обычно проблемные гемблеры могут уменьшить или прекратить игру на какой-то период и могут делать это, чтобы доказать, что у них нет проблем с гемблингом. Такие игроки могут занимать деньги на игру у других или снимать их с кредитной карты. На этой стадии гемблинга у игроков начинаются проблемы в общении с близкими из-за времени и средств, затраченных на игру.

– **Патологический (компульсивный) гемблинг или патологическая склонность к азартной игре.** Такой вид гемблинга признан расстройством и в МКБ-10 и в DSM-IV. Как отмечает Rosenthal,⁶⁰ патологический гемблинг может быть определен как прогрессирующее расстройство, характеризующееся непрерывной или периодической потерей контроля над азартной игрой, озабоченностью игрой и получением денег, чтобы играть; иррациональным мышлением; и продолжением подобного поведения, несмотря на неблагопри-

⁵⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 2003.

⁶⁰ Carlson M., Moor T. Adolescent Gambling in Oregon // <http://www.gamblingaddiction.org/adolescent/CHAPTER1.htm>

ятные последствия. Некоторые исследователи объединяют под названием «проблемный гемблинг» проблемный гемблинг как таковой и патологический гемблинг.

– **Профессиональный гемблинг.** Игровая активность таких игроков плановая и систематическая. Азартная игра — их основной источник дохода. Некоторые профессиональные игроки имеют предрасположенность к патологическому гемблингу и со временем могут перейти в категорию проблемных и патологических игроков.

Некоторые исследователи проводят грань между «гемблерами действия (action)» и «избегающими гемблерами».⁶¹ «Гемблеры действия» чаще играют в карты, рулетку, спортивный тотализатор. Такие игроки реагируют на игру высокой степенью возбуждения, которое и становится смыслом их игры. «Гемблеры действия» играют, когда у них хорошее настроение, и выигрыш ведёт их к повышению ставок. Считается, что такие игроки изначально обычно высокообразованны, честолюбивы, успешны. После нескольких лет вовлеченности в азартную игру «гемблеры действия» часто переходят в категорию «избегающих гемблеров», которые играют, чтобы убежать от эмоциональных и жизненных проблем. «Избегающие гемблеры», как правило, играют в игровые автоматы.

Типология патологических игроков.

Современные психологические модели рассматривают патологический гемблинг как: 1) аддиктивное расстройство; 2) нерешённый интрапсихический конфликт; 3) имеющий причиной биологическую (психофизиологическую) дисрегуляцию; 4) выученное поведение; 5) результат искаженных (иррациональных) когнитивных процессов.

Основное предположение, лежащее в основе всех этих моделей, — то, что патологические игроки составляют гомогенную популяцию, и теоретически полученные методы лечения могут применяться ко всем патологическим игрокам. Blaszczynsky выделил 3 группы гемблеров: «нормальные», эмоционально уязвимые и биологически импульсивные патологические гемблеры.⁶² Все три группы подвержены общим влияниям, связанным со средовыми факторами и когнитивными процессами. Однако предрасположенность к эмоциональным стрессам и аффективным расстройствам для одной из групп и биологическая импульсивность для другой группы являются дополнительными факторами риска этиологического значения.

Blaszczynsky пишет, что в ряде исследований были отмечены 3 типа реакций на лечение: контролируемый гемблинг, абстиненция и неконтролируемый гемблинг. Контролирующие гемблеры характеризовались отсутствием психопатологии, воздерживающиеся гемблеры продолжали демонстрировать умеренный уровень эмоциональных расстройств и повышенный нейротизм,

---

⁶¹ Pasternak A., Fleming M. Prevalence of Gambling Disorders in a Primary Care Setting // <http://archfam.ama-assn.org/cgi/content/full/8/6/515>

⁶² Blaszczynski A. Pathways to pathological gambling: identifying typologies. www.camh.net/egambling.

в то время как неконтролирующие гемблеры проявляли высокий уровень психопатологии. При этом не было выявлено статистически значимых различий между группами по личностным или демографическим факторам до лечения.

Существуют три элемента, свойственные всем игрокам. Первый касается средовых детерминант. Сфера распространения патологического гемблинга неразрывно связана с количеством доступных игровых заведений. Роль второго элемента играет классическое и оперантное обусловливание. Выигрыши, представленные различными переменными, продуцируют состояния волнения, описываемые как эквивалент состояния, вызванного химическим препаратом. Повторные соединения классически обуславливают активацию стимула, связанную с гемблинг-средой. Игровые стимулы выявляют побуждение играть, а затем появляется устойчивый паттерн гемблинга. Волнение может испытываться в предвкушении игры, в течение игры или в ответ на предьявление гемблинг-ситуаций или гемблинг-стимулов. Этот процесс обусловливания может быть использован для объяснения гемблинга как аддикции, созданной влиянием позитивного и негативного обусловливания, толерантности. Ранние и повторные выигрыши имеют результатом иррациональные убеждения, что азартная игра — эффективный источник дохода. Эти схемы формируют иллюзии контроля, ошибочную перцепцию, суеверное мышление и неверное понимание вероятности. Подкрепляющие свойства азартной игры и иррациональные когнитивные схемы объединяются, усиливая паттерн гемблинга. Когда гемблеры проигрывают, они пытаются возместить потери дальнейшей игрой, которая завершается накоплением долгов. Несмотря на то, что действительность подтверждает, что гемблинг ведет их к финансовым проблемам, они иррационально верят, что азартная игра решит их проблемы. Вышеназванные процессы свойственны всем игрокам. Blaszczynsky выделяет три подгруппы игроков, на каждую из которых влияют дополнительные факторы:

Подгруппа 1: «Нормальные» проблемные игроки. Члены этой подгруппы на пике их гемблинг-расстройства могут соответствовать формальным критериям патологического гемблинга. Эту подгруппу отличает отсутствие какой-либо определенной преморбидной психопатологии, зависимости от ПАВ и признаков импульсивности. Чрезмерное игровое поведение происходит вследствие неправильных суждений или неполноценных стратегий принятия решений, которые появляются независимо от интрансихических расстройств. Озабоченность азартной игрой, зависимость от ПАВ, депрессии и тревожность — всё это появляется как ответ на финансовое давление, вызванное непрерывными проигрышами. Эти симптомы — последствия, а не причины чрезмерной азартной игры. Тяжесть расстройства «нормальной» гемблинг-подгруппы — наименьшая из всех подгрупп патологических игроков. Такие игроки более мотивированы запрашивать лечения и после лечения способны контролировать уровень азартной игры.

Подгруппа 2: Эмоционально уязвимые игроки. Эта подгруппа характеризуется предрасположенностью к психологической уязвимости; участие в азартной игре мотивировано желанием модулировать эмоциональные состояния и/или удовлетворять определенные психологические потребности. Эта

подгруппа имеет историю проблемного гемблинга в семье, негативный опыт развития, невротические черты личности и неблагоприятные события жизни. Личностная уязвимость связана с негативным детским опытом несоответствия, подчиненного положения, низкого чувства собственного достоинства и отвержения. Эта подгруппа игроков демонстрирует более высокие уровни преморбидной психопатологии. В частности, такие игроки проявляют депрессию, тревожность, зависимость от ПАВ и дефицит копинг-стратегий. Гемблеры этой подгруппы не умеют выражать эмоции непосредственно и эффективно, и они проявляют тенденцию к избеганию или пассивно-агрессивному поведению.

Подгруппа 3: Биологически импульсивные игроки. Третья подгруппа определена наличием неврологической или нейрохимической дисфункции, отражающей импульсивность и дефицит внимания. Свидетельства неврологического дефицита патологических гемблеров обнаружены в электрофизиологических, нейропсихологических и биохимических исследованиях. Дефицит внимания, связанный с симптомами импульсивности у таких игроков, предшествует склонности к азартной игре. Импульсивные игроки демонстрируют широкий круг поведенческих проблем, независимых от гемблинга. Эти проблемы включают зависимость от ПАВ, суицидальные наклонности, раздражительность, сниженную толерантность к скуке, поиск ощущений и криминальное поведение. Неполноценные межличностные отношения, чрезмерное алкогольное и наркотическое экспериментирование, не связанная с гемблингом криминальная активность и семейная история антисоциального поведения и алкоголизма характеризуют эту группу. Азартная игра начинается в раннем возрасте, быстро растет её интенсивность и тяжесть, начинаются эпизоды криминального поведения, связанного с гемблингом. Эти игроки менее всего мотивированы на поиск лечения и плохо реагируют на любую форму вмешательства.

Основанием этого подхода является признание того, что патологические игроки — это гетерогенная популяция, конечный результат комплексного взаимодействия генетических, биологических, психологических и средовых факторов. Важность типологии Blaszczyński в том, что она объединяет противоречивые результаты различных исследований в единую концепцию.

Критерии классификации патологической зависимости от азартных игр в МКБ-10 и в DSM-IV.

В Международной классификации болезней, используемой в России и других странах (МКБ-10) и в Диагностическом руководстве по психическим расстройствам (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-IV), применяемом в США, патологическая зависимость от азартных игр выделена как отдельное расстройство.

МКБ-10.

В МКБ-10 «Патологическая склонность к азартным играм» F63.0 отнесена к рубрике F6 «Расстройства личности и поведения у взрослых», подразделке F63 «Расстройства привычек и влечений». В МКБ-10 (8) выделены следующие критерии диагностики патологической склонности к азартным играм:

1) повторные (два и более) эпизоды азартных игр на протяжении не менее года; 2) эти эпизоды возобновляются, несмотря на отсутствие материальной выгоды, субъективное страдание и нарушения социальной и профессиональной адаптации; 3) невозможность контролировать интенсивное влечение к игре, прервать её волевым усилием; 4) постоянная фиксация мыслей и представлений на азартной игре и всем, что с ней связано.

Для диагностики расстройства состояние индивида должно отвечать этим четырём критериям.

DSM-IV.

В DSM-IV патологический гемблинг относят к расстройствам контроля импульсов и выделяет 10 основных симптомов патологического гемблинга (14).

Основная особенность патологического гемблинга — это постоянное рекуррентное дезадаптивное поведение (критерий А), которое разрушает личностное, семейное и профессиональное состояния. Диагноз не ставится, если гемблинг-поведение характеризуется как маниакальный эпизод (критерий В).

Критерий А представлен 10 субкритериями (симптомами): А1: озабоченность индивида азартной игрой (представление своего прежнего опыта азартной игры, планирование азартной игры в будущем, или обдумывание способов получить деньги для азартной игры); А2: потребность увеличения ставок в игре, чтобы получить желаемый уровень возбуждения (большинство патологических гемблеров говорят, что они ищут возбужденного, эйфорического состояния даже больше, чем денег); А3: безуспешные повторяющиеся попытки контролировать, уменьшить или прекратить гемблинг-поведение; А4: чувство беспокойства и раздражительность при попытках уменьшить или прекратить гемблинг-поведение; А5: азартная игра с целью избегания проблем или уменьшения дисфорических проявлений (беспомощности, вины, тревоги, депрессии); А6: возвращение к игре после проигрыша, чтобы отыграть потерю или серию потерь; А7: ложь (индивид может лгать членам семьи, врачам или другим людям, чтобы скрыть степень своей вовлеченности в гемблинг); А8: правонарушения (чтобы получить деньги на игру, индивид совершает правонарушения — подделка документов, мошенничество, воровство или растрата); А9: подвержение риску значимых отношений, работы, профессиональных и образовательных возможностей из-за азартной игры; А10: расчет на помощь других в тяжелой финансовой ситуации, вызванной гемблингом.

Проявления расстройства должны соответствовать пяти критериям и более, чтобы поставить диагноз «патологический гемблинг».

Клиника, этиология и дифференциальный диагноз, отраженные в МКБ-10 и DSM-IV, в целом совпадают.

Клиника. Характерной чертой является постоянный оптимизм относительно ожидаемого выигрыша и невозможность извлечь уроки из цепи прошлых проигрышей. Мотивация к азартному поведению, помимо собственно денег, которые время от времени могут выигрываться, поведенчески всегда подкрепляется субэйфорическим ощущением, испытываемым между ставкой

и исходом игры. Деньги играют подчиненную роль — игрок будет продолжать игру вне зависимости от размеров и длительности проигрыша. Вовлечённость в азартные игры повышается в периоды стресса; возникающие вследствие этого проблемы замыкают порочный круг, увеличивая склонность к игре. Снижается значимость таких важных физиологических стимулов, как сон, пища и секс. Больные стараются скрыть от окружающих интенсивность своей вовлеченности в игру. Социальная дезадаптация патологических игроков проявляется финансовой несостоятельностью, правонарушениями, мотивированной необходимостью достать деньги для игры или расплатиться с долгами, конфликтами с супругом, снижением профессиональной продуктивности. Наиболее тяжелыми последствиями являются погружение в криминальную среду и суицидальное поведение.⁶³

Искажение мышления (такие, как суеверия, самонадеянность или чувство власти и контроля) часто присутствует у патологических гемблеров. Многие из них верят, что деньги являются и причиной и решением всех их проблем. Патологические гемблеры часто склонны к конкуренции, энергичны, беспокойны и подвержены скуке.⁶⁴ Они могут быть чрезмерно заинтересованы в одобрении другими.

Больные выглядят самоуверенными, независимыми, энергичными и активно тратят деньги, в особенности в периоды стресса, при наличии очевидных тревожно-депрессивных проявлений. Они не пытаются организовать свой бюджет, копить, экономить деньги, предпочитая вначале занимать их, а затем доставать незаконным образом (в основном аферы, хищения). Распространенность расстройства в развитых странах составляет предположительно 2–3 % населения, среди больных преобладают лица мужского пола.⁶⁵

Этиология. Предикторами расстройства являются следующие психосоциальные факторы: утрата родителей в возрасте до 15 лет в результате смерти или развода; неадекватный родительский стиль воспитания (безразличие, непоследовательность, чрезмерная строгость); неадекватное отношение к деньгам в семье (фетишизация денег или отсутствие планирования бюджета); ситуативная доступность азартных игр для подростка.⁶⁶ Также достоверно чаще встречается алкоголизм у родителей больных обоюбого пола.

Для больных мужского пола характерен эманипационный конфликт с родителями в подростковом возрасте, в дальнейшем — неприятие авторитарных фигур. Высокая коморбидность с аффективными расстройствами, а также то, что больные в состоянии абстиненции сохраняют субдепрессивный фон, позволяет предположить, что азартная игра может выступать своего рода антидепрессантом, смягчая дисфорические проявления. Выявлено сходство стереотипов течения расстройства и личностных черт с наблюдаемыми при алкоголизме, однако природа этого сходства неясна.⁶⁷

---

⁶³ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

⁶⁴ Каплан, Сэдок. Клиническая психиатрия. — М., 2002.

⁶⁵ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

⁶⁶ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

⁶⁷ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

Дифференциальный диагноз. Обычное социальное участие в азартных играх в отличие от патологического происходит среди друзей и знакомых, ограничено временем и суммой возможного проигрыша. При азартном поведении на фоне маниакального состояния нарушения аффекта и поведения выходят за пределы игровой ситуации. Кроме того, аффективные реакции патологического игрока, в отличие от маниакального больного, более чётко и адекватно привязаны к выигрышу или проигрышу. Диссоциальное расстройство личности помогает отличить свойственная ему более широкая картина агрессивности; если состояние соответствует критериям обоих расстройств, ставятся оба диагноза.⁶⁸

Культуральные и гендерные особенности гемблинга. Существуют культуральные вариации в распространенности и типах гемблинг-активностей (например, петушинные бои или конные скачки). Приблизительно 1–3 % патологических гемблеров — женщины. Женщины с таким расстройством более подвержены депрессии и игре с целью избегания проблем. Женщины не представлены репрезентативно в программах лечения; среди анонимных гемблеров в США женщины всего 2–4 %. Возможно, это влияние большей стигмы, налагаемой на женщин-гемблеров.⁶⁹

Методы исследования гемблинга. Основным инструментом измерения вовлеченности в гемблинг в зарубежных исследованиях является опросник SOGS (South Oaks Gambling Screen), созданный в 1987 году. SOGS модифицировался и изменялся исследователями разных стран для учета национальной специфики; был создан опросник SOGS-RA для выявления проблемных и патологических гемблеров среди подростков. Валидность и надёжность SOGS и SOGS-RA проверена исследователями на различных группах.

Существуют также и другие опросники, например «20 вопросов Анонимных Гемблеров», MAGS (Massachusetts Gambling Screen), NODS и другие, также основанные на DSM-IV. Наиболее простым инструментом скрининга является опросник Lie/Bet для предварительного исследования, состоящий всего из двух вопросов, сензитивных к основным проблемам патологического гемблинга:⁷⁰ «Вы когда-либо лгали важным для вас людям насчет денег, которые Вы потратили на азартную игру?»; «Вы когда-либо чувствовали необходимость ставить все больше и больше денег в игре?». Следует заметить, что этот инструмент пригоден для быстрого клинического обследования, но не для исследования распространенности патологического гемблинга в популяции.

J. Weinstock проверили валидность и надёжность метода ретроспективной хронологической шкалы (TLFB — Timeline Followback Method) применительно к гемблингу на выборке часто играющих молодых взрослых.⁷¹ TLFB — одна

⁶⁸ Понов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

⁶⁹ Pathological Gambling / A Critical Review / National Academy Press <http://books.nap.edu/books/0309065712/html/R1.html>

⁷⁰ Lightsey O. R., Hulseley C. D. Impulsivity, Coping, Stress, and Problem Gambling Among University Students // Journal of Counseling Psychology. — 2002. — No. 2. — С. 202–211.

⁷¹ Moore S., Ohtsuka K. Beliefs about Control Over Gambling Among Young People, and Their Relation to Problem Gambling // Psychology of Addictive Behaviors. — 1999.s No.4. — С. 339 — 347.

из наиболее широко используемых методик оценки, была изначально разработана для измерения употребления алкоголя. TLFB был приспособлен для исследования других видов аддиктивного поведения (курение, употребление наркотиков и других ПАВ) и показал свою надежность и валидность. Для проведения TLFB испытуемые ретроспективно заполняют календарь-ежедневник, указывая частоту и интенсивность целевых поведений. Были выделены семь показателей игрового поведения: тип азартной игры, частота азартной игры, продолжительность азартной игры, «намерение» (сумма, которую игрок был намерен истратить на игру), «риск» (сумма, которую игрок истратил на игру), «выигрыш-проигрыш» и употребление алкоголя во время азартной игры.

Для проведения исследований в России необходимо модифицировать иностранные инструменты исследования вовлеченности в азартные игры, либо создавать принципиально новые и проверять их надежность и валидность.

Факторы риска и защитные факторы проблемного и патологического гемблинга.

Распространенность проблемного гемблинга в юношеской популяции в 2 – 4 раза больше, чем во взрослой популяции.⁷² К.С. Winters с коллегами исследовали распространенность проблемного гемблинга и факторы риска проблемного гемблинга среди студентов.⁷³ Было выявлено, что показатели патологической зависимости от азартной игры являются наиболее высокими у молодых мужчин, сообщивших о родительской истории гемблинг-проблем, регулярно (раз в неделю и чаще) принимающих ПАВ и имеющих более низкий учебный средний балл. 2, 9 % всех участников являлись патологическими гемблерами. Азартная игра, по сообщениям испытуемых, была обычным опытом, 87 % участвовали в ней, по меньшей мере, однажды за прошедший год.

К.С. Winters и др. провели лонгитюдное исследование, изучая вовлеченность в гемблинг и тяжесть гемблинга в течение временного отрезка 8 лет, а также степень, в которой юношеский гемблинг и психосоциальный риск-статус увеличивают вероятность того, что у этих молодых взрослых возникнут проблемы гемблинга.⁷⁴ Исследователи выделили в изучаемой когорте две интересные их группы: группа повышенного риска и группа с большей вовлеченностью в азартные игры – группа проблемного гемблинга. Лонгитюдная когорта состояла из 305 человек, с которыми проводили телефонные опросы на каждом из трех этапов исследования (в 1990 г.; в 1992 г.; в 1997 – 1998 гг.); средний возраст участников 16 лет; 17,6 лет; 23,8 лет соответственно.

Показатели регулярной азартной игры являлись сравнительно низкими (1 этап – 18 %; 2 этап – 13, 1%; 3 этап – 15,1%), однако показатели по конк-

---

⁷² *Chambers R. A., Potenza M. N. Neurodevelopment, impulsivity, and adolescent gambling // Journal of gambling Studies. Vol. 19. – 2003. – No. 1.*

⁷³ *The South Oaks Gambling Screen // <http://www.gov.ns.ca/health/gambling/IsThereAProblem/SouthOaks>*

⁷⁴ *Sagristano M., Trope Y., Liberman N. Time-Dependent Gambling. Odds Now, Money Later // Journal of Experimental Psychology. – 2002. – No. 3. – С. 364–376.*

ретным играм претерпели значительные изменения со временем. На первом этапе «лидером» среди игр являлась игра в карты (51 %), на втором этапе — моментальные лотереи (46 %), на третьем этапе предпочтение отдавалось игровым автоматам (58 %). Показатели гемблинга повышенного риска демонстрируют существенное увеличение со временем (1 этап — 14,8 %, 2 этап — 12,1 %, 3 этап — 21 %). Показатели распространённости проблемного гемблинга варьировали в относительно низком диапазоне (1 этап — 2,3 %, 2 этап — 4,3 %, 3 этап — 3,9%). По сравнению с женщинами, мужчины сообщали о большей вовлечённости в определенные игры, и они имели более высокие показатели гемблинга повышенного риска и проблемного гемблинга. Все эти межгендерные различия были статистически значимыми. Анализ результатов исследования позволил выделить факторы риска гемблинга повышенного риска и проблемного гемблинга.

Факторы, значительно связанные с возрастанием вероятности гемблинга повышенного риска в ранней взрослости (по снижению степени значимости): гемблинг повышенного риска в юношеском возрасте, мужской пол, делинквентность, проблемный гемблинг в юношеском возрасте, злоупотребление ПАВ и раннее начало гемблинга.

Факторы, значительно связанные с возрастанием вероятности проблемного гемблинга в ранней взрослости (по снижению степени значимости): родительская история гемблинга, проблемный гемблинг в юношестве, мужской пол, гемблинг повышенного риска в юношестве, злоупотребление ПАВ и низкая школьная успеваемость.

Два риск-фактора, связанных с группой гемблинга повышенного риска, — раннее начало гемблинга и делинквентность — отражают в большей степени общее девиантное поведение. Два фактора, связанных с группой проблемного гемблинга: родительская гемблинг-история и низкая школьная успеваемость могут иметь больше отношения к специфическим гемблинг-проблемам. Исследователи считают, что группа повышенного риска может иметь тенденцию к более поздним проблемам с азартной игрой, которые являются вторичными по отношению к более фундаментальной линии делинквентного стиля жизни.⁷⁵

L. M. Dickson, J. L. Derevensky, R. Gupta⁷⁶ выделили следующие факторы риска и защитные факторы:

1. *Биологические/генетические факторы:* а) риск-факторы: семейная история алкоголизма, мужской пол, родительский патологический гемблинг; б) защитные факторы: высокий интеллект.

2. *Социальная сфера:* а) риск-факторы: бедность, нормативная аномия, расовое неравенство, незаконнорожденность, возможность доступа к местам гемблинга, замена друзей контактами в гемблинг-среде, позитивный медиа-

---

⁷⁵ Sagristano M., Trope Y., Liberman N. Time-Dependent Gambling. Odds Now, Money Later // Journal of Experimental Psychology. — 2002. — No. 3. — С. 364—376.

⁷⁶ Dickson L. M., Derevensky J. L., Gupta R. The Prevention of gambling problems in youth: a conceptual framework // Journal of gambling Studies. Vol. 18. — 2002. — No. 2.

портрет проблемного гемблинга; б) защитные факторы: качественная школа, дружная семья, заинтересованные взрослые, соседские связи.

3. *Воспринимаемое окружение*: а) риск-факторы: модели девиантного поведения, нормативный конфликт с родителями или друзьями; б) защитные факторы: модели обычного поведения, высокий контроль девиантного поведения.

4. *Личность*: а) риск-факторы: низко оцениваемые жизненные возможности, низкая самооценка, склонность к риску, депрессия и тревожность, высокая экстраверсия, низкая конформность и самодисциплина, растущая диссоциация во время азартной игры; б) защитные факторы: ценность достижения, ценность здоровья, интолерантность к девиациям.

5. *Поведение*: а) риск-факторы: проблемное употребление алкоголя, низкая школьная успеваемость, недостаточные копинг-навыки, постоянное проблемное поведение, раннее начало гемблинга; б) защитные факторы: религия, вовлеченность в регулярное посещение школы и клубов по интересам.

Этиологические модели подчёркивают сложное взаимодействие генетических, биомедицинских и психосоциальных факторов риска и защитных факторов. Стратегия профилактики должна включать и риск-профилактику, и способствовать защитным факторам. Если сила или количество риск-факторов перевешивает влияние защитных факторов, вероятность неблагоприятных результатов растёт. Так, влияние позитивного школьного опыта может вести к уменьшению влияния семейного конфликта, которое, в свою очередь, уменьшает связь между семейным конфликтом и количеством проблемного поведения (патологический гемблинг, алкоголь, наркотики, суицид, делинквентность).

Когнитивная сфера лиц с зависимостью от азартных игр.

Патологическим игрокам свойственны когнитивные искажения. Магическое мышление игрока может проявляться в определённых ритуалах, которые необходимо провести, чтобы выиграть; наличии любимого стола или автомата. Гемблеры считают простейшую игру на игровом автомате игрой, требующей навыков. Верят в удачу, в «систему», разработанную ими самими или позаимствованную у кого-либо.

Одно из самых серьезных заблуждений игроков — считать вероятностную азартную игру способом зарабатывания денег. Игроку присуще убеждение, что можно не работая, лишь при наличии удачи получить деньги. Возможно, российский менталитет играет зловещую роль в быстром распространении гемблинга. В социуме формируются жизненные стратегии, в которых целеустремленный труд и вообще всякое усилие являются отрицательными ценностями, ассоциируясь с принуждением, неуспехом, позором.⁷⁷ Однако и в протестантской культуре (например, в США), где велика значимость и самоценность труда, распространённость гемблинга все же является высокой.

---

⁷⁷ *Психологические аспекты зависимостей* / Под ред. А. Ш. Тхостова и С. П. Елшанского. — М., 2005.

В когнитивной сфере проблемных и патологических гемблеров, вероятно, нарушен антиципационный компонент. Игроки либо не делают прогнозов относительно последствий игрового поведения, либо делают их некорректно. Часто проблемным и патологическим гемблерам свойственна установка, что деньги являются и причиной и решением их проблем. В исследовании D. C. Hodgins и N. el-Guebaly отмечено превалирование когнитивных факторов над эмоциональными во влиянии на рецидив азартной игры.⁷⁸ Наиболее частый фактор — оптимистичные мысли о выигрыше (чувство удачи и вера в то, что выигрыш возможен) — 23 % рецидивов и потребность «сделать деньги» из-за финансового давления или желания отыграться — 17 % рецидивов. Оба фактора связаны с финансовыми проблемами и часто являются целью когнитивно-бихевиоральных подходов в лечении. Третья категория связана с неструктурированным временем или скукой — 13 %.

По результатам исследования R.A. McCormick и J.I. Taber, среди патологических игроков существует тенденция приписывать результаты событий внутренним, устойчивым и глобальным причинам.⁷⁹ Было выявлено положительное отношение между степенью депрессии и тенденцией приписывать отрицательным событиям внутренние, глобальные и устойчивые причины. Результаты исследования показывают, что степень вовлечённости в азартную игру до лечения и атрибутивный стиль влияют на прогнозирование тяжести рецидива гемблинга в течение полугода после лечения.⁸⁰

Патологическому игроку свойственно убеждение о том, что он может каким-то образом контролировать ход и результат игры. Существует три смысла слова «контроль» в азартной игре. Во-первых, есть адаптивное значение контроля: играть ли, и когда играть на деньги и сколько тратить. Во-вторых, «контроль» может использоваться как иллюзия контроля — суеверное поведение, попытку влиять на выигрыш в азартной игре. И есть третье значение, в котором «контроль» используется относительно гемблинга: некоторые игроки сообщают, что азартная игра — это средство контролировать свою жизнь или финансы. Играть на деньги и сколько тратить на азартную игру — это, по сути, единственный элемент азартной игры, который потенциально может быть полностью под контролем игрока. Внутренний локус контроля относительно азартной игры связан с беспроblemным гемблингом. Азартная игра изобилует примерами ситуаций, не поддающихся контролю. Способность управлять выигрышем или ограничена, или её нет совсем, как в вероятностных играх типа лотерей. Индивиды могут реалистично полагать, что они не имеют никакого контроля над ситуациями, не поддающимися контролю, что ведет их к отказу от игры или изменению стратегии. У тех, кто придерживается иллюзии контроля над выигрышем, на рациональность процесса принятия решения влияют когнитивные искажения.

---

⁷⁸ *Winters K. C., Kushner M. G.* Treatment issues pertaining to pathological gamblers with a comorbid disorder // *Journal of gambling Studies*, Vol. 19. – 2003. – No. 3.

⁷⁹ *McCormick R., Taber J.* Attributional Style in Patological Gamblers in Treatment // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1988. – No. 3. – С. 368–370.

⁸⁰ *McCormick R., Taber J.* Attributional Style in Patological Gamblers in Treatment // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1988. – No. 3. – С. 368–370.

S. M. Moore и K. Ohtsuka провели исследование оценки связи между диапазоном убеждений о контроле и проблемным гемблингом среди молодых людей от 14 до 25 лет.⁸¹ Также исследовалась роль убеждений о контроле в прогнозировании частоты гемблинга. В исследовании 3,8 % выборки составляли патологические гемблеры; у 10,8 % выборки был обнаружен умеренные проблемы с гемблингом. Выяснилось, что значительная часть испытуемых придерживалась иллюзии контроля над выигрышем, полагая, что они способны повлиять, чтобы выпали «счастливые» номера, а концентрация или позитивное мышление могут повысить их шансы на выигрыш. Эти убеждения более свойственны подросткам и мужчинам. Они с большей вероятностью считали нужду в деньгах причиной азартной игры и были менее «циничны» относительно выигрыша. Около 2/3 испытуемых полагало, что они имеют рациональный контроль над азартной игрой, то есть могут остановиться и начать игру по своему желанию и придерживаться бюджета. Показатель «циничного» отношения к выигрышу был весьма высок, особенно среди женщин и старших подростков. Молодые мужчины были весьма наивными в смысле наличия избыточных представлений о шансах на выигрыш и их влияния на получение выигрыша. Это отражено в их более высокой частоте азартной игры и намного более высоких показателях проблемного гемблинга, чем у женщин.

Частота гемблинга и проблемный гемблинг у мужчин и женщин были связаны с тремя факторами: «Иллюзия контроля», «Нужда в деньгах» и «Вера в «системы». Связи этих убеждений с проблемным гемблингом были намного более сильны, чем с частотой гемблинга. Эти комплексы убеждений также находились в сильной взаимосвязи друг с другом. Более рациональная убежденность в контроле над гемблингом и «циничное» отношение к выигрышу были слабо связаны друг с другом и негативно связаны с проблемным гемблингом только для молодых женщин. «Циничное» отношение к выигрышу имело отрицательное отношение к частоте азартной игры только у мужчин. Те, кто играет больше (и женщины, и мужчины), убеждены, что больше контролируют гемблинг. Иррациональная вера поддерживает увеличение азартной игры и является сильным фактором риска проблемного гемблинга, особенно в том случае, когда рациональный контроль слаб. Здоровый и реалистичный «цинизм» насчет выигрыша является очень хорошим защитным фактором, хотя он работает различно для мужчин и для женщин. Внутренний локус контроля относительно гемблинга был связан с большей частотой гемблинга для обоих полов в этом исследовании. Этот результат может отражать низкий уровень приверженности гемблингу большинства испытуемых, так что они действительно не имеют достаточно опыта, чтобы знать, являются ли их механизмы контроля адекватными. Самые серьезные результаты исследования касаются комплекса иррациональных убеждений, которые связаны с азартной игрой для обоих полов. Иллюзия контроля, нужда в деньгах,

---

⁸¹ *Winters K., Bengstone P., Dorr D., Stinchfield R. Prevalence and risk Factors of Problem Gambling Among College Students // Psychology of Addictive Behaviors. – 1998. – No 2. – С. 127–135.*

вера в «системы» — факторы взаимосвязанного комплекса, в котором каждый фактор является предиктором проблемного гемблинга, и в меньшей степени частоты гемблинга.⁸²

Приписывание контроля над вероятностными событиями — ключ к пониманию гемблинга. Людям очень трудно принять вероятностный, случайный характер многих событий, и они отказываются исключить роль навыка.

Мотивация лиц с игровой зависимостью.

У патологического игрока происходит искажение иерархии мотивов — изначальный мотив развлечения, проведения досуга, реализации азарта заменяется мотивом навязчивой необходимости играть в азартную игру; происходит сдвиг мотива на цель.⁸³

Как отмечено выше, для многих мотивом служит возможность получить деньги в случае выигрыша, решить свои финансовые проблемы. Индивид с преобладающей стратегией избегающего копинга использует игру в качестве «убежища», отвлечения от своих проблем или скуки, внутренней пустоты. Для многих игроков важно испытать волнение, удовлетворить «жажду острых ощущений». Обычная, рутинная жизнь предоставляет не так много возможностей рискнуть, испытать азарт, а в гемблинге игрок сам создает такую ситуацию уже самим фактом участия в игре; причём эта ситуация субъективно быстро обратима, то есть при наличии самоконтроля можно прекратить играть — для этого достаточно просто не делать очередную ставку. Игрок считает (как правило, ошибочно), что он может выйти из игры в любой момент. Такое возможно не во всех ситуациях высокого риска. Думается, игроков часто привлекает именно участие в ситуации «контролируемого» риска. В этом, возможно, состоит сходство игроков с людьми, также стремящимися к риску (высокорискованные спорт или профессия), и отличие от ПАВ-аддиктов, в систему мотивации которых вряд ли входит риск.

Sagrignano, Trope & Liberman,⁸⁴ исследуя влияние времени на субъективную значимость величины выигрыша, и вероятности выигрыша выяснили, что в принятии решений об играх в будущем (через 2—3 месяца) игроки более мотивированы игрой с большим выигрышем, даже если вероятность выигрыша будет низкой; принимая решение о игре в настоящем времени, игроки, скорее всего предпочтут игру с высокой вероятностью выигрыша, даже если выигрыш будет небольшим. Например, выбирая лотерею из тех, розыгрыш которых состоится через 2—3 месяца, индивид более вероятно купит билет лотереи с крупным призом, даже если вероятность выиграть очень мала. Покупая билет моментальной лотереи, игрок рассчитывает на большую вероятность выигрыша, хотя бы и мелкого приза.

---

⁸² *Winters K., Bengtson P., Dorr D., Stinchfield R.* Prevalence and risk Factors of Problem Gambling Among College Students // *Psychology of Addictive Behaviors.* — 1998. — № 2. — P. 127—135.

⁸³ *Братусь Б.С.* Аномалии личности. — М., 1988.

⁸⁴ *Sagrignano M., Trope Y., Liberman N.* Time-Dependent Gambling, Odds Now, Money Later // *Journal of Experimental Psychology.* — 2002. — № 3. — С. 364—376.

Вследствие когнитивных искажений, иллюзии контроля над выигрышем игроков привлекает ощущение всемогущества, которое дает выигрыш. Наблюдение за ситуацией, когда выигрывает другой человек, также дополнительно мотивирует игрока.

Эмоциональная сфера лиц с игровой зависимостью.

Игроки сообщают, что испытывают сильное чувство вины после проигрыша, после выигрыша ощущают себя всемогущими, всемогущими. Многие игроки часто испытывают состояние скуки, рутины повседневной жизни. Вероятно, проблемным и патологическим гемблерам присуща низкая толерантность к скуке, стремление к сильным эмоциям, которые им позволяет испытать игра. В азартной игре эмоции игрока представляют собой повторение циклов «напряжение (в процессе ожидания результатов игры) — разрядка (при получении результатов игры)». В копинг-репертуаре проблемных и патологических гемблеров преобладает копинг, нацеленный на эмоции. Компulsiveвный игрок чувствует эмоциональный комфорт, только находясь в игре. Некоторые авторы говорят о трудности в идентификации и описании гемблерами собственных чувств; о трудности в различении чувств и телесных ощущений, то есть о признаках alexisithimии.⁸⁵ Многие исследователи сообщают о депрессии и тревожности патологических игроков.⁸⁶

В отличие от лиц с ПАВ-аддикциями, патологические игроки подвержены азартной игре, находясь не только в негативном, но и в позитивном настроении, что было отмечено в исследовании D.C. Hodgins и N.el-Guebaly, которые исследовали факторы, вызывающие рецидив у патологических игроков.⁸⁷ Результаты исследования показывают, что у женщин негативное настроение является одной из основных причин рецидивов, а мужчины с большей вероятностью сообщали о скуке, неструктурированном времени и нужде в деньгах. Негативные эмоции женщин-игроков включали гнев, фрустрацию, тревогу, одиночество, вину; негативные ситуации включали чувство «необходимости избегания» проблем с детьми, трудностей на работе и т. д. Есть некоторые свидетельства того, что женщины — патологические гемблеры более вероятно страдают коморбидными расстройствами настроения, чем мужчины.⁸⁸

В исследовании канадских ученых⁸⁹ рассматривалась гармоничная и обсессивная страсть к гемблингу. Когда привычка играть перерастает в сверх-

---

⁸⁵ Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. — М., 2000.

⁸⁶ Dickson L. M., Derevensky J. L., Gupta R. The Prevention of gambling problems in youth: a conceptual framework // Journal of gambling Studies. Vol. 18. — 2002. — №. 2.

⁸⁷ Hodgins D. C., el-Guebaly N. Retrospective and prospective reports of precipitants to relapse in pathological gambling // Journal of consulting and clinical psychology. Vol. 72. — 2004. — №. 1. — С. 72 — 80.

⁸⁸ Winters K. C., Kushner M. G. Treatment issues pertaining to pathological gamblers with a comorbid disorder // Journal of gambling Studies, Vol. 19. — 2003. — №. 3.

⁸⁹ Ratelle C., Vallerand R. J., Mageou G. A., Rousseau F. L., Provencher P. When Passion leads to Problematic Outcomes: a look at gambling // Journal of gambling Studies, Vol. 20. — 2004. — №. 2.

ценное увлечение азартными играми, можно говорить о том, что формируется обсессивная страсть к игре. Результаты исследования показали, что обсессивная страсть к азартной игре связана с проблемным гемблингом и с его негативными последствиями (тревога и чувство вины, низкий уровень концентрации, позитивных эмоций).

Патологические игроки в процессе игры периодически испытывают состояние диссоциации. Диссоциация представляет собой состояние, характеризующееся внезапным, временным нарушением нормально интегрированных функций сознания, осознания подлинности своего эго или моторного поведения, в результате которого определённая часть этих функций утрачивается. Диссоциация является защитным механизмом: игрок разрушает сознание, и этим способом борется с эмоциональным конфликтом или внешним стрессом.⁹⁰

Волевая регуляция, внимание и память лиц с игровой зависимостью.

Проблемным и патологическим игрокам свойственна слабость волевой регуляции: они часто не в состоянии прекратить игру, хотя многие из них ошибочно полагают, что контролируют количество азартной игры и могут придерживаться бюджета.

В некоторых исследованиях отмечается, что патологические игроки характеризуются наличием синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), то есть невозможностью сосредоточиться на каком-либо одном стимуле, отвлекаемостью на другие, новые стимулы.⁹¹

Гемблеры обычно хорошо помнят выигрыши, но забывают о проигрышах. В беседе игроки уточняют, что особенно ярко запоминаются выигрыши с неким «магическим» компонентом, когда как будто кто-то подсказывает, какой автомат выбрать, на какое число сделать ставку.

Индивидуально-психологические характеристики лиц с игровой зависимостью.

Большинству проблемных и патологических игроков свойственны глубинная неуверенность в себе, низкое самоуважение. При этом компенсаторно они ощущают потребность ощущать себя значимыми, всемогущими. Некоторые исследователи считают, что игроки испытывают враждебное отношение к реальности. Они тратят много времени на фантазирование о том, какие великие и прекрасные дела будут ими совершены после большого выигрыша, и рисуют в воображении картины приятной легкой жизни на огромные деньги, полученные благодаря игре по особой «системе».⁹²

---

⁹⁰ Каплан, Сэддок. Клиническая психиатрия. – М., 2002.

⁹¹ Blaszczynski A. Pathways to pathological gambling: identifying typologies. www.camh.net/egambling. Chambers R. A., Potenza M. N. Neurodevelopment, impulsivity, and adolescent gambling // Journal of Gambling Studies. Vol. 19. – 2003. – № 1.

⁹² Анонимные игроки. Международный комитет по обслуживанию АИ. – Лос-Анджелес, Калифорния, 1998.

Уход от реальности в мир фантазий, в мир игры, говорит о личностной незрелости патологических игроков. Многие из «Анонимных игроков» признают, что прежде не желали взрослеть; они переключаются с себя ответственность, и это стремление избежать ответственности в итоге становится навязчивой идеей. Психодинамическая концепция расстройства исходит из того, что за нелогичной постоянной уверенностью больного в выигрыше скрываются инфантильные фантазии всемогущества, ожидание неограниченного удовлетворения своих желаний. Постоянное возвращение к игре означает протест, бессознательно-агрессивное отношение к реальной действительности, не желающей подчиняться этим фантазиям. При этом проигрыш не возвращает к реальности, а наоборот, бессознательно воспринимается как неправомерный отказ в удовлетворении желания и обоснованный повод для протеста, т. е. очередной ставки. При наличии глубинной неуверенности в себе и зависимых черт личности существенную роль в поддержании патологического влечения может играть неосознаваемое снятие с себя ответственности с возложением её на фортуны.⁹³

Часто патологический гемблинг коморбиден с нарциссическим, анти-социальным или зависимым личностными расстройствами. Компulsive поведение игрока во многом схоже с поведением обсессивно-комulsive личностности; поведение и тех и других имеет характер ритуала или compulsии. Наибольшее значение для них имеют такие защиты, как «уничтожение сделанного», «фантазии о всемогущественном контроле», «реактивное образование», «репрессия», «отрицание». У игрока преобладают постоянные обсессивные мысли о прошлых и будущих играх; патологический гемблер играет compulsивно, его действиям присущ некий автоматизм; его поведение можно охарактеризовать как ритуализованный процесс.

Самооценка патологических игроков неустойчива, она часто зависит от результатов азартной игры. Существует мнение, что compulsивные игроки подсознательно желают проигрывать, чтобы этим себя наказывать.⁹⁴ По классификации DSM-IV патологический гемблинг относят к расстройствам контроля импульсов. «Импульс часто характеризуется такими свойствами, как успешность, необдуманность и порывистость.

Обычно имеет место компромисс побуждений, борьба мотивов между удовлетворением потребности в удовольствии и наказанием. Например, позор, которому подвергается патологический игрок, или его денежные затруднения в связи с долгами. Как показывают повторные эпизодические импульсы, знание о прошлой вине и боли может явиться подкреплением такого поведения. Действительно, в некоторых случаях потребность в наказании предшествует импульсу».⁹⁵

Патологическим игрокам свойственны эмоциональная уязвимость, низкая толерантность к фрустрации, неадекватность копинг-стратегий. В результате

---

⁹³ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. – М., 1997.

⁹⁴ Анонимные игроки. Международный комитет по обслуживанию АИ.

⁹⁵ Каплан, Сэддок. Клиническая психиатрия. – М., 2002.

стресса индивид использует те или иные копинг-стратегии. Использование эффективного копинга ведет к положительным последствиям, использование неэффективного копинга или дефицит копинг-навыков может вести к аддиктивному поведению, в том числе и к патологической азартной игре. Вовлечение в азартную игру часто вызывается «спусковым крючком», который может быть внутренним (беспокойство, скука и т. д.) или внешним (ссора с супругом и т. д.). После когнитивной обработки это триггерное событие вызывает негативные эмоции, и индивид выбирает копинг-стратегию, чтобы справиться с этими нежелательными чувствами. Использование неэффективного копинга может вести к дальнейшим отрицательным чувствам к себе в течение последующего стресса и к циклу, в котором человек играет в азартные игры в попытке избежать негативных чувств. Напротив, использование эффективного копинга может вести к положительным эмоциям и здоровой адаптации. Патологические игроки часто проявляют трудности в управлении импульсами, неспособность жить в настоящем и другие признаки импульсивности. Импульсивные люди могут вести себя с недостатком ограничения или рефлексии и менее вероятно, что они будут использовать планирование и другие формы адаптивного копинга.

O. R. Lightsey и C. D. Hulseley провели исследование, с целью выяснить, уменьшают ли у игроков копинг-стили связь между: а) импульсивностью и стрессом; б) стрессом и гемблинг-поведением, и проверили, являются ли более склонными к азартной игре импульсивные индивиды, использующие избегающий или эмоциональный копинг в условиях стресса.⁹⁶ Результаты исследования показали, что у участников-мужчин копинг, нацеленный на задачу, был обратно пропорционально связан с проблемным гемблингом, а эмоциональный копинг был положительно связан с проблемным гемблингом. Избегающий копинг не имел, однако, связи с проблемным гемблингом. У испытуемых мужчин импульсивность, но не стресс была значительно связана с проблемным гемблингом. Для более высокого уровня копинга, ориентированного на задачу, и низкого уровня эмоционального копинга импульсивность имела более слабую значимость для гемблинга. Ни импульсивность, ни стресс, ни стиль копинга не были связаны с гемблингом среди женщин. В противовес результатам мужчин стресс был положительно связан и с импульсивностью и с эмоциональным копингом у женщин-испытуемых

У индивидов с высокой импульсивностью высокий уровень копинга, ориентированного на задачу, и низкий уровень эмоционального копинга прогнозируют меньший показатель азартной игры. Среди индивидов с низкой импульсивностью высокий уровень эмоционального копинга и высокий уровень стресса являлись более сильными предикторами гемблинга, чем для индивидов с высокой импульсивностью.⁹⁷

---

⁹⁶ Lightsey O. R., Hulseley C. D. Impulsivity, Coping, Stress, and Problem Gambling Among University Students // Journal of Counseling Psychology. – 2002. – №. 2. – С. 202–211.

⁹⁷ Winters K., Stinchfield R., Botzet A., Anderson N. A Prospective Study of Youth Gambling Behaviors // Psychology of Addictive Behaviors. – 2002. – №. 1. – С. 3–9.

В процессе развития расстройства происходит деградация личности патологического игрока. Главным мотивом становится азартная игра, сужается круг интересов. Игрок отдаляется от близких, теряет интерес к работе. Регресс проявляется иногда даже в выборе вида азартной игры — от более сложных карточных игр, в которых кроме вероятности играют роль навык и интеллект, гемблер переходит к наипростейшему виду азартной игры, не требующему каких-либо интеллектуальных усилий — игровому автомату.

Большинство исследователей считает, что нет преобладания распространенности гемблинга в той или иной расе, а проблемный игрок может принадлежать любому социальному классу. Однако некоторые ученые считают, что в целом более подвержены гемблинг-аддикции лица с доходом ниже среднего уровня.⁹⁸ Проблемные и патологические игроки чаще всего вырастают в семьях родителей с игровой аддикцией и другими зависимостями. Российские клиницисты отмечают, что среди 83 зависимых игроков, находившихся на лечении, имели наследственную отягощенность алкоголизмом и наркоманией 44,1%.⁹⁹ Наибольшая вероятность стать проблемным и патологическим гемблером у тех, кто начал играть в юношеском возрасте, что обосновывает важность профилактики юношеского гемблинга.

В большинстве своём зависимые игроки одиноки.¹⁰⁰ Возможно, одиночество является не причиной, а следствием гемблинга. Около половины гемблеров имеют историю злоупотребления алкоголем или наркотиками.¹⁰¹

С целью получения денег на игру гемблеры могут подделывать документы, воровать, использовать деньги, предназначенные на расходы их семей. Обычно их преступные действия не носят характера насилия; это подлоги, растраты или мошенничество. В силу этих причин игрокам приходится лгать кредиторам, коллегам и близким. При этом осознанным намерением является желание вернуть деньги и отдать долги. Осложнениями, которые обычно наблюдаются при этом, являются охлаждение к родным и отчуждение знакомых, утрата всего, что достигнуто в жизни, суицидальные попытки, тюремное заключение.¹⁰²

В зарубежных исследованиях были определены следующие основные факторы риска возникновения патологического гемблинга: родительская история гемблинг-зависимости; мужской пол; более частый, чем еженедельный, прием ПАВ; проблемный гемблинг и гемблинг повышенного риска в юношестве. Проблемы родителей с азартной игрой являются серьезным фактором риска для возникновения гемблинг-аддикции у их детей. Выделяют и такие

---

⁹⁸ *Unwin B., Davis M., De Leeuw J.B.* Pathologic Gambling // <http://aafr.org/afp/20000201/741.html>

⁹⁹ *Дудко Т. Н., Котельникова Л. А.* Формирование зависимости от азартных игр у молодежи и лиц зрелого возраста // <http://www.rarib.ru/pages.cfm?f=actions/igromania/dudko>

¹⁰⁰ Pathological Gambling / A Critical Review / National Academy Press <http://books.nap.edu/books/0309065712/html/R1.html>

¹⁰¹ *Dunstan R.* Gambling in California // <http://www.library.ca.gov/CRB/97/03/Chapt8.html>

¹⁰² *Каплан, Сэдок.* Клиническая психиатрия. — М., 2002.

«семейные» предикторы расстройств, как неадекватный родительский стиль воспитания и неадекватное отношение к деньгам в семье (от фетишизации денег до отсутствия планирования бюджета).¹⁰³

В.Д. Менделевич¹⁰⁴ полагает, что основой игровой зависимости является «феномен жажды острых ощущений» и, как следствие, высокой степени риска, игры «на грани фолла», когда за секунду можно потерять всё или приобрести «весь мир».

Отмечают такие особенности патологических игроков: трудность в идентификации и описании собственных чувств; трудность в проведении различий между чувствами и телесными ощущениями; снижение способности к символизации, о чем свидетельствует бедность фантазии и других проявлений воображения; фокусирование в большей степени на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях.

Вермсер¹⁰⁵ считает, что азартная игра, как и другие аддикции используется для избавления от переполняющих человека эмоций. При этом просматривается некоторая связь между значимым чувством и предпочитаемым видом зависимости. Например, некоторые игроки говорят, что играют только тогда, когда сильно раздражены, что игра действует на них успокаивающе. Вермсер отмечает, что понятие «аддиктивное поведение» является синонимом тяжелой компульсивности, проявляясь в ненасытности, автоматичности и бесконечной повторяемости, и приводя к тяжелым и разрушительным последствиям для аддикта.

Итак, на сегодняшний день не существует единой точки зрения на то, какие черты присущи патологическим гемблерам, как возникает и развивается зависимость от азартных игр. Нуждаются в исследовании социальные и психологические факторы риска возникновения патологической зависимости, а также особенности подходов к терапии.

---

¹⁰³ Попов Ю. В., Вид В. Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 1997.

¹⁰⁴ Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. — М., 2001.

¹⁰⁵ Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. — М., 2000.

С. Н. Ениколопов, * Н. В. Мешкова**
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
«ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕНАВИСТИ»

Рост «преступлений ненависти» заставляет задуматься о природе, причинах и значении этого проявления социального насилия. Большинство авторов согласны с тем, что причины подобных преступлений комплексны и не могут быть сведены к какому-то единственному фактору. Термин «преступление ненависти» впервые был применен журналистами в 80-х годах прошлого века в США относительно серии инцидентов, направленных против евреев, азиатов и афро-американцев. Обычно он употребляется в отношении деструктивного, незаконного, насильственного поведения, мотивированного предубежденностью или ненавистью. Жертвами подобных преступлений становятся люди, отличающиеся от преступников расовой, этнической, религиозной принадлежностью, сексуальной ориентацией или имеющие физические недостатки.¹⁰⁶

Выделение преступлений, совершённых на основе предубежденности, в отдельный класс целесообразно с нескольких точек зрения. Во-первых, с точки зрения профилактики и борьбы с такими правонарушениями. Во-вторых, с точки зрения влияния на жертву. Наблюдения западных психологов показывают, что жертвы преступлений ненависти более травмированы и дольше находятся в состоянии дистресса, чем жертвы преступлений, не основанных на предубежденности.¹⁰⁷ В-третьих, такие преступления часто рассматриваются как послание целой группе, к которой принадлежит жертва, что инициирует ответное насилие. (Так, корреляция между преступлениями ненависти по отношению к чёрным и белым в Нью-Йорке равна 0, 58).¹⁰⁸ В-четвёртых, когда на подобные преступления нет реакции со стороны общества и закона, пре-

---

* **Сергей Николаевич Ениколопов** — кандидат психологических наук, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья Российской Академии медицинских наук (Москва, Россия).

** **Наталья Владимировна Мешкова** — соискатель Центра социологии образования. (Москва, Россия)

© С. Н. Ениколопов, 2008

© Н. В. Мешкова, 2008

¹⁰⁶ *Green D.P., McFalls L.H., and Smith J.K.* HATE CRIME: An Emergent Research Agenda *Annu // Rev. Sociol.* — 2001. — № 27. — P. 479—504; Hate crime: delivering quality service.— march 2005; Sullaway M. Psychological perspectives on hate crime laws. — *Psychology, Public Policy, and Law.* — 2004. — Vol. 10. — №. 3. — P. 250—29.

¹⁰⁷ *Herek G., Gillis R., & Cogan J.* Psychological sequelae of hate crime victimization among lesbian, gay, and bisexual adults. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* — 1999 — № 67. — P. 945—951; *McDevitt J.* Plenary keynote address. Paper presented at the Meeting of Hate Crimes: Research, Policy and Action. — Los Angeles — 1999; *McDevitt J., Levin J., & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues* — 2002— № 58 — P. 303—318; Sullaway M. Psychological perspectives on hate crime laws. // *Psychology, Public Policy, and Law* — 2004— Vol. 10. — №. 3. P. 250—292.

¹⁰⁸ *Green D.P., Strolovitch D.Z, Wong J.S.* Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *Am. J. Sociol.* — 1998.— №104(2) — P. 372—403.

ступники воспринимают своё поведение как приемлемое и даже, возможно, как приветствуемое и возобновляют атаки на своих жертв. При таких обстоятельствах отсутствие реакции на преступления ненависти, а также их замалчивание можно квалифицировать как призыв к насилию.

Судебные процессы по убийствам, совершаемым в Российской Федерации по расовому и национальному признаку, демонстрируют слабость законодательно-правовой базы. Ситуация осложняется еще и тем, что у сотрудников правоохранительных органов отсутствуют специальные знания, а полноценная экспертиза для преступлений на почве этнической ненависти не сформирована. Проблемы такого рода не могут быть решены без привлечения специалистов разных профессий. Опыт, накопленный по проблеме предубежденности и преступлений ненависти, освещён в представляемом материале.

Виды преступлений ненависти и их экспертиза.

В психологической литературе выделяются следующие виды преступлений, совершённых на почве ненависти:

1) по цели, в отношении которой было совершено преступление — личность или собственность;

2) по группе, к которой принадлежит жертва (раса, этнос, сексуальная ориентация, религия, лица с физическими недостатками);¹⁰⁹

3) по виду насилия — реактивное или инструментальное;¹¹⁰

4) по мотивации преступника — поиск острых ощущений, защита сфер влияния и собственного образа жизни, миссия («очищение мира от зла»), ответная (на оскорбления в адрес собственной группы), репрессивная (защита собственной группы от влияния других и «деградации»),¹¹¹ повышение самооценки в собственных глазах или глазах сверстников,¹¹² страх или презрение к группе жертвы, а также для примера (чтоб другим не повадно было);¹¹³

5) по месту совершённого преступления — по соседству или далеко от места проживания преступника, на территории жертвы или преступника;¹¹⁴

---

¹⁰⁹ *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws. // *Psychology, Public Policy and Law.* — 2004. — Vol. 10. — № 3. — P. 250–292.

¹¹⁰ *Cornell D. G., Warren J., Hawk G., Stafford E., Oram G., & Pine D.* Psychopathy in instrumental and reactive violent offenders. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* — 1996. — № 64. — P. 783–790.

¹¹¹ *Levin J., & McDevitt J.* The research needed to understand hate crime. *The Chronicle of Higher Education.* — 1995. — № 41(47), B1–2; *McDevitt J., Levin J., & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — № 58. — P. 303–318.

¹¹² *Levin J., McDevitt J.* Hate Crime: The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed. — New York. — 1993.

¹¹³ *Green D.P., McFalls L.H., and Smith J.K.* HATE CRIME: An Emergent Research Agenda // *Annu. Rev. Sociol.* — 2001. — № 27. — P. 479–504.

¹¹⁴ *Dunbar E., King T. & Umemoto K.* Geo-mapping hate crimes and aggression analysis: Partnering behavioral science with law enforcement. // Paper presented at the 107th Annual Convention of the American Psychological Association. — Boston. — 1999; *McDevitt J., Levin J. & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — № 58. — P. 303–318.

б) по количеству преступников — групповые и совершённые одиночками.

Выделенные виды чрезвычайно важны для профилактики, раскрытия и экспертизы преступлений ненависти. Опыт иностранных коллег показывает, что преступления, жертвами которых становятся гомосексуалисты, обычно: а) совершает группа подростков в местах, далеких от собственного проживания в поиске острых ощущений,¹¹⁵ б) совершаются в местах толерантного к ним соседства, а не враждебного, где риск насилия гораздо выше.¹¹⁶ Репрессивная защита собственной группы от влияния других и деградации совершается, как правило, одиночками. Подростки не совершают преступления с мотивацией «очищения мира от зла».¹¹⁷ Преступления против мигрантов чужой национальности или расы совершаются соседями.¹¹⁸ При сильном общественном резонансе мотивированные поиском острых ощущений преступления не совершаются вторично, но это совершенно не относится к мотивации защиты и миссии.¹¹⁹

В поисках причин, обуславливающих «преступления ненависти», не стоит забывать, что, как правило, утверждение существования таких причин, оправдывающих действия преступников, является частью их стратегии. Однако мотивы не всегда осознаются или часто скрываются преступниками, что вызывает трудности экспертизы преступлений ненависти.¹²⁰ Это характерно для подростков, объясняющих преступления шалостью и проказой и отрицающих наличие неприязни к жертве.¹²¹ По оценкам западных психологов неосознава-

---

¹¹⁵ *McDevitt J., Levin J., & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — № 58. — P. 303–318.

¹¹⁶ *Green D.P., McFalls L.H., and Smith J.K.* HATE CRIME: An Emergent Research Agenda // *Annu. Rev. Sociol.* — 2001. — №27. — P. 479–504.

¹¹⁷ *McDevitt J., Levin J., & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — № 58. — P. 303–318.

¹¹⁸ *Green D.P., Strolovitch D.Z., Wong J.S.* Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *Am. J. Sociol.* — 1998b. — № 104(2) — P. 372–403; *Green D.P., Abelson R. P., & Garnett M.* The distinctive political views of hate crime perpetrators and white supremacists. — New York. — 1999. — In D. Prentice & D. Miller (Eds.). *Cultural 284 SULLAWAY* divides: Understanding and overcoming group conflict (pp. 429–464); *Green D. P., Glaser J., & Rich A.* From lynching to gay bashing: The elusive connection between economic conditions and hate crime. // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 1998. — PP. 75, 82–92; *Green D. P., Strolovitch D., & Wong J.* Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *American Journal of Sociology.* — 1998. — PP. 104, 372–403; *Krueger AB, Pischke J.* A statistical analysis of crime against foreigners in Germany. // *J. Hum. Resour.* — 1997. — № 32. — PP. 182–209; *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws. // *Psychology, Public Policy, and Law.* — 2004. — Vol. 10. — №. 3. — PP. 250–292; *Umamoto K., & Mikami C. K.* A profile of race-bias hate crimes in Los Angeles County. // *Western Criminology Review.* — 2000. — №2.

Retrieved from <http://wcr.sonoma.edu/v2n2/umamoto.html>

¹¹⁹ *McDevitt J., Levin J., & Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — №58. — PP. 303–318.

¹²⁰ *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws. // *Psychology, Public Policy, and Law.* — 2004. — Vol. 10. — №.3. — PP. 250–292.

¹²¹ *Levin J, McDevitt J.* Hate Crime: The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed. — New York. — 1993.

емость мотива делает преступления ненависти недоказуемыми.¹²² В таких случаях квалификация преступления как мотивированного предубежденностью может происходить по другим факторам, например, по типу жертвы, отсутствия мотива воровства или виду насилия.

Связь между предубежденностью и инструментальной агрессией подчеркивается многими авторами¹²³ и особенно при наблюдениях «горячих» аспектов межгрупповых отношений.¹²⁴ Преступления ненависти инструментальны по своей природе. Они планируемы и умышлены, о чем свидетельствует использование оружия преступниками, осуществляются в отношении жертв-незнакомцев и имеют цель.¹²⁵

Другим существенным фактором при экспертизе преступлений ненависти является выявление предубежденности к группе, к которой принадлежит жертва. В западной практике это осуществляется с помощью определенных психологических методик либо по наличию индикаторов предубежденности. К таким индикаторам относятся определенного рода символика, татуировки, граффити, письменные угрозы, плакаты,¹²⁶ использование словесных эпитетов

---

¹²² Hate Crimes Violence. 106th Congress, 1st session (August 4, 1999). (testimony of Heidi M. Hurd). [Retrieved July 9, 2001 from www.house.gov/judiciary/hurd0804.htm]; Morsch J. The problem of motive in hate crimes: The argument against presumptions of racial motivation. // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1991. — №82. — P. 659.

¹²³ Dunbar E. Signs and cultural messages of bias motivated crimes: Analysis of the hate component of intergroup violence. In H. Giles (Ed. 2002); Law enforcement, communication and the community. Amsterdam, the Netherlands: John Benjamins; Dunbar E., King T., & Umemoto K. Geo-mapping hate crimes and aggression analysis: Partnering behavioral science with law enforcement. Paper presented at the 107th Annual Convention of the American Psychological Association. — Boston. — 1999; Dunbar E., Quinones J., & Crevecoeur D. A. (in press). Assessment of hate crime offenders: The role of bias intent in examining violence risk. // Journal of Forensic Psychology Practice; Dunbar E., Sullaway M., & Krop H. Behavioral, psychometric and diagnostic characteristics of bias-motivated homicide offenders. // Paper presented at the 108th Annual Convention of the American Psychological Association, — Washington. — 2000.

¹²⁴ Staub E. Torture: Psychological and cultural origins. In R. D. Crelinsten & A. P. Schmid (Eds.), The politics of pain: Torturers and their masters (PP. 99–111). Boulder. — 1995; Staub E. Cultural-societal roots of violence: The examples of genocidal violence and of contemporary youth violence in the United States. // American Psychologist. — 1996. — №51. — PP.117–132; Staub E. The origins and prevention of genocide, mass killing, and other collective violence. // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. — 1999. — №5 — PP. 303–336; Staub E. Genocide and mass killing: Origins, prevention, healing, and reconciliation. // Political Psychology. — 2000. — №2. — PP. 367–382; Sternberg R. J. A Duplex Theory of Hate: Development and Application to Terrorism, Massacres, and Genocide. // Review of General Psychology. — 2003. — Vol. 7 — №. 3. — PP. 299–328.

¹²⁵ Cornell D. G., Warren J., Hawk G., Stafford E., Oram G., & Pine D. Psychopathy in instrumental and reactive violent offenders. // Journal of Consulting and Clinical Psychology — 1996. — №64. — PP. 783–790.

¹²⁶ Dunbar E., Sullaway M., & Krop H. Behavioral, psychometric and diagnostic characteristics of bias-motivated homicide offenders. /Paper presented at the 108th Annual Convention of the American Psychological Association. — Washington. — 2000.

ненависти во время совершения преступления. Присутствие подобных индикаторов является отягчающим обстоятельством. Учитывая, что в российской практике большинство из них сами нуждаются в собственной проверке и могут рассматриваться как отдельное правонарушение — призыв к ненависти, выявление наличия предубежденности представляется важным моментом для экспертизы преступлений ненависти. Однако на этом пути существует ряд сложностей. Несмотря на более чем полувековую историю изучения предубежденности, в западной психологии не существует единого толкования самого термина, с которым были бы согласны все исследователи. Остаются открытыми вопросы, связанные с генезисом предубежденности.¹²⁷ Интерес к этому явлению в отечественной науке возник совсем недавно. Анализ западной литературы показывает, что предубежденность тесно связана с враждебностью личности и представляет собой враждебное, негативное отношение к какой-либо группе. В научной практике используется классификация предубежденности по группам, к которым принадлежат мишени: расизм, этническая, сексизм и т.д. Каждый из видов имеет свои особенности, но общим звеном в них является ненависть к «иному». На уровне мотивации индивида можно выделить три вида подобного отношения: 1) осознаваемое и декларируемое вербально, 2) подавляемое и выявляемое только на неосознаваемом уровне и 3) неосознанное.¹²⁸

Используемые специалистами методы определения предубежденности не всегда точно показывают её наличие и не защищены от влияния социальной желательности в ответах испытуемых. Вышеназванных недостатков лишены методики экспериментальной психосемантики. К этой группе относится семантический дифференциал, хорошо зарекомендовавший себя при исследовании враждебности в отечественной психологии.¹²⁹ К преимуществам семантического дифференциала следует отнести: а) возможность одновременного предъявления испытуемым разных стимулов-мишеней, и б) способность определить наличие любого из выделенных нами видов предубежденности.

Теории, объясняющие преступления ненависти.

Существующие в западной психологии уровни анализа преступлений ненависти позволяют выделить историко-культурные, социально-психологические, экономические и политические условия, при которых осуществлялись преступления. К таким условиям относятся следующие:

---

¹²⁷ Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Направления исследования предубежденности в современной психологии. / Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т.IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. — М., 2004. — С. 50—71.

¹²⁸ Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Направления исследования предубежденности в западной психологии межгрупповых отношений. // Вопросы психологии. — 2007. — №1. — С. 148 — 158.

¹²⁹ Охматовская А.О. Психологические особенности враждебности у больных психосоматическим заболеванием (бронхиальная астма). Дис. канд. психолог. наук. — М. — 2001.

1. Групповая динамика. Она объясняет, как конформизм,¹³⁰ давление сверстников,¹³¹ групповые нормы,¹³² молодёжные субкультуры, интернет и СМИ¹³³ способствуют проявлению предубеждённости в насилии.

2. Фрустрация, вызванная экономическими изменениями, и борьба за ресурсы. К теориям этого уровня относятся теории социального контроля,¹³⁴ социального движения¹³⁵ и демографическая¹³⁶

3. Политическая борьба за власть.¹³⁷

Ограничения этих теорий состоят в том, что они объясняют какое-либо одно конкретное событие, и их нельзя распространить на все преступления ненависти. Например, было выяснено, что нет связи между выступлениями против иностранцев и уровнем безработицы.¹³⁸ В то же время связь между количеством иммигрантов и совершенными преступлениями выявляется не во всех местах, где процентное соотношение иностранцев достигает критического уровня, при котором начинают совершаться преступления.¹³⁹

Выходом из подобного тупика, позволяющим не только описывать события, но и предсказывать их, нам представляется психологический уровень анализа преступлений, который позволяет выявить психологические характеристики личности, способствующие подверженности влиянию антидемократической пропаганды, а также внешних воздействий или ограничений, затрагивающих экономическое или социальное положение человека.

---

¹³⁰ *Wahl P.* "Wenn die Jungs mal loslegen": Anmerkungen zur Cliquen-Dynamik. // In *Jahrbuch für Rechts- und Kriminalsoziologie '96.* / Ed. J Kersten, H Steinert. — Baden-Baden, 1997 — PP. 77—84; *Erb R.* Ausländerfeindschaft und Jugend(gruppen)gewalt in den neuen Bundesländern. *Int. Schulb.forsch.* — 1993. — №15. — PP. 105—120.

¹³¹ *Kleg M.* Hate Prejudice and Racism. — Albany. — 1993.

¹³² *Hamm MS.* 1994b. A modified social control theory of terrorism: an empirical and ethnographic assessment of the American neo-Nazi skinheads. — 1994a. — PP. 105—49.

¹³³ *Esser F, Brosius HB.* Eskalation durch Berichterstattung? Massenmedien und fremdenfeindliche Gewalt. — Wiesbaden, 1996. Television as arsonist? The spread of right-wing violence in Germany. / *Eur. J. Commun.* — №11(2). — PP. 235—60/1995; *Weiss HJ.* Gewalt von Rechts, (k)ein Fernsehthema. — Opladen — 1996. Explaining the rise of racist and extreme right violence in Western Europe: grievances or opportunities? — *Eur. J.Polit. Res* 1993, № 30. — PP.185—216.

¹³⁴ *Hamm MS.* 1994b. A modified social control theory of terrorism: an empirical and ethnographic assessment of the American neo-Nazi skinheads. — See Hamm, 1994a. — PP. 105—149.

¹³⁵ *Karapin R.* Explaining the surge in rightwing violence by German youth. — New York, 1996; *Koopmans R.* Explaining the rise of racist and extreme right violence in Western Europe: grievances or opportunities? // *Eur. J.Polit. Res.* 30. — PP. 185—216.

¹³⁶ *Green D. P., Strolovitch D., & Wong J.* Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *American Journal of Sociology.* — 1998. — №104. — PP. 372—403.

¹³⁷ *Koopmans R.* Explaining the rise of racist and extreme right violence in Western Europe: grievances or opportunities? // *Eur. J.Polit. Res.* 30. — 1996 — PP. 185—216.

¹³⁸ *Krueger AB, Pischke J.* A statistical analysis of crime against foreigners in Germany. // *J. Hum. Resour.* — 1997 — №32 — PP. 182—209.

¹³⁹ *Green D.P., Strolovitch D.Z., Wong J.S.* 1998b. Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *Am. J. Sociol.* — №104(2). — PP. 372—403.

Анализ совершённых за рубежом преступлений ненависти позволяет составить социально-психологический профиль преступников:

1. Обычно это люди из неблагоприятных или неполных семей, не получившие высшего образования, с непрочными или неустойчивыми социальными связями,¹⁴⁰ с академической неуспеваемостью.¹⁴¹

2. Не все преступники являются психопатами, т. е. обладающими таким набором качеств, как эгоцентризм, безответственность, импульсивность, отсутствие эмпатии, принципов и норм.¹⁴²

3. Они более других слоёв населения озабочены смешением рас, иммиграцией и сменой гендерных ролей.¹⁴³

Как видно, преступники обладают психологическими характеристиками, которые встречаются у нормальных людей. Данное обстоятельство затрудняет их дифференцирование и создаёт определенные трудности в организации превентивных мер. Многие исследователи считают, что их отличительной чертой являются фанатизм и ненависть к тому, кого они воспринимают как врага.

По мнению М.Тейлора,¹⁴⁴ для террористов-фанатиков характерно нежелание идти на компромисс, пренебрежение к чужим взглядам, тенденция видеть вещи в чёрно-белых тонах, ригидность суждений. Названные когнитивные черты обнаруживают сходство между фанатизмом, авторитаризмом, предубеждением и фундаментализмом. Существенное различие между этими категориями проявляется в том значении, которое они имеют для социума. Исторические события показывают, что каждая из них опасна по-своему и вносит свой вклад в поведение личности. Фанатизм опасен страстной преданностью собственным убеждениям, соединенной с крайней нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям. Этнические чистки в Косово проводились национальной сербской организацией, созданной из футбольных фанатов. Это показывает, что футбольный фанатизм заслуживает более пристального внимания и не такое безобидное явление, каким кажется на первый взгляд. Опасность авторитаризма состоит в подверженности личности любому сильному влиянию¹⁴⁵ и чувствительности к различного рода угрозам, в том числе несуществующим.¹⁴⁶

---

¹⁴⁰ *Ezekial R.* The racist mind: Portraits of American neo-nazis and klansmen. — New York, 1995.

¹⁴¹ *Turpin-Petrosino C.* Hateful sirens . . . Who hears their song? An examination of student attitudes toward hate groups and affiliation potential. // *Journal of Social Issues.* — 2002. — № 58. — PP. 281–302.

¹⁴² *Green D. P., Strolovitch D., & Wong J.* Defended neighborhoods, integration, and racially motivated crime. // *American Journal of Sociology* — 1998. — №104. — PP. 372–403.

¹⁴³ *Sullaway M.* Psychological perspectives on hate crime laws. // *Psychology, Public Policy, and Law.* — 2004. — Vol. 10. — № 3. — PP. 250–292.

¹⁴⁴ *Taylor, M. and Ryan H.* Fanaticism, Political Suicide and Terrorism. // *Terrorism* 11, — 1988. — № 2. — PP. 91-111; *Taylor, M.* The Terrorist. — London, 1988.

¹⁴⁵ *Azeev B.C.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. — М. — 1990.

¹⁴⁶ *Енколов С.Н., Мешкова Н.В.* Направления исследования предубежденности в западной психологии межгрупповых отношений. // *Вопросы психологии.* — 2007. — №1. — С. 148–158.

Идеология фундаментализма оправдывает насилие как необходимое средство и моральное обязательство в борьбе за светлое будущее. В такой системе ценностей индивид стоит ниже общества и потребности социума важнее всех его желаний.¹⁴⁷

Функция предубежденности состоит в том, что она намечает мишени для канализации агрессии и предоставляет жертву для насилия.

Насильственные действия, осуществлявшиеся в разных культурологических условиях (Турция, Германия, Югославия, Камбоджа), имеют общий фактор — предубежденность к тем группам, в отношении которых они осуществлялись.¹⁴⁸

C.Crandall & A.Eshleman, ссылаясь на исследования других авторов, пишут о том, что предубежденность имеет мотивацию.¹⁴⁹ Так, когда люди встречают мишень их предубежденности или думают о ней, у них возникает напряженность, и это состояние может стать призывом к действию. Исследования показывают, что поведенческие стратегии (от избегания до нападения) в отношении аут-группы выбираются в зависимости от создаваемого этой/об этой группой образа.¹⁵⁰

В «преступлениях ненависти» существует опасность повторной виктимизации жертв. Происходит это из-за предубежденности, испытываемой к группе жертвы полицейскими. Она мешает созданию обстановки доверительности и конфиденциальности при первичных беседах с пострадавшими и в ходе расследования.¹⁵¹

J. Leuens с коллегами¹⁵² обнаружили, что люди неохотно помогают представителям других групп, демонстрирующим вторичные эмоции и нуждающимся в помощи, и даже избегают их.

Исследования западных психологов демонстрируют наличие предубежденности у большого количества испытуемых. За время изучения этого явления было выдвинуто много теорий, среди которых авторитаризм, теория социальной идентичности и др. Современные работы по проблематике предубежденности расширили спектр психологических характеристик предубежденной личности.

---

¹⁴⁷ Kernberg O. Sanctioned social violence: A psychoanalytic view. // International Journal of Psychoanalysis. — 2003. — № 84. — PP. 4, 953–968.

¹⁴⁸ Енцолопов С.Н., Мешкова Н.В. Направления исследования предубежденности в западной психологии межгрупповых отношений. // Вопросы психологии. — 2007. — № 1. — С.148–158.

¹⁴⁹ Crandall C.S., Eshleman A. A justification-suppression model of the expression and experience of prejudice. // Psychological bulletin. — 2003. — Vol. 129. — № 3. — PP. 414–446.

¹⁵⁰ Cornell D. G., Warren J., Hawk G., Stafford E., Oram G., & Pine D. Psychopathy in instrumental and reactive violent offenders. // Journal of Consulting and Clinical Psychology — 1996. — №64. — PP. 783–790.

¹⁵¹ Hate crime: delivering quality service. — March 2005.

¹⁵² Leyens J-P., Cortes B., Demoulin S., Dovidio J.F., Fiske S.T., Gaunt R., Paladino M-P., Rodrigues-Torres A., Vaes J. Emotional prejudice: Essentialism and nationalism. The 2002 Tajfel lecture. // European journal of social psychology. — 2003. — № 33. — PP. 703–717.

Психологические характеристики современной предубежденной личности.

«Преступления ненависти» — это острая форма проявления межгрупповых отношений. Исследования показывают, что особенно значимыми для индивидов, вовлечённых в межгрупповые отношения, являются ценности власти и безопасности. Согласно концепции D'Andre и Strauss, в ценностях и социальных аттитюдах выражаются мотивационные цели, активируемые картиной мира индивида и его личностными качествами (конформность и ригидность). Эта концепция была использована J. Duckitt с коллегами¹⁵³ в исследовании предубежденности у авторитарных личностей и личностей, ориентированных на социальное доминирование референтной группы. Восприятие угрозы ценностям власти и безопасности выразилось в разном отношении к аут-группам и сопровождалось разными аффективными реакциями. Учитывая роль эмоциональных процессов в регуляции поведения человека, выявление стимулов негативных эмоциональных реакций представляется особенно важным. У авторитарных людей подобным стимулом стала угроза ценностям.

Исследования показывают, что источником негативных реакций является новое и неизвестное.¹⁵⁴ G. Herek обнаружил наибольшую враждебность к гомосексуалистам у тех людей, которые не имели опыта знакомства и общения с ними.¹⁵⁵ Подобного рода исследования на других мишенях не проводились, а существующих явно недостаточно для объяснения предубежденности новизной стимула. Продолжением работы в этом направлении нам видится выявление психологических характеристик личности — медиаторов враждебного отношения к новым мишеням. Разнообразие и степень аффективных реакций находятся в прямой зависимости от норм и ценностей, принятых обществом и разделяемых группой, с которой идентифицирует себя индивид.¹⁵⁶ Как оказалось, нарушители консервативных ценностей протестантской этики (трудолюбия, самоуверенности, дисциплинированности) вызывают сильный негативный аффект в виде враждебности, отвращения, презрения.¹⁵⁷ Эгалитарные же ценности (желание быть непредубежденным, равенства возможностей и социальной справедливости) сочетаются с легким дискомфортом и беспокойством в отношении представителя другой

---

¹⁵³ Duckitt J., Wagner C., Illouize du Plessis, Birum I. The psychological Bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. // Journal of Personality and Social Psychology. — 2002. — № 83. — PP.75–93.

¹⁵⁴ Crandall C.S., Eshleman A. A justification-suppression model of the expression and experience of prejudice. // Psychological bulletin. — 2003. — vol. 129. — № 3. — PP. 414–446.

¹⁵⁵ Herek G.M. Stigma, prejudice, and violence against lesbians and gay men. // In J. Gonsiorek & J. Weinrich (Eds.). Homosexuality: Research implications for public policy (PP. 60-80). — 1991.

¹⁵⁶ Dunbar, E., Quinones, J., & Crevecoeur, D. A. (in press). Assessment of hate crime offenders: The role of bias intent in examining violence risk. // Journal of Forensic Psychology Practice.

¹⁵⁷ Sears D.O., Henry P.J. The origins of symbolic racism. // Journal of personality and social psychology. — 2003. — № 85. — PP. 259–275.

расы.¹⁵⁸ Исследования Р. Glick и его коллег в области сексизма показали, что угроза статусу и власти вызывает враждебные реакции у мужчин.¹⁵⁹

Аффект, вызываемый угрозой личностным ценностям, зависит от того, насколько значима эта ценность и не является ли она сверхценным образованием (СЦО). Под термином «сверхценные идеи» следует понимать ошибочные либо односторонние суждения или группы суждений, которые вследствие своей резкой аффективной окраски получают перевес над всеми остальными идеями, причем доминирующее значение этих идей держится в течение длительного времени. Они занимают промежуточное место между навязчивыми и бредовыми идеями. Возникают эти идеи не против желания субъекта, а в силу его аффективной потребности в них. Сверхценные мысли — это глубокое убеждение, которое человек ценит, которым он дорожит. Формальные механизмы мышления при сверхценных идеях не нарушаются. Согласно распространенному среди исследователей мнению, основными качественными характеристиками СЦО являются: высокая степень выраженности аффекта и их доминирующее (либо центральное) положение во всей душевной жизни, определяющие поведение субъекта в ущерб другим целям и интересам личности.

Одним из основных качественных параметров, раскрывающих психологическое содержание психопатологического феномена СЦО, является избыточное ценностно-смысловое опосредование деятельности в ущерб её произвольности, неизбежно приводящее к искажению реальности и ущемлению возможностей личностного развития. Примерами сверхценностного образования могут служить фундаменталистская и националистическая идеологии.

Идеология представляет собой целостную систему убеждений, которая дает социальной группе рациональное обоснование своего происхождения, существования и целей, на которые она вдохновляет, а также средств для достижения этих целей. Потенциально присущими всем идеологиям крайностями являются паранойяльные и нарциссические аспекты. У фундаменталистских идеологий, находящихся на паранойяльном полюсе, можно обнаружить такие типичные характеристики, как разделение мира на праведных и неверных, необходимость уничтожать последних, обещание светлого будущего. Сторонники подобных идеологий склонны к ненависти и жестокости. Они чувствуют себя вправе убивать невинных обывателей и испытывают при этом удовлетворение от сознания выполненного морального долга.¹⁶⁰

Другим примером СЦО является маскулинная идеология. В соответствии с этой системой суждений одобряются нормы мужских ролевых функций,

---

¹⁵⁸ *Nail P. R., Harton H. C., & Decker B. P.* Political orientation and modern versus aversive racism: Tests of Dovidio and Gaertner's integrated model. // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 2003. — № 84. — PP. 754–770; *Crandall C.S., Eshleman A.* A justification-suppression model of the expression and experience of prejudice. // *Psychological bulletin.* — 2003. — vol. 129. — №3. — PP. 414–446.

¹⁵⁹ *Glick P. et al.* Beyond prejudice as simple antipathy: hostile and benevolent sexism across cultures. // *Journal of personality and social psychology.* — 2000. — №79. — PP. 763–775.

¹⁶⁰ *Kernberg O.* Sanctioned social violence: A psychoanalytic view. // *International Journal of Psychoanalysis.* — 2003. — № 84. — PP. 4, 953–968.

предписывающие жесткость поведения и статус, приветствуется соответствие гендерным ролевым ожиданиям и отвергается фемининность у мужчин. Было выяснено, что психологическими характеристиками, способствующими принятию такой идеологии, являются расхождения в полоролевой Я-концепции: 1) между актуальным Я и каким должен быть,¹⁶¹ и 2) между идеальным желаемым маскулинным Я и нежелательным фемининным.¹⁶² Расхождения между составляющими Я-концепции в сочетании со значимостью маскулинности в собственной идентичности сопровождаются специфическими аффективными состояниями у гетеросексуальных мужчин, в том числе враждебностью к гомосексуалистам и женщинам, а также гомофобией.

В современной клинической психологии, к сожалению, не существует общепринятой модели СЦО. Экспериментальных исследований связи СЦО с фанатизмом, предрасположенностью и агрессией крайне мало.

В нашем исследовании приняла участие группа, позиционирующая себя как «скинхеды» (10 человек) и члены движения «Русское Национальное Единство» (10 человек). Известно, что субкультура скинхедов и движение РНЕ имеют сходство, проявляющееся в националистической направленности идеологии, разделяемой их членами. Сравнительный анализ с другими испытуемыми позволил выявить психологические характеристики представителей этой группы (далее «экспериментальная группа»), отличающие их от «не идеологизированных обывателей» мужчин и женщин (далее «контрольная группа»). Для этой цели были выбраны следующие методики:

1. Методика определения агрессии А. Басса и М. Перри для измерения враждебности, гнева и физической агрессии, важной характеристикой которой является обнаруженная связь между самоотчетом о склонности к агрессии и реальным агрессивным-насиловательным поведением.¹⁶³

2. «Шкала базисных убеждений» Р. Яноф-Бульман,¹⁶⁴ позволяющая выделить компоненты картины мира испытуемых, в том числе их представления о благожелательности окружающего мира и людей, а также о себе самом.

3. Методики МиФ для установления индивидуальной степени выраженности феминности и маскулинности, а также определения субъективного отношения личности к уровню развития этих черт у себя.¹⁶⁵

---

¹⁶¹ *Theodore P.S. & Basow S.A.* Heterosexual masculinity and homophobia: a reaction to the self? // *Journal of homosexuality*. — 2000. — № 40. — PP. 31 — 48.

¹⁶² *Kiliansky S.* Explaining heterosexual men's attitudes toward women and gay men: the theory of exclusively masculine identity. // *Psychology of men & masculinity*. — 2003. — № 4. — PP. 1, 37—56.

¹⁶³ *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. // *Психологический журнал*. — 2007. — № 1. — С. 115—124.

¹⁶⁴ *Dunbar, E., King, T., & Umamoto, K.* Geo-mapping hate crimes and aggression analysis: Partnering behavioral science with law enforcement. // Paper presented at the 107th Annual Convention of the American Psychological Association. — Boston, 1999.

¹⁶⁵ *Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением. Автореф. дис. канд. психол. наук. — М., 1998.

4. Опросник ТСИ-125 С. Р. Клонинджера, предназначенный для описания генетически заданных черт темперамента и социально обусловленных черт характера.¹⁶⁶

5. Личностный дифференциал¹⁶⁷ для изучения определенных свойств личности, её самосознания и межличностных отношений. 6. Вопросник диагностики враждебности Кука-Медли.¹⁶⁸

Факторный анализ переменных всех перечисленных методик выявил пространственную модель, образованную двумя биполярными и одной однополярной осями. Они включают следующие переменные: 1) самонаправленность-настороженность, 2) агрессия, маскулинность, сила-эмоциональное принятие себя, уверенность в благожелательности окружающего мира и других людей, фемининность, 3) картина мира с наибольшей факторной нагрузкой переменной «самоценность», означающей убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек. По вычисленным значениям факторных осей экспериментальная группа отличается от контрольной группы мужчин высоким значением маскулинизации собственного образа и показателями агрессии, а от генеральной выборки — большим показателем настороженности и низким значением по оси «самоценность».

Были выявлены значимые различия между экспериментальной и генеральной совокупностью. Значения по параметрам поиска новизны, агрессии, гневу, враждебности, настороженности у экспериментальной группы выше, чем у генеральной совокупности, а по факторам сотрудничества, избегания вреда, самотрансцендентности, самоценности, убежденности в благожелательности окружающего мира и эмоциональном принятии себя — ниже. Среднегрупповое значение переменной «сотрудничество» в этой группе ниже нормативного значения.

По показателям маскулинности мужчины контрольной группы имеют значительно отличающиеся более низкие показатели, а по фемининности — более высокие по сравнению с экспериментальной группой. Интересно, что фемининные качества в собственной идентичности не отвергаются обеими группами мужчин.

Расшифровка шкал, с помощью которых измерялись все вышеназванные переменные, позволяет составить психологический портрет испытуемых скинхедов и членов РНЕ. Шкалы «настороженность» W. Cook & D. Medley и «враждебность» А. Басса и М. Перри включают в себя такие характеристики, как паранойяльные тенденции, мнительность, подозрительность.¹⁶⁹ Невы-

---

¹⁶⁶ Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Апробация биосоциальной методики Клонинджера «Структура характера и темперамента». / Материалы 1 международной конференции, посвященной памяти Б.В. Зейгарник — М., 2001. — С. 104 — 105.

¹⁶⁷ Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тексты. — 2004.

¹⁶⁸ Охматовская А.О. Психологические особенности враждебности у больных психосоматическим заболеванием (бронхиальная астма). Дис. канд. психол. наук. — М., 2001.

¹⁶⁹ Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. // Психологический журнал. — 2007. — №1. — С. 115—124.

сокая склонность к сотрудничеству характеризует личность эгоцентричную, агрессивную и враждебно настроенную по отношению к другим. У подобных людей отсутствуют терпимость и интерес к делам других. Они мстительны и стремятся к самовыгоде. Низкие значения социально обусловленного фактора «самотрансцендентность» присутствуют у личности с ригидными границами Я, с примитивным и поверхностным осознанием себя. У такой личности отсутствует духовность, для неё важнее силовые характеристики. Такие люди склонны к формированию «враждебной» картины мира: они убеждены, что окружающий мир и люди враждебны, но и себя они отвергают, так как не уверены в собственной ценности. Высокие показатели поиска новизны и низкие избегания вреда как характеристики темперамента говорят о склонности к поиску острых ощущений и антисоциальному поведению. Вышеперечисленные качества, помноженные на повышенный уровень агрессии, показывают, что данная группа скинхедов и РНЕ — группа «социального риска», которая не должна оставаться без внимания и контроля со стороны правоохранительных органов.

«Преступления ненависти» являются поведенческим аспектом предубежденности. Они показывают, что преступники делят окружающих на два класса: свой и чужой, который можно ненавидеть и в отношении которого можно и нужно совершать насильственные действия. Психологические особенности личности, которая может совершить преступление ненависти, проявляются в склонности к генерализации и опредмечиванию собственной враждебности на «иного», не похожего на неё. Убеждения преступников коррекции практически не поддаются, но на людей, симпатизирующих им и формирующих мир, в котором «преступления ненависти» зарождаются, влиять можно и необходимо.

Е. В. Ильюк* **РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Наука о преступности традиционно уделяет внимание исследованию эмоциональной составляющей как преступного поведения, так и противодействия ему. Особенно основательно на настоящий момент это делается в семейной криминологии.¹⁷⁰

По вопросу о влиянии эмоций на поведение человека существует, как минимум, три точки зрения:

---

* **Елена Вадимовна Ильюк** — кандидат юридических наук, доцент Уральского академии государственной службы (Челябинск, Россия).

© Е. В. Ильюк, 2008

¹⁷⁰ О криминологически значимой формуле любви см.: *Шестаков Д. А.*: 1) Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор.: Дис. канд. юрид. наук. — М., 1977. — С. 60–63; 2) Убийства на почве семейных конфликтов. — Глава 4. Значение эмоций. — Л., 1981. С. 62 — 91; 3) Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. СПб., 2003. — С. 48–77, 207–215.

1. Игнорирование роли эмоций;
2. Эмоции рассматриваются как результат — следствие действия;
3. Именно эмоции побуждают человека к деятельности. Но эта точка зрения получила развитие только в 80-е годы XX века.

Ранее Чезаре Ломброзо среди типов личности преступников выделял преступника по страсти, Зигмунд Фрейд отмечал влияние эмоций на поведение человека, о роли эмоций в формировании поведения в 1948 г. писал Липпер (Leeper), в 1960 г. — Маурер (Mowrer), с 1962 г. — Томкинс (Tomkins), с 1971 г. — Изард (Izard).¹⁷¹

Указанный подход состоит в следующем: в подсознании человека заложены потребности (драйвы), которые обеспечивают выживание человека; условно их делят на 5 групп:

- Потребление;
- Безопасность;
- Размножение;
- Экспансия;
- Социальный пакет.

Неудовлетворённые потребности (фрустрирующие драйвы) рожают эмоции. Неудовлетворённая потребность в потреблении влечет жажду, голод, с ней связано совершение краж, присвоения и растраты.

Неудовлетворённая потребность в безопасности вызывает страх, тревогу, гнев и связана с совершением насильственных преступлений, в частности, причинение вреда здоровью и убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Неудовлетворённая потребность в размножении вызывает эмоции печали, ревности, депрессию и в сочетании с агрессией, ненавистью, презрением составляет психологическую основу половых преступлений.

Потребность в экспансии может вызывать эмоции страха, тревоги. В криминальном мире находит отражение как раздел или передел сфер влияния организованными преступными группировками.

Под социальным пакетом понимают не только социальные блага, но и социальный статус лица. Обладание престижными, «имиджевыми» вещами — не только потребление, но и символ принадлежности к определённому слою общества. Поэтому неудовлетворение данной потребности (фрустрация драйва) — стремление занять более высокое положение в обществе — может быть побудительным мотивом к совершению должностных и экономических преступлений.

Представленный подход позволяет по-иному взглянуть на вопросы профилактики криминального и девиантного поведения. Для лечения различного вида зависимостей (алкогольной, игровой, наркотической), связанных с получением сильных эмоций, необходимо заменить источник эмоций на другой. Поэтому невозможно вылечить наркомана или алкоголика только медицинскими средствами, ничего не дав взамен (другого источника эмоций).

---

¹⁷¹ Изард К. Психология эмоций. — СПб., 2003.

Известно, что значительная часть преступлений совершается подростками «от скуки», т. е. причиной была эмоциональная депривация или эмоциональный голод. В качестве сильных приятных эмоций, которые можно рассматривать в качестве «заместительной» терапии, целесообразно упомянуть шопинг, экстремальные виды спорта (конный спорт, горнолыжный спорт, альпинизм, дайвинг, автоспорт).

В криминальной психологии в соответствии с мотивационным критерием выделяют типы личностей преступников, среди которых наиболее интересны: совершающие преступления по мотиву самоутверждения, преступники игрового типа и др. «Игровой тип» проявляет себя в совершении мошенничеств, реже — краж, наёмных убийств. Они играют в своеобразную игру «Полицейские и Воры», описанную Эриком Берном в работе «Игры, в которые играют люди».¹⁷² Совершение всех насильственных преступлений связано с проявлением эмоций ненависти, гнева, презрения. Поэтому воздействие на сферу сознания — формирование правосознания малоэффективно при игнорировании необходимости коррекции эмоциональной сферы, относящейся к сфере подсознания.

Психология эмоций выделяет более 20 групп эмоций, количественную и качественную депривацию (нехватка эмоций определенного вида), причём качественная эмоциональная депривация переживается сильнее.

Рассматриваемый подход позволяет заметить новые грани в психическом состоянии лиц, находящихся в следственном изоляторе, ИВС или местах лишения свободы. Происходит коммуникативная депривация — ограничение и сужение привычного круга общения, эмоциональная депривация — качественная, как нехватка эмоций определенных видов. Не удовлетворяются потребности (депривация) на всех уровнях по пирамиде потребностей Маслоу. В результате разрушается эмоциональное здоровье, а затем и физическое здоровье. Противостоять развитию данных процессов могут только люди с такими личностными качествами, как стрессоустойчивость (а также оптимизм, сильная воля и чувство юмора).

В условиях изоляции от общества не удовлетворяется потребность в потреблении, что влечёт возникновение эмоций, связанных с голодом, жаждой, холодом (особенно в СИЗО). В результате — неизбежность такого явления, как «общак». Неудовлетворение потребности в безопасности рождает эмоции страха, гнева, ненависти и влечёт агрессивные проявления — насильственные преступления, побеги. Неудовлетворение потребности в «размножении» влечёт злобу, раздражительность и неизбежность гомосексуальных отношений осуждённых. Неудовлетворение потребности в социальном статусе влечёт неизбежность такого явления, как стратификация осуждённых. Потребность в экспансии находит проявление в распространении криминальной субкультуры.

---

¹⁷² *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — М., 1988. — С. 111—116.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

В. С. Овчинский* **РАДИКАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ, СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА**

Начну с поддержки тезиса В. В. Лунеева о том, что российский либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль, оказался беспомощным в борьбе с преступностью на современном этапе: «Диктатура преступности, — пишет В. В. Лунеев, — при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма».¹⁷³

При этом я выступаю не против либерализма как такового, его философских, экономических, политических и правовых интерпретаций. *Я против радикализма в либерализме, в его современном российском варианте.* В этой связи я солидарен с выдающимся теоретиком либерализма, лауреатом Нобелевской премии Ф.А. фон Хайеком в том, что «в нашем разочаровании (демократическими идеалами. — В.О.) виноваты не демократические принципы сами по себе, а неверное их применение».¹⁷⁴ Действительно, кто в XXI в. будет возражать против необходимости реализации такого принципа либерализма, как свобода рынка в качестве механизма индивидуальной и политической свободы, или против политического принципа разделения властей, ограничивающих коррупцию?¹⁷⁵ Но одновременно я полностью согласен с Хайеком, что такой принцип либерализма, как *терпимость, применим только к тем, кто способен к диалогу, требующему терпения, и не применим к тем, кто к этому не способен*¹⁷⁶ (выделено мною — В.О.).

Радикализм в реализации либеральных принципов разрушает систему сложных взаимосвязей индивида, общества и государства и порождает радикальные антилиберальные, репрессивные тенденции в реагировании на преступность.

Нельзя не согласиться с А.И. Солженицыным в том, что «*тотальный либерализм*» (на наш взгляд, синоним «радикального либерализма». — В.О.) *...в мировом масштабе, безусловно износился, истощился, сроки его истекают.* Ему на смену придут какие-то другие формы общественного и государственного сознания».¹⁷⁷

Опасности радикал-либерализма в уголовной политике особенно наглядно проявляются при рассмотрении их в призме концепции «сильного госу-

---

* **Владимир Семёнович Овчинский** — доктор юридических наук, советник Конституционного Суда РФ (Москва, Россия).

© В. С. Овчинский, 2008

¹⁷³ *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М., 2005. — С. 860–861.

¹⁷⁴ *Хайек Ф.А., фон.* Познание, конкуренция и свобода. — СПб., 2003. — С. 148.

¹⁷⁵ *Хайек Ф.А., фон.* Познание, конкуренция и свобода. — СПб., 2003. — С. 20.

¹⁷⁶ *Хайек Ф.А., фон.* Познание, конкуренция и свобода. — СПб., 2003. — С. 99–100.

¹⁷⁷ *Солженицын А.И.* Интервью // «Московские новости». — 2006. — 28 апреля.

дарства», разработанной выдающимся философом современности *Фрэнсисом Фукуямой (США)*.

После событий 11 сентября 2001 года в политических и научных кругах вновь актуальной стала тема роли государства в жизни общества и мироустройства в целом. Модные проблемы глобализации и сетевых структур, которые якобы придут на смену национальным государствам в XXI веке, сменились обсуждениями вопросов суверенитета, функций государства в экономике, обеспечения безопасности и правопорядка.

Некоторые крупные теоретики мирового уровня, такие, например, как *Фрэнсис Фукуяма (США)*, фактически на 180° изменили свои подходы к проблеме государственности в XXI веке.

В одной из своих последних работ «Сильное государство» Ф. Фукуяма пишет, что более тридцати лет ведущей тенденцией в мировой политике было ослабление государственности. Между тем, чрезмерная свобода государства вела к падению эффективности его работы.

По мнению Ф. Фукуямы, ослабление государственности (так называемые его «сумерки») сразу же заполняет разношёрстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп. «За неимением ясного ответа, — пишет он, — нам остаётся только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным».

Возвращение к концепции «сильного государства» чрезвычайно важно для России. До сих пор и в научных и политических «элитах» имеется немало сторонников низведения функций государства до минимума. Введение рынка многими понималось и понимается как полностью самовоспроизводящаяся система, где государство якобы не должно играть никакой роли. В результате эта «самовоспроизводящаяся» система была заполнена структурами — олигархическими, криминальными, полукриминальными, которые стали выполнять функции государства. Произошёл процесс, который именуется *огосударствлением мафии*. Имеется в виду ситуация, когда при отсутствии должной роли государства и невыполнении последним своих обязанностей их перехватывают структуры, очень похожие на классические мафиозные: они коррумпированы, имеют нелегальный силовой ресурс, «решают» свои проблемы за рамками права (причём любого — уголовного, гражданского, административного).

Естественно, что олигархические и криминальные структуры, «реализуя» функции государства, делают это не из филантропических побуждений, а с целью получения сверхприбылей, и с наименьшей отдачей своей доли прибылей тому же государству в виде налогов, таможенных платежей, ренты.

В этой связи весьма красноречиво описывает сложившуюся у нас в стране ситуацию *академик Дмитрий Львов*. «В стоимости производимого в России валового продукта, — отмечает он, — 75% занимают природные ресурсы. За счёт труда создаётся только 5% национального богатства. Но эти проценты дают нам 2/3 всех собираемых налогов. Тогда как нефть, газ, лес, металл и т.д. дают лишь 13% налоговых поступлений. В результате этого государство ежегодно недополучает в бюджет 40 — 60 млрд. долларов».

Это и есть результат замены функций государства олигархически-криминальным управлением. Ведь группы и кланы, владеющие сырьевыми ресурсами (нефтью, газом и т.д.), никакого отношения к самим ресурсам не имеют. Но экономическая система России сложилась таким образом, что весь дополнительный доход от повышения цен на энергоресурсы эти группы и кланы используют не на нужды государства, а исключительно на себя.

Присвоив то, что им не принадлежит, криминально-олигархические группы используют эту прибыль не на развитие производства и социальные нужды, а в основном на личные нужды. А поскольку внутри страны реализовать огромные богатства сложно из-за неразвитой практики такой реализации, то устремления указанных групп и кланов направлены за рубеж.

В ноябре 2006 года «The Sunday Times» сообщила, что на британский рынок недвижимости пришла новая волна русских финансистов, которые раскрутили портфель общей стоимостью более 2,2 млрд. фунтов. Одна пятая всей лондонской недвижимости, проданной в течение 12 месяцев до июля 2006 года, была куплена русскими, и это больше, чем купили американцы и ближневосточные шейхи вместе взятые.

Свидетельствуют ли эти данные о том, что Россия — сильное государство? Скорее — наоборот. Это говорит о том, что государство в России не выполняет свои функции регулирования экономики. Не выполняет оно и функции *уголовной политики*. Как известно, уголовная политика — это часть общей политики государства (в том числе экономической), и, естественно, если экономическая политика контролируется олигархически-криминальными кланами, то уголовная политика не может быть свободной от этой «экономической» политики.

Вернее сказать, уголовная политика направлена на защиту этих же криминально-олигархических кланов.

Достаточно вспомнить изъятие конфискации имущества как вида уголовного наказания из Уголовного кодекса в 2003 году. Это противоречило всем международным обязательствам России по ратифицированным ею конвенциям ООН и Совета Европы. Но такая ситуация была бы противоестественна в условиях сильного государства, но не в условиях огосударствления мафии.

Примечательно, что институт конфискации восстановлен в 2006 году в новой, неизвестной для отечественного уголовного законодательства форме как «иная мера уголовно-правового воздействия», а не как вид наказания.

Такая же любопытная ситуация сложилась и с уголовно-правовыми мерами борьбы с отмыванием преступных доходов. Эти меры касаются по действующему УК всех преступлений, кроме тех, которые непосредственно связаны с отмыванием преступных доходов — целой группы экономических, в том числе налоговых и таможенных преступлений.

Но если нельзя нормальными, международно-правовыми способами бороться с отмыванием грязных денег и нельзя конфисковать имущество у преступников в виде наказания, то это представляет собой довольно *странный вариант уголовной политики, которая защищает не экономическую безопасность государства, а безопасность узкой группы лиц и структур, присвоивших недра государства и ряд функций государства.*

Другим, не менее серьезным искажением современной российской уголовной политики является *гипертрофированно-либеральный подход к самой сути этой политики*.

Здесь также произошёл перехват функций государства. Но уже несколько другой направленности. Узкая группа политиков и учёных присвоил себе функцию от имени государства навязывать всему обществу модели радикально-либерального уголовно-процессуального законодательства. В 2001 году буквально в конспиративном режиме (чтобы «злые силы реакции» не помешали) был разработан и в ускоренном порядке принят новый Уголовно-процессуальный кодекс. При этом были проигнорированы предложения и замечания всех федеральных правоохранительных ведомств, научных коллективов и практиков-правоприменителей.

Из целей уголовного процесса исчезли такие основополагающие положения, как, собственно, борьба с преступностью, предупреждение преступлений, установление истины по уголовным делам. Приоритет отдан состязательности сторон, защите прав обвиняемых и подозреваемых.

На небывалую высоту превознесен суд присяжных — как панацея от всех бед уголовного судопроизводства.

Разработчики нового УПК считают, что они, видимо, совершили «нравственный подвиг», одарив общество супердемократическим законом.

Но тогда встаёт вопрос, почему Конституционный Суд России ежегодно признает по несколько статей этого УПК неконституционными и принял уже десятки определений, где в своих правовых позициях фактически разъясняет те или иные нормы УПК, чтобы они были понятны и гражданам и правоприменителям?

Оправданно ли было такое конспиративно-демократическое принятие УПК при таких правовых результатах?

Коснёмся частных вопросов, таких, например, как суд присяжных.

Действительно, этот старый-новый уголовно-процессуальный институт в ряде случаев выявил проблемы, связанные с невысоким качеством предварительного следствия и государственного обвинения.

Но можно ли считать верхом демократии факты, когда присяжные оправдывали наёмных убийц и террористов?

Спросим и другое: может ли суд присяжных действовать беспристрастно в северо-кавказских республиках России, где до сих пор социальные отношения, и правовые в том числе, определяются родово-клановыми связями?

Искусственное внедрение «супердемократических» институтов в отечественное право очень похоже на навязывание «демократических ценностей» США и его союзниками в Ираке, Афганистане и африканских странах в ходе «контртеррористических» и «миротворческих» операций.

Мудрость уголовной политики заключается в том, чтобы она была адекватна той социальной, политической и экономической ситуации, которая сложилась в обществе. При этом надо учитывать многие факторы, в том числе и общественное мнение населения и профессионалов, определяющих эту политику.

В конце концов, самый совершенный, самый демократический и либеральный закон может быть использован как инструмент проведения любой политики.

Выдающийся юрист, либерал, социалист Энрико Ферри, будучи депутатом итальянского парламента, последние годы жизни разрабатывал самый гуманный, по его мнению, уголовный кодекс Италии. Он его разработал, и Кодекс был принят другим социалистом, правда, — национал, — Бенито Муссолини. И на основе этого либерального УК проводился фашистский террор в Италии.

Сами по себе любые либерально-демократические конструкции УК или УПК не защищают общество и граждан от злоупотреблений власти.

Ведь уголовная политика — это не только законодательная и правоприменительная политика, это и политика как таковая.

А политика как таковая — всегда борьба за власть!

В ней помимо законодательных конструкций используется совершенно другой инструментарий. Политологи вежливо именуют его «административным ресурсом». На самом деле в этом понятии заключена масса технологий воздействия на судей, следователей, прокуроров, оперативных работников, сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Если «административный ресурс» давления сочетается с мафиозно-олигархическим ресурсом (а это, как мы уже указывали, в современной России происходит сплошь и рядом), то правоприменители оказываются в тройном капкане — «административно-олигархически-мафиозном», и Закон, как таковой, играет в уголовной политике в данном случае явно не первостепенную, а только инструментальную роль.

Какой же должна быть уголовная политика (в классическом понимании) у сильного государства?

Прежде всего, надо избавиться от иллюзий, что максимальная либерализация уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства способно позитивно повлиять на результаты уголовной политики.

За годы действия нового УПК и в период либерализации УК *Россия вышла на одно из первых мест в мире по количеству убийств на 100 тысяч населения.* При этом реальное число убийств в стране превышает официальные данные как минимум в два раза и составляет не 30 тыс. зарегистрированных убийств, а не менее 60 тыс. реальных.

Одним из индикаторов реального уровня убийств являются данные о неопознанных трупах. В течение 2001 — 2006 гг. количество обнаруженных неопознанных трупов неуклонно росло (на 10-15% в год) и в 2006 г. увеличилось более чем на 60% в сравнении с 2001 г. На конец 2006 г. на учёте органов внутренних дел находилось свыше 60 тыс. дел.

Разумеется, часть таких розыскных дел была прекращена в связи с установлением личности погибших. Но *удельный вес числа трупов, которые так и не были опознаны* после проведённых розыскных мероприятий, увеличился с 18,7% в 2001 г. до 44% в 2006 г. На конец 2006 г. неопознанными оставались

около 26 тыс. обнаруженных трупов. Тогда как в 2001 г. этот показатель составлял менее 7 тыс. Таким образом, с начала XXI века число трупов, по которым не получено сведений, возросло в 4,5 раза.

Ещё один серьёзный показатель — удельный вес разысканных лиц, пропавших без вести. Если в 2001 г. меры розыска не дали результатов в 32% случаев, то в 2006 г. — уже более чем в 40% случаев. Это почти 50 тыс. граждан.

Ежегодно правоохранительные органы не могут разыскать более 2 тыс. несовершеннолетних, из них около трети — малолетние. Большая вероятность, что большая часть из них стали именно жертвами насильственных преступлений.

Обращают на себя внимание и показатели удельного веса отдельных категорий разысканных лиц, пропавших без вести. К концу 2006 г. оставались разысканными:

более 75% пропавших без вести сотрудников правоохранительных органов;

75% лиц, пропавших с транспортными средствами;

91% пропавших в связи с оборотом недвижимости;

83% в связи с выполнением профессиональной деятельности, в том числе коммерческой деятельности — 90%.

Во многих случаях, несомненно, речь идет о *латентных убийствах*.

Приведённые цифры свидетельствуют о том, что *государство не выполняет своих функций по защите граждан*.

Когда задаёшь вопрос сторонникам радикальной либерализации уголовной политики, не связана ли такая катастрофическая ситуация именно с проведёнными либеральными реформами УК и УПК, то они возмущённо отвечают, что нет. При этом аргументация такова, что преступность детерминруется сложнейшим переплетением социальных факторов и собственно сама борьба с преступностью, по их мнению, влияет на показатели преступности в наименьшей степени.

Мы полагаем, что это — блудливый уход от ответа.

Действительно, преступность порождена многими факторами, но криминологами давно доказано, что *малейшее послабление в борьбе с преступностью, непринятие мер по так называемым «малозначительным» преступлениям моментально приводит к всплеску преступности тяжкой*.

В результате либерализации УК и принятия нового УПК так называемые «малозначительные» преступления были фактически выведены из зоны уголовно-правового реагирования правоохранительных органов.

Это, по нашему мнению, и явилось одной из главных причин лидерства России в мире по коэффициенту убийств.

Сильное государство обязано защищать своих граждан на ранней стадии возникающей опасности, не заботясь о статистических показателях и своей «негуманности» по отношению к так называемым «малозначительным» преступникам.

Сильное государство не должно бояться выглядеть нелиберальным и при создании и расширении сети специальных учреждений для маргинальных слоёв

населения — алкоголиков, наркоманов, бродяг, социально-опасных детей и подростков, не достигших возраста уголовной ответственности.

Государство несёт ответственность за миллионы этих людей, которые стали таковыми в результате его (государства) политики. Одновременно государство обязано защищать от этих людей ещё не поражённую патологиями часть общества, также как оно обязано защищать общество от преступников.

Другой расхожий тезис радикал-либералов: государство не должно убивать. Иными словами, государство не имеет права применять смертную казнь. Здесь опять — явный блеф.

Государство почему-то может проводить контртеррористические операции и убивать по подозрению, но не может убивать по приговору суда?

Государство даёт право убивать даже угонщика автомобиля во время погони, но не может казнить новых «чикатил».

Порой кажется, что такой подход — из фантастических романов о «перевёрнутых мирах», где все понятия и логические нити приобретают обратное значение.

Сильное государство должно иметь право убить по приговору суда! США, например, — сильное государство. И оно в этом праве себе не отказывает. Можно задать вопрос: как же государство может стать сильным, если оно окутано тысячами нитей олигархически-клановых и мафиозных отношений.

Действительно, сильное государство в России не может возникнуть ниоткуда, кроме как из самого себя. *Личинка сильного государства может и обязана прорваться через окутавший его антигосударственный кокон.*

Для этого «административный» ресурс должен быть отделен от ресурса мафиозно-олигархического. Выступая на Всероссийском координационном совещании руководителей правоохранительных органов 21 ноября 2006 года, Президент России В. Путин справедливо заявил, что «деньги и власть должны быть разъединены». При этом он обратился к руководителям правоохранительных органов.

Но, видимо, *это разъединение должно начаться с высших эшелонов власти* — губернаторов, покупающих зарубежные спортивные клубы, руководителей правительства и администрации самого Президента России, которые возглавляют советы директоров различных ОАО не на бескорыстной основе.

Разъединять, так разъединять!

K. Papendorf*

MODEL PROJECTS WITH HEROIN MEDICATION IN WESTERN EUROPE

1 Introduction and design.

From the 1990s we have seen in Western Europe a development from a repressive drug policy to a model focusing on harm reduction. Cities like Hamburg, Zurich, Amsterdam and Frankfurt passed in 1990 a document called the Frankfurt Resolution. These cities stated in that document: «The attempt to eliminate both the supply and the consumption of drugs in our society has failed. ...A dramatic shift in priorities in drug policy is essential. Help for drug addicts must constitute together with preventive and educational measures an equally important objective of drug policy...»

This new drug policy is based on three main strategies: a focus on methadone prescription, on needle exchange programmes and on the establishing of safe injection rooms or crisis centres or consumer rooms. From 1994 we get the first projects with heroin treatment in Switzerland, 1998 in the Netherlands, 2001 in Spain and 2002 in Germany. That is the topic for my lecture today:

The traditional therapeutic treatment system for drug addicts has over a long period been confronted with the fact that we have a certain amount of drug addicts or patients who cannot be reached with such treatment. May be they do not enter or continue with treatment, or the treatment success is too low.

Based on various estimation methods for those European countries, which have established model projects for heroin assisted treatment, it is realistic to assume that at least 530.000 persons use heroin in the countries I mentioned. (My numbers are from 2006.) International evaluation studies indicate that about 10 % – 20 % of the patients don't profit from methadone treatment or only in an insufficient way. The risks for patients without treatment are extremely high both on the individual and the social level: an increased mortality risk and the risk for chronic illness such as hepatitis, Aids, other infections and psychiatric disorder.

I will now, as one example, give some information about the design and objective of the German model project. But first I have to say that the study was conducted in accordance with the ethical principles of the German Ethics Committees, the World Medical Association and the Declaration of Helsinki.

The objective of the German Study is to find out whether the controlled and structured treatment with pure heroin is more successful in certain groups of heroin addicts than standard addiction therapies (methadone treatment). Such goals are harm reduction, integration into the support system, reduction of illicit drug use, health, mental and social improvement, controlling and overcoming dependency, distancing from drug scenes and enabling of new drug-free contacts. The target group is heroin dependants, who need treatment, but could not be reached with therapeutic measures through the existing addiction support system.

---

* Карл Папендорф — доктор философии, Институт криминологии и социологии права (Осло, Норвегия).

© К. Папендорф, 2008

A total of 1015 patients participated in the first design in the end of 2003, located in seven German cities. Nearly half of those (n=487) represents the group of heroin addicts, who had not sufficiently benefited from methadone treatment. The other half (n=528) were heroin addicts, who were not effectively reached by the drug treatment system. These two groups were each randomised into four groups. These four groups differ in terms of medical treatment (experimental group: heroin versus control group: methadone) and psychosocial treatment. In other words, there were eight groups receiving treatment for 12 months within the first study phase. At the end of this period, patients could move on to the second phase, also with the duration of 12 months.

Heroin is administered up to three times a day, in the morning, at noon and in the evening. In accordance with the Swiss and the Dutch studies, the maximum daily dose of heroin is 1.000 mg, the single maximum dose 400 mg. On the average during 12 months, the daily maximum dose is 442 mg with a falling tendency. The mean daily dose of additional methadone prescribed to heroin patients is about 8 mg, encompassing all days of heroin dispensing. Methadone patients were treated with an average daily dose of 99 mg. The tendency here is stable as well.

2 The results.

The central result of the German model project indicates a significant superiority of heroin treatment over methadone treatment. Heroin treatment achieved significantly higher response rates with respect to health conditions (heroin 80.0 %, methadone 74.0 %, $p=0.023$) as well as the decrease of illicit drug use (Heroin 69.1 %, methadone 55.2 %, $p>0.001$). The retention rate of heroin treatment is 67 % after 12 months and slightly lower than the rates of the Dutch (98 % after 12 months) and Swiss studies (71 % after 12 months).

The research on the effects of heroin treatment on drug-related delinquency indicates a highly significant reduction of such delinquency, which is persisting after discharge. The reduction of drug-related delinquency is about 50 % in the first year of treatment, with an additional 25 % in the second year, for nearly all offences. The reduction of crime is more significant in heroin than in methadone treatment. But this refers only to certain crimes of the research, like shoplifting, dealing with drugs and robbery (private persons). It does not refer to theft, assault and fraud. Other significant effects of the treatment are "distance to the drug scene" and "reduction of illicit drug use".

In this context some research findings from Switzerland support the findings of the German research: The research shows a high reduction of crime (between 59 % and 70 %) for all criminological indicators (fraud, dealing with drugs and sacrifice of both theft and fraud by buying of drugs). But on the other hand this research also shows that the reduction of crime is not a consequence of social integration or a better reintegration.

The second study phase focuses on the effects of the 2-year heroin treatment. The health situation of heroin patients stabilises or improves. Their housing situation stabilises, social contacts slightly increase and leisure activities develop positively. The effects on the patients working situation are also remarkable. But two

thirds of the patients have no stable partner and one tenth no reliable friends. This indicates that the process of social integration outside the drug scene is a slow one.

The fear that heroin treatment will be a treatment with no end is unfounded, as research from Switzerland indicates. The numbers for Switzerland are in this context most interesting, because heroin treatment has been longest here, namely 9 years. After two years 50 % of the patients have already finished heroin treatment. After nine years the numbers of those who have continued with heroin treatment decline to 27 %. A second fear, that heroin treatment would result in a weakening of other traditional drug therapy-forms, is equally unfounded according to the research. Thirdly, the model project with heroin treatment in Switzerland has not resulted in the lowering of the threshold against heroin consumption. The incidence rate has declined in Switzerland from 850 in 1990 to around 150 in 2002. For Europe in general, the numbers are stable or slightly falling. A plausible explanation of this development in Switzerland is the high degree of methadone treatment. Another explanation of this development focuses on the changing image of heroin as a "looser-drug", missing models (new role models?) and new trends.

Drug-related mortality is also related to this development. Since 1991, with a top about 400, drug-related deaths have declined 50 % in Switzerland from 1999 to 2003, and have now stabilized below 200 annually.

Costs

The costs for heroin treatment is approximately the same for Switzerland, Netherlands and UK, between 42 € and 44 €. On the other hand, the benefit per patient day is over 70 €, due to fewer costs for the prosecution- and prison system. So we can conclude that heroin treatment is generally a "cheap" treatment.

To sum up the development in countries with heroin treatment

In all countries there are significantly fewer health problems for patients. And there is also significantly less illicit drug consumption in Switzerland, Germany and Spain. In respect to the expectations of the patients' environment, research from Switzerland indicates that heroin treatment contributes to, besides other factors, the disappearance of the open drug scene and the reduction of the consumption of drugs and the number of used needles found in public spaces. To sum it up with the grand old man of heroin treatment, Ambros Uchtenhagen from Switzerland, drug-related crime and the load for the public decline and all the changes go in a positive direction.

Г. С. Мауленов*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Социально-экономические и правовые преобразования в Республике Казахстан и изменение вследствие этого состояния общества, необходимость постоянной разработки эффективной законодательной базы по борьбе с преступностью, особенно с коррупционной и организованной, совершенствование реализации на практике принципа неотвратимости наказания за противоправные действия, возрастание криминального профессионализма, широкое распространение корыстной мотивации многих преступлений, совершаемых законспирированными преступными синдикатами, а также лидерами «теневой» экономики, отдельные из которых связаны с организованными преступными группами, действующими за пределами республики, требуют постоянного изучения преступности.

Переход от административно-командной системы к рыночным отношениям обусловил в целом более высокий уровень свободы личности и общества, что сказалось и на преступной среде, которая в этих условиях начала приобретать организованные формы. Представители криминального мира, ставя своей целью обогащение любым способом, настойчиво стремятся внедриться в сферу предпринимательской деятельности и финансово-банковскую систему, использовать в своих корыстных интересах внешнеэкономические связи, втянуть в свою работу представителей государственного аппарата, правоохранительных органов.

К сожалению, в обществе имеет место коррупция, ведущая к стиранию грани между законным и незаконным бизнесом. Особо опасные формы приобретает сращивание коррумпированных чиновников в органах государственной власти и управления с различными коммерческими структурами с преступной направленностью, которое приобретает порой организованный характер, уходит порой из-под контроля правоохранительных органов.

Кроме того, распространение коррупции в государственных органах сложилось вследствие недоверия граждан к ним, зачастую подрыву авторитета власти, оттока наиболее профессиональных кадров в предпринимательские структуры.

Коррупция и взяточничество выливаются в разнообразные формы, сфера их деятельности неуклонно расширяется. Имеет место, когда должностные обязанности работников государственного аппарата превращаются в особый вид товара, при этом негласные расценки устанавливаются в зависимости от чина и вида услуги с учетом темпов инфляции.

---

* **Газиз Сырбаевич Мауленов** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического университета Республики Казахстан (Астана, Казахстан).

© Г. С. Мауленов, 2008

Следует выделить, что преступная среда изменила технологию собственного «производства», так в сфере экономики технологически произошёл распад преступных действий (появились преступные организации, занятые добычей сырья, группы производителей, группы реализаторов, группы обеспечения и т. п.).

Практика подтверждает появление новых направлений организованной преступной активности: монополизацию наиболее доходных её видов, территориальную экспансию, и прежде всего с выходом за рубеж. Эти процессы протекают в условиях всепроникающей коррупции, угрожающей государственности. На передний план выдвинулись такие виды преступного промысла, как наркобизнес, проституция и детская порнография, незаконная торговля оружием и людьми, контрабанда похищенного сырья и ресурсов, финансовые и валютные махинации, кибертерроризм, имеющие международный элемент.

Кроме того, возникают проблемы, связанные с противодействием транснациональной преступности, основанной на деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ, состоящих из представителей государств-участников СНГ, которые приобретают особую остроту.

В связи с этим подписанные межведомственные международные договоры, направленные на борьбу с транснациональной организованной преступностью и способствующие развитию взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ, служат развитию безопасности в обществе.

Актуальность перечисленных проблем предполагает их теоретическое, криминологическое, правовое и практическое разрешение с конечной практической целью повышения эффективности мер по противодействию организованной преступности и коррупции.

Вышеизложенное вызывает решение ряда проблем:

— проведение комплексного анализа положения дел в области борьбы с коррупцией и организованной преступностью;

— внесение руководителями организаций, ведомств, имеющих научные и учебные заведения, руководителями научно-исследовательских учреждений, вузов корректив в планы научно-исследовательской работы, обеспечивающих неотложную комплексную проработку фундаментальных и прикладных проблем, касающихся коррупционных правонарушений в их подразделениях для проведения исследований на комплексной и междисциплинарной основе представителями разных наук по проблемам коррупции в целях выработки эффективных рекомендаций по мерам защиты населения от указанных выше негативных явлений и процессов;

— обязательное обсуждение на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов и судебной власти вопросов о принятии неотложных правовых мер к пресечению указанных явлений;

— создание межведомственной системы психологической службы для решения вопросов профессиональной диагностики сотрудников правоохранительных органов, их профессионального отбора, воспитания, обучения и расстановки кадров; предупреждения профессиональной деформации этих сотрудников и оказания им психологической помощи;

— совершенствование криминологической экспертизы законопроектов Республики Казахстан.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает создание Криминологического института Республики Казахстан по изучению проблем противодействия с целями:

1) анализа качественных и количественных характеристик преступности, их изменений, причин преступности, ее изменений и территориальных различий в областях, разработка криминологических прогнозов;

2) определение стратегии и тактики борьбы с преступностью, разработка программ предупреждения преступности, внесение предложений о совершенствовании ресурсного и кадрового обеспечения всей системы борьбы с преступностью в республике;

3) организация пропаганды криминологических знаний, научных рекомендаций, организация подготовки кадров криминологов, ориентированных и на научную, и на практическую деятельность;

4) организация системы криминологической службы в регионах республики и общее руководство ею;

5) участие в организации и проведении криминологических экспертиз;

6) разработка мер обеспечения социально-экономических интересов мигрантов, иностранцев в целях предупреждения преступности;

7) создание и руководство областных, городских филиалов Казахстанской криминологической ассоциации;

8) изучение истории, традиций, обычаев и нравов республики, её специфику в целях предупреждения преступности.

В исследовательском плане Институт ставит задачи по изучению: коррупции и организованной преступности; транснациональной преступности; бизнеса; новое содержание преступности в обществах, переходящих к демократии; жертвы преступности и политика в отношении жертв; уголовная политика, социальная политика и предупреждение преступности в Евразии; пенология; социально-политические перспективы тюремного заключения; внутрисемейное насилие; исламское право и преступность; криминология и религия; политическое насилие, терроризм; преступность иностранцев и национальных меньшинств; преступность молодежи на Востоке и Западе; городская и сельская преступность; международное сотрудничество в области борьбы с преступностью; развитие служб частной охраны и защиты граждан; разработка методики ранней диагностики лиц, склонных к совершению преступлений; развитие системы наказаний, не связанных с лишением свободы; совершенствование методов воздействия на преступность (воспитание, социальный контроль за лицами, представляющими общественную опасность).

Во всем мире, как известно, происходит глобализация политики, экономики, а также преступности. В этой связи уместно напомнить определение преступности, употребляемое невско-волжской криминологической школой, которое, помимо прочего, включает в себя свойство глобального общества воспроизводить множество опасных для людей деяний, проявляющиеся

во взаимосвязи преступлений и порождающих его причин». ¹⁷⁸ Сегодня преступность как явление приобрела транснациональный характер. Более того, казахстанские преступные группы зачастую действуют в контакте с преступными организациями зарубежных стран, получая свою долю прибыли. Организованная преступность ставит перед собой цель наживы, получаемой от торговли запрещенными товарами или от запрещенных услуг. Истинные доходы от коррупции и организованной преступности установить практически невозможно, поэтому их деятельность угрожает внутренней безопасности Казахстана, ослабляет экономическую систему республики, подрывает общее благосостояние казахстанцев, разлагающе действует на многих граждан. Коррупционные правонарушения и организованная преступность в последние годы совершенствуются с использованием новых наукоемких технологий, что связано с тем, что коррупционными правонарушениями и организованной преступной деятельностью в республике занимается большое число отдельных разноплановых групп, которые делятся по сферам преступного бизнеса, например, торговля оружием, наркотиками, извлечение доходов из азартных игр, проституции и т.п. Причём следует подчеркнуть, что каждое преступное сообщество стремится к контролю в своей сфере деятельности, к организационному совершенству, которое позволяет с минимальным риском получать максимальную прибыль от преступного бизнеса, а на скамье подсудимых, как правило, оказываются второстепенные члены преступных групп.

Действующее уголовное, уголовно-процессуальное законодательство создавалось в сложный период суверенитета Казахстана, становления самостоятельной юриспруденции, в связи с чем и в настоящее время идёт процесс совершенствования законодательства.

Так, в республике в 2003 г. было зарегистрировано 807 коррупционных правонарушений, в 2004 г. — 1367. Однако не секрет, что уголовная статистика давно перестала быть достаточно достоверным источником, в связи с этим использование её данных для криминологического анализа затруднено, ибо одной из причин неполноты и недостоверности уголовной статистики является достаточно высокая латентность преступлений, когда многие потерпевшие от преступлений стали избегать контактов с правоохранительными органами и отказываются заявлять о совершённых в отношении них преступлениях. Поэтому практика показывает, что наряду с совершенствованием статистической отчетности значительно возрастает потребность в проведении целевых виктимологических исследований различного плана о личности, поведении потерпевших, характере их взаимоотношений с правонарушителями и правоохранительными органами, о масштабах вредных последствий, а также учитывая опыт ряда стран, введение в практику органов внутренних дел составление ежегодных обзоров криминальной виктимизации.

---

¹⁷⁸ Шестаков Д. А. Институт примирения с потерпевшим в контексте доктрины «преступность — свойство общества» // О проблемах правоприменительной практики освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Сборник материалов международной научно-практической конференции 2 ноября 2006 года. — Астана, 2006. — С. 16

H. Giertsen*

DRUG USERS SEEN AS WHOLE PERSONS – IN CONTRAST TO THE SEGMENTED PERSPECTIVE IN LAW, IN MEDICINE AND SOCIAL WORK

In Norway authorities have¹⁷⁹ a deeply ambivalent and bewildered view on people using drugs: Such persons are seen as criminals and at the same time also as persons in need for medical help and social welfare.

We see that people using drugs are seen as **criminals** in the penal law, which in this area is not a sleeping law: In 2005, 37% of all reactions for crimes dealt with drugs. 20,5% dealt serious cases (buying, selling and keeping a fairly large quantum), while 16,5% dealt with not serious cases (keeping a small dose and for own use).¹⁸⁰ Criminalisation is also reflected in the prisons: Pr. 1.st of January 2005, almost 32% of all prisoners served sentences for drug-related acts.¹⁸¹ People found guilty and sentenced are seen as responsible for their acts and therefore possible to punish, and they are morally condemned. A mean-end way of thinking is also applied, assuming that prisoners at the same time will be both deterred and rehabilitated. And people, who are punished, are also used as symbols to signal that society finds such acts immoral. This is how persons using drugs are seen, according to the criminal law.

In a sociologically perspective other features on crime control are overwhelming: People in prison are recruited from the poor, homeless, with mental pains and using drugs. Shortly said, we punish poverty, and the criminalisation of drugs highly contributes to this.¹⁸²

But it seems to be problematic for the Norwegian society to have only a moral, condemning, punitive attitude towards people using drugs. Some of the persons using drugs are obviously in deep need for care. So a **medical approach** on persons using drugs is also applied. They are spoken of in a medical language and seen as relevant for medical institutions, in three ways: i) some of them are said to have a double diagnosis (a psychiatric diagnosis and drug use, which in these cases are elevated to a “diagnose”). ii) People using drugs and living in the streets are often in bad condition and need health care (which is partly offered by targeted services: “street-health-care, “nurse-on-wheel”) iii) Recently there has been a reform in the Norwegian “drug-care”-system, so that abstinence treatment is categorised as specialist medical treatment. (But still with possibilities for using force, keeping persons in institutions against their will for a limited period, especially pregnant women – which is unusual in ordinary health services (except for containment).

---

* **Хедда Гиртсен** – доктор философии, Институт криминологии и уголовного права (Осло, Норвегия).

© Х. Гиртсен, 2008

¹⁸⁰ Table 27,

url.: http://www.ssb.no/emner/03/05/a_krim_tab/tab/tab-2006-10-20-27.html

¹⁸¹ Table 53, url.: www.ssb.no/emner/03/05/a_krim_tab/tab/tab-2007-03-14-53.html

¹⁸² *Nils Christie and Kjetil Bruun*. Den gode fiende. – Oslo, 1985/2003; In German: *Der nützliche Feind: Die drogenpolitik und ihre Nutzniesser*. – Bielefeld, 1991. Also published in Russian.

Also medicament-assisted-rehabilitation (MAR) is categorised as specialist medical treatment. This means that persons using drugs are stabilised on medicaments as methadone or other medicaments.

So in the medical field, people using drugs are seen as patients. According to Norwegian health-laws, patients have the right to “*needed health-care*”. But drug users are exceptions: Both to get into MAR and to be kicked out and loose the medication are based on non-medical reasons. The MAR program is a mixture of help & control, medicine & moralism. The rules are being revised now, but most likely this double standard will be kept.

Persons who use drugs are also seen to be in need for **social welfare**, in several ways: Economically (by means of pension or support, help to eliminate debt, black and white. And socially (to (re)establish contact with family, handle relations to offices and so on.) There are also hostels, refugees and special services for persons using drugs, aiming at giving shelter, food and reduce some of the harm that follows in the footpath of living in the streets. In this field persons using drugs are seen as clients of the social-welfare-system.

These three approaches from law, medicine and social-welfare-authorities can be simplified into three different *figures* – not constructed by collecting characteristics from the persons using drugs – on the contrary, these figures are constructed according to the perceptions made by the three authorities and the concepts, theories, believes and ways of thinking they rely on. We may think that these figures mirror reality and show “*how people are*”. But it is not so. They just mirror these three fundamentally different views held by the three professional groups. While the individual is the same, just going from one figure to the other, so one day a person is seen as criminal, the other day as patient, the third as in need social welfare, for example a place to live. Most of the women I have talked with in a rehabilitation institution, have visited the three figures several times.

If we make a parallel to literature and discourse, law, medicine and social welfare can be seen as social groups who use certain languages, dialects or argot of professionals, that make them able to focus on certain elements, using certain theories and understandings, and following from this, certain measures that seem to be appropriate. But there are also other writing styles or discourses, and some of them are opening up for describing a person or an event not only in the writing style of authorities, but by the person. These stories follow other structures where important events in life are defined, not according to formal, official marks, but to what the person herself finds important. While authorities need simplifications to put their measures through, people often tell more nuanced and complicated stories, and for the person also more correct, true stories.

I wonder if some institutions can be seen as a parallel to the kind of writing styles that open up for life stories. I have been talking with staff and residents in a small institution for women who are poor, without housing, who have experienced violence as children and grown ups, psychiatry, drugs and now are on methadone. There are some indications for seeing these institutions as parallels to writing styles of life stories. First of all, the structure of the place: it is a small institution for maximum eight residents; with some stability as the they may stay up till three years;

and it is only for women who are 30 till 50 years old. Also of importance is that the place is based not on prohibition of drug, but on what is called “*drug-control*”, and that the resident “*wants to do something to improve her way of life*”. Secondly, the attitude of the staff is important. They listen to the residents: their stories, perceptions and wishes for changes. One word covers their approach: the staff *follows* the residents, which means that they try to tune into the residents’ way of thinking. They follow and try to support in many respects: practically, in the streets, into cafe and offices. Socially, if there are dramatic events in the resident’s family, if a parent or a child die, they are there. If a resident is angry and screams, they “*stay in the situation*” as they say, until the rage decline.

Some women comment these points: They underline the importance of being seen as a person, not as a number in a queue. They appreciate that the staff does not push. The staff tells that sometimes women come in and sit down, having a safe and peaceful place for the first time they can remember, and they sit down for days or weeks. One resident told that she came in and sat down, looked at TV for some months: “*I was like a zombie*”. Then she started to find out what she wanted. Today she is on methadone, living in an apartment with another person in the same situation and has contact with her family and children. The residents are allowed to take their time, and may be they start to change their lives. Usually we see quietness and change as two different happenings, but in this setting they are impossible to divide.

I said: “*They start to change*”, so one may ask: “*what is the aim?*” There are many answers. For the staff one aim is to give shelter and safety for residents for some weeks, months or years. Another aim is to see the residents as individuals, in the spirit of the French psychoanalyst Jacques Lacan. He is occupied with the responsibility that lies in the meeting of another person: to see another person’s face immediately creates a responsibility to perceive the other as a human being, with all implications. From this ideal follows that the institution must contain few women, and to listen and try to understand and follow their views, thoughts and wishes, to strengthen their self-respect. When it comes to aims for the *women*, something is going to happen, but what, and who know? The women do. For some of them it is important to be in the house and experience these surroundings and relations to the staff and co-residents. One woman experienced that this “*gave me my future back*”. Some aims are reached in the moment they are invented, as when some women found that they would contact their families by postcards (which was more easy emotionally than by telephone). Other aims are improving the health and getting new teeth (as they have no teeth left after years of heroin use). These aims point to improving the daily, here and now life for the residents, physically and socially.

But it is not a totally idyllic place. There are also limits and rules. As a resident you may be told to leave, for you are not allowed to keep or use drugs, nor to sell or buy it. If you do, you may loose your room. Here is a dilemma, for the problem, to use drug, is the very reason why women are in this institution, to get help to control or quit drugs. Their problem cannot be the reason for kicking them out. One has to find solutions. But if drug use is judged as extensive, the staff talks with you, and suggests that you go to another institution, to stop use of pills, amphetamine or

heroin, while your room is waiting for you. To sell drugs is a more serious break of rules, for you may create difficulties for your co-residents. The institution does not want that residents bring *“the street into the institution”*. If you sell drugs, your room is at stake, and you may be told to go to another institution. So in this institution drug-related acts are topics for negotiations, in sharp contrast to the penal law. The institution may therefore be seen as a little pocket or workshop where a different approach to drug-use is worked out, compared to the institutionalised three.

But drug-related control of residents does not rely only on the rules in the institution. The residents also take part in MAR. Here they have a contact person, get help, medicine, and here they are controlled by urine tests. If the test detects illegal drugs, you may lose your medicine and your room. So an important part of the control is placed outside the institution.

Drug-related acts are a topic for negotiation, you may be kicked out, but it is not for sure. But another kind of act is more rarely negotiated. Threats or use of violence most often give the immediate reaction: *“Out!”* based not primarily on penal law, but on the law on safety for employees. As far as I know, two residents have left because of this. So sometimes the institution export problems out of the institution, leaving it to police or psychiatry.

But there are exceptions. A resident is not always kicked out for violence. Sometimes the staff in this and similar institutions wonder if a kick from a resident really qualify for the term “violence”, or if a person who throws plates and ash-trays is sensibly described as performing violence. The answer may be “no”, this is better understood as a language of despair: Something has to be done. Most important the staff need to learn to be aware of what triggers such acts and preventing them from building up. The deciding point is that the staff shall not feel afraid – they need to find out how to behave to feel safe if a rage occurs.

One may ask: how does the use of rules and laws fit with the aim of “seeing the other”? The answer is, it does not fit. The ready-made, prefabricated descriptions in law and diagnosis, belong to different approaches than the “seeing-the other”-perspective.

To end this very short description of the institution, I think the importance of this and similar institutions, is the will to present and to a large extent follow, a profound respecting and caring principle in the work for women who too well know other approaches, characterised by one of the women as *“never being good enough”*. But the staff does not follow the individual principle completely. Though diagnosis is banned, the staff sometimes uses law – which may be useful for the staff and for the residents. So the line between the use of ready-made definitions in law and handwork of seeing the other as an individual human being, fluctuates. This points to an interesting question: when is the staff applying an understanding approach and when do they close down understanding and call upon law or other prefixed, authoritarian definitions.

When using respecting and caring principles, the institution shows other ways of approaching “narcotics” and “street-women” than three traditional ways: They do not punish them, nor placing them in a waiting room, store them up and garaging them, seeing them just as patients nor turning them into helpless clients. In their

approach, the institution is also a stronghold against the more modern way of reducing people by dividing us into bits and pieces to make us fit a managerial system. These bits of information, isolated from the persons, are further accumulated into a mass of incoherent, non-related characteristics, which in turn are used to estimate in a statistical, de-humanizing way, assumptions about the future behaviour of a person, especially what is called risk.¹⁸³ By insisting on seeing the women as persons with their individual experiences, life stories and characteristics, giving them room for living for some time – the institution appear as a workshop on how to keep alive fundamental values towards persons living in difficult situations – in spite of the pressure from the other, strong and heavy definitions.

---

¹⁸³ *Castel R.* From dangerousness to risk. // *The Foucault Effect.* / Graham Burchell, Colin Gordon and Peter Miller (eds.). – Harvester, Wheatsheaf. London, Toronto etc., 1991.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНОЛОГИИ

Д. А. Шестаков*

РАЗВИТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЛЕНИНГРАДЕ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук

Масловой Эллины Витальевны

(Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

В отечественном разделе истории криминологии накопился материал, нуждающийся в разработке как в историографическом, так и в собственно историческом аспектах. Российская криминологическая историография заметно отстаёт от реальности. Достаточно напомнить то, что в работах по истории криминологии разделы, посвящённые периодизации, появились у нас только начиная с 1992 года. Дальнейшее развитие историографии требует определения неких эпистемологических единиц:¹⁸⁴ доктрина, течение, отрасль, школа, — появление, воплощение, борьба и исчезновение которых наполняют исторический процесс науки. Есть потребность в изучении истории отечественной криминологии также в пространственном аспекте (дальневосточная, сибирская, московская, петербургская, черноморская криминология и т.д.) постольку, поскольку отличающиеся по научным подходам учреждения по исследованиям проблем преступности и отдельные специалисты рассредоточены по нашим всё ещё необъятным просторам. Непростой исторический путь Санкт-Петербургской криминологии, на котором имели место достижения, упадок, противостояние, — ещё не в полной мере изучен. В связи со сказанным нельзя не признать тему диссертации Э. В. Масловой актуальной.

Оппонируемая диссертация обладает научной новизной в силу того, что в ней впервые на монографическом уровне исследована история криминологической науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге, определены периоды её становления, проанализированы основные научные доктрины (социологические определения преступности, её семантическая доктрина и др.), разработанные или активно поддержанные петербургскими криминологами. В диссертации выявлены отрасли криминологических исследований, начало которым положено в северной столице (семейная криминология, политическая криминология, богословская криминология, криминология закона). Э. В. Маслова одной

---

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия).

© Д. А. Шестаков, 2008

¹⁸⁴ Термин, употребляемый И. Л. Честновым.

из первых даёт развёрнутую информацию о деятельности Санкт-Петербургского криминологического клуба. Ею собраны биографические сведения о наиболее известных криминологах этого города. Есть новизна и в предложениях соискательницы, в частности, касающихся определения отрасли криминологии и научной криминологической школы.

В диссертации на основании проведённого исследования сформулированы заслуживающие внимания положения. В их числе характеристика отличительных признаков петербургской криминологии, которую соискательница именует петербургской криминологической школой. Она полагает, что такими признаками являются либерально-демографические идеи о перспективах уголовной политики, критическое отношение к сформировавшимся взглядам на преступность и способам противодействия ей, нетрадиционное представление о преступности и, в частности, рассмотрение преступности с позиции постмодернистских концепций, критика традиционного института наказания, формирование новых отраслей криминологии, интеграция в мировое криминологическое сообщество, активное проведение эмпирических криминологических исследований (С. 74).

Заслуживает быть отмеченной предлагаемая Э. В. Масловой периодизация истории Санкт-Петербургской криминологии на отрезке, рассматриваемом в диссертации. Соискательница выделяет три периода: 1) возрождение криминологии (1960-е — 1970-е годы), 2) конституирование криминологии в качестве самостоятельной науки с превалированием в ней социологического подхода, начало формирования принципов Санкт-Петербургской криминологии (1980-е — начало 1990-х годов), 3) развитие новых отраслей криминологии, налаживание международных контактов, критическое направление в криминологии (начало 1990-х годов — настоящее время) (С. 9).

Одним из результатов диссертационного исследования стала констатация в рамках Петербургской криминологии двух противоположных позиций в отношении развития уголовной политики и уголовной юстиции. Одна из них, занимаемая С. Ф. Милюковым, по мнению соискательницы, заключается в необходимости ужесточения, другая, на которой стоят Я. И. Гилинский и Д. А. Шестаков, связана с требованием либерально-демократического реформирования (С. 107—125).

В качестве достоинства оппонируемой диссертации укажем на то, что её автор значительное внимание уделила освещению разработки Петербургскими специалистами понятия преступности, в котором, полагаю, заложен центральный вопрос общей криминологической теории. Э. В. Маслова сопоставляет мнения Л. И. Спиридонова: «преступность — момент социального организма», Я. И. Гилинского: «преступность — разновидность девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе», Д. А. Шестакова: «преступность — свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний» (С. 31—55).

Практическое значение данного диссертационного исследования состоит в том, что ряд его положений может быть использован в научно-исследовательской деятельности, в преподавании криминологии. Систематизированные

Э. В. Масловой положения петербургских авторов о контроле над преступностью могут найти применение при совершенствовании законодательства. Результаты, достигнутые автором диссертации, способствуют развитию криминологической историографии.

Научные положения и выводы, сформулированные в работе, обоснованы, что достигается весьма добросовестно проведённым анализом литературных источников. Достоверность результатов исследования обеспечена собственным социологическим исследованием соискательницы. Она опросила в качестве экспертов ведущих криминологов Санкт-Петербурга, а также исследовала их биографии. От близких по тематике других диссертационных сочинений труд Э. В. Масловой выигрышно отличается в том отношении, что соискательница сосредоточила своё внимание на относительно узком вопросе из истории криминологии, что позволило ей его скрупулёзно исследовать.

Диссертация и автореферат изложены хорошим профессиональным языком, её основные положения и выводы нашли достаточно полное отображение в автореферате и других публикациях соискательницы.

Впрочем, по поводу содержания настоящего сочинения возникли нижеследующие замечания.

1. Предложенная Э. В. Масловой периодизация петербургской криминологии располагает к дальнейшей дискуссии. Имея в виду то, что петербургская криминология является частью криминологии российской, я бы в развитии последней, начиная с 1960-х годов минувшего века, выделил нижеследующие этапы. *Детерминистический этап* — формирование диалектической школы (В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель и др.). *Плюралистический этап* — появление несовпадающих подходов к определению и объяснению преступности (Н. Ф. Кузнецова, Л. И. Спиридонов, Д. А. Шестаков и др.), формирование новых научных отраслей и школ (психологическая школа — Ю. М. Антонян; школа преступных подсистем — Д. А. Шестаков, С. У. Дикаев, П. И. Кабанов, Г. Л. Касторский и др.; девиантологическая школа — Я. И. Гилинский и др.). *Либеральный этап* — критика института уголовного наказания, постановка вопроса о преступности государственной власти (Я. И. Гилинский, В. В. Лунеев, В. Н. Кудрявцев, Д. А. Шестаков). *Постлиберальный этап* — усиление внимания к внешней государственной и надгосударственной, олигархической, преступности (Д. А. Шестаков, С. У. Дикаев, П. А. Кабанов).

2. Научное кредо одного из учредителей Санкт-Петербургского криминологического клуба, С. Ф. Милокова, охарактеризовано в диссертации однозначно как «репрессивное» (С. 118). Такая оценка представляется мне односторонней. С. Ф. Милоков деятельно участвует в разработке новой отрасли криминологии — криминологии закона, чему были посвящены его кандидатская и докторская диссертации, многочисленные публикации. В последние годы он изучает также проблемы внепроцессуальных способов противодействия преступности, прежде всего её вооружённым формам.¹⁸⁵ Идеи этого учё-

---

¹⁸⁵ Сергею Фёдоровичу Милокову — 55 лет! // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2005, № 2 (9). — С. 12.

ного не сводятся лишь к усилению репрессии, многие из них направлены на усиление защиты и самозащиты населения.

3. Э. В. Маслова формулирует понятие криминологической школы как «общность выдвинутых идей, воззрений по определённым проблемам исследовательского поиска». По её мнению, определяющим для научной школы является наличие учеников, единомышленников, последователей, способных разрабатывать основополагающие идеи... (С. 73—74). Но в криминологии имеется и более узкое понимание научной школы, в котором в числе шести признаков школы решающее значение придаётся наличию оригинальной базовой доктрины.¹⁸⁶ Отсутствие соотнесения авторского и иных пониманий криминологической школы является некоторым упущением соискательницы.

4. Подлинный круг петербургских криминологов, работавших на рассмотренном в диссертации отрезке времени, несколько шире очерченного в диссертации. Во всяком случае, из числа ушедших из жизни специалистов необходимо было упомянуть Н. П. Грабовскую Б. В. Волженкина и С. А. Домахина. Сегодня же в городе на Неве активно работают в этой научной области: Ю. Е. Аврутин, Ю. С. Апухтин, Н. Б. Бараева, В. А. Бачанин, А. П. Данилов, С. У. Дикаев, Я. И. Гишинский, В. В. Гольберт, Г. Л. Касторский, В. Б. Клишков, В. В. Колесников, Т. В. Константинова, Я. В. Костюковский, Е. А. Костыря, А. А. Кочин, О. В. Лукичёв, С. Ф. Милуков, Т. Н. Миронова, М. В. Молчанова, И. А. Носкова, В. В. Пасынков, А. Л. Сморгунова, Д. Р. Усманова, А. В. Чураков, Т. В. Шипунова, В. С. Харламов и др., не все из которых названы в диссертации.

Сделанные замечания дают повод для дискуссии и дальнейшей разработки темы. При этом можно констатировать то, что настоящая диссертация соответствует предъявляемым требованиям. Её же автор, Маслова Эллина Витальевна, заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата юридических наук.

---

¹⁸⁶ Шестаков Д. А. Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. — 2005, № 1. — С. 45.

А. Лепс *

ТАРТУСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ — 375 ЛЕТ

(Вклад русских правоведов-эмигрантов из России, в восстановлении юридического факультета Тартуского университета в 1920-1930-х годах и сотрудничество в настоящее время русских и эстонских учёных-криминологов)

1. Краткий обзор истории Тартуского университета.

По распоряжению шведского короля Густава II Адольфа в 1630 году в Тарту была создана гимназия. Генерал-губернатор Ливонии Юхан Шютте предложил королю преобразовать её в университет, академию. Король подписал грамоту об основании университета 30 июля 1632 года. Университет получил привилегии и конституцию Упсалаского (Швеция) университета.

Работу Academia Gustaviana в Тарту приостановил натиск русских войск в 1654 году. Университет был переведён в Таллинн, где его деятельность к 1665 году угасла. Лишь во времена короля Карла XI в 1690 году университет в Тарту смог возобновить свою деятельность, теперь уже под названием Академия Густаво-Каролина. Обучение в университете велось на том же уровне, что и в других университетах в Европе.

Из-за военной опасности в конце 1699 года университет по распоряжению Карла XII был переведён в Пярну, где смог проработать до захвата Пярну русскими войсками в 1710 году. Вновь университет в Тарту был открыт 21 апреля 1802 года как подчинённый рыцарству Балтийских губерний Landesuniversität. 12 декабря 1802 года по распоряжению царя Александра I университет был преобразован в Императорский Тартуский университет. Деятельность ректора Егора Ивановича Паррота и поддержка куратора Фридриха Максимилиана Клингера обеспечили университету автономию и надёжное экономическое положение.

Тартуский университет был единственным университетом в царской России, где преподавание велось на немецком языке. Университет был широко известен своими достижениями в области науки. Во времена Александра III автономия была урезана, а языком обучения и делопроизводства с 1889 года был установлен русский. С 1893 года Тарту был переименован в Юрьев, и университет стал называться Императорский Юрьевский университет. В 1918 году из-за войны университет был эвакуирован в Россию в Воронеж.

Эстонский национальный Тартуский университет был торжественно открыт 1 декабря 1919 года, когда ещё шла Освободительная война.¹⁸⁷ Юридический факультет возобновил свою деятельность в январе 1920 года. На основании Тартуского мирного договора, подписанного между Эстонской

---

* **Андо Лепс** — доктор юридических наук, профессор, председатель куратории Социально-Гуманитарного Института, Член Парламента (Riigikogu) Эстонии в 1995 — 2002 годах (Тарту, Эстония).

© А. Лепс, 2008

¹⁸⁷ Tartu Ülikool (1632-1802-2002). A/S Vaal ja Aastaraamat O/Ü. — Tallinn, 2002. — Lk. 7.

Республикой и Россией 2 февраля 1920 года, университету было возвращено большинство из увезённого в Россию имущества.

2007 — год 375-го юбилея Тартуского университета, и поэтому уместно вспомнить деятельность юридического факультета особенно в 1920–1930-х годах.

2. Деятельность юридического факультета в 1920-1930 годах.

В наследство молодому эстонскому государству достались старое царско-русское законодательство и законоведы-учёные из русских эмигрантов, в большинстве своём прошедших европейскую выучку. Хотя они не владели государственным эстонским языком, тем не менее, могли не только квалифицированно излагать и комментировать старые юридические нормы, но и помогать в создании эстонской юридической системы.

Известно, что учебная работа продолжалась на основании прежних программ, так как требовался определённый период для подготовки эстонского профессорско-преподавательского состава и перехода на новые программы.

Конечно, нельзя сказать, что в это время не было юристов-эстонцев с академическим образованием, достаточно назвать такие имена, как Ян Тыниссон (1868, Вильяндская вол. — место и дата смерти неизвестно, окончил юридический факультет Тартуского университета (1892) — кандидат права,¹⁸⁸ позднее государственный старейшина, профессор Тартуского университета.)

Константин Пятс (1874, вол. Тахкураанна — 1956, Бурашево, Калининская обл.), окончил юридический факультет Юрьевского университета (1898), кандидат права, позже первый президент Эстонской Республики.

Николай Майм (1884, Тарту — 1976, Орангебург, штат Нью-Йорк), выпускник юридического факультета Московского университета (1909), позже профессор и декан юридического факультета Тартуского университета.

Юрий Улуотс (1890, вол. Кирбла — 1945, Стокгольм), окончил юридической факультет Петроградского университета (1915), позднее премьер-министр, профессор Тартуского университета.

Аугуст Рей (1886, вол. Кабала — 1963, Стокгольм), окончил юридический факультет Петербургского университета (1911), позже государственный старшина, и некоторые другие.

Бесспорно, вопрос подготовки национальных кадров был в этот период для Эстонии жизненно важным. Юристы для государственных учреждений молодой республики были необходимы повсеместно и немедленно, причём не только для государственной службы.

Требовались учёные-педагоги для преподавания правовых дисциплин в Тартуском университете, способные в перспективе создать юридическую терминологию на эстонском языке и национальную юридическую науку.

---

¹⁸⁸ Кандидат прав — выпускник, защитивший по окончании высшего учебного заведения вместе со сдачей выпускных экзаменов исследовательскую работу соответствующего уровня. Степень кандидата (прав) введена в 1804, упразднена уставом 1884, но до 1917 сохранялась в Юрьевском (Тартуском) и Варшавском университетах. — Большая Советская Энциклопедия, третье издание. — Т.11. — М., 1973. — С. 324.

В условиях острой нехватки национальных кадров, при том, что большинство из участвовавших в работе правительства юристов-эстонцев были воспитанниками царско-российских университетов, использование специалистов-иностранцев, в том числе русских учёных-юристов, было признано на начальном этапе целесообразным и просто необходимым. Например, на юридическом факультете Тартуского университета в 1921 году из 9 преподаваемых на факультете специальных дисциплин три читались на эстонском, пять — на русском и одна — на немецком языке.

В таких условиях, когда по университетскому статусу на 11 профессорских вакансий и 1 доцентуру по юридическому факультету из эстонских юристов претендовали лишь трое: Николай Майм, Юрий Улуотс и Антс Пийп (1884, вол. Тухалаане —1942, Ныробский лагерь, Пермская обл.), окончил юридический факультет Петербургского университета (1913),¹⁸⁹ позднее государственный старейшина, — пришлось искать подходящие кандидатуры из числа иностранцев, в том числе и русских.

Приведём имена тех русских учёных-юристов, кто с 1920 по 1939 год служил эстонской юридической науке:

Международно признанный профессор римского права Давид Давидович Гримм (1864—1941), из семьи потомственных дворян, окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1885), был дважды избран ректором Петербургского университета. Вначале в Тартуском университете он читал лекции на немецком языке, потом на русском языке. А его брат Эрвин Давидович Гримм (1870—1940) стал историком и в 1911—1918 являлся ректором Петербургского университета. Их отец Давид Иванович Гримм (1823—1898) был известным русским архитектором, ректором Императорской Академии художеств, академиком и архитектором царской семьи.

Немаловажно отметить, что дядя (брат матери) Давида Давидовича Гримма — Оттомар Иоганн Фридрих Мейков (1823 Тарту — 1894 Тарту), прибалтийский немец,¹⁹⁰ был воспитанником юридического факультета Тартуского университета.

В 1846 Оттомар Мейков окончил Тартуский университет и в 1850 году защищал докторскую работу на тему: «Die Diktion der römischen Brautgabe. Eine rechtshistorische Abhandlung».

В 1847—1855 был чиновником Министерства юстиции в Санкт-Петербурге, служил в Сенате. О. Мейков был профессором римского права Казанского (1855—1865) и Тартуского (1865—1892) университетов, деканом юридического факультета и несколько раз был избран и назначен (1876—1881 и 1890—1892) ректором Тартуского университета. Профессор О. Мейков был одним из

---

¹⁸⁹ *Шор Татьяна*. Русские преподаватели в Тартуском университете // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918 — 1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. — Тарту — Санкт Петербург, 2001. — С.210.

¹⁹⁰ Eesti elulood. Eesti Entsüklopeedia. 14 köide. Eesti Entsüklopeediakirjastus. — Tallinn, 2000, lk. 293; Järveld, P. 360 aastat Tartu Ülikooli õigusteaduskonda (III-IV) // Eesti Jurist, 1992, nr. 3 — 4, lk. 242—249.

кодификаторов местного права в Прибалтийских губерниях (Balti Eraseadus) и наверняка самым влиятельным кодификатором среди других юристов.¹⁹¹ В то же время О. Мейков был последний немец, бывший ректором Тартуского университета.¹⁹²

Один из крупнейших русских цивилистов, «второй цивилист» Российской империи после профессора Д. И. Мейера — «отца русского гражданского права», профессор гражданского права Игорь Матвеевич Тютрюмов (1865 — 1943), окончил юридический факультет Петербургского университета (1887), член Государственного совета Российской империи.

Профессор экономики и статистики Михаил Анатольевич Курчинский (1876—1939), профессор Петроградского университета. Вначале он читал лекции на русском языке, тогда на немецком языке, а позже на эстонском языке.¹⁹³

И. о. экстраординарного профессора¹⁹⁴ экономических наук Юрий Димитриевич Филиппов (1867—1926), читал лекции на юридическом факультете по экономической политике, банковскому делу и экономической географии.

Штатный доцент университета Фёдор Иванович Корсаков (1883—1932), заменял профессора А. Пийпа по кафедре международного права. Ф. И. Корсаков был одним из немногих русских преподавателей, кто активно публиковался в эстонской прессе, где появились его многочисленные статьи по международному, государственному и административному праву.

Штатный доцент криминалистики с 1921 года — Алексей Павлович Мельников (1867—1934), был выпускником Петербургского университета. Он читал лекции по уголовному процессу и особенную часть уголовного права на русском языке при кафедре уголовного процесса под руководством международно признанного профессора по уголовному праву Андреаса Бьерре (1879—1925).¹⁹⁵ Он читал лекции на немецком языке и являлся шведом по национальности.

Приват-доцент Иван Давидович Гримм (1891—1970), сын профессора Д. Д. Гримма, выпускник Петербургского университета. И. Д. Гримм читал на немецком языке курс истории философии права.

Добавим к этому лектора Бориса Васильевича Правдина (1887—1960), окончил историко-филологический факультет Московского университета (1912), который в течение целого ряда лет по поручению юридического фа-

¹⁹¹ Эстонский Биографический Словарь. — Таллинн, 2002. — С. 199.

¹⁹² Tartu Ülikooli ajalugu. 2 köide, 1798 — 1918. Koostanud Karl Siilivask. Kirjastus "Eesti Raamat". — Tallinn, 1982. — lk. 95, 122—123, 261.

¹⁹³ Eesti Teaduse Bibliograafiline Leksikon. 2 köide Kj-M. Peatoimetaja Karl Siilivask. Eesti Entsüklopeediakirjastus. — Tallinn, 2005, lk. 177-178.

¹⁹⁴ Экстраординарный профессор — первичная ступень профессорского звания, которое присваивалось преподавателям, специализирующимся на преподавании отдельных учебных дисциплин в рамках самостоятельной университетской кафедры. — *Большая Советская Энциклопедия*, третье издание. Т. 21. — 1975. — С. 155.

¹⁹⁵ Eesti elulood. Eesti Entsüklopeedia. 14 köide. Eesti Entsüklopeediakirjastus. — Tallinn, 2002. — lk. 37.

культета вёл со студентами-юристами занятия по русскому языку, специализируясь на чтении и переводе русских законов.¹⁹⁶

Их ученики были позднее профессорами юридического факультета Тартуского университета, например — Пауль Вихалем (1910, Лихула — 1985, Таллинн), окончил юридический факультет (1935), государственное право; Эльмар Илус (1898, вол. Каарли—1981, Тарту), окончил юридический факультет (1924), гражданское право, был ассистентом и переводчиком у профессора И. М. Тютрюмова; Хелмут Кадари (1903, Таллинн — 1976, Тарту), окончил юридический факультет (1926), уголовное право; Ильмар Ребане (1912, Петербург — 1995, Тарту), окончил юридический факультет (1936), уголовное право, криминология; Абнер Уустал (1915, вол. Мустяла — 1985, Тарту), окончил юридический факультет (1940), международное право,¹⁹⁷ которые являлись преподавателями в 1955—1960 годах на юридическом факультете Тартуского университета.

В итоге можно сказать, что русские юристы-учёные в 1920—1930 годы сыграли очень важную роль в формировании эстонских юридических кадров. Как известно, перед второй мировой войной все более важные государственные должности занимали юристы, тогда значение русских правоведов в развитии государственности Эстонской Республики трудно недооценивать.¹⁹⁸

Однако можно констатировать и обратное. Например, Фридрих Мартенс, эстонец по национальности, работал профессором международного права в Санкт-Петербурге в императорском училище Правоведения.¹⁹⁹

3. Международно известный юрист, профессор Фридрих Мартенс в Санкт-Петербурге.

29 мая 1835 года Высочайшим Указом Сената (высший судебный орган России) «О приведении Устава и штатов Училища в исполнение» было учреждено императорское училище Правоведения, которое в своих правах было приравнено к Царскоевскому лицее. 5 декабря 1835 года состоялось торжественное открытие Училища и молебен в училищной церкви, на котором присутствовали Император с Цесаревичем.

В Училище принимались ежегодно не более 100 мальчиков в возрасте не младше 12 и не старше 17 лет и только из сословия потомственного дворянства. Полный курс обучения составлял 6 лет (позднее — 7 лет). Программа обучения предусматривала подготовку воспитанников с гимназического уровня до уровня университетского образования.

---

¹⁹⁶ Шор Т. Русские юристы в Тартуском университете (1919-1940) // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей. Составители В. Бойков и Н. Бассель. — Таллинн, 2000. — С. 183—184.

¹⁹⁷ Eesti elulood. Eesti Entsüklopeedia. 14 köide. Eesti Entsüklopeediakirjastus. — Tallinn, 2002.— lk. 100, 127, 417, 572, 603.

¹⁹⁸ Бибикова Г., Лепс А. Вклад русских правоведов-эмигрантов из России в восстановление юридического факультета Тартуского университета в 1920-30-х годах. // «Молодёжь Эстонии». — 5 октября 2007.

¹⁹⁹ Пронькин В. и Гутников А. Живое право. Занимательная энциклопедия практического права. Т. 1. — Санкт — Петербург, 2000. — С. 11—13.

Правоведы изучали предметы общего образования — Закон Божий, церковную историю, историю, географию, французский, славянский, латинские языки и др. Юридические науки были представлены пятью предметами: пропедевтикой (основные начала или энциклопедия правоведения), историей правоведения, российским законоведением, римским законоведением, практическим судопроизводством.

Для преподавания в Училище приглашались лучшие профессора и правоведы Санкт-Петербурга: знаменитые юристы Анатолий Федорович Кони (1844—1927), известный судебный деятель и оратор, почётный академик Санкт-Петербургской АН (1900), член Государственного совета²⁰⁰ и Владимир Данилович Спасович (1829—1906), видный специалист в области уголовного права²⁰¹, «отец русского гражданского права» Д. И. Мейер, крупный специалист в области криминологии, представитель классического направления в науке уголовного права, член Государственного совета Николай Степанович Таганцев (1843—1923),²⁰² юрист-международник, президент Европейского института международного права, эстонец по национальности Федор Федорович, он же Фридрих Фромгольд Мартенс²⁰³ — Friedrich von Martens (1845 Пярну—1909 Валга),²⁰⁴ и другие.

За всё время своего существования училище подготовило более 2 тысяч правоведов. Выпускники Училища направлялись на службу в Министерство юстиции и Правительствующий Сенат, а также по судебным ведомствам в губерниях. Многие правоведы сыграли значительную роль в судебной реформе 1864 года.

В «правоведской семье» была целая плеяда выдающихся государственных деятелей и юристов: князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881); Принц Александр Петрович Ольденбургский (1812—1881); статс-секретарь Его Императорского Величества, действительный статский советник, член Госсовета А. С. Танеев; статс-секретарь, сенатор, министр юстиции Д. Н. Набоков; прокурор Санкт-Петербургского окружного суда Н. Б. Якоби; обер-прокурор Святейшего Синода, личный наставник Александра III К. П. Победоносцев (1827—1907) и другие.

Из стен Императорского училища выходили не только деятели судебного ведомства. Разностороннее образование, которое получали воспитанники, позволяло развиваться их природным дарованиям: композитор мировой славы Петр Ильич Чайковский (1840—1893) — этот факт известен немногим,²⁰⁵ композитор Александр Николаевич Серов (1820—1871), поэты Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908) и Алексей Николаевич

²⁰⁰ *Большая Советская Энциклопедия*, третье издание. — Т. 13. — 1973. — С. 63—64.

²⁰¹ Там же. Т. 24, книга 1. — 1976. — С. 288.

²⁰² Там же. Т. 25. — 1976. — С. 166.

²⁰³ Там же. Т. 15. — 1974. — С. 419.

²⁰⁴ *Eesti elulood. Eesti Entsüklopeedia*. 14 köide. Eesti Entsüklopeediakirjastus. — Tallinn, 2000. — lk. 279.

²⁰⁵ *Краткая Российская Энциклопедия*. Т. 3. Большая Российская Энциклопедия. — Москва, 2004. — С.711.

Апухтин (1840—1893), выдающийся русский художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — это далеко не полный список знаменитых выпускников Императорского училища правоведения.

Основатель и попечитель Училища Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский, а затем и его сын Александр Петрович Ольденбургский вкладывали много сил и средств в дело развития и процветания Училища. Члены царской фамилии и другие видные государственные чиновники не обходили Училище своим вниманием и заботой, понимая значение и важность профессиональной подготовки правоведов для государства.

18 июня 1918 года решением Комиссариата народного просвещения Училище было ликвидировано, а его здание на набережной Фонтанки, дом 6, было передано Агрономическому институту, а позднее — архитектурно-проектному институту «Ленгражданпроект». Училище правоведения просуществовало более 80 лет, оставив яркий след в истории развития русского права, науки и культуры.

Возродить дух и лучшие традиции Императорского училища правоведения, воссоздать его историю, воздать должное его основателям и попечителям, преподавателям и выпускникам — такую задачу в 1992 году поставила группа правоведов и юристов-практиков, которые учредили Санкт-Петербургский институт права имени Принца П. Г. Ольденбургского (позднее стал именоваться вуз), один из первых негосударственных юридических вузов в России. Президентом вуза являлся выдающийся русский теоретик права второй половины XX века профессор Лев Иванович Спиридонов (1929—1999).²⁰⁶

4. Санкт-Петербургские профессора Лев Иванович Спиридонов и Яков Ильич Гишинский.

Фундаментальная работа профессора Л. И. Спиридонова «Социальное развитие и право» (Л., 1973) была первой в мировой истории диалектики попыткой применить метод восхождения от абстрактного к конкретному применительно к праву. Только он — и никакой другой метод! — «есть ...правильный в научном отношении».²⁰⁷ По сути, за цитатами К. Маркса скрывается гениальный Ф. Гегель.²⁰⁸ Однако это произведение, к сожалению, осталось мало замечено научным сообществом... Наверняка не поняли суть дела?! Когда Л. И. Спиридонов подарил автору этой статьи эту книгу, он написал там: «Андо Лепсу с пожеланием поверить в полезность теории и творческую мощь Гегеля и Маркса. 23. 05. 79». Л. И. Спиридонов часто говорил автору этой статьи, что у Маркса можно научиться немногому, а у Гегеля можно каждый день найти что-то новое.

---

²⁰⁶ *Пронькин В. и Гутников А.* «Живое право» — С. 10.

²⁰⁷ *Маркс К. И. Энгельс Ф.* — Соч., Т. 12, С. 727; Т. 46, Ч.1, С. 37.

²⁰⁸ *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Первая часть: Оъективная логика. Вторая часть: Субъективная логика. — Санкт-Петербург, 2002; *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. Государственное издание. — Москва—Ленинград, 1930.

Сам профессор Л. И. Спиридонов считал себя, прежде всего, теоретиком (точнее — социологом) права. В 1995 году выходит его «Теория государства и права» (СПб., 1995). В моём экземпляре есть дарственная надпись Льва Ивановича: «Дорогому Андо Лепсу — моему лучшему другу — с пожеланиями счастья и успеха в научной и политической карьере. 29. 06. 96».

Профессор Л. И. Спиридонов — не только один из выдающихся теоретиков права современности, но и замечательный криминолог и социолог уголовного права. Такое сочетание — теория государства и права и криминология — очень редкое, если не уникальное явление.

В 1976—1978 годах печатаются лекции Л. И. Спиридонова по социологии уголовного права, например, «Уголовно-правовая социология, ее предмет и методы», «Социология преступности», «Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны», «Социология преступления» и некоторые другие. Эти работы и стали основой главного произведения Л. И. Спиридонова, посвященного уголовно-правовой и криминологической проблематике — монографии «Социология уголовного права» (М., 1986), которая вызвала широкую полемику в научном сообществе.²⁰⁹ Дарственная надпись автору этой статьи звучит так: «Андо Лепсу — другу, единомышленнику, соратнику. 09.04.86».

Преступность, по мнению Л. И. Спиридонова, — социальное явление, которое выражается во всем множестве совершенных и совершаемых преступлений, а генезис преступности имеет своей предпосылкой автономизацию индивида на основе частной собственности и рассогласования его социальных статусов. Варварство не знает преступности.²¹⁰ Профессор Лев Иванович Спиридонов был Человеком, учителем и другом.

Л. И. Спиридонов был давним другом крупного девиантолога и криминолога, петербургского профессора Якова Ильича Гилинского (р. 1934 г.

Профессор Я. И. Гилинский был одним из первых в Восточной Европе, кто начал серьезно заниматься проблемами отклоняющегося поведения. Он пишет, что девиантное или отклоняющееся (от лат. *deviato* — отклонение) поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам.²¹¹

Здесь уместно напомнить основные работы профессора Я. И. Гилинского:

- Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. Издательский дом «Питер». СПб., 2002.
- Девиантология. Изд-во «Юридический центр Пресс». СПб., 2004.
- Девиантность, преступность, социальный контроль. «Юридический центр пресс». СПб., 2004.

---

²⁰⁹ *Честнов И. Л.* Лев Иванович Спиридонов: жизнь и творчество // Л. И. Спиридонов. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. — СПб., 2002. — С. 3—15.

²¹⁰ *Спиридонов Л. И.* Избранные произведения. — С. 364—384.

²¹¹ *Гилинский Я.* Девиантология. — СПб. — 2004. — С. 22.

5. Сотрудничество русских и эстонских учёных-юристов.

Профессор Лев Иванович Спиридонов был давним другом Эстонии. Благодаря ему и его другу и коллеге, профессору Якову Ильичу Гилинскому, между русскими и эстонскими правоведами развивались очень тесные и дружеские отношения. Особенно это проявилось в области криминологии, где основными представителями являются профессора: Эдуард Раска (р. 1944 г.) и Андо Лепс (р. 1935 г.). Л. И. Спиридонов и Я. И. Гилинский были оппонентами при защитах академических диссертации Андо Лепса и Эдуарда Раска.

Творческие связи издавна связывают юридический факультет Тартуского университета и Санкт-Петербургский криминологический клуб, который первоначально именовался Санкт-Петербургским криминологическим центром. (Научный руководитель — профессор Д. А. Шестаков.) Эстонские профессора И. А. Ребане и Я. Я. Соотак выступали в петербургском клубе, а профессор Д. А. Шестаков — в Тарту с докладами.

Так, профессором И. А. Ребане был прочтён доклад «Об организации предупреждения преступлений на отдельных объектах. Профессоров Д. А. Шестакова и Э. Э. Раска объединяет стремление по-новому (каждый из них делает это по-своему) подойти к пониманию сущности явления преступности, не сводя последнюю к сумме преступлений. Профессора Д. А. Шестаков и Я. Я. Соотак являются пионерами разработки в СССР проблем насильственных преступлений в семье. Ими заложены основы семейной криминологии.

В качестве примера совместной работы русских и эстонских правоведов можно привести, например, следующие криминологические работы:

1) Л. Спиридонов, А. Лепс. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии / Редакционная коллегия: Л. Спиридонов (отв. редактор), Я. Гилинский и Э. Раска. Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1985 С. 3—18;

2) См. также: Л. Спиридонов, А. Лепс. Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности // Л. И. Спиридонов. Избранные произведения. СПб. 2002, С. 349—361;

3) Я. Гилинский, Э. Раска. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. т. 30. Общественные науки. 1981. № 2;

4) А. Лепс. Экстремистские движения в Эстонии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. Отв. редактор проф. Д. А. Шестаков. № 1 (8), 2005, с.82—87;

5) Андо Лепс. Преступность в Эстонии в период времени 1904—2006 // XX Международный Балтийский криминологический семинар. СПб 29 июня — 01 июля 2007 года. Информация. Краткая программа. Тезисы докладов. СПб. 2007, С. 31—32.

Совершенно логично, что вышеуказанное сотрудничество между русскими и эстонскими правоведами продолжается.

Самая первая публикация учредителя Санкт-Петербургского криминологического клуба

Социалистическая законность, 1977, №9.

К ПОНЯТИЮ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ РАБОТНИКА МИЛИЦИИ ИЛИ НАРОДНОГО ДРУЖИННИКА

В практике применения норм уголовного закона об ответственности за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника встречаются затруднения, особенно при толковании термина «посягательство».

Законодатель, учитывая повышенную общественную опасность таких действий, признает их оконченными до наступления вредных последствий — смерти потерпевшего. Однако нельзя согласиться с мнением, что ст. 191² УК РСФСР охватывает лишь убийство и покушение на убийство указанных в ней лиц. Действительно, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции в народных дружинников» указано, что как посягательство на жизнь этих лиц «надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство... в связи с их деятельностью по охране общественного порядка». Но правомерно ли сводить понятие «посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника» только к убийству или покушению на него? Думается, неправильно.

Статья 191² УК РСФСР применяется тогда, когда потерпевший от посяга-

тельства — работник милиции или народный дружинник и когда оно связано с их деятельностью по охране общественного порядка. Введение этой нормы в уголовный кодекс вызвано стремлением законодателя усилить ответственность за такое преступление ввиду особой важности объекта посягательства. Между тем санкция ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик предусматривает наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет или смертную казнь, тогда как низший предел санкции ст. 191² — пять лет лишения свободы. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с мнением Е. Сухарева, что под посягательством на жизнь работника милиции следует понимать не только убийство и покушение на него, но и другие насильственные действия, направленные на причинение любого вреда работнику милиции или народному дружиннику и заведомо для виновного создающие реальную возможность наступления смерти потерпевшего^{*}. В понятие «посягательство» по смыслу ст. 191² УК РСФСР входят, на наш взгляд, не только убийство, покушение на него, но и умышленное тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни в момент нанесения или повлекшее смерть.

С. Милоков,
преподаватель Воронежского университета.

* См. Э. Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с. 78.

** В. А. Сухарев. Ответственность за преступные посягательства на деятельность представителей власти и общественности. Автореферат канд. дис. М., 1964, с. 7.

С. Ф. Милоков *

МОЯ ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Шёл 1977 год... Я состоял тогда в должности преподавателя кафедры уголовного и исправительно-трудового права Воронежского ордена Ленина государственного университета имени Ленинского комсомола. По нынешним меркам обычный провинциальный вуз.

Но надо учитывать, что университеты в ту пору существовали далеко не во всех областных городах и столицах автономных республик. Ещё реже встречались в них юридические факультеты. Скажем, родной для меня юрфак был единственным для всего Центрального Черноземья (а это такие старинные русские города, как Тамбов, Курск, Белгород, Липецк). Учились там и студенты из других регионов, скажем, из Марийской АССР, откуда абитуриенты зачислялись по установленной квоте. Иначе они вряд ли пробились бы через «сито» вступительных испытаний (на нашем курсе, например, училось всего 75 человек, а конкурс среди школьников, т. е. лиц, не имевших двухлетнего трудового стажа, составлял 13, 5 человек на место).

Университет был образован в 1918 году не на голом месте, а на базе эвакуированного в годы первой мировой войны Юрьевского (Дерптского) университета. Первоначально имел в своём составе и юридический факультет, который был, однако, упразднен и воссоздан лишь сорок лет спустя на основе учебно-консультационного пункта еще одного известного вуза — Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). К середине 1970-х годов юрфак ВГУ имел опытный профессорско-преподавательский коллектив. Многие педагоги были участниками Великой Отечественной войны, занимали в прошлом ответственные посты в органах прокуратуры, МВД, судах, некоторые из них (В. С. Основин, В. В. Труфанов и др.) имели тесные связи с Ленинградским государственным университетом. Факультет располагал аспирантурой (где пришлось обучаться заочно и мне).

Однако он не имел своего печатного издания, был лишен права издавать научные сборники, диссертационный совет был упразднен. Это явилось результатом очередной реформы ВАКа. Поэтому многие мои коллеги, имея законченные диссертации, вынуждены были откладывать выход на защиту, мучительно искали возможность опубликовать хоть что-то. Были случаи, когда в автореферате значились всего коротенькие тезисы, изданные на ротапинтере, и задачник по уголовному праву (естественно в соавторстве). А ведь хотелось увидеть вышедшими в свет свои работы и другим преподавателям — остепенённым и неостепенённым...

Моя диссертация к тому времени была готова едва ли наполовину, хотя аспирантский срок уже вышел. Помешал большой объём сначала следственной,

---

* **Сергей Фёдорович Милоков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена, учредитель Санкт-Петербургского криминологического клуба.

© С. Ф. Милоков, 2008

а потом и педагогической нагрузки (быть аутсайдером как-то не хотелось) и другие обстоятельства. Тем не менее я делал попытки пробиться в юридические журналы. Но они были в то время в огромном Советском Союзе наперечёт и без весомой поддержки эти попытки ни к чему не привели.

Преодолев стеснение, я обратился к Геннадию Фёдоровичу Горскому, которого я знал ещё со студенческой скамьи (он преподавал у нас криминологию). Горский к тому времени был доктором юридических наук, проректором ВГУ по научной работе и совсем ещё молодым человеком (тогда я этого, естественно, не понимал). Благодаря ему я и попал на факультет, уйдя из милиции без обычных тогда осложнений (впоследствии это позволило беспрепятственно возвратиться на службу в МВД СССР и отдать ей ещё 20 лет жизни). Геннадий Фёдорович обладал обширнейшими научными связями и заслуженным авторитетом. Он напрямую связался с главным редактором «Социалистической законности» Николаем Николаевичем Кондрашковым и отрекомендовал меня соответствующим образом.

Статья была направлена в журнал и опубликована в девятом номере за 1977 год. На обложке красовался парадный портрет Л. И. Брежнева с тремя звездами Героя. Мое ликование несколько снижало то обстоятельство, что неведомый мне редактор без всякого со мной согласования сократил эдак в 3-4 раза (!) объём статьи. Получилась небольшая заметка. Но где? В центральном органе Прокуратуры Союза! Её увидели, а может (как мне хотелось), и прочли тысячи людей в Российской Федерации, Прибалтике, на Украине, в Молдавии, на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии.

Гораздо в большей степени тяготило меня (тяготит до сих пор) то обстоятельство, что мою радость не смог разделить Геннадий Фёдорович. 1 августа того же года он скоропостижно скончался в возрасте 43 лет. Мой долг перед ним так и остался неоплаченным, хотя я старался и стараюсь сохранить в научном обороте его труды, далеко не утратившие своего значения.²¹²

Что сказать о нынешнем значении этой публикации? Безжалостный хирург-редактор всё же сохранил её сердцевину, в которой рельефно показана одна из застарелых болезней отечественной уголовно-правовой политики — её системное несовершенство, приводящее к многочисленным внутренним коллизиям, а, главное, к несоответствию между законодательными формулировками и самой жизнью. В последующие десятилетия эта рассогласованность значительно усугубилась.

Данным явлениям и было уделено первоочередное внимание в моей кандидатской и докторской диссертациях, монографии 2000 г. издания и ряде статей, в том числе опубликованных в трудах Санкт-Петербургского криминологического клуба. Теперь у меня более трехсот больших, а чаще скромных по размерам печатных работ. Сложные перипетии издания первой заставляют меня ценить любую из них, чувствовать ответственность за каждый тезис, каждую фразу, адресованную читателю.

---

²¹² См., например: *Горский Г. Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. — Воронеж, 1970.

Конечно, не всё задуманное удалось осуществить. Но я благодарен своим учителям, коллегам и студентам (ведь это они первые слышат не материализованные ещё на бумаге идеи) за то, что мне довелось стать (вместе с Э. Ф. Побегайло, Д. А. Шестаковым и др.) у истоков весьма перспективного научного направления — криминологии уголовного закона. Основным полигоном для обкатки и закалки положений этого учения по праву стали заседания выше-названного клуба. Он и его богатая научная библиотека всегда открыты не только для членов клуба, но и всех желающих приобщиться к большой науке и её поучительной истории.

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МАТЕРИАЛЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ «ЧАСТНОЙ КРИМИНОЛОГИИ» (14 ДЕКАБРЯ 2007 Г.)

Д. А. Шестаков*

ЧАСТНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ НАУКИ О ПРЕСТУПНОСТИ

1. Четырёхтомник — рупор невско-волжской школы криминологии и не только её одной.

Как известно, школа доктрины социальных подсистем (невско-волжская школа) опирается на семантическое понятие преступности. Она развивает новейшие криминологические отрасли, к которым относятся семейная криминология, политическая криминология, богословская криминология, экономическая криминология, криминология массовой коммуникации, криминология. Предметами исследования этих отраслей являются соответствующие виды преступности: семейная, политическая, преступность в сфере религиозных отношений, экономическая, коммуникативная, наказательная преступность и т.д. Школе присуще единство социологического и правового подходов к исследованию закономерностей преступного поведения и противодействия ему.

Значительное место в теоретических разработках школы занимает критика законодательства, прежде всего его репрессивных компонентов. Считается, что итогом деятельности школы, которая развивается уже в течение нескольких десятилетий с начала 1970-х годов, должно стать становление криминологии закона, делающей в настоящее время первые шаги. В связи с полемическим духом школы, новыми её концептуальными подходами и нетрадиционными теоретическими построениями, плоды деятельности школы иногда именуют критической криминологией.

Представителями школы опубликован ряд монографий и статей, защищены кандидатские и докторские. В настоящее время возникла потребность в подготовке собственного учебного курса криминологии для юридического образования на основании оригинальной программы обучения. Таким курсом становится настоящей четырёхтомник.

«Частная криминология», образующая второй том тетралогии, выполнена как представителями школы доктрины преступных подсистем (Дикаев С. У., Кабанов П. А., Колесников В. В., Шестаков Д. А. и др.), так и другими известными криминологами (Гишинский Я. И., Корецкий Д. А., Побегайло Э. Ф. и др.), сочувствующими школе и имеющими с ней точки теоретического соприкосновения. С этим связано то, что в томе не до конца выдержано единство

---

*Шестаков Дмитрий Анатольевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского криминологического клуба.

© Д. А. Шестаков, 2008

понятийного аппарата, а также имеется неоднозначность подходов к некоторым вопросам противодействия преступности. Впрочем, внутренняя полемика коллективных учебников — дело довольно-таки обычное. В какой-то мере она даже ведёт к расширению кругозора обучающихся.

Надо сказать, что сама школа отнюдь не претендует на истину в конечной инстанции. Она лишь предлагает своё, несколько отличное от традиционного, видение преступности и мер по её сдерживанию. Сочетание разных, взаимодополняющих, подходов способствует более верному постижению криминологических проблем и выработке соответствующей реакции на них.

2. Структура криминологии.

Как отмечает П. А. Кабанов, к началу XXI века отечественная криминология приобрела значительную базу новых знаний и новых специалистов, вышла на качественно новый этап своего развития. По мнению этого автора, складывается новая неформальная структура криминологии. Он призывает криминологическое сообщество поддержать «критических кримиологов», формирующих новую криминологическую парадигму, способствующую дальнейшему интенсивному развитию науки о преступности.²¹³

Г. Ф. Хохряков выделяет в системе криминологии общую криминологию и частные криминологические теории.²¹⁴ В невско-волжской криминологической школе структура её учебного курса включает в себя три основных раздела: общая криминологическая теория, частные криминологические теории, Новейшие криминологические отрасли. Соответствующим образом построен наш курс криминологии: том 1 — Криминология (2005); том 2 — Частная криминология (2005); том 3 — Преступность среди социальных подсистем, новая концепция и отрасли криминологии (2003); том 4 — Криминология в нормативных актах (готовится к печати).

В томе первом в основном излагается общая криминологическая теория. В томе третьем даны основы вышеназванных новейших отраслей криминологии, по существу посвящённых исследованию наиболее актуальных видов преступности. Под видом преступности, применительно к уровню социальных подсистем, в школе понимают свойство социального института (социальной подсистемы) воспроизводить внутри и вне себя массу преступлений, складывающееся из взаимодействующих между собой причин преступлений и самого множества преступлений. Соответственно определению различают, в частности, семейную, политическую, информационную, экономическую, законодательную, пенитенциарную преступность.

3. Структура частной криминологии.

Частная криминология, излагаемая во втором томе тетралогии, призвана исследовать отдельные проблемы воспроизводства преступного поведения и противодействия ему. К предмету частной криминологии относятся основные

---

²¹³ Кабанов П. А. О структуре криминологических знаний: приглашение к дискуссии // Противодействие преступности. Сборник научных работ. Выпуск 3. Нижнекамск, 2004. С. 30 — 49.

²¹⁴ Хохряков Г. Ф. Криминология: Учебник. — М., 1999. — С. 81.

типы преступности, её организованная форма, преступления в сфере социализации несовершеннолетних, преступления, обусловленные демографическими процессами, виктимология.

Типы преступности, как они трактуются в невиско-волжской криминологической школе, не привязаны к определенной подсистеме общества, они носят сквозной характер. В основе типа преступности лежат мотивы преступного поведения. Соответственно различаются корыстная, насильственная, политическая, сексуальная преступность. Однако поскольку в психологической основе преступлений нередко лежит не один, а несколько мотивов, постольку это ведёт к смешанным типам преступности: корыстно-политической, сексуально-насильственной и т.п. Под типом преступности мы понимаем свойство общества воспроизводить массу преступлений с определенной мотивацией, структурно включающее в себя разбросанное по различным социальным подсистемам множество причин и актов преступного поведения.

Раздел первый — «Корыстоведение». Термин в своё время введён нами как название учения о корыстных преступлениях, т. е. таких, которые совершаются из стремления к обогащению. Анализ меркантильного поведения в связи с его большей распространённостью предпослан в учебнике более опасному агрессивному поведению. В разделе помещены главы о преступлениях против собственности, а также об экономических преступлениях и коррупции.

Раздел второй — «Вайолентология». Это слово, как известно, означает учение о насилии. В раздел вошли главы, посвящённые криминальному насилию, терроризму и вооружённой преступной деятельности. Проблемы корыстно-насильственной и сексуально-насильственной преступности мы не сочли необходимым выделять в отдельный раздел. Они рассмотрены в разделе «Вайолентология» в главе о криминальном насилии.

Раздел третий — «Учение об организованной преступной деятельности». Мы избегаем часто употребляемого и поэтому привычного словосочетания «организованная преступность», считая его неадекватным. В самом деле, что могло бы стоять за этим термином? Свойство общества порождать преступные организации? Совокупность организованных преступлений и причин соорганизованности преступников?.. Да, преступность общества состоит в том, что оно воспроизводит массу преступлений различных типов. Но организованная преступная деятельность, на наш взгляд, не представляет отдельного типа преступной деятельности, она является развитой формой, которую постепенно обретает приносящая людям значительный вред «работа» преступников.

Индивидуальная преступная деятельность, развиваясь, усложняется и организуется. Её развитие нередко требует объединения усилий разных людей. Прежде всего, это касается корыстных и политических преступлений.

Так, разные экономические эпохи порождали и продолжают порождать соответствующие особенностям общественного хозяйства преступные объединения, которые для обеспечения своей деятельности по получению прибыли нередко вооружаются и прибегают к насилию. Преступная политика, которую направляют политические деятели от имени государства (вооружённая агрессия, массовые репрессии, геноцид и др.) или против государства (терроризм),

предполагает, за исключением индивидуального терроризма, создание или использование соответствующей организационной структуры. В раздел третий мы включили главы об общих закономерностях организованной преступной деятельности и о преступлениях, связанных с наркотиками.

Раздел четвёртый — «Учение о преступлениях в сфере социализации несовершеннолетних». Заметим, что находящийся в обиходе термин «преступность несовершеннолетних» является ещё менее удачным, чем «организованная преступность». Ибо если уж прибегать к категории преступности, то в связи с преступлениями, которые совершаются подростками, говорить следует о преступности не их самих, а общества, которое не обеспечивает их включения в нормальную жизнь. Преступления несовершеннолетних не образуют особого типа преступного поведения. Это, если будет позволено так высказаться, срез преступного множества, включающего в себя различные типы преступлений, произведённый на основании возрастного критерия. Разумеется, преступления несовершеннолетних, их причины, равно как сами несовершеннолетние правонарушители, обладают существенными особенностями. Но это особенности, проявляемые в рамках корыстного, насильственного, полового типа преступного поведения.

В раздел включены главы о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях против несовершеннолетних.

Раздел пятый — «Демография преступности». Потребность специально рассмотреть преступность под углом зрения численности и состава населения, а также его изменений обусловлена давно замеченной взаимосвязью демографических и криминологических процессов. Преступное множество зависит от численности, плотности населения, его половозрастных и иных характеристик. В мировой криминологии в последние десятилетия особое внимание уделяется «тюремному населению», демографическим характеристикам вообще осуждённых. Криминология вообще и её критическое направление, к которому справедливо относят невско-волжскую школу, в частности, занята оценкой реакции государства на преступления, их эффективности, оправданности.

Раздел состоит из глав о преступлениях, обусловленных демографическими процессами, и о демографии отбывания уголовного наказания в России в свете международных стандартов обращения с осуждёнными.

Раздел шестой — «Виктимология». Как отмечает Д. В. Ривман, в настоящее время совокупность знаний о потерпевшем представляет собой частную криминологическую теорию. Она учит оценивать каждое конкретное преступление, формирует лишённое предвзятости отношение к потерпевшим не только с позитивным, но и негативным поведением. Сегодня разрабатываются меры виктимологической профилактики, социально-психологической реабилитации жертв, их защиты и компенсации причиненного ущерба.²¹⁵

В раздел вошли главы об общей виктимологической теории, виктимности и виктимологическом предупреждении преступлений.

---

²¹⁵ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. — СПб. — С. 293.

Структура преступности складывается из двух основных подсистем: 1) совокупности преступлений (преступного множества) и 2) порождающих их причин. Главы учебника, в которых содержится анализ типов преступности, ее организованной формы, преступлений в сфере социализации несовершеннолетних и т.д. построены соответственно структуре преступности. В них описаны тенденции преступного поведения и дано его объяснение.

4. Перспективы частной криминологии. Тетралогия по криминологии рассматривается нами не как раз и навсегда завершённый труд, но как находящийся в развитии, открытый для конструктивной критики проект. Так, в будущем, при возможных ее новых изданиях, предполагается расширение содержания тома второго «Частная криминология» за счёт охвата им сексуального типа преступности, преступлений, совершаемых женщинами, экологических преступлений и др. Мы рассчитываем на дальнейший процесс последовательной унификации терминологии, употребляемой авторами различных разделов, сближения её с понятийным аппаратом, распространённым в неско-во-лжской школе.²¹⁶

А. П. Данилов, Т. В. Константинова,** И. А. Носкова***
ПРИМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В ОТРАСЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящем сообщении мы хотели бы проследить, как семантическая концепция преступности, положенная в основу обсуждаемого 4-томного курса, находит применение в отраслевых исследованиях, и то, какие она имеет перспективы для дальнейших разработок.

Семантическая концепция находит своё отражение в таких криминологических отраслях, как семейная криминология, криминология СМИ, экологическая криминология, политическая криминология и др., относящихся к неско-во-лжской криминологической школе.

Традиционная криминология рассматривает преступность как социальный феномен (явление), представляющий собой совокупность (систему) совершаемых в обществе преступлений. Однако, по мнению Д. А. Шестакова,

---

²¹⁶ Шестаков Д. А. Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вонне // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 45—53.

* Андрей Петрович Данилов — соискатель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

** Татьяна Владимировна Константинова — адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

*** Ирина Александровна Носкова — адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© А. П. Данилов, 2008

© Т. В. Константинова, 2008

© И. А. Носкова, 2008

«под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов».²¹⁷ Данный подход (семантическая концепция) раскрывает социально-психологическую сущность преступности (свойство человека, социального института, общества), её правовую сущность (предопределяющее введение уголовно-правовых запретов) и научную (поддающееся количественной интерпретации), а также системный характер преступности (проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин).²¹⁸

Отличие семантической концепции преступности от традиционного подхода заключается в том, что преступность определяется не как явление, а как свойство. Явление — «вообще всё, что чувственно воспринимаемо, особенно бросающееся в каком-то отношении в глаза (например, какое-то явление природы). С точки зрения теории познания явление есть выражение, свидетельство наличия чего-то другого».²¹⁹ Таким образом, традиционно преступность понимается как «то, что бросается в глаза», но по своей сути являющееся выражением чего-то другого, то есть преступность как бы существует вне общества. Такое понимание закономерно рождает стремление найти причины преступности и расправиться с преступностью раз и навсегда. Свойство — «то, что присуще какому-либо предмету, что составляет его конкретное существование. Есть существенные свойства, без которых предмет существовать не может, и несущественные свойства, без которых существование предмета возможно».²²⁰ Так, свойство общества — преступность существовать вне общества не может.

В настоящее время на фоне уже многих исследований семейной преступности и, в частности, феномена семейного насилия, возникает потребность проведения международного сравнения семейной преступности и мер противодействия ей в связи с состоянием института семьи в различных странах (Т. В. Константинова).

Под семейной преступностью в криминологии понимается свойство социального института семьи, находящегося на той или иной стадии развития, породить определённое количество преступлений, в том числе совершаемых внутри семьи.²²¹

Экологическую преступность Б. Б. Тангиев определяет как сложную систему, состоящую из экологических преступлений, т. е. общественно опасных

---

²¹⁷ Шестаков Д. А. Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. — 1997. — №3. — С. 108.

²¹⁸ Криминология: Учебник. / Под общ. ред. Ю.Ф. Кваци — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 592.

²¹⁹ Философский энциклопедический словарь. — М., 2004. — С. 554.

²²⁰ Там же. — С. 407.

²²¹ Харламов В. С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям участковыми уполномоченными милиции (на материалах Санкт-Петербурга): Автореф. канд. дисс. — СПб., 2002. — С. 6.

деяний, виновных, противоправных, причиняющих вред природной окружающей среде и здоровью человека деяний, запрещённых и наказуемых в соответствии с уголовным законом, посягающих на общественные отношения по охране окружающей человека природной среды и рациональному использованию природных ресурсов, включая обеспечение экологической безопасности личности, населения, общества, нации и устойчивого развития государства, особой группы преступников, посягающих на экологические права и свободы граждан, благоприятную экологическую среду и интересы государства в области создания условий для устойчивого развития российского общества, а также комплекса детерминирующих данную преступность факторов.²²²

Изучению преступности СМИ положил начало Г.Н. Горшенков.²²³ Преступность средств массовой информации (И. В. Носкова) – свойство социального института массовой информации воспроизводить множество опасных для человека и общества деяний, проявляющееся во взаимосвязи исходящих из СМИ причин совершения преступлений и собственно преступлений, совершаемых с использованием СМИ.

Экономическая преступность у В. В. Колесникова предстаёт в виде результатов преступной экономической деятельности, выступающей на поверхности явлений в превращённых формах, т.е. форме криминализации экономики и экономических отношений, или форме криминальной экономики.²²⁴ Преступность политики изучается в рамках формирующейся криминологической отрасли политической криминологии.²²⁵ Существуют споры: признать политическую криминологию отраслью или это всё же частная криминологическая теория. Точки зрения разделились следующим образом. Политическая криминология – это: 1) частная криминологическая теория;²²⁶ 2) отрасль криминологических знаний;²²⁷ 3) отраслевой раздел криминологии.²²⁸

Меньшие споры идут о том, что следует признать предметом политической криминологии. К политической криминологии относят: 1) политическую преступность, её причины, личность политического преступника и меры её предупреждения; 2) политическая преступность; влияние тоталитарной политики на общеуголовную преступность; криминологическая политика; ис-

---

²²² *Частная криминология* / Отв. ред.: Д. А. Шестаков. – СПб., 2007. – С. 467.

²²³ См.: напр.: *Горшенков Г. Н.*, Горшенков Г. Г. Массовая коммуникация в системе детерминации преступности. – Сыктывкар, 1998.

²²⁴ *Частная криминология* / Отв. ред.: Д. А. Шестаков. – СПб., 2007. – С. 50.

²²⁵ См.: напр.: *Кабанов П. А.* Политическая криминология – новое научное направление в отечественной криминологии (её предмет и система) // Следователь. – 1999. – №1. – С. 53–57.

²²⁶ См.: напр.: *Криминология: Учебник* / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачёва. – СПб., 2002. – С.16. *Гилинский Я. И. Криминология: Курс лекций.* – СПб., 2002. – С.17.

²²⁷ *Криминология – XX век* / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб., 2000. – С. 9.

²²⁸ *Номоконов В. А.* Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Организованная преступность, миграция, политика / Под ред. А. И. Долговой. – М., 2002. – С.134.

пользование темы преступности в политических целях; 3) изучение проблем существования, воспроизводства и предупреждения (противодействия) преступности в политической сфере жизни общества.²²⁹

В рамках семантической концепции дадим определение политической преступности. Преступность политики (политическая преступность) — свойство политической сферы воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи политических преступлений и их причин (А. П. Данилов).

Одной из форм проявления политической преступности являются убийства в политической сфере. Убийство в политической сфере — это умышленное лишение человека жизни, мотивированное борьбой за распределение или сохранение политической власти, принятие политических значимых решений, усиления или ослабления политико-социального статуса социальной группы, а также с целью дестабилизации экономической, политической ситуации или морального состояния общества.

Перед исследователем убийств, совершаемых в политической сфере, стоят определённые задачи, а именно: сформулировать криминологический термин «убийство в политической сфере»; определить криминологические особенности убийств в политической сфере и сформулировать выводы о сущности изучаемого явления; выявить причины и условия, способствующие совершению таких убийств; разработать рекомендации, направленные на повышение эффективности противодействия убийствам в политической сфере средствами общего и специального противодействия.

На основе пока ещё не завершённого эмпирического исследования (на данный момент изучено 50 убийств в политической сфере) вырисовывается классификация убийств в политической сфере по нижеследующим критериям: мотивы, уровень значимости совершения преступления, общественное признание преступления в качестве политического.

По мотивам убийства в политической сфере могут быть подразделены на следующие подгруппы: политические (убийства Галины Васильевны Старовойтовой — 20.11.1998, Ларисы Алексеевны Юдиной — 7.06.1998); политико-экономические (убийства Владислава Листьева — 1.03.1995, Андрея Козлова — 14.09.2006); политико-идеологические (убийства Наримана Алиева — 25.11.2007, Ахмата Кадырова — 9.05.2004).

По уровню значимости совершения политического убийства обращают на себе внимание подгруппы: убийства на международном уровне (Александр Литвиненко — 23.11.2006; Фёдор Зайцев — 21.06.2000); убийства на федеральном уровне (Лев Рохлин — 3.07.1998; Анна Политковская — 7.10.2006); убийства на региональном уровне (Валентин Цветков — 18.10.2002; Михаил Маневич — 18.08.1997); убийства на местном уровне (Дмитрий Фотьянов — 19.10.2006; семья Драганчук — 31.08.2007).

---

²²⁹ См.: *Преступность* среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003. — С. 109–114.

На основании общественного признания (непризнания) преступления в качестве политического выделяются: явные (убийства Пола Хлебникова — 9.07.2004, Дмитрия Холодова — 17.10.1994); скрытые (убийства Михаила Евдокимова — 7.08.2005, Александра Лебеда — 28.04.2002, Игоря Талькова — 6.10.1991).

В качестве детерминант политических убийств предварительно можно назвать нижеследующие: усиление конфронтации мировых держав в условиях энергетического коллапса; преступная деятельность транснациональных компаний; противоречия между бюрократическими и олигархическими силами; сепаратистские движения в субъектах РФ; политизация экономической сферы; тесные контакты представителей политической и криминальных сфер; рост коррупции, в особенности политической; общее падение нравственности и моральных принципов.

Цена политической преступности и, в частности, такого её проявления, как убийства по политическим мотивам, огромна. Необходимо проследить взаимосвязь преступности политики и обычных уголовных преступлений, так как преступность политики способствует росту противоречий в обществе и активно катализирует процесс воспроизводства преступлений во всех общественных сферах.

ВАЙОЛЕНТОЛОГИЯ

Т.В. Шипунова*

«ОБЫДЕННЫЕ» («ПРИВЫЧНЫЕ») НАСИЛИЕ И АГРЕССИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В настоящее время много говорят и пишут о проблеме агрессии и насилия. Эта тема в литературе разворачивается в основном в следующих аспектах:

– ситуация с явным (криминальным) насилием, которое понимается как преступное деяние, направленное против личности или социальной группы и приносящее им физический вред; здесь авторы сосредотачивают внимание на ситуации в мире, стране, регионе, на сравнении разных показателей, особенно по уровню и динамике развития явления и т.д.;

– изменение структуры насилия, мотивов насильственных деяний, характеристик субъектов совершения насилия; в данном случае авторов интересуют вопросы, связанные с появлением новых форм насилия, изменением характеристик групп лиц, склонных к насилию, насилием в семье и т.д.;

---

* **Татьяна Владимировна Шипунова** — доктор социологических наук, профессор факультета социологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

© Т. В. Шипунова, 2008

– насилие и агрессия как допреступное поведение, основание для развития преступной карьеры; здесь речь идет о насилии и агрессии в подростковой среде, личностных особенностях лиц, склонных к проявлению насилия и агрессии, причинах возникновения разного рода деструкций, влиянии склонности к агрессивно-насильственным деяниям на жесткость и особенности формирования девиантного и преступного поведения и т.д.;

– состояние социального контроля, включающее в том числе показатели готовности официальных институтов контроля (не в последнюю очередь — права) реагировать на проявления насилия и агрессии (например, в отношении экстремистских групп); наличие (или отсутствие) социальных механизмов сдерживания, способствующих уменьшению или увеличению уровня явного насилия и агрессии в обществе и т.д.;

– причины агрессии и насилия, механизмы их влияния на ситуацию и личность насильника; здесь речь идёт, прежде всего, о создании концепций, помогающих в какой-то степени объяснить те насильственные явления, которые включены в социальное взаимодействие и которые, невзирая на все усилия, предпринимаемые обществом, не только не уменьшаются, но всё больше разрастаются.

Несмотря на значительно расширившееся исследовательское поле проблемы насилия и агрессии, можно сказать, что в нём до сих пор не нашло достойного места изучение «обыденных» агрессии и насилия. Основное внимание исследователи уделяют криминальному насилию. Оно — очевидно, чаще всего — рефлексивно, результаты его проявления можно зафиксировать, и в любом современном обществе можно выделить и описать: правовой перечень деяний, которые следует относить к насильственным; совокупность процедур установления виновного и жертвы (например, посредством медицинского освидетельствования); технологии работы с жертвами насилия; совокупность социальных институтов, призванных наказывать виновного и устранять последствия совершенного насилия (от пенитенциарной системы до системы социальной работы). Тема криминального насилия достаточно широко представлена в литературе, и проблема в основном состоит в том, чтобы найти эффективные и адекватные способы реагирования на возникшую ситуацию насилия. Иначе обстоит дело с «обыденными» насилием и агрессией.

«Обыденные» агрессию и насилие можно определить и как «повседневные», «привычные». Это такие явления, которые перманентно вплетены в социальное взаимодействие. Они нерелексированы и воспринимаются большинством людей как результат неизбежных издержек повседневной жизни в социуме. Механизмы их воспроизводства просты и вместе с тем очень тонки. Объяснить такие агрессивно-насильственные проявления бывает довольно сложно, поскольку они возникают как бы «из ничего», а порой являются результатом «выплеска» накопленной годами усталости, недовольства, нереализованности человека в социальной жизни. Вместе с тем очевидно, что такие агрессивно-насильственные проявления не только формируют характер социальных взаимодействий, но и служат показателем качества социальной жизни. Понятно также, что эти показатели будут различаться в зависимости от того или

иного общества и во многом определять криминальную и общую девиантную ситуацию в каждом конкретном социуме в каждое конкретное время.

Прежде всего следует остановиться на определении самих понятий «насилие» и «агрессия» и построении классификации «обыденных», нерелексированных агрессивно-насильственных деяний. Это позволит более чётко выделить предмет изучения, отделить его от предмета, изучение которого имеет уже сложившиеся традиции и подходы, объяснительные концепции возникновения.

Анализ семантического поля понятий «насилие» и «агрессия», а также различных языковых контекстов, в которых используются эти слова, позволяет вывести следующие их определения. *Насилие* — это такое воздействие одного социального агента (человека, группы, системы) на другого, которое причиняет ему *ничем не заслуженный* физический и/или психологический вред, либо *превышает меру эквивалентного воздаяния* в ответных реакциях. Совершение насильственных деяний преследует цель изменения параметров (физических и/или психологических) объектов воздействия, оцениваемого по объективным критериям или субъективно как причиняющее или способное причинить вред. В качестве вреда могут выступать такие временные или постоянные характеристики, как: материальный ущерб, подрыв здоровья, психологический дискомфорт, психические расстройства, снижение самооценки объекта воздействия и т.д., иначе говоря — понижение уровня организованности системы.

Серьезные научные проблемы возникают тогда, когда в рассуждениях вольно или невольно отождествляются понятия «насилие» и «наказание». Поскольку социальное бытие насквозь пронизано институционализированными формами наказания (в педагогике, управлении, процессах социализации, моральной и правовой практике), постольку после указанного отождествления получается, что общество — это узаконенный «вертеп» насилия. Между тем наказание, если оно справедливое, это не насилие, а воздаяние за провинность, т. е. одна из форм и способов воплощения социальной справедливости. Насилием выступает лишь несправедливое наказание, которое нередко имеет место в процессах реализации институционализированных форм наказания.

Путать в теории понятия «насилие» и «наказание» то же самое, что путать «убийство» (зло) и «эвтаназию» (добро), «трусость» (порок) и «осторожность» (добродетель) и т.д. В языке много таких бинарных оппозиций, границу между которыми разделить бывает сложно.

Агрессия — это начало насильственных действий в отношении какого-либо *не провинившегося* агента, либо демонстрация открытой враждебности, угрозы силой, недвусмысленно показывающих тому вполне реальную возможность применения к нему насилия. Как и в случае с понятиями «насилие» и «наказание», нельзя путать понятия «агрессия» и «ответная защитная реакция», иначе возникают аналогичные теоретические и практические проблемы при улаживании конфликтов между разными агентами социального взаимодействия. Агрессия представляет собой ориентацию человека (людей) на использование других людей в корыстных целях и несет угрозу (потенциальную или реальную) объектам социального взаимодействия.

Прогресс рационального в современном обществе влечет за собой (кроме положительных моментов) поиск более изощренных и завуалированных (а потому — более опасных) форм агрессии и насилия, индивидуального и социального. При этом на первый план выходят не столько объективные последствия внешнего насильственного воздействия на индивида (хотя при определенных условиях они играют решающую роль, например, при оценке деяния, направленного против психологически или социально незрелой личности), сколько его субъективная оценка. Тогда определенные выше понятия «агрессия» и «насилие» должны дополниться оценочной характеристикой, что переводит мои рассуждения в русло интеракционизма, одним из центральных понятий которого является понятие «социальное взаимодействие».

В основе этого понятия лежит представление о том, что актер (индивид или социальная система) всегда находится в физическом или ментальном окружении других социальных акторов и ведет себя сообразно социальной ситуации. В соответствии с различными дискурсами в социальное взаимодействие включаются разные компоненты: ожидания и выбор между альтернативными видами поведения (теория социального обмена Дж. Хоманса); ориентация на ценности и нормы, тяготение к однородности поведенческих проявлений (теория психологического баланса Ф. Хейдера и Л. Фестингера); мотивационная ориентация, степень удовлетворенности потребностей, ролевые ожидания, установки, санкции, оценки (теория действия Т. Парсонса) и др. Применительно к моей теме при рассмотрении социального взаимодействия, в котором совершается агрессивно-насильственное деяние, важно учитывать следующие моменты:

– во-первых, каждый раз необходимо устанавливать место насилия в общей структуре индивидуальной и коллективной деятельности, например, выяснить, является ли насильственное действие неадекватной защитной реакцией актора, следствием «аффекта», или же насилие приобретает самостоятельную цель и смысл, превращаясь в особую индивидуальную деятельность или функцию социальной системы;

– во-вторых, следует отследить связь насилия с агрессией как направленностью действия на овладение в корыстных целях или уничтожение объекта; при этом нельзя забывать, что если агрессия необходимым образом сопровождается насилием, то насилие не всегда связано с агрессией;

– в-третьих, важным является установление схождения или расхождения в оценках действия участниками интеракции, а также причин такого расхождения.

В социальном взаимодействии реализуются следующие виды агрессии и насилия, выделенные по субъекту и объекту: одного индивида над другим; одной группы людей над другой; социальной системы над индивидом; индивида над социальной системой; одной социальной системы над другой.

Любой из названных видов агрессии и насилия можно классифицировать как рефлекслируемое и нерефлекслируемое, инициативное и ответное, легитимное и нелегитимное. В повседневности наиболее опасным является нерефлекслируемое насилие, поскольку оно охватывает практически всех людей и может

стать причиной так называемых немотивированных преступлений и преступлений из ненависти.

Нерефлексируемое агрессивно-насильственное деяние совершается, когда актер не сознает, что творит, делает это непреднамеренно. Здесь насилие совершается либо по глупости, либо по невежеству, либо по злобности натуры, либо же по причине добросовестного исполнения социально-неадекватных инструкций, предписанных правил, норм и законов. Агрессия и насилие в данном случае чаще всего оправдываются благой целью. Следует учитывать, что в названных ниже процессах может происходить подмена целей средствами, то есть благая цель может в ущерб своему содержанию подменяться насилием в его самых садистских проявлениях. Здесь в первую очередь речь должна идти о «педагогическом», «социализационном», «информационном», «самозванческом» и равнодушном видах насилия и агрессии. Понятно, что как названия видов насилия и агрессии, так и сама классификация носят умозрительный характер. Это лишь конструкты или некоторые срезы реальности, которая представляет собой целостную взаимосвязь и переплетение всех видов социальных взаимодействий.

«Педагогическое» насилие. Цель — образование и воспитание. Педагогическое насилие реализуется в форме ретивого исполнения социально-неадекватных норм в сфере образования, завышенных домашних заданиях, предвзятости школьных оценок, фаворитизме, чрезмерных требований к детям, в своей совокупности калечащих их психику и подрывающих физическое здоровье. *Средством* выступает один из основных методов воспитания — наказание. Наказание как метод воспитания присутствует не только в человеческом сообществе, но и у животных. Оно необходимо, поскольку его применение наряду с поощрением обусловлено закономерностями психики человека, такими, как закон контраста (при следовании амбивалентных переживаний друг за другом происходит их усиление) и закон привыкания и притупления мономодальных чувств или переживаний (следующие друг за другом мономодальные переживания возникают все легче, но протекают все слабее). Однако превышение меры наказания всегда связано с насилием, физическим или психологическим.

«Социализационное» насилие. Цель — «приручение диких животных», адаптация человека к социальному миру. Система заставляет человека принять имеющиеся нормы и образцы поведения, чтобы сохранить свой status quo. Если человек хорошо вписывается в социальное пространство, то в качестве вознаграждения он получает некоторую долю власти и богатства — главных прагматических ценностей современного общества. Если нет, то его ожидают низкий социальный статус, жизнь за чертой бедности или же социальное исключение. Социализационное насилие может быть либо агрессивным (социальное исключение, стигматизация и т.п.), либо индифферентным, когда система не прилагает усилий по оказанию человеку помощи в выборе социально одобряемого пути, обеспечивающему интеграцию в социум, а лишь реагирует на ошибки человека. Последнее в наибольшей степени свойственно обществам, находящимся в состоянии аномии, хотя его проявления постоянно наблюда-

ются во всех социальных системах. *Средством* социализационного насилия опять же выступает наказание или, вернее, превышение меры наказания, т.е. завышенное наказание или отсутствие такового в необходимых ситуациях.

«Информационное» насилие. Цель — просвещение, знакомство с положительными и отрицательными сторонами жизни, «расширение сознания». Информационное насилие проявляется тогда, когда кино- и телеиндустрия, а также другие СМИ невольно романтизируют насилие либо погружают нас в атмосферу беспросветной «чернухи» и «порнухи», а деятели в области PR и рекламы принуждают жить в виртуальном мире симулякров.

Здесь я не буду говорить об откровенной дезинформирующей ориентации некоторых СМИ, отмечу лишь, что даже объективное освещение жизни (особенно в современной России) может оказывать и действительно иногда оказывает эффект информационного насилия. Сопряжено ли это с объективно страшными реалиями нашей жизни или только с субъективным восприятием информации — не имеет значения. Но даже когда преподносится положительная информация, заставляющая, однако, менять сложившееся мировоззрение, отношение к жизни, ценностные ориентации, стереотипы мышления, человек может воспринимать давление такой информации как психологическое насилие. А поскольку наши мысли (и, следовательно, психика) напрямую связаны с нашим физическим телом, то такое психологическое давление может обернуться рассогласованием функций организма (плохие сон и аппетит, головные и сердечные боли и т.д.), то есть причинить физический вред индивиду. Таким образом, *средствами* социализационного насилия могут быть нерелевантная информация, манипулирование сознанием, сокрытие информации или же неадекватно поданная информация.

«Самозванческое»²³⁰ насилие осуществляется в форме деспотизма «любящих-хотящих-быть-любимыми», предательства и измен «решительных-за-других», в виде насилия «честных и принципиальных» блюстителей морали, раздающих направо и налево нравственные оценки людям и их делам, знающим, как нужно поступать в любой ситуации, всегда правым, всегда уверенным в своей непогрешимости и истинности своих мнений и суждений. Практически в каждом человеке имеются темные уголки души, в которых притаился «уродец», заставляющий самозванно ничтожить других. При этом люди могут обосновывать свои действия самым разным образом, например, тем, что жертва их любви или дружбы просто не понимает счастья, которое ей уготовано, если только она «совершенно свободно» (без этого нельзя!) признает ограничение своей свободы им — любящим или жаждущим дружбы. Но «любящие-хотящие-быть-любимыми» сами могут стать жертвами в результате незаметного насилия со стороны «решительных-за-других», которые используют такую технику, как «приручение», а фактически — соблазнение. Последующие действия соблазнителя могут оправдываться ответственностью за приручен-

---

²³⁰ Для описания этого вида насилия принята терминология Г.Л. Тульчинского. См.: *Тульчинский Г.Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. — СПб., 1996. — С. 10–24; 32–47.

ного, которая позволяет такому «ответственному приручителю» навязывать условия и правила игры.

Насилие «честных и принципиальных» более заметно, оно не так завуалировано культурой, как предыдущее, поскольку в лице этой категории людей отстаиваются ценности господствующей культуры. «Честные и принципиальные» — это та самозванческая сущность, которая таится в каждом из нас до определенного момента. Нам кажется, что мы побороли гордыню, что существуем в гармонии с окружающим миром, но иногда такое самозванство буквально выплескивается из нас. А проявления такого самозванства (а значит, и насилия) можно наблюдать ежедневно. Оно обнаруживает свою суть, когда мы с позиций нашего знания жизни и наших представлений о Добре и Зле пытаемся поучать других, когда обсуждаем кого-то, когда клеймим позором «безнравственный» поступок человека, исходя только из того, что наши «прочные моральные устои» не допускают такого поведения, что «мы никогда бы ничего подобного не совершили» и т.д. и т.п. Основой такого насилия является стремление возвысить себя, унижая других, подчеркнуть свои достоинства на фоне недостатков других, нежелание допустить возможность существования другой точки зрения, другого понимания Добра и Зла, других норм и ценностей. Такое самозванческое насилие почти всегда неререфлексивно, но — инициативно и немилосердно.

«*Равнодушное*» насилие возникает каждый раз, когда мы пренебрегаем проблемами зависящих от нас людей. Эта зависимость (физическая или психологическая) может иметь самые разные характеристики, она не обязательно предполагает принятие на себя ответственности за судьбу зависящего от тебя и не является достаточным условием для протекания насильственного взаимодействия. Однако, будучи связанной с просьбой зависимого о помощи и возможностью (но отсутствием желания) эту помощь оказать, данная зависимость приобретает характер насильственного взаимодействия, когда отказ в помощи расценивается агентом интеракции как творимое зло.

Я рассмотрела один из возможных типов социальной интеракции, в которых реализуется неререфлексируемое, «обыденное» насилие. Кроме него можно выделить демонстрацию агрессии без последующего очевидного насильственного деяния, которая, однако, создает некий фон для разворачивания интеракции между людьми и определяет характер их взаимоотношений. Здесь представляется необходимым воссоздать логику протекания социального взаимодействия на двух уровнях: межличностном и групповом.

Анализ демонстративной агрессивности на межличностном уровне представлен, прежде всего, в теориях самоопределения и социальной идентичности. Основным тезисом этих теорий выступает тезис о том, что агрессия является, по сути дела, неотъемлемым компонентом познания и осознания человеком себя в качестве социального существа. Агрессия выполняет различные функции и не только негативные. Она помогает, например, индивиду приобрести или восстановить позитивную идентичность, связанную с одобряемыми социумом ценностями: высокий социальный статус, принадлежность к определенной социальной или профессиональной группе, религиоз-

ной конфессии, стабильное экономическое положение и т.д. Кроме того, один и тот же акт агрессии может иметь совершенно разные оценки в зависимости от многих факторов, например, в зависимости от того, кто дает оценку: инициатор действия, преследующий совершенно определенные личные цели, или респондент, на которого это действие направлено; какова *степень толерантности* респондента и *насколько серьезными* он считает для себя последствия такой агрессии; как высока *степень готовности* респондента дать отпор агрессору и многих других.

Анализ демонстративной агрессивности без явного проявления насилия на межгрупповом уровне связывается с так называемым дискриминирующим поведением членов группы, которое может выражаться как в вербальной (намеки, манера говорить, использование жаргонных словечек), так и в невербальной (жесты, взгляды) формах. Социальная дискриминация определяется при этом как неравный подход в оценках или распределении каких-либо благ (например, социальное признание и одобрение) в отношении членов различных групп в размере, не определяемом только дифференциацией общества.

Дискриминирующее поведение членов одной малой группы в отношении членов другой группы возникает в результате стремления первых к поиску новой позитивной социальной идентичности. Этот процесс предполагает социальное сравнение, при котором чем больше группа приписывает себе положительных качеств по сравнению с другими социальными группами, тем сильнее ее социальная идентичность и «Я-концепция» ее членов. Налицо использование другой группы в качестве основания собственного возвышения, т.е. очевидно проявление агрессии. Укрепление позиций одной из групп ведет к неадекватности в оценках других групп и вызывает их дискриминацию. Неадекватность оценок заключается в приписывании другим (не обязательно враждебным) группам некоторых негативных черт: низкую социальную ценность, наличие негативных атрибутов, несоответствие идеальным представлениям о качестве жизни и тому подобное. При этом своей группе приписываются, разумеется, противоположные качества. Это явление получило название позитивно-негативной асимметрии социальной дискриминации. В качестве примеров здесь можно привести дискриминирующее поведение группы некурящих в отношении курильщиков, меломанов в отношении людей, не любящих музыку, любителей классической музыки по отношению к тем, кто увлекается роком или танцевальной музыкой и т.д. Считается, что такая дискриминация не сопряжена с явным насилием, а потому не может причинить серьезного вреда членам дискриминируемой группы. Однако выше мы уже говорили о только кажущейся безобидности разного рода «ненасильственных» действий, если они сопряжены с агрессией. Кроме того, при рассмотрении данного вида социального взаимодействия необходимо учитывать следующий момент: один и тот же акт агрессии может по-разному оцениваться и интерпретироваться в зависимости от того, совершается ли он в отношении отдельного индивида или же направлен на группу. Если на индивида — представителя одной группы — оказывается одновременно давление несколькими членами другой группы, то велика вероятность того, что такое давление (агрессивный выпад) бу-

дет скорее воспринято как неприкрытое насилие, что может вызвать два вида полярных реакций: либо уход в себя (вследствие психологической травмы и невозможности противостоять большинству), либо неадекватное по своей интенсивности ответное насильственное деяние (которое, скорее всего, большинством будет оценено как немотивированное насилие).

Можно выделить факторы, детерминирующие и направляющие нерелексируемые агрессию и насилие на межличностном и межгрупповом уровнях социального взаимодействия. Такими факторами являются:

- желание самоутвердиться за счет унижения других (при этом совсем не обязательно, чтобы инициативный субъект социальной интеракции отдавал себе отчет в своих истинных целях);
- стремление использовать кого-то для получения определенных выгод (психологическая разгрузка, сексуальное удовольствие, продвижение по службе и т.д.);
- поиск или подтверждение социальной идентичности (отдельным индивидом или группой);
- «благое» желание «научить уму-разуму», «наставить на путь истинный».

Можно также назвать факторы, не отражающие некие стабильные установки и ценности индивидов, но способные вызвать проявления агрессии и насилия. Речь идет о ситуативном поступке или агрессивном поведении, обусловленном определенным эмоциональным состоянием агентов социальной интеракции. При этом агрессия и насилие могут исходить не только от актора, но и от респондента, который будет считать свою реакцию лишь ответом на провокацию.

В качестве эмоционального состояния, способного вызвать агрессивные проявления, чаще всего рассматривается раздражение. Однако само раздражение может быть обусловлено другими эмоциями: «праведным» гневом при проявлении несправедливости; недовольством, что тебя не хотят понять; досадой, что ты теряешь контроль над собой, ситуацией, поведением другого человека; смешанными эмоциями, когда понимаешь, что теряешь дорогого тебе человека и т.п. Восприятие проявлений этих эмоций контрагентом интеракции и их интерпретация определяется не только субъективными ценностями и установками, но и культурными традициями.

Именно культура данного общества дает нам представления о том, как следует проявлять свои эмоции, каковы поведенческие стереотипы их проявления. Она же задает нам стереотипные образцы реакций на различного рода эмоциональные проявления. Разумеется, эти образцы или стереотипы варьируются в зависимости от возраста, уровня образования, социального статуса, полового признака. Но сами эти различия свидетельствуют лишь о силе воздействия заданных культурой стереотипах проявления эмоций, поскольку достаточно жестко закрепляют за представителями определенного пола, возраста, образования, социального положения те формы и способы проявления эмоций, которые считаются в данном обществе допустимыми, нормальными, приемлемыми именно для этих людей.

Итак, я представила нерелексированные виды агрессии и насилия, которым в настоящее время не предается особого значения, но которые во многом определяют нашу повседневность, перманентно включающую в себя проявления девиантности (в том числе и преступности). С моей точки зрения, без понимания повседневности невозможно изучение детерминант негативных явлений и, следовательно, возможностей разработки мер социального контроля, направленных на сдерживание развития нежелательных для социума процессов.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. Овчинский*

ОБ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ФОРМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ В РОССИИ И НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО РОССИЙСКОГО КУРСА

С середины 1990-х годов прошлого века у меня созрело полное убеждение в том, что *организованная преступность стала формой социальной организации жизни в России.*

При этом под самой организованной преступностью я, как и Я. Гилинский, предлагал использовать понятийный аппарат, содержащийся в документах ООН. Как известно, там на многих конгрессах и конференциях *выработано понятие организованной преступности (в разных модификациях) как сложного переплетения противоправных действий, совершаемых преступными формированиями, целью которых является достижение сверхприбылей с использованием коррупции, насилия и запугивания конкурентов и населения.*

Базируясь на этом подходе, я солидарен с российскими социологами (О. Цыплакой и др.) в том, что *организованное преступное сообщество можно рассматривать как новую особую форму социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения.*

Но организованная преступность, на наш взгляд, — это не только и не столько совокупность различных организованных сообществ, это и *форма жизнедеятельности отдельных индивидов, групп лиц, которые моделируют в своем индивидуальном поведении и образе жизни стереотипы поведения и образ жизни преступных сообществ.*

Таким образом, в социальную ткань общества вклиниваются как высокоорганизованные преступные сообщества, так и не связанные с ними непосредственно отдельные индивиды или группы индивидов, которые действуют в парадигме этих преступных сообществ.

---

*Владимир Семёнович Овчинский — доктор юридических наук, советник Конституционного Суда РФ (Москва, Россия).

© В. С. Овчинский, 2008

Такие формы социальной организации жизни в большей мере относятся к *архаическим и иерархическим* отношениям между членами общества. Но они далеки от отношений общества граждан или *гражданского общества*.

Если использовать термин «мафия» как синоним понятия «организованная преступность», то можно констатировать, что *в современной России отношения между индивидом и сообществом в большей мере выстраиваются не по типу гражданского общества, а по типу общества мафиозного*.

По определению философа М. Кагана, *гражданское общество* — это тип общества, где сам эпитет «гражданское» означает *высшее из доселе известных истории проявление экономической культуры, политической культуры и правовой культуры*.

По нашему мнению, *мафиозное общество* — тип общественных отношений, связанный с проявлением субкультуры («воровской культуры»), *теневой экономической, политической, антиправовой контркультуры*.

Если организованная преступность является формой социальной организации жизни российского общества, то возможно ли её измерение традиционными средствами?

В начале 2007 года руководители МВД России в серии интервью рассказали, как на современном системном уровне осуществляется работа по «контролю над 450 организованными преступными формированиями, в которые входят 12 тысяч активных членов».

Что должен подумать простой гражданин, узнав об этих цифрах? Видимо, то, что стоит только эти 12 тысяч членов преступных формирований привлечь к уголовной ответственности, и с мафией в России будет покончено? Но ведь это — в большей мере виртуальные игры, самообман и обман населения.

Действительно есть устойчивые, иерархически построенные, многоцелевые преступные формирования. Но в их число с таким же успехом можно зачислить не 12 тысяч, а как минимум 120 тысяч активных участников, действующих в орбите мафиозных структур. В 1997 году, когда я работал в МВД России, мы насчитывали более 80 тыс. членов организованных преступных формирований. А ведь за прошедшие годы оргпреступность только разрасталась.

А есть еще *экономическая преступность, которая практически вся стала организованной*, причем хорошо организованной, имеющей и коррумпированные связи, и поддержку в профессиональной преступной среде.

Есть вообще понятие «*преступная среда*». У нас только за годы реформ — с начала 1990-х годов, через СИЗО, ИВС и колонии прошло более 20 млн. человек.

Есть подростковые и молодежные преступные группировки, которые во многих регионах тоже находятся под контролем мафиозных структур и составляют их резерв. Их членов только на учете в милиции более *50 тысяч человек*.

Есть сотни тысяч беспризорников и миллионы наркоманов, которые тоже активно используются мафией.

А есть *конгломераты из воров в законе, руководителей местной власти, олигархов, силовиков, имеющих крышу в федеральных структурах*. Речь идёт о

таких мафиозно-коррупцированных образованиях, которые очень достоверно показаны в непонятно как прорвавшемся на телеэкран фильме «Гражданин Начальник-3».

Есть, вообще, само общество, которое уже более 15 лет живёт «по понятиям», а не по закону, которое говорит на «фене», а не на языке Пушкина.

Таким образом, даже для минимального замера распространенности организованной преступности в стране необходимо использовать самый разнообразный набор индикаторов. Нельзя идти по привычной схеме суммирования данных оперативного учета органов внутренних дел или данных уголовной статистики.

Сейчас всё чаще сравнивают поиск В. Путиным путей выхода из кризиса после дефолта 1998 года, борьбу с мафией, олигархами и коррупцией в России с формированием Нового курса Рузвельта после Великой депрессии и банковского коллапса США в 1933 году. По мнению политолога Константина Симонова Америка 1920-х и 1930-х мало чем отличалась от лихих 1990-х в России. К началу 1930-х, — пишет он — политическая власть в США постепенно начала переходить в руки мафиозных кланов, с которыми затем и начал борьбу Рузвельт. В России роль основных политических игроков стали брать на себя как те же криминальные структуры, так и крупные корпорации, а также региональные кланы, активно создававшие феодальные республики. Собственно, это и было гражданское общество — те же бандитские бригады формировались без всякого вмешательства государства. Наоборот, они активно заполняли пустоты, образовавшиеся после ухода «большого государства». Государство не могло выполнить ни политических, ни экономических функций. И на его месте оказывались криминальные структуры. Не могло собирать налоги — появлялся рэкет. Исчезла судебная система — появилась система авторитетных разборок «по понятиям» («Известия», 12.02.2007).

Отличие между двумя ситуациями все же есть. И весьма серьезное. В Америке, в отличие от России, в 1930-х годах не действовали «экономические убийцы» извне. А в России они играли и продолжают играть свою тщательно отрежиссированную роль.

Достаточно прочитать книгу Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы» (М., 2005). Этот профессионал цинично описывает основные способы экономических и специальных манипуляций, которые используются США и транснациональными капиталистами (*корпоратократией*) для достижения своих гегемонистских и глобализационных целей по всему миру, в том числе и в России.

«Экономические убийцы (ЭУ), — пишет Перкинс, — это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежным организациям, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при

выборах, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую как мир игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации».

Поэтому Путину в окружении внешних и внутренних «экономических убийц» выбрать Новый курс гораздо сложнее, чем Рузвельту.

Сейчас можно говорить о *высшей и заключительной стадии развития ново-русского капитализма в России.*

Надо ли было социальные идеалы заменять идеалами потребления?

В результате этой подмены с начала 1990-х годов произведенный ВВП на 0,3 процента отстает, а вот частное потребление — на 167 процентов превышает показатели 1989 года. Объём инвестиций в нынешнем ВВП составляет всего 35 процентов от уровня 1989 года. В то же время в Китае прямо противоположная тенденция — динамика инвестиционной составляющей ВВП обгоняет потребление. Поэтому Китай двадцать восьмой год подряд сохраняет темпы роста на уровне, близком к 10 процентам.

Никто не говорит о том, что повышение уровня потребления внутри страны это — плохо. Те же китайцы на своих последних пленумах КПК поставили вопрос о повышении внутреннего потребления.

КПСС развалилась и развалила страну, потому что не могла обеспечить элементарный уровень потребления для своего народа. Иными словами, не могла ни накормить, ни одеть, ни обеспечить духовными благами, *ни дать проект развития.*

Речь вновь идет *не о потреблении как таковом, а о его смысле и допустимых пределах.*

Общество потребления в том патологическом виде, в котором оно представлено в России, порождает патологическую форму соревнования (заменившего сосоревнование) — гонку за новыми личными благами, не имеющими никакого рационального смысла.

И, конечно, прав герой последнего романа Виктора Пелевина, когда пишет, что «духовность» современной русской жизни означает, что главным производным и потребляемым продуктом являются не материальные блага, а *понты.*

В свою очередь эта гонка, как в любых соревнованиях, увеличивает разрыв в дистанции между лидерами и аутсайдерами.

Многие ученые говорят о тенденциях социального разрыва в мире (по данным Института проблем развития ООН, в 2006 году одной десятой самых богатых людей принадлежит 85% мировых активов), но все сходятся к тому, что в наиболее уродливой форме этот социальный разрыв проявляется в России. В то время когда состояние российского губернатора Романа Абрамовича, по данным Daily Telegraph (07.12.2006), в прошлом году увеличилось на 16 млн. долларов *в день*, по данным центра Левады, доля населения России, испытывающего нехватку денег на покупку еды (а это как раз и есть нищета, доходы ниже прожиточного минимума), в 2006 году составила 13%. Доля тех, кому хватает на еду, но не хватает на одежду, — 35%, а тех, кому хватает на еду и одежду, но не на простую бытовую технику, — 39%.

Такие диспропорции не могут не влиять и на показатели, характеризующие социальное и биологическое нездоровье общества: Россия занимает 1-е место в мире по коэффициенту убийств на 100 тыс. населения (21), второе место (после Украины) среди «развитых» стран по коэффициенту общей смертности на 1 тыс. жителей — 15,9 (в Канаде, например, этот показатель равен 7,3).

Видимо, есть что-то патологичное в том, что государство судорожно решает, что делать с миллионами беспризорных детей, наркоманов и алкоголиков. Задают вопрос, где взять деньги на новые ЛТП и их содержание. А в это же время миллиарды нефте-, газо-, металлоденег утекают всевозможными путями из страны на покупки новых яхт, замков, перевозку из страны в страну проституток.

Никто не призывает опять «взять всё и поделить». Но ведь должны быть пределы роста маразма потребления? Если этих пределов нет, то дальше — ничто, тупик, темнота, затмение, деградация того, что называется российский капитализм.

Были надежды, что российский капитализм, пройдя через воровство и кровь, станет обретать цивилизованные формы. Такие, например, как в Швеции, Норвегии, Финляндии. Тех странах, где экономический рост сочетается с развитием производства, инвестициями и выравниванием социальных уровней.

Но при всех позитивных формальных показателях российской экономики, о которых рассказывают Западу руководители российского правительства, *социальный разрыв все увеличивается.*

Были надежды, что у нас появятся свои Биллы Гейтсы, которые будут создавать силиконовые долины, отыскивать лучшие мозги, обеспечивать прорыв в информационной и биотехнологической революции.

Но где эти Биллы Гейтсы?

Были надежды, что даже сев на нефтяные трубы, новые капиталисты будут развивать технологии добычи, переработки недров, развивать новые месторождения, обеспечивать экологическую безопасность.

Были надежды, что заживет народ как в Эмиратах.

Но вот отрывок из выступления Генерального прокурора Юрия Чайки на декабрьском (2006 г.) совместном заседании коллегий прокуратуры и Министерства природных ресурсов по вопросу «О состоянии законности, экологической безопасности и прокурорского надзора в сфере осуществления недропользования предприятиями нефтегазодобывающего комплекса»:

«Предприятиями нефтегазодобывающего комплекса допускается превышение установленных объемов добычи полезных ископаемых, не выполняются требования закона о рекультивации земель. Теряются большие запасы попутно залегающих природных ресурсов, разработка ведется способами, нарушающими правила сохранности недр. Зачастую добыча и транспортировка углеводородного сырья сопровождается незаконной вырубкой лесов, захоронением отходов бурения. Из-за неудовлетворительного состояния и некачественного обслуживания трубопроводов, ненадлежащего контроля за ними ежегодно происходят тысячи аварий, приводящих к загрязнению огромных по площади территорий и водных акваторий.

Создаётся такое впечатление, что в погоне за сверхприбылью руководители предприятий забывают, что они осуществляют свою деятельность на территории нашей Родины, а не на какой-то чужой планете. Что любое негативное воздействие на окружающую среду может повлечь за собой непредсказуемые экологические изменения, которые негативно отразятся на жизни и здоровье населения, на последующих поколениях».

Были надежды, что монетизация льгот, пенсионная реформа и национальные программы смогут изменить социальную ситуацию.

Но пока воровство и коррупция в рамках этих реформ и программ перекрывают все какие-либо позитивные итоги (об этом в январе 2007 года в своих интервью СМИ рассказали руководители МВД России).

Были надежды, что Государство обуздает бандитский капитализм, перекроет утечку миллиардных капиталов и их распыление в офшорах. Но Государство отменило конфискацию как вид наказания, тем самым сделав невозможным возвращение в страну украденных миллиардов.

Были надежды, что в этом направлении хоть в чем-то будет наведен порядок.

Но вот что констатировал в ноябре 2006 года на заседании Правительства России глава Центробанка Сергей Игнатьев: «В результате бездействия финансовых, налоговых и таможенных органов из России ежегодно утекает около 150 млрд. рублей. Столь крупная утечка происходит в результате «очень странных процессов», связанных с налогом на добавленную стоимость (НДС). Российские юридические лица, как правило, с признаками фирм-однодневок, в массовом порядке перечисляют рублевые средства на рублевые счета компаний-нерезидентов, открытые, как правило, в иностранных банках якобы за товары, приобретенные на территории РФ, причем эти суммы, как правило, включают НДС.

Фирмы эти, по данным ЦБ, в массе своей зарегистрированы в офшорных зонах — на Британских Виргинских и Сейшельских островах, в Белизе и т.д., а для проведения таких операций используются банки стран бывшего СССР. Российскими налогоплательщиками они не являются, а потому НДС, перечисляемый им, в бюджет страны никогда не поступает. Паспорт сделки по этим операциям не оформляется, поскольку товар не пересекает границу, и проверить реальность этих операций некому: ни налоговые, ни таможенные органы их не проверяют, несмотря на то, что абсолютное большинство таких сделок фиктивно.

И в 2005, и в 2006 годах таких платежей было осуществлено ежегодно на 1 трлн. руб., почти все они содержали НДС, и таким образом объем недополученных средств только по одному виду операций и только за 2005—2006 годы составил около 300 млрд. руб.

Сложившаяся ситуация можно назвать «фантазмагорией», поскольку ЦБ вынужден лишь констатировать факт, не имея возможности его исправить. Очевидно, что в данной ситуации должны работать правоохранительные органы, однако «дырка» в налоговом, регистрационном и прочем законодательстве не позволяет эффективно это делать.

Схемы, о которых говорилось на заседании Правительства, используют все крупные олигархические структуры. И, главное, *ни ЦБ, ни Правительство не знают, что с этим делать (!?)*.

То же самое касается и так называемых «серых схем» обналочки. На итоговой (за 2006 год) коллегии МВД России помощник Президента России Виктор Иванов, говоря о масштабах теневого финансового оборота, отметил угрожающую динамику роста обналоченных через российскую банковскую систему денежных средств, «который за год составил 28%, в абсолютном выражении — 10 трлн. руб. И это без учета социальных выплат!»

По мнению Виктора Иванова, все эти средства являются «питательным ресурсом» коррупции и организованной преступности, с другой стороны, служат финансированию «серого импорта».

Была надежда, что государство нанесет мощный удар по организованной преступности. И руководители МВД страны в начале 2007 года объявили, что они посчитали всех «воров в законе» и все мафиозные формирования и держат ситуацию «под контролем». Но в отличие от руководителей МВД России директор Федеральной таможенной службы Андрей Бельянинов не считает, что ситуация с «ворами в законе» находится под контролем. В интервью «Ведомостям» (25.01.2007) он говорит следующее: «Я не знаю, кого назначить на Брянскую таможню. Нам достоверно известно, что ситуацию там пока контролируют «воры в законе». Мы знаем их имена, фамилии, клички и где они живут. Безусловно, мы будем менять эту ситуацию, но пока люди не хотят на это место идти, понимая, что рискуют, и сознавая, что должны постоянно разрываться между страхом и совестью. Недавно то же самое было на Смоленской таможне. Поймите, это слишком долго складывалось, чтобы можно было разом все изменить, просто сказать: вот мы пришли, сейчас приблизим к границе таможенное оформление, вложим деньги, весьма немалые. Конечно, это правильные векторы, но системы они меняют медленно».

Все приведённые примеры означают, что мы переживаем *последний этап бандитского капитализма в России*. Дальше нужен новый проект развития. Нужен *Новый российский курс*. Новый курс должен перекодировать основные программы развития русского капитализма. Использовать для этого лучшие примеры развития, которые есть и на Западе и на Востоке.

Новый курс должен отторгнуть из госсистемы управления внешних и внутренних «экономических убийц», продолжающих играть в социал-дарвинизм и «общество истребления» вместо мобилизации ресурсов для развития военных и гражданских био, нано и информационных технологий XXI века.

Новый курс должен создать щит как для попыток внешнего управления страной, так и для тенденций к изоляционизму, превращения России в «государство-крепость».

Новый курс предполагает переориентацию уголовной политики, изживание из нее радикал-либерализма. *Если экономика может развиваться умеренно либерально, то уголовная политика должна стать умеренно антилиберальной*. Без этого превращения капитализм в России останется бандитским, а власть — коррупционной.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

З. С. Зарипов*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РОССИИ И
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ**

В политической декларации, принятой 10 июля 1998 года на девятом пленарном заседании Девятой специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН государствами членами ООН по проблеме наркотиков, дана следующая оценка: «Наркотики представляют серьезную опасность для здоровья и благополучия всего человечества, независимости государств, демократии, стабильности наций, структуры всех обществ, а также достоинства и надежд миллионов людей и их семей».²³⁷

«Осваивают» все новые регионы и территории для культивирования и производства наркотиков, совершенствуют маршруты и способы доставки смертоносных грузов, вовлекают в свой бизнес различные слои населения и целые этнические группы, приобщают к немедлическому потреблению наркотиков всё большее количество людей, в том числе и несовершеннолетних.²³⁸

В Российской Федерации за первое полугодие 2006 года уже выявлено 123 936 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в них доля тяжких составляет 73 %. За последние десять лет потребление наркотиков в России увеличилось в 9 раз. Каждый год от них гибнут 70 тысяч человек. С января по июль изъято: марихуаны — 6 343 кг, героина — 1 464 кг, маковой соломой — 1000 кг, гашиша — 447 кг.²³⁹

Ситуация с наркотиками представляет собой серьезную проблему для Государств Содружества и стран Центральной Азии. По статистическим данным за последние 10 лет уровень наркопреступлений в странах СНГ увеличился в среднем в 5 раз.

Наркотрафик, как злейший сорняк, распространяется не только в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), но и опутывает Россию, регионы Европы и других континентов, представляя

---

* **Зарип Саидович Зарипов** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр криминологии и организации профилактики преступлений Академии федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань, Россия).

© З. С. Зарипов, 2008

²³⁷ ООН. Генеральная Ассамблея. А (RES). S — 20/2. 8 September. P. 1.

²³⁸ *Калачев Б.Ф., Кикоть В.Я. и др.* Глобальная угроза безопасности России (незаконное распространение наркотиков. Основные тенденции и прогноз развития наркоситуации на постсоветском пространстве) // Учеб. пособие. — СПб., 2000. — С. 10.

²³⁹ *Михайлов А.* Наркотики оборачиваются всё хуже и хуже // Новая газета. — 2006 — 25 сентября. — С. 10.

всеобщую угрозу социальному состоянию и экономическому развитию.

Одна из причин сложившейся ситуации — значительный рост производства героина в Афганистане.

Как показывает анализ, Казахстан не остался в стороне от глобальных процессов военно-политического и экономического характера, связанных с ростом экстремизма и международного терроризма и прошедших за последние годы в странах Азии и Европы. В период проведения операции «Мак-2005» выявлено 4 607 преступлений, связанных с наркотиками, в том числе 1 572 факта сбыта, 83 контрабанды, раскрыто 555 общеуголовных преступлений. Изъято из незаконного оборота 16 529 кг, из них свыше 150 кг героина.²⁴⁰

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан на учете состояли 53 577 лиц, злоупотребляющих наркотиками, в том числе 4 940 женщин, 4 343 несовершеннолетних, до 14 лет — 1 233.²⁴¹

Основным источником негативных тенденций обострения наркоситуации в Кыргызской Республике являются опиум и героин также афганского происхождения, проходящие через территорию страны по так называемому «северному маршруту» наркотрафика. В 2005 году в Афганистане площадь культивирования опийного мака, производство героина заметно не сократились. Из незаконного оборота за 2005 год на территории Кыргызской Республики в общей сложности изъято 4 461 кг всех видов больше, чем в 2004 году на 8,3 %. Опия — 116 456 г, героина — 202 569 г, кокаина — 1 820 244 г, гашиша — 134 009 г, марихуаны — 1 983 797 г.²⁴²

Таджикистан с первых дней независимости решительно поддерживал любые конструктивные инициативы и действия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Реализация комплекса мер общегосударственного характера направлена на стабилизацию наркоситуации, пресечение контрабандного поступления наркотиков из Афганистана, повышение эффективности предупредительно-профилактических мер.

Таджикистан оставался щитом на пути афганских наркотиков по так называемому «северному маршруту»: Афганистан — Центральная Азия — Россия — Европа. На долю Таджикистана приходится около 70 % героина, изъятого в странах Центральной Азии и более 50 % в странах СНГ.²⁴³

В 2005 году правоохранительными органами и силовыми структурами республики из незаконного оборота изъято: 433 кг наркотических средств, 3 449 кг наркотиков опиумной группы, 2 344 кг героина. В 2005 году по сравнению с 2004 годом объем наркотических средств, изъятых правоохранительными органами,

---

²⁴⁰ *Информационный* бюллетень о наркоситуации. Центральнo-Азиатский регион. OSCE. — 2006. — С. 5.

²⁴¹ Там же. — С. 7.

²⁴² Там же. — С. 40.

²⁴³ Там же. — С. 63.

²⁴⁴ Там же. — С. 67.

²⁴⁵ Там же. — С. 74.

увеличился на 7 %.²⁴⁴ По данным Министерства здравоохранения Республики Таджикистан, на диспансерном учете в стране состоят 7 576 больных наркоманией, из них 54,7 % молодежь в возрасте до 30 лет, лица мужского пола — 95,5 %.²⁴⁵

Наркоситуация в Республике Узбекистан определяется, прежде всего, близостью и соседством с самым крупным в мире производителем опиатов и героина — Афганистаном.

В 2005 году по Республике Узбекистан из незаконного оборота изъято на 411 кг меньше наркотических средств, чем в 2004 году. Из них в 2005 году 467 кг героина, 107,7 кг опия, 193 кг кукнара, 445 кг марихуаны, 9,8 кг гашиша.²⁴⁶

Общее число лиц, состоящих на диспансерном и профилактическом учете в связи с немедическим потреблением наркотических веществ, составило 22 100. Значительная часть больных наркоманией (61,6 %) и токсикоманией (42,9 %) выявлена правоохранительными органами.²⁴⁷

Наркомания и незаконный оборот наркотиков не имеют границ. Оказывая всё более разрушительное воздействие на развитие мирового сообщества, стимулируя рост преступлений, насилия и коррупции, они поражают людей, молодежь, несовершеннолетних независимо от национальности, социального положения, пола, религии или расы. Поэтому озабоченность всё возрастающей масштабностью и опасностью распространения наркотиков в мире растёт, основываясь на понимании того, что победить эту проблему в отдельно взятой стране невозможно.

Разумеется, все эти вопросы имеют прямое отношение к исследованию наркотизма несовершеннолетних. Наркомания и совершаемые на её почве правонарушения обусловлены общественными отношениями, выступают как закономерное следствие условий социальной жизни общества.²⁴⁸

Правонарушения и преступления, порожденные негативными явлениями, в частности наркоманией, представляют собой специфические акты человеческого поведения, в которых отражаются соответствующие социальные условия. А.Б. Сахаров писал, что главное здесь не только во взаимосвязи преступлений и негативных явлений, важны и социальные условия, в которых проявляется такая связь.²⁴⁹ Исследование этой взаимосвязи, по мнению И.И. Карпеца, в одних случаях прямо, непосредственно, в других случаях косвенно, опосредованно, связано с анализом именно преступлений, рассматриваемых в системе негативных социальных явлений и в связи с негативными последствиями этих явлений.²⁵⁰

---

²⁴⁶ Там же. — С. 78.

²⁴⁷ Там же. — С. 88.

²⁴⁸ *Аванесов Г. А., Лебедев С. Я.* Криминология несовершеннолетних (постановка проблемы) // Криминологический журнал. — 2006. — № 2 (10). — С. 24—29.

²⁴⁹ *Сахаров А. Б.* Личность преступника и причина преступности в СССР. — М., 1961. — С. 63—64.

²⁵⁰ *Карпец И. И.* Проблема преступности — М., 1969. — С. 41.

²⁵¹ *Шестаков Д. А.* Российская криминологическая теория причинности: развитие и перспективы // Вестник СПбГУ. — 1998. — Сер. 6, вып. 3. — С. 83—89.

По мнению П. С. Дагеля, В.Н. Кудрявцева, П.П. Осипова, Д.А. Шестакова и др., объяснение преступного поведения необходимо связывать с противоречиями общественных процессов.²⁵¹ Правовые проблемы тесно переплетаются с политическими, экономическими, социальными, психологическими и иным явлениями, так или иначе связанными с поведением человека.

Несмотря на то, что пьянство и алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество, беспризорность рассматриваются наряду и в связи с преступлениями, однако оценка им дается сугубо социальная.²⁵² Отсюда и характеристика социальных взаимосвязей антиобщественного поведения, из которых рождаются условия формирования как правонарушений, так и преступного поведения.

Наркомания тесно связана с преступностью и требует особого внимания со стороны органов внутренних дел. В этом ни у кого нет сомнений. Социальные отклонения, связанные с наркоманией, рассматриваются как виды девиантного поведения. В основу их классификации могут быть положены самые различные критерии: общественная опасность, наличие устойчивой социальной антиобщественной установки или негативных потребностей, отрицательное отношение к нормам права и законам, их нарушение и т.д. Именно в этом следует видеть связь с преступностью.²⁵³

«Поведение наркомана, — писал Г.М. Миньковский, — есть непрерывный процесс правонарушения».²⁵⁴ По мнению Г.А. Аванесова, этот процесс следует рассматривать «в русле социологического течения антиобщественного поведения».²⁵⁵ Сегодня всем известно, что «антиобщественное поведение служит исходной базой для совершения преступлений».²⁵⁶

В анализе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, используются самые различные понятия и термины: наркомания, наркоман, личность участника незаконного оборота наркотиков, наркоделец, начинающий наркоман или наркобизнес, незаконный оборот наркотиков, наркотизм и т.д.²⁵⁷

Наркотический нарыв созрел уже в бывшем Советском Союзе. Просто никто не говорил об этом в слух, и этого как бы не было. А то, что наркомания

---

²⁵² *Корецкий Д. А.* Тяжкие вооруженные преступления. — М., 1997. — С. 50.

²⁵³ *Криминология.* — СПб., 1988. — С. 526—527; *Омигов В.И.* Криминологические и правовые проблемы борьбы с наркотизмом. — М., 1992. — С. 25—27.

²⁵⁴ *Миньковский Г.М.* Уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом: Лекция. — М., 1991. — С. 12.

²⁵⁵ *Аванесов Г.А.* Антиобщественное поведение и социально-негативные явления // Профилактика правонарушений. — 1982. — № 12. — С. 48.

²⁵⁶ *Гришко А.Я.* Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации алкоголиков и наркоананов. — Рязань, 1993. — С. 14.

²⁵⁷ См., например: *Аргулова Ю.Н.* Незаконный оборот наркотиков и некоторые вопросы стратегии борьбы с ним // Преступность: стратегия борьбы. — М., 1997; *Меретунов Г.М.* Уголовно-правовые проблемы борьбы с наркобизнесом. — Ростов н/Д, 1994; *Генайло С.П., Готбик Р.М., Романова Л.И.* Наркомания. Правовые и медицинские проблемы. — Владивосток, 1988.

поразила теперь детей, имеет свои причины. Упразднив жёсткие рамки коммунистической идеологии, в которых росли наши дети, мы ничего не дали им взамен. Дети отданы на откуп улице с её культом насилия.

Нанесен удар по всей системе ценностей. Ребенку очень важно иметь мечту, цель в жизни. Раньше в каждой семье так или иначе планировали будущее детей, теперь же о будущем просто не приходится и думать. Добавить к этому ещё и разлад в обществе (не до детей, разобраться бы между собой), и нелады в семье (материальные трудности, разводы, конфликты и др.) и в результате выброшенные на улицу или представленные сами себе дети.

Ведя речь о несовершеннолетних преступниках, А.И. Долгова, С.В. Ванюшкин, О.А. Евланова, О.С. Ильин отмечали: «Ежегодно без одного родителя остаются 500 тысяч детей и подростков; около 40% несовершеннолетних преступников воспитывались именно в таких семьях. Более 160 тысяч детей воспитываются в государственных учреждениях (сироты при живых родителях, лишенных родительских прав и находящихся в местах лишения свободы). Ежегодно, спасаясь от жестокого обращения, физического и психологического насилия, около 2 тысяч детей и подростков кончат жизнь самоубийством, около 30 тысяч уходит из семьи, 6 тысяч — из детдомов и интернатов. Более 24 тысяч детей и подростков, пропавших без вести, разыскиваются милицией, 27 тысяч становятся жертвами преступлений. Ребенок, оказавшийся на улице, как правило, становится объектом внимания криминальной среды и её специфического контроля».²⁵⁸ Все эти факторы на руку наркодельцам.

Причём в мире наблюдается тенденция не только к дальнейшему росту случаев наркомании, но и её «омоложению».

Одним из показателей, характеризующих распространённость наркомании среди несовершеннолетних, является число подростков, потребляющих наркотические вещества.

Волнообразное изменение динамики влияния несовершеннолетних наркоманов свидетельствует, во-первых, о несовершенстве правовых и медицинских критериев постановки таких подростков на учет в органах внутренних дел и здравоохранения, во-вторых, об общем снижении активности в борьбе с наркоманией и таксикоманией несовершеннолетних.²⁵⁹

Достаточно сказать, что в Москве каждый пятый мальчишка уже попробовал, что такое наркотики.²⁶⁰

В России статистика отмечает до 10 млн. зарегистрированных наркоманов, но здесь гораздо важнее не статистика, а динамика роста в юношеской, подростковой среде. Средний возраст уже зарегистрированных наркоманов — 13 лет. Среди подростков это становится делом престижа. Негативная среда такова, что курят и колются даже те, кто не хочет из боязни либо прослыть слабаком, трусом, либо стать изгоем в своей компании.

Исследования показали 57,7% ... 14 — 17 лет считают наркотическую зависимость причиной, толкающей людей к преступлению. В данном случае

²⁵⁸ *Преступность*, статистика, закон. — М., 1997. — С. 11.

²⁵⁹ *Предупреждение* наркомании несовершеннолетних. — М., 1989. — С. 5–7.

²⁶⁰ *Алимамедова Л.С.* Сладкий обман — смертельный дурман. // Труд. — 1998. — 16 мая.

можно говорить об экономическом насилии — многим наркоманам трудно найти иной способ заработать. Из интервью Игоря: «У меня знакомый есть, который всё из дома вынес. У меня тоже часто просит деньги. А где ему лавы брать на наркоту?». Более 58,2% детей и подростков начали употреблять психотропные вещества в таких семьях, где был высокий уровень алкоголизма родителей, что прямо коррелируется с возрастом начала употребления алкоголя.²⁶¹

Как правильно отметил А.Б. Сахаров: «Для того чтобы верно оценить социальные условия, влияющие на антиобщественное поведение, необходимо обратиться к демографии (половозрастная структура населения, рождаемость, смертность и т.д.), социологии (проблемы образования, культуры, трудовой деятельности, вопросы моральной статистики и т.д.), медицине (алкоголизм, наркомания, венерические болезни и т.д.), другим отраслям знания».²⁶²

Нельзя не учитывать, что пьяницы и алкоголики, наркоманы, проститутки, преступники — это часть населения, и рост наркомании, пьянства, охватывая несовершеннолетних, отрицательно сказывается на демографических показателях страны. Кроме того, наркомания нередко сопровождается такими заболеваниями, как сифилис, туберкулез и СПИД, которые увеличивают смертность.

На 1 июля 2003 г. численность постоянного населения России составила 144,5 млн. человек, т.е. по сравнению с данными на 1 января 2003 г. уменьшилась на 454, 2 тыс. человек (0,3%). За последние 10 лет в России родилось на 6 млн. детей меньше. За этот же период число детей в возрасте до 16 лет уменьшилось на 3 млн., а в возрасте до 6 лет — на 4 млн., или на 35%. Только по официальным данным, за шесть-семь последних лет число больных сифилисом в России выросло в 30 раз, наркоманией — в 15, алкогольными психозами — в 6 раз. При этом 60% мужчин и 25% женщин курят. Среди несовершеннолетних мужского пола курят 30%, а женского — 18%.²⁶³

Проблема незаконного распространения наркотических средств, их немедицинского потребления становится все острее. Массовое преступное поведение несовершеннолетних — это как бы отражение или тень преступлений молодёжи, так как младшие пытаются повторить поведенческие стереотипы старших.

Связующим звеном между ними являются так называемые группы риска, к которым относятся учащиеся школ, подростки, бросившие по тем или иным причинам учебу, безработные, несовершеннолетние, вышедшие из воспитательных колоний, безнадзорные и беспризорные.

Как показывает анализ проведенных исследований, типичная причина

---

²⁶¹ *Бабаев М.М.* Динамика и причины основных отклонений в поведении членов общества // Дети с отклонениями в поведении. — М., 1987. — С. 14—15.

²⁶² *Сахаров А.Б.* Преступность и социальные условия. — М., 1994. — С. 18—19.; *Бабаев М.М., Кузнецова Э.В., Урланис Е.Б.* Влияние демографических процессов на преступность. — М., 1976. — С. 7—10.

²⁶³ *Прудников Б.П., Рыбалкина О.П.* Профилактика беспризорности, безнадзорности наркомании среди несовершеннолетних — М., 2004. — С. 61.

приобщения молодых людей к наркотикам — желание получить удовольствие, в основе которого лежит бездуховность, душевный инфантилизм, тяга к запретному плоду (около 75% опрошенных); 90% подростков, первые потянулись к наркотикам, не знали об их пагубном влиянии, попробовали из любопытства.²⁶⁴

Первое употребление наркотического (токсического) вещества — курение марихуаны, анаши, прием каких-либо таблеток с «необычными свойствами», сознательное вдыхание паров бензина, ацетона, лаков и красок и т.п. совершается обычно в компании сверстников.²⁶⁵

Результаты выборочного исследования, проведенного Б.Ф. Калачевым, показывают, что среди учащихся общеобразовательных школ и ПТУ от 14 до 17 лет и студентов каждый четвертый (26,3%) пробовали наркотические и токсические средства хотя бы один раз и 2,9% употребляли их постоянно.²⁶⁶ В такой подростковой компании из любопытства, из желания не отстать от товарищей, не быть «белой вороной», из стремления выглядеть взрослым, опытным, многое повидавшим в жизни и ничего не боящимся происходит первый прием наркотического вещества. Зачастую употребление наркотиков начинается детьми и подростками под влиянием, нажимом, угрозами и угрозами более старшего по возрасту опытного наркомана. Именно наркоманы вовлекают в эту болезнь новичков, группируют из них своеобразные «клубы» со своим «уставом», «традициями», тайнами. Членам такой компании они запрещают рассказывать взрослым о своих «друзьях», о приеме наркотиков, о способах их получения.

Приучение к наркотикам — средство преступника сделать подростка послушным своей воле, толкнуть его на любой проступок и даже на уголовно наказуемые действия.

Наркоманы-преступники заставляют членов сколоченных ими групп и компаний заниматься фарцовкой, мелкими кражами, вовлекают в раннее начало сексуальной жизни, нередко с половыми извращениями, требуют сбора и продажи различных ценных вещей и т.п.

Среди наркоманов распространен такой порок, как гомосексуализм. У них часто встречаются случаи одного из серьезных и не поддающихся, никакому лечению заболеваний нашего времени — СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита). При этом заболевании человек, в силу поражения у него защитных сил организма, может погибнуть от самой легкой простуды, ветряной оспы, краснухи и т.п.

Среди учащейся молодёжи нередко существует расхожее представление:

---

²⁶⁴ *Зарипов З.С.* О совершенствовании профилактики наркомании среди учащихся школ, СПТУ, техникумов // Проблемы совершенствования борьбы с наркоманией. — Ташкент — 1989 — С. 210—212.

²⁶⁵ *Анисимов Л.Н.* Профилактика пьянства, алкоголизма и наркомании. — М., 1988. — С. 81.

²⁶⁶ *Наркомания* с точки зрения социолога, врача, правоведа, журналиста. Обслуживание за круглым столом редакции. // Социологи — чешские исследования. — 1989. — №2. — С. 50.

если принять для пробы наркотик всего только один раз, в этом ещё нет ничего ужасного. Однако это опасное заблуждение. Сам факт одноразового приема наркотического вещества может явиться причиной гибели.

Достаточно часто подростки из числа потребителей наркотиков до этого употребляли спиртные напитки,²⁶⁷ табачные изделия, причем нередко курение и употребление спиртного непосредственно сопутствовали потреблению наркотических препаратов. Наши исследования правонарушений несовершеннолетних показали, что 14,2% приобщались к спиртному в семье; 5,4% — в школе на работе; 46,8% — по месту проведения досуга; 33,6% в других местах; 6,1% — спиртные напитки стали употреблять в возрасте 11–13 лет; 10,1% — 14 лет; 22,2% — 15 лет; 30% — с 17 лет.

Первое знакомство подростков с наркотиками связано с местом жительства в 45% случаев; местами проведения досуга — 43%; по месту учёбы — 12%. Для наркоманов вообще, а для несовершеннолетних в особенности характерен групповой характер потребления наркотических средств. В подавляющем большинстве случаев наркотики потреблялись в группе сверстников — 78%; в группе со взрослыми — 11%, лишь в 11% случаев — в одиночку. Среди мотивов потребления наркотиков несовершеннолетние назвали: любопытство — в 51% случаев; подражание — 43%; вследствие тяжелого стечения обстоятельств — в 4%; вовлечение взрослыми лицами — в 2%.

Можно особо выделить бытовую наркоманию. Однако за пределы этой сферы выходит всё то, что связано с так называемым наркобизнесом. Молодые наркоманы используются представителями наркобизнеса как лица, у которых нет воли и власти, которые в силу своей наркотической зависимости оказались в ущемленном социальном положении.

В большинстве случаев представители наркобизнеса используют несовершеннолетних наркоманов для укрепления и защиты своего положения. Без такой базы наркобизнес не может существовать. Отсюда важна социальная, психологическая, медицинская, правовая защита членов общества от наркомании. В то же время нужна и соответствующая защита самих наркоманов.

В наркобизнесе существует много подгрупп: изготовители и покупатели наркотиков, продавцы (сбытчики), лица, которые хранят, перевозят и пересылают наркотики (незаконный оборот наркотиков). Если наркоманы чаще всего совершают хищение либо вымогательство наркотиков, склонение своих знакомых к их употреблению, то наркодельцы — незаконное культивирование наркотических средств, либо содержание притонов.

Для субкультуры наркодельцов характерен неписанный закон, который никто из них не имеет права нарушать. В основном это криминальная идеология. Если в эту среду попал, как пишет С.Г. Ольков, то надо соблюдать при-

---

²⁶⁷ *Мастюкова Е.М., Грибанова Г.В., Москвина А.* Профилактика и коррекция нарушений психического развития детей при семейном алкоголизме. — М., 2006. — С. 7–13.

²⁶⁸ *Ольков С.Г.* Феномен мученичества, криминальные традиции и научная мораль. — Тюмень, 1996. — С. 32–33.

²⁶⁹ *Лебедев С.Я.* Традиции, обычаи и преступность. — М., 1995; Он же. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. — Омск, 1989.

нцип «с волками жить — по волчьи выть».²⁵⁸ Наркодельцы адаптируются в своей субкультуре и принимают её условия. Им ближе всего среда с воровскими традициями и обычаями.²⁵⁹

У детей и подростков, начавших более или менее регулярное употребление наркотиков, на какое-то время их введение в организм может сопровождаться обманчивым чувством своего здоровья, хорошего настроения, ощущения полной независимости от родителей и учителей. Им кажется, что они могут сделать всё, что вздумается, что для них не существует никаких запретов, норм поведения, законов.

Нередко под влиянием наркотического дурмана они совершают хулиганские проступки, ведут себя вызывающе. Окружающее воспринимается беззаботно, исчезает чувство дистанции по отношению к учителям и другим взрослым, пропадает ощущение ответственности перед родными и близкими. Причём у некоторых детей и подростков такое состояние развивается после первого приема наркотика.

Но горьким бывает похмелье. Желание повторить испытанные ощущения одурманивания приводит сначала к так называемой психической, а потом и физической зависимости человека от наркотика.²⁶⁰

Постепенно все имеющиеся ранее у подростка интересы и увеличения тускнеют, отходят на второй план. Пропадает желание учиться, приобретать новые знания, профессиональные навыки, исчезают прежние друзья, прекращаются занятия спортом, музыкой, чтение книг, посещение кинотеатра и т.д. Все мысли и поступки сосредоточиваются на приеме наркотиков. Без них окружающая жизнь кажется уже серой, безвкусной, тоскливой. Ближайшими и доверенными друзьями становятся такие же наркоманы. Более того, наступает период, когда уже больной наркоманией человек не может обойтись без приема наркотика. Они нужны ему не только для повторения и поддержания «веселого настроения», «ощущения полноты жизни». Без них он уже просто не может жить.

Приёмы становятся всё чаще, по несколько раз в день. Перерыв в приеме наркотиков уже не только вызывает чувство злобы на окружающих, резко ухудшает настроение, но и непосредственно сказывается на самочувствии подростка. Развиваются резкие, нестерпимые боли в животе, ломота во всех костях и суставах, судороги в мышцах, обильное слезо- и слюноотечение, тошнота, рвота, произвольные моче- и каловыделения. Это так называемая абстиненция.

В таком состоянии больной совершенно теряет человеческий облик. Наркоман, совершающий преступление, в большинстве случаев стал таковым под

---

²⁷⁰ *Алексеева А.П.* Роль СМИ в формировании личности наркозависимых // Сб. Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней. — М., 2006. — С. 185—188.

²⁷¹ *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. С.14—15; Сафиуллин Н.Х. Криминологический анализ виктимного поведения несовершеннолетних. — Казань, 1996. — С. 11.

воздействием криминального наркобизнеса. Поэтому анализ правонарушений несовершеннолетних, связанных с наркотиками, обязательно должен охватывать изучение виктимологических аспектов.²⁶¹

Среди несовершеннолетних наркоманов особенно виктимизированы девочки, у которых в возрасте 18–20 лет достаточно высокий риск стать жертвой изнасилования.

Все привязанности к родителям, братьям и сёстрам бесследно исчезают. Учителя, прежние товарищи вызывают у него только злобу и раздражение. Ради новой порции наркотика, которого он не может достать, наркоман готов на любое преступление. Вначале, чтобы купить наркотик, он нападает на младших школьников и отбирает у них карманные деньги, затем совершает мелкие кражи, грабит ларьки. Позже, нередко с соучастниками наркоман начинает вымогать деньги и ценности у прохожих и обворовывает чужие квартиры. Это становится привычным.

Но потребность в наркотиках всё растёт, добытых всеми правдами и неправдами денег не хватает. И наркоман начинает грабить непосредственно аптеки, медицинские учреждения, угрожать их персоналу, вымогая рецепты на наркотические вещества или сами наркотики. Нередко для получения денег наркоманы совершают убийства, причем во многих случаях особо жестокие, в том числе своих родных и близких.

Исследование, проведённое Б. Мазиным, показало, что 54% подростков приобретали наркотические средства через знакомых, 56% занимались самостоятельным изготовлением. Остальные указали в качестве источников получения наркотиков использование поддельных рецептов — 2%, покупку у сбытчиков — 8%, кражи — 1%, потребление в притонах — 5% и т.д.²⁶²

Дети и подростки должны знать, что самостоятельно прекратить даже редкий приём наркотиков человеку очень трудно, практически невозможно. Легче просто не начинать их употребление, не шутить со своей судьбой. В то же время, если «знакомство» с наркотиками уже состоялось, то чем раньше такой человек обратится за помощью к врачу-психиатру или наркологу, тем легче будет избавиться от тяги привычки к этому яду. Запущенные случаи наркомании проявляют себя описанными выше хулиганскими и другими общественноопасными действиями. Такие больные люди также должны получать медицинскую помощь. Но в отличие от начинающих наркоманов, ещё способных критически оценить все тяжёлые последствия развивающегося у него заболевания — наркомании, они уже не только не могут, но и не хотят расстаться со своей пагубной тягой к наркотикам.

В Узбекистане только при проведении операции «Чёрный мак—2004» по 1084 фактам ликвидированы посевы незаконно культивируемых наркосодержащих культур общей площадью 15 394 м², 68,3 % на площади 12 752 м² составили посевы опийного мака, и 343 факта, 31,6 % на площади 2 642 м² посевы

---

²⁷² Мазин Е. Вопросы совершенствования комплексного использования оперативных возможностей в борьбе с распространением наркотических средств. // Проблемы совершенствования борьбы с наркоманией. — Ташкент. 1989. — С. 115—117.

конопли.

Сравнительный анализ наркотической ситуации на 2005 год показал, что количество больных наркоманией, состоящих на учёте, составило 19 551 больной, прирост + 2,4 %. Подавляющее число больных наркоманией (78,5 %) составляют лица в возрасте 18–40 лет.²⁶³

Среди обследованных подростков имеется немало лиц, страдающих тяжёлыми соматическими заболеваниями, имеющих отклонения в психике, как в России, так и в Узбекистане.

Можно выделить несколько групп риска по потреблению наркомании среди несовершеннолетних:

- подростки с отягощенной наследственностью, т. е. имеющие среди ближайших родственников больных алкоголизмом, наркоманией. Длительное общение с этими больными может повлиять на несовершеннолетних, а свойственные подросткам любопытство и подражательство дать повод для экспериментирования с наркотиками;

- подростки, склонные к потреблению спиртных напитков, курению. Как уже отмечалось выше, табак, алкоголь способны выступать катализаторами в процессе приобщения к наркотикам;

- подростки из семьи, где проживают больные, потребляющие наркотические препараты по медицинскому предписанию. В этом случае доступность наркотика в сочетании с детским любопытством могут привести к нежелательному результату;

- подростки, страдающие психическими, соматическими заболеваниями, имеющие физические недостатки. Указанные отклонения создают различные жизненные трудности, способствуют возникновению закомплексованности, а наркотики помогают в этом случае снять стресс, уйти от проблем;

- подростки из неблагополучных, а также из неполных семей. Отнесение их к группам риска связано с тем, что часто эти дети имеют низкий уровень образования, материально плохо обеспечены, родители из-за невыполнения своих обязанностей (в неблагополучных семьях) или из-за отсутствия времени (в неполных семьях) не способны уделять им много внимания, заниматься духовным воспитанием, следить за интересами, склонностями, связями.

Такие подростки часто попадают в трудное положение, испытывают стрессы, будучи неспособными из-за пробелов в своем воспитании, обучении либо материальном положении семьи решить стоящие перед ними жизненные проблемы, удовлетворить свои потребности. Стремясь снять напряжение, они могут найти выход в наркотиках;

---

²⁷³ См.: *Информационный бюллетень о наркоситуации: Центрально-Азиатский регион. OSCE. 2005. С. 39, 45.* По представленным сведениям судебных органов республики, за 2004 год по фактам незаконного оборота наркотиков рассмотрено 4 971 уголовное дело (в 2003 г. – 5 460) в отношении 6 309 лиц (в 2003 г. – 6 845) по результатам которых осуждено 6 289 лиц (в 2003 г. – 6 858). В том числе 6 161 гражданин Узбекистана, 128 – гражданин СНГ, 996 – женщин, 3 321 – неработающие и неучащиеся, 1 681 – ранее судимые. (*Информационный бюллетень о наркоситуации: Центрально-Азиатский регион. OSCE. 2005. С. 40.*)

– подростки, входящие в различные неформальные группировки. В зависимости от направленности неписаные уставы молодежных неформальных группировок могут требовать от их членов обязательного употребления наркотиков, спиртного и т.д. Поэтому указанная категория также нуждается в контроле.

Конечно, данный перечень не является исчерпывающим.

В рамках внедрения зарубежного опыта в образовательных учреждениях по предупреждению наркомании и формированию здорового образа жизни в Республике Каракал Пакистан, Хорезмской, Ферганской, Навоинской и Сырдарьинской областях проведены обучающие семинары — тренинги для педагогов и медицинских работников. В г. Карши организованы школы «Здоровья» для учащихся 8–11 классов, в Ташкенте открыт первый в регионе Центр «Сила молодежи» для работы с представителями групп риска.

Необходимо законодательно определить группы населения, подверженные риску заболевания наркоманией (группы риска), и порядок организации работы милиции с такими группами, ее полномочия. А пока такого закона нет.

Однако государство исходя из интересов общества не остаётся безразличным к их судьбе.

Основным направлением в предупреждении наркомании среди подростков, во-первых, является семья несовершеннолетнего, это оказание экономической помощи — материальная помощь, занятость членов семьи, во-вторых, социальная помощь и психологическая поддержка, в том числе педагогическая поддержка, помощь женщине; выявление и устранение семейных конфликтов, помощь неблагополучным семьям; предупреждение семейного пьянства; предупреждение насилия над подростком; в-третьих, использование мер государственного принуждения органами внутренних дел по отношению к тем родителям или лицам, их заменяющим, которые ведут антиобщественный образ жизни и негативно влияют на своих несовершеннолетних детей.

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

M. Scheinost *

HUMAN TRAFFICKING – EXPERIENCE OF CZECH REPUBLIC

By time Czech Republic became – speaking of trafficking in human beings and especially in women for sexual exploitation – the country of origin, transit and target and the crossroad of the routes of trafficking. The need to study and solve this problem was expressed in the research that was carried out by our Institute of Criminology and Social Prevention as a part of the UN Global Programme against Trafficking in Human Beings under the supervision of UNICRI, and partly by two partial surveys made for the Czech Ministry of Interior by NGOs.

A. Problem.

The generally acknowledged constants which influence the existence of this specific form of crime include imbalance of international economic relations, tolerated violation of human rights, insufficient information of public and victims, poor legal conscience. In the countries of origin of trafficked people we often find economic weakness, poverty and political instability. On the side of target countries we meet the constant demand for «sex for sale» and for cheap labour force, on the side of source countries we find a widespread myth about easy and restful life in the target countries. Speaking of trafficking in women, it comes into question also the gender inequality in the legislation and in the practice (i.e. e.g. the feminisation of poverty, gender discrimination, scarce access to education and employment opportunities).

B. Situation in the Cr – Background.

Speaking on situation in the CR, in the past, i.e. till 90-ies, trafficking in women was a criminal offence according to the article 246 of the Criminal Code of the former Czechoslovakia, as result of the ratification of international conventions. Prosecution of this offence after all hardly appeared before Czech courts. On the other side, to tell the truth, the phenomenon of trafficking in human beings was not common due to the specific character and circumstances under the totalitarian regime.

It is not necessary to analyse broadly the profound political, social and economic change after 1989. It was similar as in other so-called post-socialist countries. It is possible only to stress that the transition process in our society was „conditio sine qua non“ to overcome the period of stagnation, isolation and totality and to open up the space to establish the “normal” democratic society. Nevertheless, this development was attached with some risky factors that enabled the spreading of criminal phenomena.

The open economy and free and open society needs the opened borders, therefore the restrictions concerning the movement of people, goods and money had

---

* **Мирслав Шейност** – доктор социологии, сотрудник Института криминологической и социальной превенции (Прага, Чехия).

© М. Шейност, 2008

to be abolished. It is obvious that the CSFR or later CR has been advantageously geographically situated between the states of the European Union on the one side and the states of former socialist block on the other side. Czech territory is easily accessible from the countries of former Soviet Union and from Balkan, there is a good possibility for transit, for the mobility of goods, capital and people within the legal as well as the illegal economy.

Czech legislation went through a fundamental rebuilding and the means of the effective combat with the new forms of crime had only to be developed. Some groups of people, due to the incapability to adapt themselves to the changed conditions on the labour market and due to the changes in the social welfare system suffered from the worsened life conditions and social insecurity. Together with it, high unemployment rates in some districts appeared. The incidence of some social problems (especially drug abuse and prostitution) increased.

According to data, crime rate rapidly increased in the 90's and new forms of crime including organised crime came forward. Among other new forms, the trafficking in people also appeared as a result of the mentioned factors. We also have registered increasing demand for sexual services, and especially for cheap sexual services that gave rise to the «sexual tourism», in particular in areas along the state borders and in the big cities.

The influence of factors connected with transformation process has been strengthened by distorted system of values and scarce legal culture, young women's desire to break away from a boring lifestyle without no perspectives and from the social control of their original environment, low self-esteem and underestimation of health risk: all these have been incentives that facilitated the growth of sexual exploitation. And, in the Czech Republic as well as in some other countries, we registered the growing demand for cheap labour force that is "flexible" and easily at disposal.

Due to our advantageous geographical situation, we became quickly a crossroad of routes of illegal migration, the country of origin, transit and target of trafficking in women, the area of interest of international organised crime and partly also the target country for cheap labour force.

C. Trafficking in Women – Characteristic.

Based on research findings, the easiest source of Czech victims of trafficking in women is situated in areas with high unemployment, cities with many foreign tourists and with an increased demand for (and supply of) all kinds of sexual services. Potential victims are sought among women dissatisfied with their earnings, those in difficult life situations and among women being already engaged in prostitution. If Czech women have been trafficked abroad, most often, according to our empirical data, the main destination countries are Germany and Austria, followed by France, Italy, Spain, the Netherlands, Switzerland, Belgium and the USA. But they were also found in Japan and Mexico.

The most frequent countries of origin of foreign victims transported to the CR are Ukraine, other ex-USSR countries and Bulgaria, furthermore Slovakia, Rumania, and the former Yugoslavia; some of the women come from Vietnam, China, the Philippines, Thailand. These women usually stay on Czech territory either as tourists, or using a counterfeit letter of invitation or they are transported across the CR to the Western Europe.

The ways of hiring or recruiting Czech females are mostly informal. Most often, the contact between the trafficked person and recruiters is established through friends, common acquaintances, or, in some cases, «from hearsay». Not infrequently, a member of the victim's family mediates the contact.

As for formal mediation of hiring the victims, contact through (job, marriage, travel) agencies is not very frequent yet; most of the adverts are placed by an individual person, or by the owners of erotic establishments themselves.

The analysis of files pertaining to cases heard by Czech courts revealed that, for the most part, women in the Czech Republic are enticed abroad under the pretence of a well-paid and attractive job, such as the work as a barmaid, a dancer, a hostess, a lady companion and the like. For this crime to be committed, it is quite unnecessary to transport the woman abroad in spite of her opposition. Most of the women are lured by the prospect of an easy and comfortable life connected with high earnings, and they leave the Czech Republic voluntarily after the perpetrators had misled them. Perpetrators of this crime who offer lucrative jobs nevertheless plan from the start that the woman's main (or even only) activity will be prostitution and women are sold to erotic establishments, or to procurers to engage in street prostitution.

The predominant material motivation relates also to the high proportion of women who, before they became victims of trafficking, had engaged in prostitution. Not infrequently, the aggrieved women had offered their sexual services on the street or in nightclubs in border areas before they were trafficked. According to information from the selected court files, Czech women who offered their sexual services in hotels, better-class erotic parlours or in select private clubs to wealthy clients or foreigners did not become victims of trafficking. It means that this "higher cluster" of prostitutes is not so much endangered by trafficking. On the contrary, women offering their sexual services particularly on the street are an extremely high-risk group of persons in terms of victimization.

If we differentiate the victims of trafficking according to the ways of recruitment, we can divide them, according to the degree of victimization, into:

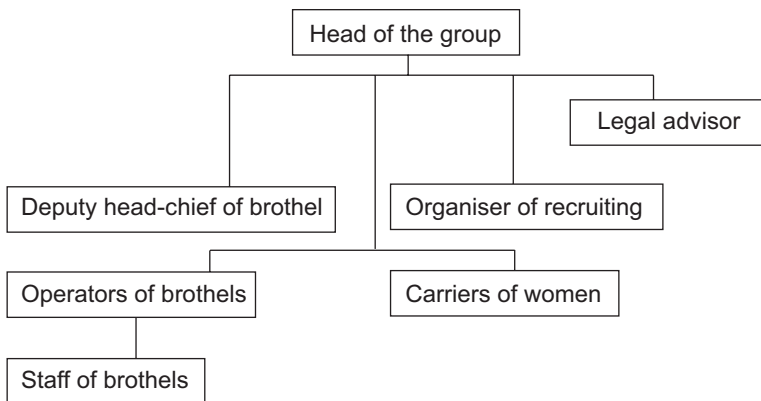
- Women who went abroad knowing that they would engage in prostitution there, but had no idea of the conditions under which they would perform this work.
- Women who took on a job which is very closely linked to prostitution (striptease dancers, masseuses in erotic clubs) and who might have presumed that they would get into a situation where they would have to engage in prostitution.
- Women who were deceived and who had no idea that they would have to prostitute themselves, because they were promised work as waitresses, hostesses, babysitters, etc.
- Women who were transported abroad by force (as far as we know, it has been not the typical case till now).

Patterns and routes of trafficking in women are very flexible and they change rapidly. The exact route of the movement of victims depends on the specific conditions in the transit countries; sometimes also in the destination country, and their changes are conditioned, most frequently, by police controls. Only the original locality where the victim was recruited and the place of destination are usually known.

With regard to the involvement of organised crime, it is necessary to tell that the in the prevalent part of prosecuted cases the offenders were prosecuted as individuals, not as a members of organised groups. There is a question of capability of law enforcement authorities to prove the existence of organisation. But in fact the experience of the police and judicial authorities shows that, although small-scale activities performed by small groups of individuals occur in this form of crime too, a more important role by far is played by larger groups, transnational interrelated networks of offenders, which make up the elaborate and very well-organised „sex industry,„. According to the comments of most of the asked experts, small groups of human traffickers are linked to larger international organisations.

At present, human trafficking for sexual purposes from the Czech Republic is organised and performed by both Czechs and foreign nationals from countries of former Soviet Union, Balkan countries but also from countries of Western Europe (Germany, Switzerland, Italy, Austria) with growing involvement of Vietnamese and Chinese. Groups of the Czech citizens of Romany origin are involved mostly in trafficking within the Czech territory. *The experts give 6-10 persons (maximally up to 20 persons) as the estimated number of members of groups involved in trafficking.*

There is the structure of one of discovered groups that was prosecuted for trafficking in women as organised criminal group (by wording of the Czech Penal Code as criminal conspiracy). This group consisted mostly of Bulgarian people and it trafficked women from Bulgaria and Ukraine into the Czech brothels in border areas and to the Germany. Czechs were involved on the lower level as operators, staff of brothels and transport. The interesting detail is that the experienced organiser of women recruiting managed this activity from inside the Czech prison. The group used the service of a lawyer that was of Bulgarian origin but the Czech citizen. He covered the legal assistance but also the interconnection inside the group, especially with the imprisoned organiser. Women had to give over one half of their income to the organisers and they had also to «cover the expenses» of their transport and «purchase».

D. Statistics.

Due to the high latency, the statistics cannot be understood as an objective measure of the extent of trafficking in human beings. It shows rather the work of the Police.

Number of detected offences of trafficking in people for sexual purposes (Statistics of the Czech police) according to Article 246 of Criminal Code)

Year	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Detected crimes	34	23	13	27	15	10	13
Cleared-up crimes	34	22	13	25	10	9	12
Numbers of investigated and prosecuted	49	38	21	26	12	19	30

Number of victims of trafficking in people for sexual purposes registered by the Police

Year	2003	2004
Victims-women	2	3
Victims	1	0
Victims	8	10
Number of people in groups	50	69
Total	53	72

Number of legitimately sentenced offenders and inflicted penalties for trafficking in people for sexual purposes

Year	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Number of sentenced persons	5	25	16	15	20	5	12
Unconditional sentence since 1 to 5 years	3	17	6	7	5	1	3
Suspended sentence	2	8	10	8	15	4	9

In 2005 20 offenders were sentenced but 12 of them to suspended sentence.

Source : Statistics of the Czech Police and Judicial Statistics

E. Trafficking in People for Other Purposes.

Other forms of trafficking in human beings have been found in the CR in considerably lower extent. These forms concern usually the trafficking for cheap labour force and only rarely for other purposes as forced marriage or mendicancy or forced

committing of crime (e.g. petty thefts, pickpocketing). Two surveys were carried out by NGOs; they describe mostly the exploitation of work of foreigners. Some economic migrants must undergo the harsh treatment from employers that includes breaking of contract of employment or work without any contract, very low or delayed payment, any time for rest etc., even is some cases the verbal of physical violence.

Exploitation of foreigners? labour is the common phenomenon of the “migration reality” in the CR. On the labour market there has been economic demand for migrants? work, especially for low-qualified, manual, hard and low-paid work (in the building and textile industry, services, agriculture). It concerns mainly Czech employers but there are signals about similar or even harsher conditions with respect to Asian employers and their treatment with their compatriots. The problem is that economic migrants seeking for work are forced to accept the bad work conditions not by violence or coercion but because of the necessity to ensure the means for living for themselves and also for their families in countries of origin due to the economic situation and pressure. Not only employers profit from their situation but in the same way the agents (middlemen) that arrange the jobs for their compatriots for considerable fee (payment). The relation between worker and agent sometimes may include other form of duties or engagement asked from worker.

But still, it is not easy to speak simply about forced labour. Most of these workers consider themselves to be free – the problem does not consists in forcing to work but in the coercion to accept the substandard conditions and it is given by their objective economic situation misused by employers and agents. Really forced labour e.g. in sense of limited movement and personal freedom is rather exceptional; but the relationship between worker on the one side and employer and agent on the other side is strongly unequal as well as the division of profit.

The suspicious signals of trafficking for illegal adoption, forced criminal activity, trafficking in human organs etc. were registered only sporadically; it does not mean that their occurrence in the CR is out of the question but probably has been till now rather exceptional.

SOURCES

Travnickova, I. et al.: Obchodovani s lidmi z pohledu Ceske republiky/ Trafficking in people from the point of view of the CR. ICSP, Prague 2004

Cernik, J. et al.: Pilotni vyzkum prostredi obchodu s lidmi na uzemi CR/Pilot survey on trafficking in people within the CR. IOM, Prague 2005, see www.mvcr.cz

Topinka, D.: Vyzkum obchodu s lidmi predevsim za ucelem nucene prace/ Research on trafficking in people especially for forced labour. Intermundia, Havirov 2005, see www.mvcr.cz

Н. И. Пишикина,* Г. И. Грицай**

О ПРИНЦИПАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С 1 марта 2007 года вступил в силу федеральный закон от 30 декабря 2006 года, который уже в процессе принятия стали называть «налоговой амнистией».²⁷⁴ Отдельные комментарии закона в прессе органами власти касались, в основном, вопросов его реализации. Однако с принятием данного закона, по нашему мнению, возникают определённые тенденции в налоговой политике. Понимая неоднозначность самой дефиниции «налоговая политика», мы применяем эту категорию для характеристики определенной деятельности органов государственной власти и управления как носителей и выразителей общественной воли в сфере совершенствования административно-финансовых отношений. По нашему мнению, современное состояние налоговой политики государства, пути её развития остаются открытым для обсуждения и уточнения. Исходя из содержания обращения Президента РФ к законодательной власти от 9 марта 2007 года, в налоговой сфере достигнут определенный позитив: практически завершена кодификация налогового законодательства, налоговая система в целом была упрощена. Одним из наиболее значимых решений в рамках проводимой налоговой реформы было введение единой ставки налога на доходы физических лиц в размере 13 процентов: «Применение единой ставки налога на доходы физических лиц доказало свою эффективность. Целесообразно в долгосрочной перспективе не изменять существенно действующий порядок налогообложения доходов физических лиц, сохранив единую ставку».²⁷⁵

Говоря о задачах налоговой политики в ближайшие три года, Президент РФ предложил ориентировать её на создание максимально комфортных условий для расширения экономической деятельности и перехода экономики на инновационный путь развития, а также на дальнейшее снижение масштабов уклонения от налогообложения. В этом направлении уже сейчас идет процесс совершенствования инструментов налогового регулирования, переход на упрощенные процедуры работы налоговых органов, предпринимаются некоторые иные меры. Но формирование экономико-правовых условий, в которых

---

* **Нина Ивановна Пишикина** — кандидат юридических наук, доцент уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (Санкт-Петербург, Россия).

** **Герман Иванович Грицай** — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (Санкт-Петербург, Россия).

© Н. И. Пишикина, 2008

© Г. И. Грицай, 2008

²⁷⁴ *Федеральный Закон РФ «Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами»* от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ.

²⁷⁵ *Бюджетное послание Президента РФ федеральному Собранию РФ «О бюджетной политике в 2008-2010 годах»* от 9 марта 2007 года.

субъекты финансовой, хозяйственной, предпринимательской и иной экономической деятельности являются добросовестными налогоплательщиками, — это длительный, кропотливый процесс, в котором необходимо достичь сочетания интересов общества, хозяйствующих субъектов, отдельного гражданина с одной стороны и экономических интересов государства с другой. В этом созидательном процессе принципы верховенства прав и свобод человека и гражданина, справедливого распределения доходов, равенства всех форм собственности, соблюдения законности и прочие должны стать не только формализованными требованиями, обращёнными к участникам публичных правоотношений в сфере налогового законодательства, но более как постулат его регулятивной функции, выражающий соизмеримость субъективных прав и требований законодательных норм. По своей природе экономические интересы представителей общества всегда будут иными, чем интересы государства, реализуемые при выборе той ли иной экономической стратегии. А в современной России стремление власти ускорить процесс «освоения» обществом рыночных отношений просто недопустимо, поскольку большая его часть обладает сформировавшейся системой моральных ценностей, воспитанных противоположной идеологией. Наиболее желаемый путь освоения экономических знаний, опыта экономической самореализации и приобретения экономико-правовых навыков — осуществляемый последовательно, постепенно. Но выбор был сделан в пользу другого пути, на котором социально-экономическая реальность расходилась с принципами законности в области финансовых отношений, что порождало всё меньшее желание обеих сторон налоговых правоотношений найти компромисс интересов.

Такой феномен в области административно-финансовых отношений в 1980–1990 годы стал причиной стремительного роста так называемой «теневой экономики». К началу налоговых реформ она выросла до угрожающих масштабов, преступления в экономической сфере приобрели высоко интеллектуальный характер, а схемы укрытия доходов в бизнесе стали распространенным явлением. В налоговой сфере специалисты указывают на исключительно высокую латентность преступлений, их большую продолжительность во времени (в течение нескольких налоговых периодов) и многоэпизодность. Об истинных масштабах распространенности налоговых преступлений до сих пор можно судить только по косвенным данным экономико-правового анализа.²⁷⁶

Одновременно «шоковый период» создания рыночной экономики в Российской Федерации породил немало проблем в системе сбора налогов. Налоговые обязанности, установленные Конституцией РФ, плохо согласовывались с методами экономических реформ, которые в течение многих лет игнорировали интересы большинства россиян. Даже специальная учрежденная в начале 1990-х годов Федеральная служба налоговой полиции, обладавшая широкими полномочиями по выявлению и расследованию налоговых преступлений, не сумела переломить отношение к требованиям закона, деятельность службы

---

²⁷⁶ *Криминология* / Под ред. А.И. Долговой. — М., 2005. — С. 655–667.

оказалась неэффективной. Так называемый «правовой нигилизм» был благодатной почвой не только для вставания в предпринимательскую деятельность преступных группировок, тот же период породил проблему и коррумпированности чиновников. Характеризуя этот период, О.В. Дмитриев отмечает: «Реализация налоговой системы столкнулась с мощным скрытым и открытым, в том числе криминальным, противодействием субъектов экономической деятельности и их покровителей».²⁷⁷

Напомним, что в тот же период зарождения нынешнего русского капитала был принят указ Президента РФ «О проведении налоговой амнистии в 1993 году».²⁷⁸ В указе подчеркивалась важность бюджетного обеспечения государственной социальной политики, в связи с чем предприятия, учреждения, организации, а также физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, освобождались от применения санкций, предусмотренных налоговым законодательством РФ, в случае объявления ими до 30 ноября 1993 года включительно о своих неуплаченных налогах и налоговых платежах за 1993 год. Так же указ устанавливал, что в случае выявления после 30 ноября 1993 года скрытых от налогообложения доходов Федеральная налоговая служба может взыскивать штрафы, превышающие 3-кратный размер установленного действующим законодательством штрафа. Кроме того, Федеральная налоговая служба имела право до 31 января 1994 года получать в банках и кредитных учреждениях независимо от их организационно-правовой формы сведения о наличии счетов предприятий, учреждений, организаций. Содержание указа соответствовало духу того времени, он временно изменял налоговое законодательство, отменял конфиденциальность банковских операций, предоставлял государственным налоговым органам исключительные права и носил открыто фискальный характер. Эффект этого указа известен, он не принес ожидаемого результата, прежде всего, потому, что предлагал «сделку»: амнистию взамен полной уплаты налогов и в очень короткий срок. В той экономической ситуации у бизнеса выбора не оставалось, показывать сверхдоходы, получаемые в криминальном перераспределении государственной собственности, было невыгодно, и вскоре начался отток российского капитала за границу. Правительству, сформированному ныне действующим Президентом РФ, потребовалось много усилий, чтобы отчасти изменить эту ситуацию.

Но отношения с бизнесом продолжают оставаться сложными, у представителей крупного, среднего и малого бизнеса существует много претензий к действующему законодательству в налоговой сфере. Недостаточно высокий уровень доверия к закону и к власти объективно существует и в современном российском обществе. На это указывает процент явки избирателей на выборы в законодательные органы субъектов Российской Федерации 11 марта с.г.

---

²⁷⁷ Дмитриев О.В. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования. — М., 2005. — С. 133.

²⁷⁸ Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. «О проведении налоговой амнистии в 1993 году» № 1773.

в экономически развитых регионах, соответствующую оценку выразил в одном из недавних интервью в прессе и заместитель Генерального прокурора России А. Звягинцев: «Да, сегодня отношение к закону у нас подобно отношению к статусу Фемиды. Люди с почтением смотрят на неё, прохода мимо, порой даже снимают шляпы, но тут же забывают о её существовании».²⁷⁹

Причины такого состояния российского общества и представителей бизнеса необходимо рассматривать в связи с мерами, предпринимаемыми госаппаратом по формированию правосознания, в т.ч. с влиянием нормотворчества и правоприменительной деятельности государственных органов, которые должны обеспечивать действенность закона и неотвратимость наказания. Задачи выявления правонарушений в налоговой сфере невозможно решать без доверия и поддержки со стороны общества, которое должно выражаться в органическом неприятии этих правонарушений. Общество должно обладать достаточным уровнем правосознания, чтобы осознавать общественную опасность налоговых преступлений, их связь с экономическим обеспечением государственных реформ в социальной сфере. Такие связи устанавливаются благодаря активному разъяснению в средствах массовой информации государственной кредитной, валютной, налоговой и прочей экономической политики. Отсутствие разъяснительной работы сопровождало налоговую амнистию 1993 г. В более благополучной Германии слабая работа властей со средствами информации снизила в три раза ожидаемый эффект от проведения «налоговой амнистии» в 2005 году. По обсуждаемому нами федеральному закону от 30 декабря 2006 года общественное мнение также не было подготовлено, закон комментируется только в профессиональных изданиях, а по его содержанию даже специалисты не могут сойтись во мнении о круге субъектов финансовых отношений, которым закон адресован. Тем не менее, Правительство РФ вновь предлагает эксперимент, а законодатель достаточно быстро санкционирует упрощенную процедуру декларирования доходов. По существу эта процедура позволяет определенной части физических лиц легализовать доходы, полученные ими до 1 января 2006 года.

Применяемый механизм легализации устанавливает, что по данному закону физические лица будут считаться исполнившими обязательства по налоговому законодательству, если в течение 2007 года перечислят Федеральному казначейству некоторую сумму, которая будет зачтена как декларационный платеж в размере 13% с не декларированных доходов, полученных до 1 января 2006 года. При этом декларирование доходов упрощено настолько, что государственные органы не интересуют вид деятельности, который стал источником дохода, платёж освобождает от подачи деклараций лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и погашает одновременно обязательства по уплате подоходного налога и единого социального налога в установленном платёжном периоде.²⁸⁰

По мнению законодателей, применение упрощённой процедуры декларирования доходов не является изменением налогового законодательства,

---

²⁷⁹ Звягинцев А. Закон и духовность. // Аргументы и факты — 2007. — № 8.

²⁸⁰ См. ст.3 Федерального Закона от 30 декабря 2006 г. №269-ФЗ.

она не войдет в корпус норм Налогового кодекса РФ и не может применяться в отношении юридических лиц. Однако этот закон касается очень широкого круга лиц, на которых распространяются положения статей 227, 228 Налогового кодекса РФ,²⁸¹ — участников индивидуальной предпринимательской деятельности, частной практики, а также получающих индивидуальный доход от владения активами бизнеса. Воспользовавшись уступкой со стороны власти, эти лица могут принять во внимание обоюдную выгодность легализации своего дохода, который ранее предпочитали скрывать, и который может служить основанием для привлечения к ответственности. Предлагаемая амнистия доходов распространяется только на зарегистрированных в налоговых органах индивидуальных участников бизнеса, и в течение 2006 года среди них на всей территории России было выявлено 4085 преступлений, предусмотренных ст. 198 (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц) УК РФ, что составит в среднем на каждый субъект Российской Федерации 46,4 преступления за год. Однако высокая динамика этого преступления отражает общую тенденцию: рост составил за 2006 год 146%.²⁸²

Это только выявленная часть налоговых преступлений, которые связаны с открытием доходов в крупном и особо крупном размере среди индивидуальных предпринимателей, а упрощённая процедура декларирования позволяет легализовать так же доход, полученный преступным путем. Один из путей «отмывания денег» — обналичивание преступно добытых средств, на это обстоятельство указал руководитель Федеральной службы по финансовому мониторингу В. Зубков в период обсуждения проекта закона: «Хотелось бы чётче понять, как собираются отделить «грязные» капиталы (нажитые преступным путем) от тех, с которых просто не уплатили налоги. Чаще всего это одни и те же деньги — смешанные. И тот гражданин, который их будет декларировать, по идее, всё-таки должен доказать, что его капиталы «чистые». Но как это он будет делать, пока не ясно».²⁸³

Основная нагрузка по выявлению налоговых правонарушений ложится на работников территориальных органов Федеральной налоговой службы. По их отчёту в течение 2006 года в налоговые органы было представлено 4060 тысяч налоговых деклараций по налогу на доходы физических лиц, полученные в 2005 году (включая уточненные декларации) — это на 6% больше, чем в прошлом году. При этом налоговая служба отмечает, что основная часть деклараций подана налогоплательщиками в целях получения различных налоговых вычетов: 1261 тысяча деклараций поданы в целях получения имущественных налоговых вычетов по приобретению жилья (+ 23%), 1500 тысяч деклараций по социальным вычетам (+ 25%). Одновременно в 3,3 раза стало больше лиц, привлеченных к декларированию в результате мероприятий, проведенных налоговыми органами. Сумма налога, подлежащего уплате в бюджетную систему

---

²⁸¹ *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)* от 5 августа 2000 г. №117-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 23 марта 2007 г.).

²⁸² Официальный сайт МВД РФ / Состояние преступности в РФ. www.mvdinform.ru.

²⁸³ По слову «грязных» денег // РГ — № 4210 — 31.10.06 г.

Российской Федерации по декларациям дополнительно привлеченных к декларированию физических лиц, составила 874,2 млн. рублей.²⁸⁴ На основе этих цифр можно только отчасти представить количество индивидуальных предпринимателей — добросовестных налогоплательщиков. Общий объем поступлений в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации за 2006 год от налогов на доходы физических лиц (включая подоходный налог, перечисляемый по месту работы) составляет 929,9 млрд рублей, но в эту отчетность «официально» не входят доходы 18 млн владельцев личных подсобных хозяйств, доходы нелегалов-гастарбайтеров, численность которых в России оценивают от 5 до 12 млн человек, а также доходы «индивидуалов», размещающих информацию в многочисленных частных объявлениях об оказании тех или иных услуг, выполнении работ, помощи, содействия и прочей коммерческой деятельности, осуществляемой без регистрации.

Цена безнаказанности налоговых правонарушений — это цена доходов, которые в наличном обороте остаются неподконтрольны государственным органам. И такое неординарное решение государственной власти, как налоговая амнистия для физических лиц, может иметь несколько юридически значимых аспектов. Во-первых, государственный аппарат предоставил возможность потенциальным нарушителям налогового законодательства реабилитировать себя и вступить в правовое пространство в сфере своей деятельности. Эта причина отражена в официальном комментарии законодательного органа РФ: «в целях создания отношений доверия между властью и гражданами».²⁸⁵ Доверие очевидно выражается в том, что власть не требует предоставления обязательной декларации, а произвольная сумма внесенного платежа признается декларационным платежом в размере 13% от сокрытых в 2005 году доходов и формально упраздняет ответственность. Но возникает опасная тенденция для самих законодателей: право законодательной инициативы становится средством отступления от нормы налогового права. Этой тенденции созвучно известное высказывание Ч. Беккария: «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность».²⁸⁶ Во-вторых, государственный аппарат создал прецедент отступления от буквы закона, который нельзя отнести ни к акту амнистии, ни к акту, которым отменяется норма, устанавливающая ответственность за неуплату налога. По содержанию это больше соответствует своеобразной «сделке», где, с одной стороны, находятся интересы отдельных граждан по легализации доходов, а с другой — интересы власти по наполнению бюджета из дополнительных источников. Это, безусловно, отступление от основных начал законодательства о налогах и сборах: «Каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы. Законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности

---

²⁸⁴ Официальный сайт ФНС РФ / Итоги декларационной компании 2006 года. www.nalog.ru

²⁸⁵ *Информационно-аналитический бюллетень Государственной Думы ФС РФ. № 11 (1 сентября — 31 декабря) 2006 г.*

²⁸⁶ *Беккариа Ч. О. преступлениях и наказаниях. — М., 1939. — С. 309.*

и равенства налогообложения. При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога».²⁸⁷

В-третьих, амнистия — это правовой институт, который содержится в нормах Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях, и содержание этого правового института в обоих случаях различается. В уголовном праве содержание акта амнистии инвариантно: освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление; освобождение от наказания, сокращение наказания или замена на более мягкий вид и прочее.²⁸⁸ В отношении административных правонарушений издание акта амнистии исключает производство по делу о правонарушении и устраняет (полностью) применение административного наказания.²⁸⁹ Но только Уголовный кодекс РФ устанавливает, что амнистия объявляется Государственной Думой ФС РФ в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Налоговый кодекс РФ не содержит положений о применении акта амнистии, в частности среди обстоятельств, исключающих привлечение лица к ответственности за совершенное налоговое правонарушение, перечислены: отсутствие события правонарушения, отсутствие вины, совершение деяния в возрасте до 16 лет, истечение срока давности.²⁹⁰ Федеральный Закон от 30 декабря 2006 года не содержит понятия «амнистия» по отношению к процедуре упрощенного декларирования налогов и тем самым вносит противоречия в федеральное законодательство о правонарушениях и преступлениях. Например, если физическое лицо после 1 марта 2007 года внесло декларационный платеж за доходы, ранее не декларированные и полученные до 1 января 2006 года, то будет считаться, что оно полностью исполнило свои налоговые обязанности и не может быть привлечено к ответственности по Налоговому кодексу РФ на основании федерального закона от 30 декабря 2006 года. Но по уголовным преступлениям этот закон амнистии не объявлял и за три финансовых периода подряд (срок давности) эта несвоевременная выплата формально может соответствовать признакам состава преступления, предусмотренного ст.198 УК РФ. Одновременно федеральный закон от 30 декабря 2006 года не объявлял амнистию по Кодексу РФ об административных правонарушениях (КоАП) и физическое лицо может быть привлечено к ответственности на основании ст.15.5 КоАП (нарушение сроков предоставления налоговой декларации).

В-четвёртых, можно рассматривать упрощенную процедуру декларирования доходов физических лиц за период 2005 года как средство для легализации доходов, полученных преступным путём. Для обналаживания преступно нажитых капиталов, как правило, применяется сочетание преступных и легальных

---

²⁸⁷ П.1 ст.3 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. №146-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2006 г.).

²⁸⁸ Ст.84 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2006 г.).

²⁸⁹ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 9 февраля 2007 г.).

²⁹⁰ Ст.109 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 30 декабря 2006 г.).

средств, существующие схемы «отмывания» денег постоянно совершенствуются. Но в данном случае возникает легальный путь упрощенного декларирования доходов, которым могут воспользоваться и физические, и юридические лица. Для юридических лиц не представит сложности, например, проведение выплат за якобы выполненные работы, услуги, посредничество и прочее, якобы осуществленные физическими лицами в 2005 году. В 2007 году оценочная миссия FATF (международной организации по борьбе с легализацией денег) будет проводить плановую проверку деятельности государственных органов России, кредитных и коммерческих организаций по осуществлению мер, препятствующих легализации «грязных» денег. Российская Федерация недавно стала полноправным членом этой международной организации, но явные противоречия законодательства в сфере легализации доходов могут негативно повлиять на выводы авторитетной международной комиссии.

Комментируя Федеральный Закон от 30 декабря 2006 года, можно согласиться с отдельными высказываниями о том, что отечественное законотворчество не всегда имеет достаточно глубокую проработку. Это обстоятельство не может не отражаться на формировании общественного правосознания, повышение которого упоминает в Бюджетном послании Президент РФ. Правосознание общества отражается и в деятельности правоохранительных органов в налоговой сфере. Сам государственный аппарат борьбы с экономическими правонарушениями отстал в своем развитии от уровня проблем, с которыми приходится сталкиваться ежедневно. Их методы работы продиктованы недостатками действующего законодательства, своеобразной реакцией сотрудников правоохранительных органов в такой ситуации становится «работа на показатели». Так называемая «мелочёвка» всегда была пороком правоохранительной деятельности, она только усугубляет дефицит доверия общества, особенно в части раскрытия общественно опасных преступлений. В этой практике деятельность государственных органов пока не связана с соблюдением принципа неотвратимости наказания за совершенное правонарушение.

БОГОСЛОВСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

В. А. Бачинин* **СЕКУЛЯРНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ И БИБЛЕЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Состояние современной российской криминологии характеризуется разнообразием мировоззренческих позиций и методологических подходов. Это хорошо видно на примере дискуссионной атмосферы, ставшей отличительной особенностью деятельности Санкт-Петербургского криминологического клуба (президент — проф. Д. А. Шестаков).

При всём разнообразии подходов к пониманию сущности преступления и истолкованию задач криминологической науки, большинство диспутантов объединяет категорическое неприятие тех «губительных идей, содержащих марксистско-ленинскую инфекцию», которые длительное время оказывали парализующее воздействие на теоретические искания отечественных криминологов.²⁹¹ А это, в свою очередь, означает, что криминологическая мысль, освободившаяся от тяжкого советского наследия, вышла на оперативный интеллектуальный простор.

Сознавая ценность открывшегося пространства духовной свободы, российское криминологическое сознание является в основном секулярным. Это и понятно: труды признанных классиков мировой криминологии, западная криминологическая мысль в целом, на достижения которой невозможно не ориентироваться, практически не связаны с теологией. Между тем, надо отдать должное российским криминологам: далеко не все из них считают практику игнорирования религиозно-теологических аспектов криминологического знания оптимальной. В этом отношении представляют несомненный интерес работы отечественных ученых Касторского Г. Л.,²⁹² а также Старкова О. В. и Башкатова Л. Д.²⁹³

И всё же, в контексте доминирующих секулярных стереотипов библейские представления о сущности преступления продолжают расцениваться большинством ученых-криминологов как архаизмы. Исключение составляет позиция Д. А. Шестакова. Он пишет: «Вопреки так называемому конвенциональному подходу полагаю, что преступление существует как таковое — независимо от «договорённости о запрете», достигнутой властью предрержащими, от закрепления запрета в законе и т.п. Всё дело в степени вредоносности поступка для человека. Преступление грубо нарушает право. Круг преступлений

---

* **Владислав Аркадьевич Бачинин** — доктор социологический наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург, Россия).

© В. А. Бачинин, 2008

²⁹¹ *Шестаков Д. А.* Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2006. — С. 109.

²⁹² *Касторский Г. Л.* Мировые религии и преступность. — СПб., 2001.

²⁹³ *Старков О. В., Башкатов Л. Д.* Криминология. Религиозная преступность. — СПб., 2004.

очерчен мировыми религиями (*криминологическое понятие преступления*). Подлинному противостоит мнимое, т. е. предусмотренное законом, но не опасное для человека деяние. Через разработку понятия преступления криминология обретает независимость от диктата власти и закона».²⁹⁴

Именно о библейских основаниях современных концептуальных моделей приходится вспоминать каждый раз, когда речь заходит о необходимости выхода криминологической науки за пределы позитивистских и психоаналитических схем, успевших уже утратить значительную долю своей эвристичности. Интерес к ним пробуждается и в тех случаях, когда аналитики пытаются апеллировать к универсальным семантическим, аксиологическим и нормативным структурам, лежащим в основаниях различных концептуальных подходов к проблеме сущности преступления и преступности.

В Ветхом и Новом Заветах сущность преступления определяется через апелляцию к более общему понятию греха. Если суть и смысл преступления могут определяться и описываться при помощи сугубо антропологических или социальных категорий, то смысл греха неизменно предполагает теологический контекст и, соответственно, теологическую интерпретацию.

С позиций секулярного сознания грех — это «несобранность, несерьёзность, расслабленность, погружение в жизнь такую как она есть, неспособность координировать её, господствовать над собой и владеть собой... Опошляя и рассеивая возможности человека, грех делает обезличенной и бессмысленной его жизнь, препятствует формированию его личности, отделяет его от бытия и от существования» (Н. Аббаньяно). Но в библейском значении грех, а значит, и всякое преступление — это всегда нарушение Божественной воли, влекущее за собой вину перед Богом и людьми.

Преступление, будь то кража или убийство, представляет собой сложную, многоаспектную реалью, чья семантика, аксиология и экзистенциология опираются на базовые константы теологического характера, связанные с первородным грехом. Грехопадение прародителей, состоявшее в нарушении Божьего запрета и в демонстрации своеволия, завершилось их отпадением от Бога как главного и единственного источника всякой, в том числе и духовно-нравственной, жизни. Оно разрушило основания изначального богоподобия людей, сообщило им склонность к преступлениям, т. е. к употреблению своего разума и свободной воли во зло себе подобным.

Человек, не выдержавший в ситуации с «запретным плодом» испытания божественным «тестом» на послушание, может сетовать и даже возмущаться своей причастностью к этому давнему событию библейской истории, но отметить его воздействие на себя и свою жизнь он не в состоянии. Таким образом, обнаруживаются две важные истины. Первая состоит в том, что онтологически человек является образом и подобием Бога. Другая гласит, что он этически отпал от этого состояния, что его духовная природа оказалась повреждена и

---

²⁹⁴ Шестаков Д. А. Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 45—53; Криминология. — С. 98—99.

в результате он обнаружил склонность к разнообразным проступкам, порокам и преступлениям. Желает того человек или нет, но он обязан принимать оба эти утверждения, ибо несёт в себе готовность как к добру, так и к злу, как к подвигам, так и к преступлениям.

Большинство людей не имеют представления о своём богоподобии и потому пребывают в духовной слепоте, идут, как говорится в Евангелии от Матфея, широким путём греха, ведущего их к вечной гибели (Мф. 7, 13). Пока они пребывают в их настоящем антропологическом статусе и регулярно нарушают религиозные нормы (запреты, установленные Богом в Декалоге), пока от родителей к детям передаётся всё то, что составляет греховную человеческую природу, мир будет «лежать во зле». В этом выводе библейская криминология созвучна взглядам большинства современных ученых-криминологов, видящих в преступности «нормальную функцию общества». Для их секулярного сознания, как и для христианского сознания профессиональных теологов, преступление (грех) — необходимый составляющий момент мирового порядка и глобального социально-исторического процесса.

В свете библейских определений печать первородного греха, предрасполагающая людей к совершению преступлений, не снимает ни с кого из них ответственности за содеянное. И это потому, что у человека есть еще и свобода воли, т. е. возможность выбора между добром и злом. Именно она выступает в качестве существенной предпосылки грехов личных, за которые каждый, кто их совершает, несёт персональную ответственность. Ни личные грехи, ни бремя ответственности за них не передаются от одного человека к другому.

Существует несколько форм, в которых проявляются личные грехи. Во-первых, это *практические действия*, идущие вразрез с повелениями Бога, нарушающие краеугольные заповеди, данные людям для исполнения. Во-вторых, это *высказывания*, либо содержащие хулу на Духа Святого, либо наносящие прямой вред другим людям, либо свидетельствующие о том, что сам говорящий оскорбляет тот образ и то подобие Божье, которое носит в себе. В-третьих, это *помыслы*, еще не реализовавшиеся намерения, вынашиваемые человеком желания совершить нечто недолжное, запретное.

Способность человека к греху, а значит и к преступлению, свидетельствует о глубоком внутреннем разладе в строе человеческой души, о нарушении должной иерархии элементов в ценностно-нормативных структурах индивидуального духа. Эта разлаженность препятствует выстраиванию правильных отношений человека с окружающими людьми, с социальной и природной сферами, с миром культуры. Но главное, о чём свидетельствует грех, — это о ложном отношении человека к Богу, о превратном использовании той любви, которую Бог расточает на всё живое.

Совершая преступление, человек демонстрирует пренебрежение своим истинным призванием и предназначением. Преступник — это, говоря библейским языком, человек греха и беззакония, человек лукавый и нечестивый. Он «ходит со лживыми устами». Он «мигает глазами своими, говорит ногами своими, даёт знаки пальцами своими. Коварство в сердце его; он умышляет зло во всякое время, сеет раздоры... Глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие

кровь невинную. Сердце, кующее злые помыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству. Лжесвидетель, наговаривающий ложь и посевающий раздор между братьями» (Прит. 6, 12–19.).

Библия предписывает рассматривать грех как тяжкое, неблагодарное бремя, от которого человек должен стремиться освободить себя. Для этого ему следует обратить собственный гнев не на себя, а на грех. Но нередко бывает так, что избавиться от тяжести греховного бремени только лишь собственными силами человек не в состоянии. В этом отношении характерны судьбы алкоголиков и наркоманов, оказавшихся в тяжком рабстве у своих патологических наклонностей и не способных вырваться из-под их власти. И Библия прямо говорит: там, где тщетны надежды человека на свои слабые силы, помочь ему может упование на Духа Святого, надежда на благодать Божью. И тогда обнаруживается: то, что невозможно осуществить человеческими силами, становится реальным при подключении энергии Духа Святого, энергии веры. Христианский мир, в том числе мир современных христиан, знает бесчисленное множество свидетельств, когда грешники, начиная с евангельской Марии Магдалины и вплоть до падших людей, живущих в сегодняшнем мире, проституток, пьяниц, наркоманов, преступников, неизменно изменялись, полностью освобождались от своих греховных пристратий.

У борьбы с грехом имеется своя этика, которая во многом напоминает воинскую этику, а её рекомендации местами похожи на прямые предписания воинского устава. Этот дух благородной воинственности хорошо передают слова Иоанна Златоуста: «Не будем довольствоваться исканием собственного спасения; это означало бы погубить его. На войне и в строю, если солдат думает только о том, как бы спастись бегством, он губит себя и своих товарищей. Доблестный солдат, который сражается за других, вместе с другими, спасает и себя самого. Раз наша жизнь есть война, самая жестокая из войн, сражение, битва в строю, будем оставаться в рядах, как приказал нам Царь, готовые разить, пролить кровь и убить, думая об общем спасении, ободряя стоящих, поднимая лежащих на земле».

Одной из сложнейших религиозно-нравственных и социальных проблем является проблема отношения к преступнику. Если говорить о библейско-христианских рекомендациях, то они предписывают человеку прощать ближним их прегрешения. Поскольку Бог способен прощать людям грехи и тем самым превращать происшедшее в не происходившее, то этим же путём должны следовать и люди. Но каким образом можно относиться к обнаружившемуся греху как к чему-то несуществующему? Казалось бы, никто из людей не в состоянии сделать не бывшим то, что однажды случилось. Но особенность жизненного мира людей такова, что в нём невозможное в онтологическом смысле становится возможным в смысле этическом. Христианская аксиология в данном случае опровергает онтологию и возникает один из замечательных этических парадоксов, согласно которому проявившийся грех, будь то проступок или даже преступление, исчезает из духовного пространства взаимодействующих субъектов. При этом прощение грехов не унижает прощающего, а нравственно возвышает его. «Тогда Пётр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз

прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: «до семи», но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18, 21–22). Исполнение этого императива, заповеданного Христом, способно вычищать, дезинфицировать пространство межличностного общения.

Христиане, в отличие от людей с секулярным мышлением, понимают, что в борении с грехом, подталкивающим к преступлению, важна не просто нравственная самодисциплина, но необходимо упование на Божью помощь. Эту ситуацию, когда до совершения преступления остаётся один шаг, Иоанн Кассиан сравнивал с хождением по канату, растянутому на высоте. Удерживаться от падения в этом хождении помогает только постоянное памятование о Боге. Если память изменит, то это будет равносильно тому, как если канатоходец потеряет равновесие и рухнет вниз, обречённый на мучительную смерть. Чтобы этого не произошло, человеку не следует терять Бога из поля своего внимания и ни на мгновение не отворачиваться от света, исходящего от Него.

Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что между библейской и секулярной криминологией, между используемыми ими системами оценочных координат имеется весьма много точек соприкосновения. В сущности, все различия между этими двумя подходами сводятся к тому, что ко всем антропологическим, социальным и прочим предпосылкам преступности, признаваемым и исследуемым секулярной криминологией, библейская криминология прибавляет ещё и теологические основания. Принятие или не принятие их является вопросом не столько теоретическим, сколько мировоззренческим, то есть, коротко говоря, вопросом веры. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос не имеет прямого отношения к проблеме научно-теоретического понимания сущности преступления. Но при более пристальном рассмотрении неизбежно обнаруживается весьма тесная связь между мировоззренческой и методологической позициями исследователя. Ведь методология — это фактически научно-прикладное продолжение мировоззрения, присущего учёному. И за любой методологической конструкцией можно, при известных усилиях, усмотреть мировоззренческое кредо исследователя. То мировоззрение, которое основывается на библейско-христианских предпосылках, примечательно тем, что вводит в перечень детерминант преступлений ещё один каузальный комплекс, состоящий из причин сакрального характера. Именно сакральная реальность оказывается тем детерминирующим основанием, которое, если его учитывать, придаёт каузальному анализу преступления качества необходимости и достаточности, сообщает теоретическим построениям признаки исчерпывающей полноты. И уже одно это позволяет надеяться, что для серьёзных учёных данное обстоятельство может быть поводом внимательного отношения к тому эвристическому потенциалу, который содержится в библейской концепции преступления.

СЕМЕЙНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

А.В. Лысова*

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²⁹⁵

Целью работы является обзор основных современных исследований проблемы насилия в семье и межличностных отношениях в России и их результатов. При этом во внимание будут приняты исследования, касающиеся не только внутрисемейного насилия, но и насилия в межличностных отношениях, таких как сожитительство и свидания. Так как большинство современных исследований выявляют уровень совершения насилия *над респондентами*, то мы сможем представить данные только о виктимизации в результате внутрисемейного и межличностного насилия. Сравнение данных исследований между собой затруднено из-за применения разного инструментария и разных принципов формирования выборки. Однако обзор имеющихся на сегодняшний день данных позволяет получить представление о масштабах и характере межличностного насилия в России. В основу анализа положены, главным образом, социологические исследования, которые в отличие от данных уголовной статистики представляют гораздо более полную информацию о совершаемом в семье или на свиданиях насилии.²⁹⁶

Для современной российской семьи характерны многие особенности, которые некоторые ученые считают доказательствами упадка, кризиса моногамного брака и семьи (Антонов А. И., Медков В. М.). К таким тенденциям относятся, прежде всего, снижение рождаемости в России, снижение коэффициента брачности за счёт распространения сожительств, высокий уровень разводов, старение материнства, т. е. откладывание возраста рождения первого ребенка в семье, и другие. Этот кризис связан с трансформацией института семьи (Голод С. И., Вишнеvский А. Г., Шестаков Д. А.). Указанные тенденции наблюдаются практически во всех европейских, североамериканских странах и странах СНГ. Что касается других тенденций в современном российском обществе и семье (как одном из основных социальных институтов), а именно: чрезвычайно высокого уровня младенческой смертности, самой низкой среди развитых стран ожидаемой продолжительности жизни (67 лет в 2006 г.) и высокого уровня бытовой преступности, прежде всего, насилия в семье, то мы видим их показателями глубокого социально-экономического кризиса в стране, требующего немедленного разрешения.

---

* **Александра Владимировна Лысова** — кандидат социологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета (Владивосток, Россия).

© А. В. Лысова, 2008

²⁹⁵ Работа выполнена при поддержке программы Канцлера Германии в рамках фонда А. Гумбольдта (Институт Макса Планка по международному и зарубежному праву (МПИ), г. Фрайбург, Германия).

²⁹⁶ О различиях между уголовной статистикой и данными социологических исследований см. *Straus M.A. Women's violence toward men is a serious social problem // D.R. Loseke, R. J. Gelles, M. M. Cavanaugh (Eds.), Current controversies on family violence, 2nd Edition (2nd Edition ed. — Pp. 55 — 77). Newbury Park: Sage Publications., 2005.*

Внутрисемейная и межличностная агрессия и насилие относятся к числу сложных междисциплинарных проблем и изучаются в рамках криминологии, социологии, психологии, медицины и других областей знания. Проблема насилия в семье стала предметом научного изучения в российской науке уже в семидесятые годы XX века (Д. А. Шестаков, Д. А. Корецкий, Г. А. Романов, С. Б. Соболева, О. В. Старков и др.). При этом отметим, что именно исследования проблем семейного насилия положили начало *семейной криминологии*,²⁹⁷ а разработанный при этом понятийный аппарат, в частности понятие преступности как свойства человека и общества порождать преступления в дальнейшем, был использован при формировании научной школы преступных подсистем (Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, С. У. Дикаев, П. А. Кабанов, Г. Л. Касторский, В. С. Харламов и др.). В первой трети прошлого века появились работы по психиатрии и психологии о разных психологических и психопатологических аспектах убийств в семье.²⁹⁸ На сегодняшний день в нашей стране исследованиями насилия в семье и межличностных отношениях занимаются криминологи (Д.А. Шестаков, Ю.М. Антонян, С.В. Максимов, В.П. Ревин и др.), социологи (Н.М. Римашевская, И.С. Кон, И.Д. Горшкова, П.В. Пучков, А.В. Лысова), психологи и врачи, прежде всего, судебно-медицинские эксперты, психиатры (Л.В. Романова, Н.Г. Шумский, Н.Б. Калужная, И.В. Ювенский) и представители общественных женских организаций (М. Пискалова, А. Синельников).

В обзоре основных результатов по проблеме домашнего и межличностного насилия мы будем опираться на следующие социологические исследования, проведенные в последние 10 лет:

– исследование внутрисемейного насилия в трех городах России в 1996 г. с использованием Шкал тактик разрешения конфликтов, разработанных М. Страусом (Д. Ванноу, Н. Римашевская, М. Малышева и др.).²⁹⁹ Общая выборка исследования составила 2584 состоящих в браке и разведенных мужчин и женщин;

– исследование насилия *над жёнами*, с применением собственно разработанного инструментария в 7 экономических регионах России в 2002 г. (И.Д. Горшкова, И. И. Шурыгина).³⁰⁰ В исследовании приняли участие 2134 человека (50,4% женщин);

---

²⁹⁷ Шестаков Д. А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник ЛГУ. — 1976 — № 11. — С. 116—121. Шестаков Д.А. Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор.: Автореф. дис... канд. юрид. наук — М., 1977. Шестаков Д. А. Некоторые криминогенные семейные ситуации // Вестник ЛГУ. — 1977 — № 5. — С. 126—132; Шестаков Д. А. Предотвратить семейную драму. — Л., 1981. Шестаков Д. А. Выбор варианта поведения членами семьи в криминогенной ситуации // Правоведение. — 1978. — № 1. — С.115—118.

²⁹⁸ Шумский Н. Г., Калужная Н.Б., Ювенский И.В. Женщины-убийцы. Очерки судебной психиатрии. — СПб., 2004. Режим доступа: http://www.koob.ru/shumskij_n_g/zhenshini_ubijci.

²⁹⁹ Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. — М., 1999. — Глава 7. С.190—229; Marriages in Russia: couples during the economic transition / Dana Vannoy, et al., Westport, Connecticut, London: Praeger, 1999. Ch. 7 (pp.141—175).

³⁰⁰ Горшкова И.Д., Шурыгина И.И. Насилие над женами в современных российских семьях. — М., 2003.

– исследование насилия *над престарелыми членами семьи* в 2005 г. в Саратове и Саратовской области (П.В. Пучков).³⁰¹ Всего было обследовано 2938 пожилых людей старше 60 лет (86% женщин);

– вторичный анализ данных *репрезентативного* исследования скандалов и насилия в семье в 2002 г. с применением случайной репрезентативной выборки в объеме 1600 человек (53,6% женщин) (А.В. Лысова).³⁰²

– международное исследование насилия на свиданиях среди студентов трех университетов в России в 2004–2006 гг. с применением Шкал тактик разрешения конфликтов (А.В. Лысова).³⁰³ Окончательная выборка исследования составила 338 студентов из Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток), Алтайского государственного политехнического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул), Санкт-Петербургского государственного университета (г. С. –Петербург).³⁰⁴

Жертвами межличностного насилия становятся все участники коммуникации: дети, мужчины, женщины и престарелые родственники. Представим результаты перечисленных исследований в зависимости от жертвы насилия, дополнив их данными других отечественных и международных исследований, в частности данными Всемирной организации здравоохранения за 2002 г.³⁰⁵

Насилие над женщинами в межличностных отношениях. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2002 г. в результате насильственной смерти в России умерло 10 716 женщин, и соответственно уровень насильственной смертности женщин составил 14,1 на 100 тыс. населения. Этот показатель во много раз превышает таковой в самой насильственной из развитых стран мира – США, где он составил 2,7 на 100 тыс. населения. При этом известно, что большинство женщин, в отличие от мужчин, погибает именно в семье, а не за ее пределами. Это подтверждают широко распространенные сейчас данные, согласно которым 9 тыс. женщин в России погибают ежегодно от рук своих супругов или сожителей.

Исследование Д. Ванной, Н. Римашевской и др. в 1996 г. выявило, что 26% опрошенных женщин как минимум однажды подвергались *физическому*

---

³⁰¹ Пучков П.В. Вычье, старичье? Опыт анализа геронтологического насилия // Социологические исследования. – 2005. – №.10. – С. 35–41; Пучков П.В. Геронтологическое насилие в условиях демографического кризиса (социологический анализ): Автореф. дис... канд. соц. наук – Саратов, 2006.

³⁰² Лысова А.В. Вербальная агрессия в семье: факторы риска и модели объяснения // Социология: методология, методы и математические модели. – 2007. В печати; Лысова А.В. Физическое насилие над женщинами в российских семьях: результаты репрезентативного исследования // Социологические исследования. 2007. В печати.

³⁰³ Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С.94–103.

³⁰⁴ Автор выражает благодарность С. Саклаковой и К. Лиманской, опросившим студентов в Барнауле и Санкт–Петербурге соответственно.

³⁰⁵ World Health Organization. Table 1. Numbers and rates of registered deaths. Russia (excluding Chechnya). 2002. Режим доступа: http://www3.who.int/whosis/mort/table1.cfm?path=whosis,inds,mort,mort_table1&language=english.

насилию со стороны своих мужей/сожителей. При этом «толчки» были самой распространенной формой легкого физического насилия над женщинами. Данные насилия на свиданиях среди студентов университетов в 2004 г. подтвердили полученные в 1996 г. данные, так как 25% студенток сообщили, что становились жертвами как минимум одного акта легкого или тяжелого физического насилия за предшествующие 12 месяцев. Отметим, что в этих двух исследованиях использовался один и тот же инструментарий, а именно Шкалы тактик разрешения конфликтов (the Conflict Tactics Scales, CTS2), разработанные М. Страусом и чаще всего применяемые в современных исследованиях межличностного насилия во всем мире. Примечательно, что полученные в результате вторичного анализа данные опроса случайной репрезентативной выборки объемом 1600 человек в России в 2002 г. согласуются с результатами предыдущих двух исследований. Так, на вопрос о том, «избивал ли Вас Ваш нынешний или прежний муж или сожитель», каждая четвертая женщина в исследовании (27,5%) ответила утвердительно, из которых 4,1% женщин подвергались избиениям часто, 9,1% — несколько раз, 10,7% — один или два раза. Самые высокие данные о виктимизации женщин в результате физического насилия, превышающие все остальные почти в 2 раза, были получены в исследовании насилия над жёнами в 2002 г. И. Д. Горшковой и И. И. Шурыгиной. Согласно их данным, 50% опрошенных женщин подвергалась хотя бы однажды физическому насилию со стороны нынешнего мужа (ударил или толкал, тряс, не бил, но причинял сильную боль другими способами, например, выкручивал руки). Эта группа обозначена ими как «группа общего насилия». Также было выявлено, что хотя бы раз муж ударил 41% женщин, из которых 26% подвергались избиению неоднократно, в том числе 3% женщин муж бил раз в месяц и чаще. Эту группу исследователи назвали «группой избитых». Вероятное объяснение значимого отличия результатов от ранее и позже полученных результатов, включая данные, полученные в том же 2002 г., может заключаться в теоретическом основании исследования И. Д. Горшковой и И. И. Шурыгиной, которым послужила феминистическая теория, и, как следствие, в методологии и методике проведения опроса. Это единственное из представленных выше исследований, направленное исключительно на изучение виктимизации женщин, т. е. где женщины отвечали на вопросы о том, подвергались ли они насилию в семье со стороны мужей/сожителей, а мужчины — совершали ли они насилие над женщинами. Известные западные ученые, например, такие как Р.П. Добаш и Р.Е. Добаш, видят причину подобных различий в результатах в западных исследованиях, прежде всего, в различиях в концептуализации понятия «насилие» и разной методологической основе исследований.³⁰⁶ При этом М. Страус, один из лидеров в исследовании межличностного насилия, считает, что отсутствие шкалы совершения насилия самим респондентом снижает надежность шкалы в исследовании, приводя, таким образом, к возможному ис-

³⁰⁶ *Dobash R.P., Dobash R.E. Women's violence to men in intimate relationships. Working on a puzzle // British Journal of Criminology. — 2004. № 44. — PP. 324–349.*

кажению данных.³⁰⁷ Кроме того, в исследовании насилия над женами не измерялась шкала социальной желательности, которая бы позволила оценить степень надёжности и доверия сообщаемой респондентами информации.

Гораздо меньше исследований в России было посвящено выявлению уровня виктимизации женщин *от психологической агрессии и сексуального насилия и принуждения* в межличностных отношениях. Семьдесят восемь процентов жен в исследовании Д. Ванноу, Н. Римашевской и др. в 1996 г. сообщили, что мужа повышали на них голос, 41% — оскорбляли их, 13% — угрожали причинить им боль и другим 5% — причинить боль их близким. На вопрос в репрезентативном исследовании 2002 г., «бывают ли в Вашей семье ссоры, скандалы, и если да, как часто», 74% женщин ответили, что такие скандалы случаются, из которых у 38% женщин эти скандалы и ссоры происходили между ними и мужьями/сожителями. При этом молодые женщины в возрасте 18—29 лет гораздо чаще сообщали о скандалах и ссорах в межличностных отношениях в семье (всего 91%) и из них 27% — о скандалах с мужьями или сожителями. Хотя полученные нами данные в ходе проведения вторичного анализа согласуются с результатами других исследований психологической агрессии в отношениях, тем не менее, важно помнить, что вторичный анализ налагает серьезные ограничения на валидность полученных данных.³⁰⁸ В исследовании насилия на свиданиях выявлено, что 67% студенток за предшествующий исследованию год испытали как минимум один случай психологической агрессии, легкой или тяжелой формы, что снова подтверждает полученные выше результаты. Наибольший уровень психологической агрессии против женщин выявлен в исследовании насилия над женами в 2002 г., согласно которому 80% жён столкнулись хотя бы с одним из проявлений психологического насилия со стороны мужа: их или унижали, в том числе нецензурной бранью, или критиковали их личность, или к ним применяли запреты и /или угрозы. Это исследование также позволило выявить уровень *сексуального насилия* над женами в браке: 23% жен стали жертвами как минимум одного акта сексуального принуждения или насилия в браке, из которых 18% — стали жертвами жестокого сексуального насилия: вынужденный секс, и/или изнасилование, и/или секс после побоев. Исследование насилия на свиданиях выявило даже более высокий уровень сексуальной виктимизации женщин, связанный, предположительно, с молодым возрастом респонденток и с разными ожиданиями мужчин и женщин о начале сексуальных отношений на свиданиях. Так, 37% студенток сообщили как минимум об одном случае сексуального принуждения или насилия на свидании, из них 5% сообщили о применении против них силы для принуждения вступления в сексуальные отношения. В последнем случае речь идет об изнасиловании, что значительно превышает данные официальной статистики о числе зарегистрированных изнасилований в России,

---

³⁰⁷ Straus M.A. The Conflict Tactics Scales // Encyclopedia of Domestic Violence. Routledge / Taylor & Francis, 2006. In print.

³⁰⁸ Лысова А.В. Вербальная агрессия в семье: факторы риска и модели объяснения // Социология: методология, методы и математические модели. 2007. В печати.

которое вместе с покушениями на изнасилование в 2005 г. составило 9222.³⁰⁹

Насилие над мужчинами в межличностных отношениях. Данная проблема в России специально не исследовалась, хотя, конечно, ей уделено внимание в российских работах по семейному насилию, осуществленных как в прошлом, так и нынешнем веках.³¹⁰ В западных странах специальных исследований на эту тему немного. Это объясняется, прежде всего, культурными стереотипами, согласно которым мужчины не могут быть жертвами женской агрессии, особенно физической, а также активным сопротивлением подобному роду исследований в западных странах со стороны ученых радикального феминистического толка. Однако очевидно, что проблема виктимизации мужчин в нашем обществе стоит довольно остро. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в 2002 г. от насильственной смерти в России умерло 33 536 мужчин, что составляет 50,2 на 100 тыс. человек. Если сравнить эти данные с США, то получим, что в России этот показатель более чем в 5 раз превышает американский (9,2 на 100 тыс. человек в США в 2000 г.). К сожалению, сказать точно, сколько мужчин было убито в семье, трудно из-за серьезных недостатков в процессе регистрации подобного рода преступлений и затем из-за отсутствия выделения данного рода статистики в отдельную графу в официальных отчетах МВД.³¹¹ Выступая в 2001 г. на конференции Санкт-Петербургского криминологического клуба, посвященной 25-летию семейной криминологии, Д. А. Шестаков, ссылаясь на криминологические исследования, отметил, что в Петербурге в 1974 г. доля женщин среди жертв супружеского убийства была весьма велика, их было убито в 7,3 раза больше по сравнению с мужчинами. Но в дальнейшем тенденция состояла в росте преступной активности женщин. В начале 1990-х годов в Кировском районе того же города число жертв супружеского убийства было только в 2,3 раза больше по сравнению с мужчинами-жертвами. Данная тенденция имела дальнейшее развитие. В конце второго тысячелетия в Санкт-Петербурге рассматриваемое соотношение между убитыми жёнами и мужьями снизилось до 1,37–1,94. Преступная активность российских женщин, заключает исследователь, по этому показателю практически сравнялась с преступной активностью американок!³¹² Представим имеющиеся в нашем распоряжении данные о насилии и агрессии над мужчинами в семье, сожительстве и на свиданиях.

В исследовании супружеских пар в 1996 г. авторы исследования воздержались от вопросов о *физической виктимизации мужчин* в семье, однако опросили жен на предмет совершения ими насилия над своими мужьями. Так,

³⁰⁹ Официальный сайт МВД РФ: <http://www.mvdinform.ru/files/4001.pdf>.

³¹⁰ Шестаков Д. А. Некоторые криминогенные семейные ситуации // Вестник ЛГУ. — 1977 — № 5. — С. 126–132; Шестаков Д. А. Предотвратить семейную драму. — Л., 1981. — С. 5; Шестаков Д. А. Супружеское убийство как общественная проблема. — СПб, 1992. — С. 4–7.

³¹¹ Шестаков Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика). — СПб., 2003. — С. 272.

³¹² Шестаков Д. А. Четверть века семейной криминологии (криминофамилистики) в России: итоги и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — №1(2). — С. 11–12.

13,9% жен сообщили, что запускали каким-то предметом в мужа, 22% — толкали мужа, 16,5% — давали пощечину, 6,4% — били мужа. Причём разведённые женщины сообщили о гораздо более высоком уровне совершения физического насилия над бывшими мужьями.³¹³ В исследовании насилия на свиданиях 26% студентов сообщили, что стали жертвами как минимум одного акта физического насилия со стороны своих подруг за предшествующий исследованию год и чуть более 1% студентов сообщили о травмах в результате насилия со стороны женщин. Что касается *психологической агрессии против мужчин*, то 55% студентов в исследовании насилия на свиданиях стали жертвами как минимум одного акта психологической агрессии. В исследовании Д. Ванноу, Н. Римашевской и др. в 1996 г. 82% мужей сообщили, что их жены повышали на них голос, 14% — угрожали изменой, 38% — оскорбляли, 12% — угрожали причинить боль им или их близким (3%). Вторичный анализ данных репрезентативного опроса в 2002 г. показал, что 80% мужей сообщали о ссорах и скандалах в отношениях, из которых 47% сообщили о конфликтах со своими жёнами. Единственное исследование, где мужчинам наравне с женщинами была предоставлена возможность ответить на вопросы о *сексуальной виктимизации* в интимных отношениях, было исследование насилия на свиданиях среди студентов университетов. Пятнадцать процентов студентов сообщили о совершении над ними сексуального принуждения на свиданиях.

Насилие над детьми в семье. Многие случаи насилия в отношении детей остаются нераскрытыми. Это касается, прежде всего, воспитания детей в семье родителями в форме физического или телесного наказания, а также случаев, когда дети становятся свидетелями агрессии и насилия между своими родителями. Официальные данные МВД практически недоступны по категории преступлений, связанных с жестоким обращением с детьми и даже убийствами детей. Согласно официальным данным, а именно из интервью заместителя генерального прокурора РФ С. Фридинского «Интерфаксу» в 2005 г. стало известно, что «за период с 2000 по 2005 г. совершено 1080 убийств и 21 покушение на убийство детей. Из них 1086 преступлений совершено настоящими родителями, остальные — приёмными и усыновителями».³¹⁴ По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2002 г. в России в результате насилия умер 481 ребенок с рождения до 14 лет (2,0 на 100 тыс. человек), при этом 7233 ребенка погибли в результате случайных происшествий.

В исследовании супружеских пар в 1996 г. респондентам задавался вопрос о наблюдении вербальной агрессии и физического насилия между своими родителями в первичной (родительской) семье. Оказалось, что в Московской выборке 43,8% мужей и 45,9% жён были свидетелями вербальной агрессии между родителями, в то время как 19,8% мужей и 27,2% жён наблюдали физическое

---

³¹³ Marriages in Russia: couples during the economic transition / D. Vannoy, M. Rimashevskaya, et al., Westport, Connecticut, London: Praeger, 1999. P. 150.

³¹⁴ Фридинский С. С 2000 года более тысячи детей в России были убиты своими родителями. Интервью «Интерфаксу». Режим доступа: http://www.interfax.ru/r/B/0/22.html?id_issue=11386704.

насилие между своими родителями, когда были детьми. В Пскове свидетелями вербальной агрессии между родителями стали 32,6% мужей и 45,5% жен, в Саратове — 56,2% мужей и 65,2% жён. В свою очередь, сообщили о наблюдении физического насилия между родителями 12,4% мужей и 17,9% жен в Пскове и 37,7% мужей и 37,3% жен — в Саратове.³¹⁵ В исследовании насилия на свиданиях студентам задавался вопрос о совершении над ними насилия в родительской семье, когда они были детьми. Пятьдесят девять процентов студентов (55% женщин и 65% мужчин) сообщили, что подвергались физическому наказанию в семье до того, как им исполнилось 12 лет. После 12 лет 42% студентов (40% женщин и 46% мужчин) сообщили о физическом воспитании в семье.

Насилие над престарелыми членами семьи. По данным Всемирной организации здравоохранения, в России в 2002 г. в результате насильственной смерти умерло 3816 человек старше 65 лет, что составило 20,4 на 100 тыс. населения. В США данный показатель в 2000 г. составил 2,4 на 100 тыс. человек. Специальных исследований в России, посвящённых насилию над престарелыми членами семьи, практически не проводилось, за исключением исследования П.В. Пучкова в Саратовской области в 2005 г. Жертвами физического насилия стали 13% респондентов старше 60 лет; от эмоционально-психологической агрессии пострадали 40% опрошенных; 29% респондентов сообщили о совершении над ними финансово-экономического насилия. Об отсутствии ухода и пренебрежении их нуждами сообщили 19% опрошенных. Было выявлено два случая сексуального насилия.

Заключение. Обзор пяти социологических исследований насилия в межличностных отношениях, проведённых в России за последние 10 лет, выявил высокий уровень виктимизации всех членов семьи: не только женщин и детей, но мужчин и престарелых родственников. Причём исследования показали не только уровень физического насилия, но и психологической агрессии и сексуального принуждения и насилия в межличностных отношениях, включая семью. Так, диапазон виктимизации женщин от физического насилия в семье и межличностных отношениях по результатам рассмотренных исследований составил от 25% до 50%. Жертвами психологической агрессии стали от 38% до 80% женщин. Сексуальному принуждению и насилию подверглись от 23% до 37% опрошенных в исследованиях женщин, причем из которых от 5% до 18% считали себя жертвами жестокого сексуального насилия и изнасилования. В отличие от общепринятых и устоявшихся стереотипов, что мужчины не могут быть жертвами внутрисемейного и межличностного насилия в отношениях сожительств и свиданий, исследования показали высокий, вполне сопоставимый с женщинами уровень виктимизации. Только в двух исследованиях, в которых в качестве инструментария использовались Шкалы тактик разрешения конфликтов, разработанные М. Страусом, был выявлен уровень физической виктимизации мужчин. Они показали, что до 26% мужчин считали себя жертвами физического насилия. Сексуальное насилие и принуждение со

---

³¹⁵ Marriages in Russia: couples during the economic transition / D.Vannoy, M.Rimashevskaya, et al., — Westport, Connecticut, London: Praeger. — 1999. — P.157.

стороны своих партнерш испытали 15% студентов. Причем высокие показатели сексуальной виктимизации мужчин согласуются с данными исследований в других странах. Например, в Германии 9,3% опрошенных женщин признались в применении стратегий сексуального принуждения и насилия в отношении мужчин.³¹⁶ Жертвами психологической агрессии со стороны своих жён или партнерш считали себя от 47% до 80% мужчин. Ретроспективные данные о жестоком обращении с детьми в семье показывают, что опыт насилия в семье в форме физического воспитания имели до 59% респондентов; о наблюдении насилия между своими родителями сообщили 19,8% мужчин в Москве и 27,2% женщин в исследовании супружеских пар в 1996 г. Что касается престарелых членов семьи, то жертвами физического насилия считали себя 13% и психологической агрессии — 40% респондентов старше 60 лет.

Проведенный обзор основных исследований насилия в семье и межличностных отношениях позволяет сделать два главных вывода. Во-первых, недостатки и ограничения рассмотренных выше исследований говорят о необходимости проведения дальнейших количественных исследований данной проблемы с использованием сопоставимого инструментария и репрезентативных выборок. Качественные исследования также необходимы. Во-вторых, высокий уровень виктимизации как женщин, так и мужчин в семье диктует необходимость разработки специальных программ помощи жертвам насилия, которыми являются не только женщины, но и мужчины, а также разработку специальных профилактических мероприятий, направленных на мужчин и на женщин.

---

³¹⁶ Krahe B., Waizenhofer E., Moller I. Women's Sexual Aggression Against Men: Prevalence and Predictors // Journal Sex Roles: A Journal of Research. Vol.49, #5–6. — 2003. — PP. 219–232.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Б. Б. Тангиев*

НАУЧНЫЙ ЭКОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И КОНЦЕПЦИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Преступность — достаточно сложное явление, которое состоит из совокупности различных видов преступлений. Если преступление рассматривается с позиции уголовного права, то оно характеризуется отдельными элементами состава преступления: объектом, объективной стороной, субъектом, субъективной стороной. При этом каждое преступление рассматривается в отдельности от другого как самостоятельный объект исследования.

При криминологическом подходе преступление рассматривается, во-первых, в контексте одновременно условий внешней для человека среды и характеристик самого человека; во-вторых, не как одномоментный акт, а как определенный процесс, развертывающийся в пространстве и времени.³¹⁷

Необходимость применения такого криминологического подхода к экологической преступности в настоящее время обусловлена тем, что масштабы человеческой деятельности уже не могут сосуществовать с благоприятной окружающей средой. А значит, необходимо регулировать взаимодействие человека и природы с целью предотвращения нанесения ей ещё большего ущерба и как следствие — сохранения человечества как вида.

Загрязнение окружающей среды — это негативное физико-химическое, радиоактивное, биологическое и иное изменение качества природной среды (атмосферного воздуха, вод, почвы и пр.) в результате хозяйственной и иной деятельности человека, превышающее установленные нормативы вредного воздействия на окружающую среду.

Несмотря на ту работу, которая проводится по защите окружающей природной среды, влияние на неё хозяйственной деятельности человека характеризуется производством всё большего числа новых веществ и выбросами их в окружающую среду, увеличением количества отходов и другими факторами, которые приводят к изменению естественных ландшафтов, к загрязнению атмосферы и природных водных объектов. Особенно это отмечается в крупных городах и промышленных центрах Российской Федерации.

---

* **Бахаудин Батырович Тангиев** — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций (Санкт-Петербург, Россия).

© Б. Б. Тангиев, 2008

³¹⁷ *Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2003. — С. 58.*

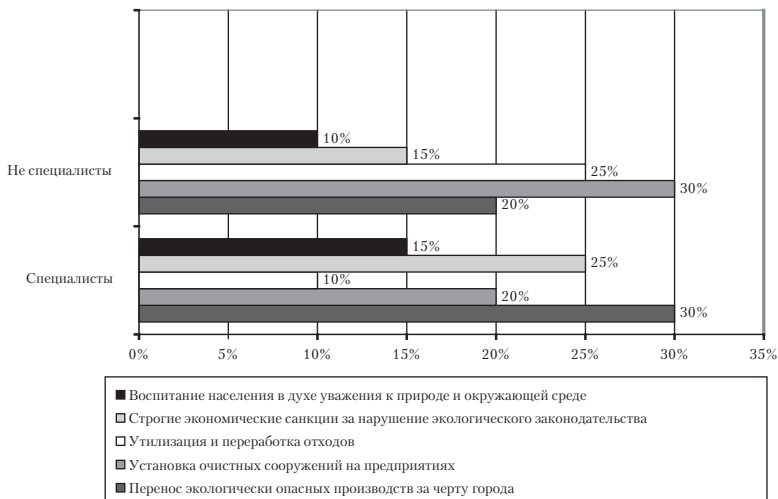
Специфика экологических преступлений заключается в том, что они представляют опасность не только в рамках одной страны, но и затрагивают интересы мирового сообщества. На Генеральной ассамблее ООН систематически обсуждаются проблемы ухудшения состояния окружающей среды, угрожающие общей безопасности не меньше, чем гонка вооружения. Человечество забирает из воздуха, морей и земли все полезное, а возвращает лишь отходы и отраву. В конечном счёте, все мировое сообщество должно внести вклад в решение этой глобальной проблемы.

На сегодняшний момент в России происходит процесс осознания ответственности за загрязнение окружающей среды. Но темпы развития этого процесса чрезвычайно малы.

В этой связи следует привести результаты анкетирования, в ходе которого было опрошено 200 человек, не имевших специальных познаний в области экологии и охраны окружающей среды, и лиц, которые обладали такими познаниями. Респондентам был задан вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, могут повлиять на улучшение экологической обстановки, в частности, в районе Санкт-Петербурга (необходимо было распределить ответы по эффективности предложенных мер)» в соответствии с указанными вариантами ответов.

Распределение ответов можно привести в следующем виде по категориям опрошенных лиц (диагр. № 1).

Диаграмма 1.

Следует обратить внимание, что большинство граждан (не специалисты) на последнее место поставили именно воспитание населения в духе уважения к природе и окружающей среде, чего нельзя сказать о профессионалах в области экологии. По их мнению, воспитание играет не последнюю роль в улучше-

нии экологической обстановки не только в черте Санкт-Петербурга, но и на территории всей России, поскольку взаимная ответственность граждан и государства в данной области должна проявляться именно в добровольном и осознанном соблюдении гражданами норм в области охраны окружающей среды, а государством — в обеспечении благоприятной окружающей среды для всех и каждого в отдельности.

Оценивая полученные данные, автор приходит к выводу, что в таких условиях недостаточно просто создать отдельную отрасль криминологии — экологическую криминологию, как инструмент борьбы с экологической преступностью. Необходимо на уровне государства решить ряд важных комплексных вопросов, связанных с экологией.

Во-первых, необходимо радикальное совершенствование отечественного законодательства в области охраны окружающей среды с целью устранения пробелов и противоречий. Одновременно с этим надо решить проблему взаимодействия природоохранных органов с правоохранительными органами с целью улучшения качества их работы.

Во-вторых, на государственном уровне выработать экономические механизмы, которые смогли бы создать заинтересованность у предпринимателей в организации экологически чистых производств или в оснащении предприятий специальными очистителями и утилизаторами отходов (например, путем предоставления налоговых льгот, предоставлением на льготных условиях кредитов на развитие и модернизацию предприятия, свободных экономических зон и т.п.).

В-третьих, экономическое поощрение создания специализированных предприятий по утилизации и переработке отходов, предприятий, создающих оборудование для экологически чистого производства и т.п.

В-четвёртых, воспитание населения в духе уважения к природе и окружающей среде, путём внедрения образовательных программ в учебных заведениях страны, со стимулирующим эффектом, как то: сбор металлолома, макулатуры и других видов вторсырья. Ведь в прошлом это неплохо практиковалось у отрядов пионеров, в настоящее время пусть это будут бойскауты или другие молодежные организации.

Вышеперечисленные меры должны применяться одновременно с достижениями уголовно-правовой и криминологической наук.

В этой связи научный эколого-криминологический комплекс видится как научное направление, которое на базе достижений общей современной отечественной криминологии будет изучать криминогенные проявления, посягающие на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей среде и здоровью человека.

В обоснование необходимости выделения научного эколого-криминологического комплекса следует сказать, что с середины 1970-х годов в отечественной криминологии выделились отдельные отрасли, которые возникли на основании концепции взаимосвязи с определенными саморазвивающимися системами общества — это семейная, политическая, экономическая криминология и некоторые другие.

При тщательном рассмотрении отраслей общей криминологии выявится такая закономерность, которая, несомненно, покажет их значение и наметившуюся связь с зарождающимся научным эколого-криминологическим комплексом как новым направлением криминологической науки, который лаконично вписывается в стройную концепцию преступности социальных подсистем, с присущей только ей методологией.

Рождение научного эколого-криминологического комплекса — это объективная реальность, обусловленная повышенной опасностью экологических преступлений, недостаточными исследованиями детерминант экопреступности и экопреступника. Как наглядно свидетельствует практика, дальнейшее развитие общей криминологии, опирающееся лишь на устоявшиеся методы в данной области, становится в определенной степени затруднительным и обременительным. Новые отрасли и направления, в их числе и научный эколого-криминологический комплекс, формируются согласно обусловленным закономерностям, а также в соответствии с парадигмой социальных подсистем.

В этой связи полагаем верным утверждение Д.А. Шестакова о том, что «процесс возникновения новых криминологических отраслей на основе выделения в качестве предмета исследования взаимосвязи преступности с иными саморазвивающимися общественными системами, по-видимому, будет продолжаться...».³¹⁸ Учитывая высокую общественную опасность экологической преступности, значительное влияние окружающей среды на развитие человека как биологического организма, а также на «здоровье» общества в целом, автор полагает, что выделение научного эколого-криминологического комплекса является насущной необходимостью, поскольку современная экологическая ситуация на планете, не говоря уже о России, оставляет желать лучшего. Как уже было отмечено ранее, влияние неблагоприятной окружающей среды может быть столь негативно, что результатом может оказаться полное уничтожение человечества либо абсолютная его деградация.

Опасность экологической преступности и значимость для всего человечества проблемы сохранения благоприятной окружающей среды, обеспечения достоверной информации о её состоянии, и проблема сохранения человечества как вида, и есть основной довод в пользу необходимости создания нового научного направления российской криминологии, которое будет призвано освещать взаимосвязь окружающей среды и преступности, преступного воздействия на природу (окружающую среду), в том числе с иными функционирующими и саморазвивающимися общественными системами. В этой связи необходимо очертить границы нового научного направления и определить, прежде всего, сферу его научного влияния, цели и систему средств их достижения.

Учитывая вышеизложенное, научный эколого-криминологический комплекс призван исследовать происхождение экологической преступности, ее исторические корни и динамику развития. Он должен проанализировать различные стороны жизни общества и причины возникновения противоречий между ним

---

³¹⁸ Шестаков Д.А. Криминология — XX век / Под ред. д.ю.н., проф. В.Н. Бурлакова, д.ю.н., проф., заслуженного деятеля науки РФ В.П. Сальникова. — СПб., 2000. — С. 10.

и окружающей средой, дать наилучшую и полную характеристику экологическому преступлению (экологической преступности, экологического преступника) и выявить все детерминанты экологической преступности, а также дать прогноз последствий для общества в условиях увеличения экологической преступности и влияния на окружающую среду, что позволит успешнее вести борьбу с данным явлением и выработать действенные механизмы профилактики.

Исходя из этого, значение научного эколого-криминологического комплекса как нового научного направления криминологии, бесспорно, велико. Хотя может возникнуть вопрос, почему же изучение экологической преступности невозможно в рамках общей криминологии. В ответ на это можно привести следующие доводы: если существуют такие отрасли криминологии, как семейная, экономическая, политическая, а также криминология средств массовой информации и др., то, учитывая опасность экологической преступности (которая была доказана автором в ранних работах, см. лит.) и значимость исследований в области противодействия ей, то скорее всего возникновение научного эколого-криминологического комплекса — это не просто научная необходимость, а объективная закономерность, продиктованная неизбежностью сохранения человека как вида.

В этой связи место научного эколого-криминологического комплекса в жизни современного общества можно выразить в виде следующей схемы (рис. 1).

Рисунок 1.

<p>Разработка рекомендаций по поводу глобальных эколого-криминальных угроз России</p>	<p>Предложения и рекомендации по борьбе с экологической преступностью правоохранительным, природоохранным органам</p>	<p>Проведение эколого-криминологической экспертизы законодательства и разработка рекомендаций по его совершенствованию</p>
<p>НАУЧНЫЙ ЭКОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС</p>		
<p>Внедрение достижений науки и техники в процесс анализа экологической преступности и контроля уровня негативного влияния на окружающую среду (АСЭКМ)</p>	<p>Разработка основ взаимодействия на международном уровне в области охраны окружающей среды от преступных посягательств</p>	<p>Формирование общественной идеологии в области экологии и охраны окружающей среды</p>

Для реализации поставленных перед ним задач эколого-криминологический комплекс будет изучать:

- 1) виды экологических преступлений;
- 2) особенности индивидуального преступного поведения лица;

3) причины экологической преступности во взаимосвязи с различными объективными и социальными явлениями и процессами (характерными для различных слоев общества);

4) результативность тех или иных мер по борьбе с экологической преступностью и её профилактике.

С помощью подобных институтов научный эколого-криминологический комплекс будет вырабатывать:

1) рекомендации по совершенствованию борьбы с экологической преступностью и комплекс профилактических мер;

2) действенные меры по устранению причин и условий криминальных явлений в сфере экологии с использованием достижений других научных знаний, методов и разработок.

Так, в своих предшествующих работах³¹⁹ автор неоднократно обращал внимание на то, что настоящее законодательство в области охраны окружающей среды недостаточно развито, более того, на сегодняшний день природоохранное законодательство носит декларативный характер и не может стать серьезным противодействием нарастающей транснациональной экологической преступности. Ярким примером криминогенной ситуации в области охраны окружающей среды служит отсутствие судебно-следственной практики по делам об экологических преступлениях. Ранее в работе этот вопрос разбирался и анализировался, исследовались криминогенные обстоятельства, влекущие за собой такой результат в правоприменительной практике. Причём криминогенные обстоятельства существуют не только в экологическом законодательстве. Это порок всего законодательства Российской Федерации, в данной сфере правового регулирования. Не зря за рубежом оно оценивается как коррупционное и криминогенное.

В этой связи следует отметить, что известные ученые С.В. Бородин и В.В. Лунеев предложили проект Положения «О криминологической экспертизе проектов или действующих законов и иных нормативных актов», разработанный в Институте государства и права РАН. В статье, опубликованной в журнале «Государство и право» в 2002 г., авторы обосновывают необходимость именно криминологической экспертизы законов и других нормативных актов с позиции их влияния на криминогенную ситуацию в стране, а также с точки зрения криминогенных последствий, которые могут возникнуть с их принятием.³²⁰

Следует отметить позитивный характер этого предложения, и, по мнению автора, закономерно и необходимо в таком случае говорить о криминологической экспертизе законов в области экологии и охраны окружающей среды. Причем важность и значимость такой экспертизы становится бесспорной, если учитывать особую общественную опасность правонарушений в этой облас-

---

³¹⁹ *Тангиев Б.Б.* Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова, предисловие Д.А. Шестакова. — СПб., 2005. — С. 550; *Тангиев Б.Б.* Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография. — СПб., 2006. — С. 444.

³²⁰ *Бородин С.В., Лунеев В.В.* О криминологической экспертизе законов и иных нормативных актов // Государство и право. — 2002. — №6. — С. 40–45.

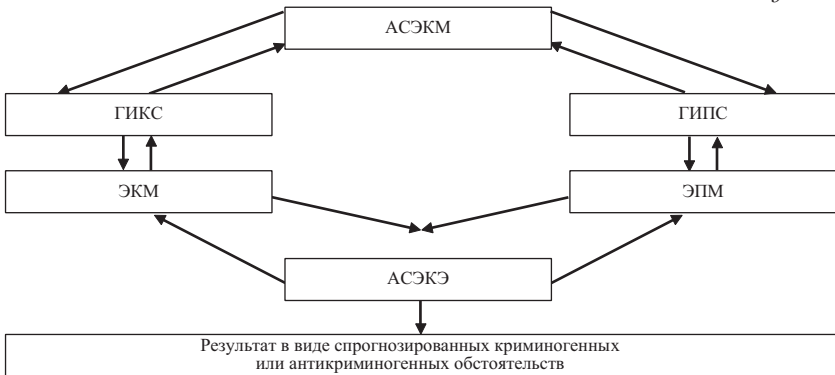
ти и сильное влияние «беззакония» на экологическую обстановку не только в стране, но и во всем мире.

Криминологическая экспертиза законов в области экологии и охраны окружающей среды (иначе ее можно назвать эколого-криминологическая экспертиза) ни в коей мере не подменяет понятие экологической экспертизы. Экологическая экспертиза, согласно Закону «Об охране окружающей среды», проводится исключительно в целях установления соответствия планируемой хозяйственной и иной деятельности требованиям в области охраны окружающей среды и основывается на Федеральном законе «Об экологической экспертизе». Тогда как экокриминологическая экспертиза решает вопросы «о криминогенности или антикриминогенности тех или иных положений закона или проекта закона»,³²¹ нормативного правового акта в области экологии и охраны окружающей среды. При этом задача в решении таких вопросов не должна ставиться исключительно только перед криминологами. Эти вопросы должны решаться во взаимодействии с другими специалистами различных отраслей права и других областей знаний.

Разработка основных положений экокриминологической экспертизы позволит использовать её в работе автоматизированной системы экокриминологического мониторинга (АСЭКМ). Так, ранее указывалось, что АСЭКМ позволит выявлять пробелы в законодательстве и разрабатывать рекомендации по их устранению. На базе экокриминологической экспертизы такой процесс будет усовершенствован. Поскольку АСЭКМ будет содержать базу нормативно-правового материала и законодательства, то на основе информационных технологий возможно в рамках АСЭКМ создать автоматизированную систему экокриминологической экспертизы (АСЭКЭ), которая, работая на основе экокриминологического и эколого-правового мониторинга, сможет спрогнозировать возникновение тех или иных криминогенных или антикриминогенных обстоятельств в условиях действия того или иного закона в области экологии и охраны окружающей среды.

Работу АСЭКЭ в упрощенном варианте можно продемонстрировать в виде следующей схемы (см. рис. 2):

Рисунок 2.

³²¹ Там же.

Автор полагает, что необходимость создания такой системы в области экологии продиктована тем, что многие законы, так или иначе, требуют экспертной оценки с научно обоснованной позиции криминологии. Безусловно, проведение такого рода работы над экологическим законодательством страны позволит снизить латентность экологических правонарушений и их количество, а также окажет сильное профилактическое воздействие на потенциальных правонарушителей.

В защиту обоснования необходимости выделения **научного эколого-криминологического комплекса** следует отметить, что уровень подготовки работников правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью в настоящее время остается очень низким. Это, естественно, оказывает сильное негативное влияние на результативность выявления, раскрытия экологических преступлений и на привлечение лиц, причастных к общественно-опасным экологическим деяниям, к уголовной ответственности. Поэтому одной из задач научного эколого-криминологического комплекса станет разработка основных методов работы правоохранительной системы с целью повышения эффективности её деятельности в данной области. В этой связи вызывают определенный научный интерес следующие данные, полученные в ходе опроса сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос: «Борьбу с какими из видов преступлений, на Ваш взгляд, следует считать приоритетной?» (ответы предлагалось дать в произвольной форме без ссылок на УК), 40% опрошенных на первое место поставили терроризм и организованную преступность, на второе место 30% опрошенных поставили коррупцию, третье место досталось наркомании и алкоголизму — 20%, четвертое место распределилось почти поровну между чиновничьим произволом, заказными убийствами, захватом заложников и т.п. — 4 — 5%, на пятом месте — 5 — 7% — остальные виды преступлений, в том числе и экологическая преступность.

Примечательно, что 5 — 7% из опрошенных выделили экологическую преступность (в числе прочих видов) только потому, что они в той или иной мере по роду службы сталкивались с экологией.

Исходя из этого, следует вывод, что правоохранительные органы не считают борьбу с экологической преступностью приоритетной. Более того, проведенный подобный опрос среди граждан, не имеющих никакого отношения к правоохранительным органам, практически не выделил в предложенном перечне экологическую преступность.

Затем, среди ранее опрошенных был проведен повторный опрос, которому предшествовала часовая лекция, суть которой сводилась к тому, что в ходе разъяснения роли экологии в нашей жизни был сделан акцент на влияние экологической преступности и повышенную её вредоносность для здоровья населения, на необратимость процессов надвигающейся экологической катастрофы. При этом приводились статистические данные и реальные примеры из жизни. Респондентам задавались следующие вопросы:

Блок вопросов № 1:

1. Можете ли Вы против своей воли стать террористом?

- 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).

2. Существует ли для Вас вероятность стать наркоманом или алкоголиком против Вашей воли?

- 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).

3. Можете ли Вы стать членом организованного преступного сообщества, если Вы того не желаете?

- 1. 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).

Блок вопросов №2:

1. Вы уверены, что место Вашего проживания соответствует экологическим требованиям (нормам)?

Варианты ответов:

- а) да;
- б) нет;
- в) не знаю.

Результаты опроса:

«нет» ответили — 80%

«не знаю» — 15%

«да» — 5%

2. Можно ли признать употребляемую Вами пищу экологически чистой?

Варианты ответов:

- а) да;
- б) нет;
- в) затрудняюсь ответить.

Результаты опроса:

«нет» ответили — 90%

«затрудняюсь ответить» — 10%

«да» — никто не ответил.

3. Соответствует ли воздух, которым Вы дышите, вода, которую Вы пьете (употребляете в пищу), предъявленным международным стандартам, нормам и требованиям?

Варианты ответов:

- а) да;
- б) нет;
- в) не уверен.

Результаты опроса:

«нет» ответили — 95%

«не уверен» — 5%

«да» - никто не ответил.

Блок вопросов №3:

1. От какого вида преступлений Вас и членов Вашей семьи не сможет защитить государство?

Варианты ответов:

- а) терроризм;
- б) организованная преступность;
- в) наркомания;

- г) экологическая преступность;
- д) другие виды преступлений.

Результаты опроса:

- «а» ответили — 8–10%;
- «б» ответили 9–12%;
- «в» ответили 10–15%;
- «г» ответили 63–75%;
- «д» ответили 5–7%.

2. С результатами (последствиями) каких преступлений Вам и членам Вашей семьи приходится сталкиваться ежедневно?

Варианты ответов:

- а) экологических преступлений;
- б) террористических акций;
- в) разбоев, грабежей, краж;
- г) мошенничества;
- д) вымогательства;
- е) другими видами преступлений.

Результаты опроса:

- «а» ответили 100%;

Примечательно, что в результате интервьюирования граждан, представляющих различные слои населения, после проведения соответствующей беседы с приведением статистических данных о зависимости высокой смертности, низкого уровня рождаемости, различных заболеваний от экологической обстановки и др. все согласилось со следующими доводами:

1. Человек против своей воли практически не может стать наркоманом, террористом, алкоголиком, членом организованной преступной группировки и др. (случаи насильственного воздействия или принуждения исключаются).

2. Гипотетическая вероятность любого вида преступления непременно присутствует в отношении любого члена нашего общества, но она ничтожно мала в сравнении с воздействием и последствиями неблагоприятной окружающей среды, вызванными в первую очередь экологическими преступлениями.

3. Весь комплекс последствий различных видов преступлений в своей совокупности несоизмерим с одним видом — экологическими преступлениями и их последствиями.

4. В настоящее время наука не располагает всей полнотой данных по количественной и качественной составляющей выживаемости биологических организмов. Однако остается неоспоримым тот факт, что антропогенная и техногенная деятельность человека оказывает негативное влияние на окружающую среду и может привести к уничтожению всего живого на Земле.

Главное отличие экологических преступлений заключается в том, что:

а) с течением времени последствия и ущерб от экологического преступления могут увеличиваться и приводить к необратимым процессам (уничтожение экосистем, влияние на генотип человека, появление очагов неизвестных ранее болезней и вирусов). При этом весь спектр негативных последствий от экологической преступности невозможно выявить;

б) это вид преступления для которого де-юре — де-факто не существует никаких сухопутных, воздушных, морских и других границ;

в) обладают самой высокой латентностью;

г) затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, все биологические образования;

д) по своей специфике и неоднородности самый трудоемкий и сложный вид для выявления, закрепления его следов, документирования, а также установления всей совокупности признаков соответствующих составов экологических преступлений, предусмотренных Уголовным законодательством;

е) представляют собой общественно-опасное экологическое деяние с необратимыми последствиями;

ж) это вид преступлений, для доказывания которых необходимо проводить многочисленные экспертизы и анализы (биологические, химические, криминологические, медицинские, физические и др.);

з) это вид противоправного поведения, который характеризуется наивысшей степенью нигилизма, так называемым эколого-правовым нигилизмом, который, к огромному сожалению, присущ не только населению, но и проявляется в деятельности правоохранительных и государственных органов.

На завершающем этапе данного исследования уже опрошенным гражданам было предложено вновь ответить на ряд вопросов. Результаты были уже совершенно другими — противоположными первоначальному, так как основная масса респондентов высказались за то, что экологические преступления — это один из самых опасных видов преступной деятельности.

Таким образом, из данного криминологического исследования видно, что уровень экологической просвещенности, грамотности и экологического сознания наших граждан находится на очень низком уровне.

Причём описанный опыт показал, что при помощи соответствующих приемов можно привлечь внимание граждан к проблеме экологии. Так, путем простых сравнений, направленных на улучшение процесса познания, респонденты смогли проанализировать ситуации (казусы), при которых они выступали бы в качестве потерпевших. При этом участники эксперимента наиболее ярко представляли себя в роли жертвы террора или умышленного убийства (эти виды преступлений при первоначальном опросе набрали наибольшие проценты). Объясняется это тем, что данные виды преступлений и их последствия наибольшим образом освещаются в средствах массовой информации, кино, радио и т.п., чего нельзя сказать об экологических преступлениях, проблемах и последствиях эколого-маргинального поведения. Именно этим объясняется получение совершенно иных данных после проведения эксперимента с использованием специальной тематической лекции, где этот информационный пробел был восполнен, и респонденты смогли оценить весь спектр угроз, которые содержат в себе экологические преступления как основной фактор, обуславливающий экологическую катастрофу.

В этой связи следует сказать, что ещё одна задача или проблема эколого-криминологического комплекса, которую придется решать, это повышение уровня экологического правосознания населения страны, а также выработка стратегии и механизмов снижения уровня эколого-правового нигилизма, как

со стороны общества, так и со стороны государства в целом, а также со стороны правоохранительных, общественных и государственных органов.

При этом отдельное внимание должно быть сконцентрировано на программе всеобщей экологизации, стратегия которой будет строиться на концептуально-методологических подходах, принципах, специфике и особенностях формирования как экологизированного правового мировоззрения, с целью минимизации эколого-правового нигилизма, свойственного как современному обществу, так и организации общероссийской системы управления экосистемами, где безусловный приоритет будет отводиться экологичности выбора и принятия управленческих решений.

Для этого, в первую очередь, необходима политическая воля, а законодательные основы для этого созданы в достаточной степени. Лишь есть необходимость на первом этапе провести систематизацию законодательной базы, она может выглядеть как свод основных законов, регулирующих экологические системы окружающей среды. На втором этапе будет создана реальная предпосылка по единой кодификации.

Если рассматривать с позиции эффективности правоприменения, то акцент необходимо поставить на юридической ответственности по соответствующим параметрам (уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная и т.п.). Параметры будут распределены в базе данных АСЭКМ по формам и видам юридической ответственности. Моделирование и инструментарий на основе математических методов, используемых при выборе управленческих решений, экокриминологических прогнозов и профилактических мероприятий на основе математических расчетов и технических параметров, в настоящей работе сознательно оставлены без особого внимания, в силу большого объема и специфики. Рассмотрению этих вопросов автор посвятил отдельные монографии.³²²

---

³²² *Тангиев Б.Б.*: 1) Модели оценивания и прогнозирования экологической ситуации в экосистемах на основе интеграции данных в автоматизированном мониторинге. — СПб., 2001; 2) Совершенствование геоинформационных технологий и автоматизированных систем экологического мониторинга по обеспечению безопасности акваэкосистемы региона на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Монография. — СПб., 2003; 3) Экологическая преступность — основная угроза национальной безопасности (уголовно-правовое исследование). Монография. — СПб., 2004; 4) Экологическая преступность: Криминологический и уголовно-правовой анализ (гл. 6 Концепция автоматизированной системы эколого-правового мониторинга (АСЭПМ) и геоинформационных технологий (ГИТ) как метод экокриминологического контроля экологической преступности). Монография. — СПб., 2004; 5) Криминология экологической преступности. Монография. СПб., 2004; 6) Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография. — СПб., 2006.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ
МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ИЗМЕНА КАК
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА»
12. 10. 2007

В. Г. Шарьгин*

**ФЕНОМЕН ПРЕДАТЕЛЬСТВА В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ РОССИИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД)**

Квинтэссенция.

В статье анализируется социально-психологическое явление предательства, как вид государственной преступности, а также опыт превентивной политики в отношении предательства в России XIX века.

В данной плоскости даётся криминологическая оценка идеолого-политической метаморфозы российской государственности в период крушения монархии и установления советской власти. Анализируются проблемы, связанные с предательством в советский период, формирование в этой связи мнимых преступлений,³²³ в контексте темы даётся оценка коррупции.

Семантика предательства.

Вопрос верности и предательства был ключевым в любом обществе. Безусловно, стабильность и благополучие государства во многом зависят от уровня общественного сознания, прежде всего от преданности и твердости убеждений граждан в необходимости поддержки государственной власти, добровольной, осознанной деятельности, направленной на укрепление своего отечества, и, напротив, измена Родине причиняет нередко невосполнимый ей ущерб.

Надо отметить, что предательство как социально—психологическое и историческое явление не получило должного научного внимания, оставаясь в нашем сознании очевидным, аксиоматичным понятием. С другой стороны, это достаточно деликатная тема, поскольку она болезненна в новейшей истории России. Об этом будет сказано ниже. Во всяком случае, найти другое объяснение сложно. Тем не менее, верность и предательство — понятия харизматические в историческом, богословском и литературно-драматическом плане. С понятием предательства у нас ассоциируются Иуда, Брут и множество других исторических и литературно-драматических героев. При этом предательство не всегда является каким-то очевидным или простым явлением. Этот феномен неоднозначен, нередко связан с коллизиями и отличается противоречивостью оценок. Актуален правовой и криминологический взгляд на предательство в том числе и широком смысле слова, если речь идет о лице, предавшем закон и существенные общественные интересы.

---

* **Виктор Григорьевич Шарьгин** — старший преподаватель Санкт-Петербургского юридического института и Санкт-Петербургского института богословия и философии, адвокат (Санкт-Петербург, Россия).

© В. Г. Шарьгин, 2008

³²³ См.: Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. — СПб., 2001. — С.81.

Но, прежде всего, следует начать с краткого языкового анализа самого термина «предательство». Я не буду проводить лексико-семантический анализ слова «предатель», представлю только его синонимический ряд.

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. Даля слово предатель означает изменник, вероломец, крамольник, лукавый, облыжный человек, душепродавец. В свою очередь, слово «изменять» означает «заменять, переменять, переиначивать, переделывать, давать другой вид», но второе значение — нарушать верность, откидываться от кого, покидать, переходить к противнику.

Было понятие изменитель — изменитель законов, изменительница гостинных обычаев. Изменник — нарушитель верности, переметчик, предатель.

Изменищина — изменники. *Изменничать* — быть с изменником или предаваться измене.

Отметывать — мотать прочь, в бок, откидывать, отбрасывать.

Отметник — отступник, изменник, особенно по вере, отщепенец.

Отметчик — то же, но более изменник, предатель.

Отметничество — измена.

Перемётчик — перебежчик, изменник.

Израдить — изменить, предавать, продать кого. Израдство — измена.

Вероломный — нарушитель клятвы, присяги верности.

Веронарушитель — преступник против законов веры, против религии и церкви, против исповедуемой веры.

Облыжный человек — лживый, ложный криводушный.

Крамолла — возмущение, мятеж, смута, измена.

Крамольник — изменник.

Лукавый — хитрый, умышляющий, коварный скрытный и злой, двуличный и злонамеренный. Лука — изгиб, кривизна, отсюда лукавить — ходить криво.

Лукамудрый — употребляющий ум во зло.

Лукавоухищрения — коварные происки.

В прошлом, как видно из вышесказанного, слово «лукавый» носило отрицательный смысл.

В словаре синонимов русского языка существует еще несколько довольно распространенных выражений — христопродавец, иуда, пятая колонна. Согласно церковному словарю — предатель христианский — это в первые века христианства «те из христиан, которые, устрашившись предстоящих мучений, делались отступниками от христианской веры и доставляли мучителям сведения о месте собраний христиан, хранения их церковных книг». ³²⁴ И в этом же словаре — предати — попустить... По Вестминстерскому словарю теологических терминов — предатель (лат. Tradere — передавать) — термин, означающий тех, кто «передавал другим» копии христианского Священного Писания в период Диоклетиана (280 — 305). ³²⁵

---

³²⁴ *Полный церковнославянский словарь*. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.). — М., 2002. — С. 478—479.

³²⁵ *Дональд К. М.-К.* Вестминстерский словарь теологических терминов. — М., 2004. — С. 304.

В широком понимании «измена» довольно обычное дело — изменить своим привычкам, изменить место жительства, изменить взгляды на что-либо или отношение к чему-либо.

Из вышеуказанного синонимического ряда для определения предательства наиболее подходящие термины — вероломный веронарушитель, то есть нарушитель клятвы, нарушитель законов веры.

Иначе говоря, предатель — это человек, нарушивший обязательства, договор, в результате чего осознанно причинен вред тому, с кем этот договор был заключен, а если имели место быть клятва, зарок, присяга, то собственно это — клятвопреступничество или нарушение присяги.

В современном праве нет понятия «предатель», но очевидно, что к этому определению могут подойти некоторые субъекты преступлений гл. 29 УК РФ, и, прежде всего, ст. 275 УК РФ — государственная измена. Это — гражданин России, достигший 16-летнего возраста, оказавший помощь иностранному государству или иностранной организации в ущерб внешней безопасности Российской Федерации. Следует иметь в виду, что если указанное деяние совершено в результате психического или физического воздействия, поражающими волю данного лица, то в соответствии со ст. 40 УК РФ это является обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Мотивы данного преступления не имеют квалифицирующего значения. Хотя в общественном сознании традиционно мотивы корысти, мести, страха в совершении предательства вызывали особую неприязнь. Но если предательство совершалось из-за любви, то обстоятельство вызывало сочувствие и даже сострадание. Достаточно вспомнить Андрия из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». А одна из самых величественных и роскошных опер Дж. Верди «Аида» воспевает трагедию предателя Египта полководца Радамеса.

В последний период к широко обсуждаемому культурному и духовному явлению можно отнести повесть Д. М. Соболева «Остров» и по ней поставленный одноименный фильм.

Духовные основы России XIX века, предупреждавшие предательство.

В новой истории России, особенно в смутное время, часто происходили измены государству и государю в начале VII, в VIII и в начале XIX веков. По поводу убийства императора Павла I оценки историков расходятся — считали ли это предательством или нет — поскольку, по мнению многих историков, убийство императора было совершено в интересах государства. Но это был страшный политический акт, так как имело место посягательство на святое, на помазанника Бога, этим собственно грешна была и его мать. Последствия этих событий весьма серьёзные — ибо был затронут институт незыблемости монархической власти, что в какой-то мере аукнулось в начале XX века.

Тем не менее, в духовной жизни России глубоко и последовательно проводилась политика патриотического воспитания в духе преданности царю и государству. Патриотизм носил сакральный характер. Православная вера и верность государю лежали в основе этой политики. «За Веру, Царя и Отечество» — эти неотъемлемые понятия с раннего детства вкладывались в сознание русского человека и воспитывали в нем достойного патриота России. Неслу-

чайно девизом самого высокого ордена Андрея Первозванного был «За веру и верность!», у ордена Анны — «Любящим правду, благочестие и верность!», а у ордена Белого орла — «За веру, царя и Закон!».

Если говорить об уголовно-правовой политике, то самыми тяжкими преступлениями являлись прежде всего, преступления против веры, затем против государя и членов его семьи, а уж затем преступления государства, против личности и т.д.

В соответствии со Сводом Уставов благочиния 1832 года «всякий Православный должен однажды в год исповедаться и причаститься Св. Тайнам по обряду Христианскому, в пост или иное время» — п. 19 «б», а в соответствии с п. 20 следовало «детей обоего пола приводить на исповедь, начиная с семилетнего их возраста ежегодно». «Приходские священники о всех, но бывших у исповеди, обязаны доставлять в Губернское Правление достоверные именные ведомости», за утайку этих сведений священник даже мог быть лишен сана.³²⁶ И так, с раннего детства русские люди приучались систематически исповедоваться и сверять свои поступки с библейскими заповедями. Если хотите, в этом заключалось не только духовное, но и правовое воспитание.

В учебных заведениях XIX века, особенно в военных, на идеологии любви к отечеству строились учебные программы. Ещё в 1784 году в уставах Артиллерийского и Инженерного кадетских корпусов было сказано, что всякое учение будет считаться неуспешным, если наряду с развитием ума не будет приложено старание об исправлении сердца. В 1835 году при кадетских корпусах были учреждены «Воспитательные комитеты», цель которых заключалась в достижении «возможно лучших результатов и цельности воспитания».

В высочайше утвержденном 24 декабря 1848 года «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» говорилось: «Военно—учебным заведениям поставлено в обязанности — приготавливать ни чисто ученого, ни собственно светского человека, а честного образованного члена семейства и государства, верного поданного и офицера, постигающего сознательно прямые обязанности будущего своего назначения».

Акцент всего воспитания и учения делался на развитии нравственном и умственном, а не на труде одной памяти. Все преподавание проникнуто любовью к Вере, Государю, России, Закону и Долгу.³²⁷

Выдающимся военным теоретиком и педагогом того времени был генерал М. И. Драгомиров, который считал, что дух патриотизма должен венчать военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены. Из пяти пунктов требований к выпускникам военно-учебных заведений первым звучало: «Быть преданным Родине до самопожертвования».³²⁸ Последователь М. И. Драгомирова военный педагог Д. Н. Трескин разработал курс «Отчизноведение» для войск и военных учебных заведений, в котором представлен синтетический материал русской литературы, истории географии. Важнейшим фактором, определяющим патриотическое воспитание, являлись духовные основы семьи,

---

³²⁶ *Российский* криминологический взгляд. — 2005. — № 2. — С. 10–27.

³²⁷ *Традиции* офицеров русской армии. — М., 2004. — С. 163.

³²⁸ Там же. — С. 162.

её традиции, честь и достоинство, а также ведущая роль отца семейства. *В сакральной основе русского патриотизма были, если образно выразиться, 4 столпа: Бог — отец, Государь — отец, Пастырь, и Отец семейства. Собственно от этого и происходит само понятие «отечество» и «отечественная война».* Именно благодаря указанной основе сохранялась российская государственность и её неизбежность в тяжелых войнах 1812, 1855, 1877 годов и др.

Однако посягательства на эти основы происходили систематически, особенно начиная со второй половины XIX века: известные нам покушения на государей и представителей власти. По этому поводу, прежде всего, били тревогу отцы русской церкви: Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Филарет (Дроздов) Архиепископ Аверский (Татушев), священник Сергей Марчук, диакон Андрей Кураев, Архиепископ Никон (Рождественский).

Вот что предсказывал Серафим Саровский: «Произойдёт великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей...»³²⁹ Иоанн Кронштадтский писал: «От Бога мы отступили, и Бог от нас отступил. Отвергли мы волю Божию, живём по своей воле и скоро, увидим, к чему она приведёт и привела уже. Если же друг друга угрызаете и съедаете, — говорит слово Божие, — берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Гал. 5, 15)».³³⁰

Говоря о революции 1905 г., Алексей (Шепелев) писал: «Много изменников окружают царя..., много прольётся христианской крови».³³¹

Почему на это обращали внимание именно святые отцы? Прежде всего, они ощущали духовные изменения в русском обществе. Ведь им в процессе таинства исповедования и покаяния люди раскрывали свои души и тревоги.

Метаморфоза верности и предательства в смуте 1917 года.

Ключевым в истории России явился 1917 год, когда от Государя отвернулись практически все политические силы, включая даже монархистов. По этому поводу русский философ И. Ильин писал: «Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем созидании русской истории, то они должны, прежде всего, пересмотреть и осудить своё прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в прошедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они — повинные первые, ибо выдавали себя за верных и преданных». Происходила массовая измена российской государственности. Поэтому историк Н. Д. Тальберг говорил: «Массовое клятвопреступление было совершено — с этого момента в нём принял участие и простой народ — за этим неминуемо должно следовать возмездие».³³²

³²⁹ *Православная церковь о революции, демократии и социализме.* — М., 2007. — С.130.

³³⁰ Там же. — С. 21.

³³¹ Там же. — С. 111.

³³² *Тальберг. Н. Д.* Сборник. — СПб., 2004. — С. 34–35.

Но действительно ли гибель России была неизбежна? Действительно ли она была слабейшим звеном в цепи империализма, как о ней говорил Ленин? Да, она вела тяжелую войну, погибли миллионы лучших её сынов, но в то же время была близка к великой победе. О том, что Россия вполне успешно могла завершить военную кампанию, свидетельствует один из авторитетнейших политиков XX века Уинстон Черчилль. Вот что он писал по поводу трагедии России 1917 года:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была на виду. Она уже перетерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа уже завершена. Отчаяние и измена завладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голов победён; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт, тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией, и Колчак — Флотом... Царь был на престоле; Российская империя и русские армии держались, фронт был обеспечен, и победа бесспорна... Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что негодную тиранию. Но разбор 30 месяцев войны с Германией и Австрией должен исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна».³³³

Как теперь стало известно, России был нанесён предательский удар на германские, австрийские и турецкие деньги. Известные нам братанья немецких и русских солдат на западном фронте, которые приветствовались большевиками и другими радикальными антиправительственными партиями (это хорошо показано в известном фильме «Человек с ружьем»), инициировались германским командованием: «Переодетые в солдатские шинели офицеры военной разведки и контрразведки, ротные и батальонные командиры со знанием русского языка выступали основной «массой братальщиков»». ³³⁴ После отречения Государя количество дезертиров в армии увеличилось в пять раз. В столичной газете «Русское слово» генерал Л. Г. Корнилов обращался к правительству и обществу России, в частности, заявив: «На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которого русская армия ещё не знала с самого начала существования...»³³⁵

Удар России был нанесён в спину. Не случайно в день отречения — 2 марта 1917 года в своём дневнике Николай II записал историческую фразу: «Кругом измена, и трусость, и обман!» В дальнейшем бандитским образом был убит царь, его семья и близкие родственники. Откровенное, однозначное предательство.

Достаточно одного исторического сопоставления. Как бы мы отнеслись к тому, если бы знаменитый опломбированный вагон с Лениным, и иже с ним,

---

³³³ В. Е. Шамбаров. За веру, царя и отечество! — М., 2003. — С. 593.

³³⁴ Шишов А. В. Голгофа российской империи. — М., 2005. — С. 363.

³³⁵ Там же. — С. 370–371.

прибыл бы из Германии не в 1917 г. во время первой мировой, а, скажем, в 1944 или в начале 1945 года?

В революционные дни 1917 года произошла удивительная метаморфоза — тот, кто был преданным России, становился первым врагом новой наступающей власти.

Новая патриотическая идеология строилась совершенно на другой основе. Всё, что в прошлом носило сакральный характер, было подвергнуто глумлению и поруганию и уничтожалось и, прежде всего, православная вера и православная семья.

Доходило дело до святотатства. Так, в Москве по инициативе губисполкома были вскрыты мощи Святого Сергия Радонежского в Троицко-Сергиевой лавре, о чём было написано в газете «Правда», № 82 от 16 апреля 1919 года под заглавием «Святые чучела». 20 апреля того же года в Воронеже большевиками были вскрыты мощи Святых Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Вскрытие производилось при большом скоплении народа, при этом красноармейцы издевательски надевали мощи на штывки.³³⁶ Только в Санкт-Петербурге за период правления Советской власти было уничтожено около 700 православных храмов.³³⁷ Было уничтожено за Советский период свыше 150 000 священников.

Подход к предательству в советский и постсоветский периоды нашей истории.

Согласно новой идеологии Советской власти настоящая история России начинается с 1917 года. По сути, объявлялась свобода от совести. Характер патриотизма носил лозунговый характер, поощрялась примитивная публичная лояльность, панегирики новой власти и культ её руководителей. Государственная власть невольно впадала в симптом короля Лира, когда лицемерно воспевающие её члены общества ею же были обласканы, как истинные патриоты.

Диктаторский цинизм проявлялся в использовании специалистов прежнего господствующего класса, а после укрепления рабоче-крестьянских кадров происходило их смещение, вплоть до уничтожения. Семейные отношения практически лишены были прежних христианских традиций и той твёрдой основы, что было в прошлом, а брачные отношения потеряли прочность, семейные архивы уничтожались, поскольку представляли опасность идеологического характера.

Поскольку подлинная духовная основа общества была подорвана, а новая патриотическая идеология не имела должных корней, со временем возникла необходимость использовать дореволюционную славу России. Так, в конце 1930 годов в литературе и кинематографе появились герои в лице Александра Невского, императора Петра I и других.

В тяжёлый период Отечественной войны, когда решалась судьба государства, возникла острая проблема борьбы с «пораженческим настроением»

³³⁶ *Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков.* — М., 2005. — С.178–180.

³³⁷ *Храмы Петербурга. Справочник-путеводитель.* — СПб., 1992.

и предательством. Эта необходимость была вызвана, прежде всего, крайне неудачной защитой рубежей нашей Родины советскими войсками в начальный период войны. На подготовленность нашего государства к войне, в первую очередь, повлияли необоснованные репрессии в отношении кадрового состава армии в 1938 г. Свыше 40 000 командиров было уничтожено. По сути, объективно — это акт предательства по отношению к собственному государству. Когда полками командовал младший и средний командный состав, это не могло не сказаться на качестве обороны. Грядущие многомиллионные потери сопряжены с этим, несколько миллионов солдат и офицеров оказалось в плену. Согласно официальным документам с фронта дезертировало 1,5 миллиона человек в период войны.³³⁸ Хаос, который существовал на западном и юго-западном фронтах, от народа скрывался. Шедшие с энтузиазмом защищать своё государство патриоты-добровольцы, готовые бить врага, были нередко деморализованы действительной обстановкой. Основным рычагом воздействия у власти было жестокое устрашение тех, кто вздумает покинуть боевые позиции. С этой целью был издан без опубликования Приказ НКО СССР №227 от 28.1942 г. о создании заградительных отрядов.

Г. К. Жуков был ещё жёстче, он направил в войска шифрограмму, в которой говорилось: «Разъяснить всему личному составу, что все члены семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращению из плена они также будут все расстреляны».³³⁹ Слава богу, это варварское устрашение было только на словах. В своё время указанное средство воздействия применялось для насильственного привлечения царских офицеров в Красную Армию. В дореволюционной армии России к подобному никто и никогда не прибегал.

В этот период Советское государство вынуждено было обратиться к духовной роли церкви, в полной мере эксплуатировать героическую историю монархической России (правда, перед войной, также было обращено внимание на героическое прошлое нашего государства в науке, литературе, кинематографе).

На новых орденах не было героев гражданской войны, а изображены были князья и царские адмиралы прежней «отсталой» России. Дело дошло до святотатства. Так, на ордене Александра Невского лик святого князя помещен в центр красной звезды, а под ним серп и молот! Коммунисты изменили сами себе, убрав комиссаров из армии, вернув золотые погоны и звания. С. И. Волковым в книге «Русский офицерский корпус» было справедливо замечено: «Акт возвращения золотых погон (вместе со словом «офицер»...) был в сущности актом политического мародёрства (погоны как-никак введены после того, как были истреблены те, кто носил их по праву, и теми, кто их истребил».³⁴⁰ Использовались регалии ненавистной монархической России и Белой армии.

Эксплуатация славной монархической истории России стала традицией Советской власти. Но чтобы претендовать на преемственность исторической славы, надо соответствовать тем принципам, на которых она завоёвывалась.

---

³³⁸ *Звягинцев В. Е.* Война на весах феимиды. — М.2006. — С. 127.

³³⁹ *Соколов Б.* Тайны Второй мировой. — М., 2001. — С. 429–430.

³⁴⁰ *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. — М., 1993. — С. 310.

Однако и подход к истории вплоть до настоящего времени нередко лишен объективности и в последовательности. Период первой мировой войны освещался скромно, при этом герои-полководцы этой войны практически не называются, за исключением генерала Брусилова, в дальнейшем перешедшего на сторону большевиков. А вот такие командиры, как А. М. Каледин, Л. Г. Корнилов. А. И. Деникин, П. Н. Краснов и другие, вообще не упоминаются, поскольку они участвовали в белом движении.

В настоящее время ставится руководством государства и ведущими политическими партиями задача возрождения России. Но возрождение не может быть без покаяния. Об этом говорили и святые отцы церкви и упомянутый мною выше историк Д. Н. Тальберг.

«Это тяжёлое испытание, ниспосланное за грехи нашей Родине, будет продолжаться, как и 300 лет тому назад, до тех пор, пока огромное большинство русского народа не покается в своих прегрешениях и, в особенности, не познает того, насколько оно безмерно виновато перед своим Государем, Помазанником Божьим, светлый духовный образ которого ещё ярче вырисовался в эти мрачные дни лихолетья».³⁴¹

В период так называемого развитого социализма к государственным преступникам продолжали относиться лица, ведущих антисоветскую агитацию и пропаганду, причём динамика этих деяний отмечалась постоянным приростом вплоть до 1973 года, такая же практически динамика измены Родины. Но в дальнейшем происходит резкое снижение этой преступности. Профессор С. В. Дьяков связывает динамику преступности в этой области в основном с внешнеполитическими факторами. Однако имевший место её всплеск в период определённой либерализации увязывается им с «эффектом запаздывания», когда идеологически и иная (причинная) потенция к измене Родины накапливалась в исторически неблагоприятный период, а реализовывалась в период относительного благополучия». При этом он замечает: «Если причины антисоветской агитации и пропаганды имели большее идеологическое звучание, то в измене Родине сильнее проявляют себя корыстно-стяжательские тенденции личности».³⁴²

Проблема, с которой столкнулась современная Россия, — это наличие духовного вакуума в общественном сознании. Нередко и в нынешней, как и в прежней советской номенклатурной власти, верность государству можно уподобить верности мыши к мучному складу или козла к огороду. То есть преданность именно тому государству, которое, по сути, можно обворовывать. Коррупция имела место в царской России, но она не была такой разрушительной для экономики государства и социально-позитивного общественного сознания, как в советский, так и в постсоветский период.

6 июня 2007 года в Российской Академии наук прошла Всероссийская научная конференция на тему: «Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России». По данным учёных, мздоимство

---

³⁴¹ Тальберг Д. Н. Указ. соч. — С.36.

³⁴² Криминология. // Под общ. ред. А. И. Долговой. — М., 1999. — С.551–554.

съедает у нас практически весь прирост внутреннего валового продукта, а если процесс не остановить, ВВП в ближайшее годы пойдет в минус. Коррупцией съедается 6 — 7 % от ВВП, то есть практически весь экономический рост, который идет на обогащение чиновников. В своём выступлении доктор политических наук Алексей Чернышев заметил, что если уровень коррупции превысит 10 % ВВП, то руководство страны не только потеряет возможность бороться с этим явлением, но и наступит полный паралич власти. А не является ли это предательством интересов государства, поскольку представляет собой явную угрозу его безопасности и стабильности? Полагаю что да: коррупция приобрела характер национальной угрозы.

На это же обращает внимание председатель Совета Федерации и лидер партии «Справедливая Россия» С. М. Миронов. На встрече с депутатами Пензенской области 20 июля 2007 года он предложил ужесточить наказание за коррупцию: «Учитывая размах явления, коррупцию стоит приравнять к государственной измене».

Корпоративные интересы стали превыше государственных интересов, то есть, иначе говоря, предательство государственных экономических интересов — это верность корпоративным интересам.

С другой стороны, экономическое неравенство городов и уровень жизни их обитателей, контраст столиц с периферией увеличивает враждебное отношение жителей провинций к Москве и к Санкт-Петербургу. Об этом свидетельствуют данные ВЦИОМ, помещённые на сайте «news.ru.com» 7 ноября 2004 года. Согласно им, с 1993 года по 2003 год неприязнь россиян к москвичам выросла с 44 % до 74 %, что явно не увеличивает количество патриотов «сердца» России.

В своё время Л. Фейхтвангер писал: «Только простак может соблюсти себя в чистоте; кто умён и многогранен и не хочет остаться совсем в стороне от мимо текущей жизни, тот неминуемо должен замарать свою душу и стать предателем».³⁴³ К сожалению, этой стяжательской идеологии придерживается значительная часть российского общества.

Для выхода из кризиса общественного сознания, для возрождения национальной идентичности членов нашего общества необходимо подлинное возрождение её духовности. Как ни называя в словах гимна Россию священной, она таковой сама по себе не станет.

---

³⁴³ *Энциклопедия афоризмов.* — М., 1998. — С. 421.

В. А. Бачинин*

ФЕНОМЕН ИЗМЕНИ В СВЕТЕ БИБЛЕЙСКОЙ АКСИОЛОГИИ

Тема измены (предательства) пребывает в средоточии сложнейших мировоззренческих и методологических коннотаций. Внутри её современного дискурса правит дух релятивизма, порождающий множество противоречий, парадоксов и откровенных нелепостей. И если не предпринять специальных мер по его преодолению, то выбраться из этой пучины идеологических несуразностей к свету истины окажется совершенно невозможно.

Единственным достойным средством подобного преодоления может считаться *принцип абсолютности*. Апелляция к абсолютным, а не относительным ценностям позволяет внести ясность в тему измены на уровне её мировоззренческих оснований.

В том дискурсе, который сложился в контексте цивилизаций, имеющих христианскую генеалогию, важнейшим средоточием абсолютных ценностей, норм и смыслов является Библия, а их источником выступает Сам Творец неба и земли — Бог Саваоф. И до сих пор человеческий рассудок не придумал сколько-нибудь убедительных опровержений этой истины.

Библия обращает наше внимание, прежде всего, на один тип измены — на измену Богу. Это важнейший и самый страшный вид предательства. Изменить Господу — значит нарушить завет (договор) с Ним, отвернуться от Него, перестать выполнять Его заповеди, начать поклоняться иным богам, идолам, обычным, тленным людям.

Все остальные измены, нарушающие договоренности с государствами, правительствами, отдельными людьми, должны непременно соотноситься с абсолютным требованием верности Богу. Если некий человек, социальная общность или отдельное государство идут против Бога и не желают выполнять Его заповеди, то неприятие их позиций, отказ следовать с ними или за ними вполне оправданы. Библия оправдывает поведение того, кто в первую очередь хранит верность Богу и не следует за отступившими от Него нечестивцами или за теми, кто не имеет представлений об истинном Боге. В этом отношении весьма характерна библейская история блудницы Раав, которая уверовала в могущество и величие Бога Саваофа и сочла необходимым быть верной Ему, а не своему родному городу Иерихону и населявшему его языческому народу. В ветхозаветной Книге Иисуса Навина мы читаем: «И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли [в Иерихон и вошли] в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там. И сказано было царю Иерихонскому: вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю. Царь Иерихонский послал сказать Рааве: выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в твой дом [ночью], ибо они

---

* Вячеслав Аркадьевич Бачинин — доктор социологический наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН.

© В. А. Бачинин, 2008

пришли высмотреть всю землю. Но женщина взяла двух человек тех и скрыла их и сказала: точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они; когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гоните скорее за ними, вы догоните их. А сама отвела их на кровлю и скрыла их в снопах льна, разложенных у неё на кровле. Посланные гнались за ними по дороге к Иордану до самой переправы; ворота же тотчас затворили, после того как вышли погнавшиеся за ними. Прежде, нежели они легли спать, она взошла к ним на кровлю и сказала им: я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость; ибо мы слышали, как Господь [Бог] иссушил пред вами воду Чермного моря, когда вы шли из Египта, и как поступили вы с двумя царями Аморрейскими за Иорданом, с Сигоном и Огом, которых вы истребили; когда мы услышали об этом, ослабело сердце наше, и ни в ком [из нас] не стало духа против вас; ибо Господь Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу; итак, поклонитесь мне Господом [Богом вашим], что, как я сделала вам милость, так и вы сделаете милость дому отца моего, и дайте мне верный знак, что вы сохраните в живых отца моего и мать мою, и братьев моих и сестёр моих, и всех, кто есть у них, и избавите души наши от смерти. Эти люди сказали ей: душа наша вместо вас да будет предана смерти, если вы [ныне] не откроете сего дела нашего; когда же Господь предаст нам землю, мы окажем тебе милость и истинну. И спустила она их по верёвке чрез окно, ибо дом её был в городской стене, и она жила в стене; и сказала им: идите на гору, чтобы не встретили вас преследующие, и скрывайтесь там три дня, доколе не возвратятся погнавшиеся [за вами]; а после пойдёте в путь ваш. И сказали ей те люди: мы свободны будем от твоей клятвы, которою ты нас заклала, если не сделаешь так: вот, когда мы придём в эту землю, ты привяжи червлёную верёвку к окну, чрез которое ты нас спустила, а отца твоего и мать твою и братьев твоих, все семейство отца твоего собери к себе в дом твой; и если кто-нибудь выйдет из дверей твоего дома вон, того кровь на голове его, а мы свободны [будем от сей клятвы твоей]; а кто будет с тобою в [твоём] доме, того кровь на голове нашей, если чья рука коснётся его; если же [кто нас обидит, или] ты откроешь сие наше дело, то мы также свободны будем от клятвы твоей, которою ты нас заклала. Она сказала: да будет по словам вашим! И отпустила их, и они пошли, а она привязала к окну червлёную верёвку. Они пошли и пришли на гору, и пробыли там три дня, доколе не возвратились гнавшиеся за ними. Гнавшиеся искали их по всей дороге и не нашли. Таким образом два сии человека пошли назад, сошли с горы, перешли [Иордан] и пришли к Иисусу, сыну Навину, и пересказали ему всё, что с ними случилось (Нав. 2, 1 — 23).

Когда город был захвачен израильтянами, по повелению Бога всё живое в нём было уничтожено. «И предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жён, и молодых и старых, и волов, и овец, [всё] истребили мечом. А двум юношам, высматривавшим землю, Иисус сказал: пойдите в дом одной блудницы и выведите оттуда её и всех, которые у неё, так как вы поклялись ей. И пошли юноши, высматривавшие [город, в дом женщины] и вывели Раав [блудницу] и отца её, и мать её, и братьев её, и всех, которые у неё были, и всех

родственников её вывели, и поставили их вне стана Израильского. А город и всё, что в нём, сожгли огнём; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали, [чтобы внести Господу] в сокровищницу дома Господня. Раав же блудницу и дом отца её и всех, которые у неё были, Иисус оставил в живых, и она живёт среди Израиля до сего дня, потому что она укрыла посланных, которых послал Иисус для высмотрения Иерихона» (Нав., 6, 20 — 24).

В Библии поведение Раав не только не осуждается, но изображается как единственно верное. Человеку с секулярным мышлением это может показаться чем-то чудовищным. Но следует помнить, что Библия — это книга, в которой нет ни одного этически опрометчивого суждения, этически двусмысленного примера. В ней царит дух абсолютной этической достоверности, и в этом состоит секрет её многовековой воспитательной значимости, её способности по сей день служить лучшим учебником нравственности.

Степень достаточности принципа верности Богу такова, что в Библии практически отсутствует идея патриотизма в том виде, в каком она трактуется сегодня. То обстоятельство, что Русская православная церковь настоятельно акцентирует своё внимание на ней, говорит, во-первых, о том, что она в своей социальной доктрине отдаляется от следования библейским принципам, а во-вторых, что она оказалась в слишком плотных объятиях российского и правового (самодержавного, тоталитарного, автократического) государства и выполняет его социальные заказы. Это оборачивается для неё периодически обнаруживающимися «конфузиями». Сегодня бывшие декларации её иерархов о верности сталинскому или брежневскому режимам, их «патриотический» сервилизм, вдохновляемый органами ГБ, смотрятся как грязные, позорные пятна на белых священнических одеждах. Позиции же противников режима, «изменников» воспринимаются как безупречные в свете религиозно-нравственных критериев.

Для истинно верующего христианина выбор между верностью Богу и верностью государству не составляет труда. Если государство и его правительство в своих главных предприятиях следуют заповедям Бога, то христианин с готовностью выполняет их требования. Если же государство демонстрирует позицию богоотступничества или тем более, богоборчества, то христианин, хранящий верность Богу, не может следовать за таким правительством. Библия требует не участвовать в делах тьмы.

Мы сегодня существуем в атмосфере секуляризма и релятивизма. Пренебрежение библейскими абсолютными нормативами оборачивается апологиями гоомосексуализма, однополых браков, проституции и множеством других девиаций, относительно которых в Библии существуют категорические запреты. Попытки теоретического сознания разобраться в проблеме измены (предательства) не могут быть успешными до тех пор, пока оно будет пренебрегать методологическим принципом единства абсолютного и относительного. В подобном утверждении нет и намёка на попытку осуществить что-то вроде клерикальной экспансии и тем самым нарушить «чистоту» академического подхода к этой и другим социально-правовым и морально-политическим проблемам. Суть дела заключается в совершенно ином. Современный академи-

ческий гуманитарный дискурс, как на Западе, так и в России, — это продукт двух последних столетий безбрежного разлива духа секуляризма, начавшегося вместе с эпохой Просвещения. Однако обретённый за это время духовный, интеллектуальный опыт, актуализация накопившихся внутри его пространства сомнений, принявшая вид мощного и всё более расширяющегося энергетического поля постмодерна, заставляя нас сегодня усомниться в верности тех постулатов, за которые упорно цепляются апологеты академизма-секуляризма-релятивизма. В этих условиях наиболее продуктивной выглядит перспектива преодоления инерции невольтерьянского богоборчества и выход на новый дискурсивный уровень, где бы перед теоретическим сознанием открылся мир высших абсолютов.

А. П. Данилов*

ПОЛИТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗМЕНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ БЮРОКРАТИЧЕСКИМИ И ОЛИГАРХИЧЕСКИМИ СИЛАМИ В ПРИЧИННОМ КОМПЛЕКСЕ УБИЙСТВ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ. (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

В сложном причинном комплексе убийств по политическим мотивам постсоветской России наиболее значимы противоречия между постепенно укрепляющимися бюрократическими, с одной стороны, и олигархическими силами, определявшими политику в 1990-е — начале 2000-х годов, с другой стороны. При этом внутри России наиболее криминогенна социальная группа олигархов, преступным путём захвативших значительную часть национального достояния России.³⁴⁴ Их мотивированная собственным сверхбогатством экономическая и политическая деятельность направляется организованной мировой, прежде всего, американской олигархией в целях ослабления военной мощи и политической власти России, создания её зависимости от экономики Запада.

Данные противоречия нашли своё выражение в том, что бюрократическая машина целенаправленно провела комплекс мер по частичному отстранению группы олигархов от источников экономического развития, не допуская политизации бизнеса экономической элитой. В результате этого крупные финансовые потоки, добыча природных ресурсов, медиаструктуры, находящиеся под контролем олигархической элиты, всё больше контролируются государством в лице государственных чиновников. Там, где это удалось осуществить, за

---

* **Андрей Петрович Данилов** — соискатель кафедры Криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, член Санкт-Петербургского криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия).

© А. П. Данилов, 2008

³⁴⁴ *Шестаков Д. А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. — СПб., 2006. — С.214.

счёт произведённой смены лиц, занимающих ключевые позиции в управлении экономическими, промышленными, добывающими, информационными отраслями была перенаправлена вся получаемая от этих источников прибыль. Произошла принудительная передача «эстафетной палочки». Прекращения расхищения ресурсов, нецелевого использования денежных средств в результате данной смены руководства не последовало. Национальное достояние — огромные природные и иные ресурсы — продолжает оставаться источником благополучной жизни не российского народа в целом, его делят между собой олигархи и узкая высшая чиновничья прослойка.

Власть провела проверку на лояльность к проводимому ей новому политико-экономическому курсу. Для продолжения удобного безнаказанного расхищения нужны послушные слуги. Уголовное преследование и вся уголовная политика государства в политической сфере носит строго выборочный характер. Власть имущие прекрасно знали, кто и сколько нажил преступным путём, участвуя в залоговых аукционах, приватизируя за бесценок бывшие государственные предприятия или в обход закона приобретая в собственность различные энергетические ресурсы.

Для бюрократии важно не то, что имущество находится в незаконном владении, ей нужна лояльность и готовность делиться собственностью и прибылью, а также замалчивание того, что теперь сами государственные чиновники становятся главными коррупционерами³⁴⁵ и владельцами колоссальных, но исчерпаемых ресурсов. На этом фоне обращает на себя внимание предложение спикера Совета Федерации Сергея Миронова о том, чтобы приравнять коррупцию к государственной измене и максимально ужесточить наказание за неё, вплоть до пожизненного заключения.³⁴⁶ Политика государства в период передачи «эстафетной палочки» во многом имеет преступный характер. Политическая преступность складывается из воспроизводства преступлений как самого государства или, точнее выражаясь, преступлений, совершаемых от имени государства и олицетворяющих его преступную политику, так и против государства, против его конституционного строя.³⁴⁷

Одни из олигархов, не пожелавших разделить занимаемые позиции с властью, лишились нажитого богатства, были осуждены за совершённые ими экономические преступления, другие каким-то образом получили политическое (!) убежище за рубежом, но находятся в постоянном страхе за свою жизнь в свете недавних событий, связанных с убийством экс-офицера ФСБ. Прошедшие проверку ведут обоюдовыгодное мирное сосуществование с государственным механизмом на условиях, которые последний установил.

---

³⁴⁵ См.: *Кабанов П. А.* Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. — Казань, 2004. — С. 45–47.

³⁴⁶ См.: Миронов предложил приравнять коррупцию к измене Родине.
// <http://www.lenta.ru/news/2007/10/10/equal/>

³⁴⁷ *Шестаков Д. А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — С. 376.

В настоящий момент места смещённых олигархов быстро заполняются. Обладающая властью крупная бюрократия использовала принадлежащую ей политическую власть для собственной экономической выгоды. Цель бюрократических сил была достигнута: часть российской олигархии, зародившейся в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов, была свергнута государственными чиновниками, ставшими совладельцами огромных экономических ресурсов, что вывело их в ранг нового олигархическо-государственного истеблишмента. Произошла смена действующих лиц в преступном сообществе.

Можно ли говорить о том, что государственно-экономический передел на столь высоком уровне надолго снимет постоянно возникающие в верхах противоречия? Вряд ли... Само наличие в обществе противоречий, детерминирующих преступное поведение, закономерно для любой из известных истории общественно-экономических формаций.³⁴⁸ Воспроизводство преступности в любой сфере жизни общества будет продолжаться столь долго, сколько будет существовать само общество. Прекращение воспроизводства преступности возможно лишь при отсутствии противоречий. Только исчезновение с лица земли человечества может положить конец вечному воспроизводству преступности, как свойству общества.

Противоречия сохранятся в России и впредь с той лишь разницей, что они будут возникать не между бюрократическими и олигархическими силами, а в обновлённой олигархическо-бюрократической среде, где начнётся дробление на социальные группы по лично-корпоративным интересам. Это дробление приведёт к новым экономически обусловленным конфликтам, обуславливающим помимо прочего борьбу за государственную власть.

К убийствам по политическим мотивам проявляется повышенный интерес со стороны средств массовой информации, политологов и просто граждан. Это происходит на фоне проведения враждебными России силами актов по дестабилизации политической обстановки в северокавказском регионе, новых назначений на посты губернаторов, предвыборной гонки в Государственную Думу, а затем и президентских выборов.

Роль противоречий между бюрократическими и олигархическими силами в причинном комплексе убийств по политическим мотивам должна быть всесторонне изучена. Зная причины и условия, способствующие совершению этих преступлений, и систему мер противодействия им, можно значительно повысить качество проведения избирательных кампаний, лучше защитить кандидатов в депутаты, президенты и действующих политиков, способствовать развитию демократии в государстве, законности, гласности, гражданского общества и в целом становлению правового государства.

Указанные соображения о воспроизводстве убийств по политическим мотивам носят гипотетический характер, нами предполагается их проверить и уточнить на основании обобщения анализа продукции печатных изданий, опроса различных категорий граждан, а также изучения действующего законодательства. Исследованию подвергнется совокупность общественных отношений в области противодействия совершению убийств по политическим мотивам. Объект

---

³⁴⁸ Там же. — С. 200.

намеченного исследования включает в себя: убийства в политической сфере как составную часть политической преступности в целом, а также уголовное и иное законодательство, которое применяется или может быть применено при противодействии воспроизводству убийств в политической сфере. Предмет нашего исследования представляет собой собственно убийства в политической сфере, как явление, отражающее свойство политической сферы воспроизводить преступления.

Предполагается разработка классификации и типологии убийств в политической сфере, анализ характеристик лиц, совершающих эти убийства, причин и условий этих преступлений, а также выявление соответствия действующего уголовного законодательства задачам противодействия совершению политических убийств.

Преступная деятельность мировой олигархии по ослаблению военной мощи, политического влияния и общей экономической зависимости российского государства от стран Запада не приостанавливается ни на минуту. Оказывается постоянное деструктивное воздействие на общественно-политические и социальные процессы. Деятельность меняет направление воздействия от одних лиц, представляющих её интересы в российской политической, экономической или общественной жизни, к другим, но вектор отрицательной силы с каждым днём всё явственнее проявляется практически во всех сферах нашей жизнедеятельности. Данная тщательно скрываемая деятельность негласных представителей западной экономической и политической элиты носит ярко выраженный антирусский характер. Выражение и лоббирование интересов западных государств, часто выходящее за рамки закона, противоречит интересам России, снижает защищённость жизненно важных интересов общества и государства от внутренних и внешних угроз, то есть является предательством по отношению к своей стране в целях получения собственной финансовой или иной выгоды.

Ещё более усугубляет положение то обстоятельство, что не только граждане России представляют интересы Запада. О многочисленных фактах шпионажа известно не понаслышке.³⁴⁹ Сам собой напрашивается вывод: чтобы Западу быть сильным, необходимо ослабить Россию. Сила сильного (государства) определяется слабостью слабого (народа).³⁵⁰

Для политической криминологии важно понятие «предательство» в широком смысле слова, которое не закреплено и, по-видимому, не может быть закреплено в уголовном законодательстве. Но вспомним, что преступление в криминологическом смысле — это виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотнositельно к признанию его в качестве такового законом.³⁵¹ Вред, причинённый российскому государству предательскими по своему характеру деяниями, представляет значительную опасность для общества и государства. С позиций политической криминологии

³⁴⁹ См.: ФСБ раскрыла группу британских шпионов-дипломатов.

<http://www.newsru.com/russia/23jan2006/britains.html>. УФСБ по Саратовской области известно пресечь факт шпионажа. <http://www.fsb.ru/smi/ufsb/2003/030520-5.html>.

³⁵⁰ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. — СПб., 2006. — С. 44.

³⁵¹ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — С. 406.

можно говорить об измене интересам России и предательстве своего государства независимо от того, подпадает ли данная деятельность под состав преступления, предусмотренный статьёй 275 УК РФ «государственная измена».

Вместе с тем в последние десятилетия в отношении России совершается немало деяний, образующих состав преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ: шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации. В качестве примеров можно привести обвинение в государственной измене учёного Валентина Данилова,³⁵² сотрудника Института США и Канады Игоря Сутягина,³⁵³ журналиста газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» капитана 2 ранга Григория Пасько.³⁵⁴

Шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации — эти деяния в последнее время нередко сопряжены с убийствами по политическим мотивам, которые обеспечивают прикрытие предательской деятельности. Достаточно вспомнить, что не так давно комитет Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны рассмотрел вопрос о ходе выполнения «Соглашения между правительством РФ и правительством США об использовании высокообогащенного урана, извлечённого из ядерного оружия». Такое официальное название имеет событие, известное, как «урановая сделка». Упомянутое соглашение было подписано правительством Черномырдина 18 февраля 1993 года, и в соответствии с ним устанавливалась передача в США не менее 500 тонн российского оружейного урана якобы для использования в качестве топлива для АЭС. За эти 500 тонн урана Россия должна получить 11,9 млрд. долларов США. На наш взгляд, соглашение имеет признаки состава ст. 275 УК РФ.

Объектом государственной измены является внешняя безопасность Российской Федерации как государства. Под ней следует понимать состояние защищённости жизненно важных интересов государства, т. е. конституционного строя, суверенитета, обороноспособности и территориальной неприкосновенности РФ от внешних угроз. Поясним, что передача 500 тонн урана фактически посягает на обороноспособность России, лишая её ядерного паритета.

В перечень деяний, образующих объективную сторону состава государственной измены, помимо шпионажа, выдачи государственной тайны входит и «иное оказание враждебной помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации». Заключение и реализация «урановой сделки» является оказанием такой помощи.

---

³⁵² См.: Данилова осудили на 14 лет. // <http://www.rg.ru/2004/11/25/danilov.html>

³⁵³ См.: Учёный Игорь Сутягин приговорен к 15 годам лишения свободы по обвинению в шпионаже. // http://www.newsru.com/russia/07apr2004/15years_print.html

³⁵⁴ См.: Журналисту Пасько дали четыре года. // <http://www.kp.ru/daily/22461/14391/>

В июне 1996 года на железнодорожных путях был обнаружен разрезанный поездом труп Нуреева, главного государственного инспектора по ядерной и радиационной безопасности. Он вместе с физиком-ядерщиком Львом Максимовым пытался поднять вопрос об «урановой сделке». Вероятно, страх за свою дальнейшую государственную и общественную деятельность побуждает лиц, принявших непосредственное участие в операции по преступной передаче российской стороной США оружейного урана и преступному строительству хранилища делящихся материалов производственного объединения «Маяк»,³⁵⁵ устранить лиц, осведомлённых или по роду деятельности знающих о механизме и процессах незаконной, предательской сделки.

В 1998 году убит генерал Рохлин. По обвинению в его убийстве осуждена жена Рохлина, которая виновной себя не признала. Экспертами в области семейной криминологии на основании информации, распространённой о данном деле в прессе, высказано суждение, согласно которому обстоятельства, предшествовавшие данному преступлению, не характерны для супружеского убийства, они вызывают сомнения в выводах суда.³⁵⁶

Рохлин — первый из крупных государственных политиков, кто не только обратил должное внимание на «урановую сделку», но и начал собственное расследование. Наиболее вероятной кажется версия убийства генерала Рохлина с целью прекращения его политической деятельности. Это был человек, который, не боясь, в открытую говорил о коррумпированности политической элиты. Оглашаемые им сведения и проводимые расследования, попытки добиться аудиенции у президента РФ — всё это вместе взятое, вероятно, создавало угрозу раскрытия преступных махинаций многих крупных государственных чиновников.

Максимов проходил одним из свидетелей по делу об убийстве Л. Рохлина.³⁵⁷ 17 июля 1999 года совершается покушение на убийство самого Максимова. Он чудом остался жив. В ноябре 1999 года Совет Федерации принимает решение заслушать вопрос об «урановой сделке», а в январе 2000 года ещё одна неожиданная смерть — на подмосковной даче в результате «несчастливого случая» погибает бывший первый заместитель министра Минатома Александр Белосохов, возглавлявший в 1994 году Новосибирский завод химконцентратов.³⁵⁸ Он был одним из соучастников «урановой сделки», который мог разгласить сведения, обнажающие транснациональную коррупцию российской политической элиты. Можно предположить, что несчастный случай — лишь ширма. Данное скрытое убийство является крайней формой проявления политической коррупции с участием транснациональных компаний, выразивше-

---

³⁵⁵ См.: <http://nuclearno.ru/text.asp?11675> Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину по вопросу Федерального Хранилища делящихся материалов (ХДМ) на производственном объединении «Маяк».

³⁵⁶ Шестаков Д. А. Жена генерала Рохлина не подходит на роль убийцы: Интервью Елене Харламовой // Час пик. 1998. — 14 авг. — С. 4; 7.

³⁵⁷ Заподинская Е. Лев Рохлин убит безотягающих обстоятельств // Коммерсант. — 2000. — 5 мая.

³⁵⁸ Попова Н. Смерть капитана Няго // Аргументы недели. — 2007. — 28 ноября.

еся в убийстве по политическим мотивам. На должность первого заместителя министра Белосохов, видимо, был назначен в качестве «благодарности» за оказанную помощь при проведении урановой сделки. Недопущение возможной огласки и раскрытие политически значимых сведений послужило причиной для физического устранения бывшего агента.

Зампредседателя Комитета по безопасности Госдумы и журналист Юрий Щекочихин умер в 2003 году.³⁵⁹ Официальная причина смерти на тот момент — аллергический синдром, вызвавший отек мозга. Однако коллеги Щекочихина — работавшие с ним журналисты — долго не могли согласиться с этим диагнозом, утверждая, что отек мозга мог быть вызван сильнодействующим химическим веществом. В 2003 году после проверки по факту гибели депутата Генпрокуратура так и не ответила на вопрос, чем был вызван отек. А родственникам долгое время не выдавалось свидетельство о его смерти.

Коллеги журналиста не сомневаются, что Юрий Щекочихин был отравлен. Ведь фамилии продавцов «российского достояния» из списка Рохлина фигурировали и в другом списке — депутата Госдумы, заместителя председателя Комитета по безопасности ГД Юрия Щекочихина.

29 октября 2007 года стало известно, что Следственный комитет собирается изучить историю болезни журналиста и другие документы, хранящиеся в Центральной клинической больнице. Также будут опрошены все коллеги Щекочихина и его родственники. Возможно, по окончании этих процедур будет возбуждено уголовное дело по факту убийства депутата. Не вооружённым взглядом видно убийство, совершённое под прикрытием болезни, вызвавшей смерть депутата — журналиста.

Смерть Щекочихина выгодна тем, чью незаконную деятельность выявил и огласил перед общественностью и даже президентом Щекочихин: в первую очередь речь идёт о деятельности бывшего министра Минатома Адамова и его чиновников в махинациях с атомным достоянием России и вращающимися от продажи радиоактивных материалов денежных средств.³⁶⁰ Ожидаемой реакции на обличительные материалы в коррупции и, по сути государственной измене руководства Минатома и других, связанных с ними государственных чиновников, от Президента и его Администрации не последовало. Преступники на свободе, а депутат скончался от странной болезни, так похожей на ту, что стала причиной смерти Александра Литвиненко. По всей видимости, оба устранены.

Перед политической криминологией стоит сложная задача исследовать убийства как инструмент сегодняшней политики.

---

³⁵⁹ Умер правозащитник и публицист Юрий Щекочихин
// <http://www.lenta.ru/russia/2003/07/03/schekochikhin>

³⁶⁰ Пресс-конференция С. Ковалева, Ю. Щекочихина, С. Митрохина и др. Коррупция в высшем руководстве Минатома и ввоз радиоактивных материалов в Россию из-за рубежа.
// http://www.yabloko.ru/Publ/2001/2001_3/010326_press_oyt.html

И. А. Носкова*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

Тема предательства довольно популярна на телеканалах и в прессе как одна из актуальных и общественно значимых.

По телеканалам российского телевидения транслируется огромное количество фильмов, сюжеты которых основываются на предательстве. Это и всем известные нам фильмы «Москва слезам не верит», «Служебный роман», «Династия» и многие другие. Кроме того, в самом заголовке фильма часто присутствует слово «предательство» — это «Ложь и предательство», «Любовь и предательство», «Предательство», «Предательство за предательством».

В информационных программах тема предательства в большей степени фигурирует в политической тематике. По мнению Ивана Бокго, такая тематика подается в средствах массовой информации «не как тема предательства, а как героическое деяние во имя государства».

Больше всего статей на тему предательства в настоящее время печатается в отношении политиков Украины. Названия статей говорят сами за себя — «Антология предательства»,³⁶¹ «О предательстве»,³⁶² «Партию регионов уличили в предательстве»³⁶³ и многие другие.

Предавать и переживать предательство можно по-разному. Согласно словарям, «предать» означает «перестать быть верным кому-то или чему-то, покинуть или сдать кого-то». Николай Петухов под предателями понимает лиц, совершивших преступления против основ конституционного строя и безопасности государства — государственную измену. За последние несколько лет средствами массовой информации было освещено множество таких предательств, одними из самых громких были дела бывшего советского офицера Резуна и бывшего военного моряка капитана первого ранга Никитина. Предательство Резуна заключалось в опубликовании псевдоисторических романов под псевдонимом Виктор Суворов, в которых он обвинял СССР во всех смертных грехах, приписывал Советскому Союзу развязывание войны.³⁶⁴ В свою очередь Никитин после увольнения с военной службы в 1995 году незаконно проник в библиотеку Академии Военно-Морского Флота, выписал там из закрытых изданий ряд сведений о состоянии российского ВМФ и передал их за границу.³⁶⁵

---

* **Ирина Александровна Носкова** — адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

© И. А. Носкова, 2008

³⁶¹ *Добкин М.* // Портал ОБОЗ.ua / 23.07.2007. 00:01.

³⁶² *Бокгий И.*, народный депутат Украины, СПУ // «Сільські вісті»// cp.com.ua / 19.12.2002.

³⁶³ *Новості* // UKR.NET / 04.05.2007. 19:54.

³⁶⁴ http://www.fictionbook.ru/ru/author/isaev_alekseyi_valerievich/antisuvorovov_1_antisuvorovov_bolshaya_loj_malenkogo_chelovechka/

³⁶⁵ *Петухов Н.* Природа предательства. // «Парламентская газета (Москва)». 09.11.2000.

В. А. Лисичкин и Л. А. Шелепин в своей книге «Глобальная империя» пишут о предательстве, как об уничтожении потенциала страны, массовом обнищании населения. При этом они приводят факты глумления в средствах массовой информации над Зоей Космодемьянской, над молодогвардейцами Краснодона, над легендарным руководителем партизан Украины А. Ф. Фёдоровым, над Юлиусом Фучиком.³⁶⁶

Криминологически значимое предательство, мне кажется, имеет место и в политике некоторых отечественных СМИ, состоящей в навязывании потребителям информации стереотипа морально разложившегося российского общества, отказавшегося от традиционных норм и ценностей. Сюда можно отнести рекламируемый культ насилия, проституции, наркомании, а также транслирование фильмов с изображением совершения убийств, побоев и других насильственных действий. Сегодня в сознании большинства граждан замена, «подставы», предательства считаются нормой, в особенности у поколения выросшего и воспитываемого в период распада СССР, когда в поисках быстрой наживы люди стремились к быстрому заработку и забыли о порядочности, чести и достоинстве. От такого «морального обнищания» больше всего страдают дети. Они не знают, чему верить, так как сегодня некоторые средства массовой информации в поисках высокого рейтинга героизируют сам тип предателя. Героями сегодняшнего времени становятся персонажи таких фильмов, как «Бригада», «Бумер», «Крот», «Бандитский Петербург» и т.д.

По мнению С. Г. Кара-Мурза сцены насилия на телеэкране вызывают сильные агрессивные импульсы. При этом вид страданий жертвы насилия лишь усиливает интенсивность агрессивной реакции телезрителя.³⁶⁷ Таким образом, телевидение становится «генератором» насилия, которое выходит из экрана в жизнь. А. А. Плотников также считает, что художественные фильмы, реклама, криминальные новости, игровые и развлекательные передачи могут носить негативный характер воздействия на человека и приводить к формированию корыстной и агрессивной нравственно-правовой деформации личности, в особенности на несовершеннолетнего.³⁶⁸

На сайте телеканала РЕН ТВ в статье «Сегодняшние СМИ и метод Аллена Даллеса» сказано, что многие СМИ России делают всё возможное, чтобы развращать молодых людей, воспитывать в них презрение к честной работе, неуважение и презрение к государственной власти, к истории, культуре, достижениям и победам своей страны. Автор обосновывает эту деятельность СМИ с методом Аллена Даллеса: «Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески под-

---

³⁶⁶ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя. Серия: Великое противостояние. — М., 2001. — Глава 6. Россия как испытательный полигон. Преданные и проданные. // <http://rusfond.by.ru/Library/Imperya/t6.html>

³⁶⁷ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2000. — С. 268–269.

³⁶⁸ Плотников А. А. Влияние средств массовой информации на правонарушения несовершеннолетних: административно-дидактический аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Хабаровск, 2003. — С. 7.

держивать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу. Все это мы будем ловко и незаметно культивировать...».³⁶⁹ Специалистам в области криминологии массовой коммуникации, равно как политической криминологии, необходимо разработать стратегию противодействия криминальной и криминогенной деятельности враждебных России спецслужб.

В СМИ описываются различные виды предательства, объединённые общей целью — корыстными побуждениями. В свою очередь корысть можно объяснить «ослабленным нравственным иммунитетом», подогреваемым конкретными жизненными обстоятельствами, социальным окружением в том числе и средствами массовой информации. Поэтому необходимо вести разъяснительную работу с гражданами, направленную на оценку передаваемой СМИ информации и последующим её осмыслением и усвоением через призму своего собственного мнения и анализа максимально большего количества информации по интересующей теме.

А. В. Чураков*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ

Противоречия внутри супружеских пар, обладающие криминогенным потенциалом, оказались в поле зрения криминологов достаточно давно.³⁷⁰ На сегодняшний день сформировалась отрасль криминологии, называемая семейная криминология. В рамках этой отрасли изучаются взаимовлияние семейных противоречий и преступности, преступления, совершаемые в семье, влияние семьи на преступления несовершеннолетних и ряд других вопросов. Среди них одним из важнейших является вопрос о взаимозависимости семейного неблагополучия и преступлений, совершаемых членами семьи, нарушении процесса социализации несовершеннолетних, а порой и взрослых, проживающих в данном микросообществе.

Институт семьи, являющийся основным и необходимым элементом адаптации к обществу, переживает сегодня непростой период, который одними расценивается как кризис этого института, а другими как поиск новых форм существ-

---

³⁶⁹ Форум канала РЕН ТВ Информация, документалистика, аналитика. «Неделя» с М. Максимовской // <http://www.ren-tv.com/forum/index.php?showtopic>

* Александр Владимирович Чураков — аспирант кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© А. В. Чураков, 2008

³⁷⁰ Шестаков. Д. А. Об одном из аспектов криминогенной ситуации // Вестник Ленинградского университета. — 1976. — №11; Убийства на почве семейных конфликтов. — Л., 1981.

вования через трансформацию. В части современного мира становятся нормой формы отношений, которые на протяжении тысячелетий считались не только предосудительными, но и преступными. Таков, например, так называемый гражданский брак, который трансформировался из брака, заключённого в органах светской власти, но не освящённого религиозными процедурами, в сожительстве, которое не скреплено официальными процедурами. Следствием этих изменений стало и общее сокращение числа детей у ряда вымирающих наций, в том числе и проживающих на территории России, и снижение адаптации появляющихся на свет ко всё более ужесточающимся условиям современной жизни.

Удивляться этому не приходится, ведь ещё в 70-х годах прошлого столетия считалась непреложной истина о том, что ядро семьи составляет супружество, а брачные отношения обычно задают тон всем остальным отношениям.³⁷¹ Здесь обращает на себя внимание слово «обычно». Оно позволяет сделать вывод, так сказать, о бракоцентричности всей деятельности основной массы людей традиционного сознания, проверенного веками развития человечества. Заметим, что данная бракоцентричность подразумевает как нацеленность холостых на создание именно семьи в полном смысле этого слова, так и дальнейший примат семейных ценностей в жизни населения. А традиционно полноценной считается семья с детьми, желательна многодетная. Причём широкие слои населения в полной мере осознавали важность не только деторождения, но и социализации несовершеннолетних, что доказывается, например, существованием пословицы: «Не та мать, что родила, а та, что вырастила».

Те же мысли, по сути, высказываются и специалистами в криминологии. Так, следует признать справедливым мнение А. В. Бутузова о том, что семья, с точки зрения предъявляемых к ней обществом требований, должна максимально обеспечить приспособление её членов к условиям общественной жизни, к выполнению социальных норм, готовность занять определённое место в общественной системе, т. е. перед ней стоит задача социализации индивидов.³⁷²

Достижение данной задачи тем более важно для современной России, так как реалии нашего государства сегодня таковы, что размеры теневой экономики, уровень коррупции позволяют лицам, существующим на доходы, получаемые в данной сфере, иметь уровень материального достатка, превосходящий тот, который есть у законопослушных членов общества. Данная ситуация становится очевидной не только для профессионалов в сфере экономики и права, но и для большинства граждан нашей страны и приводит, в частности, к периодическим появлениям тревожных выводов учёных по данному вопросу в массовой печати.³⁷³

---

³⁷¹ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. — М., 1975. — С. 175.

³⁷² Бутузов А. В. Теоретические и методологические проблемы изучения семьи как института социализации // Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности / Гл. ред. И. Б. Михайловская. — М., 1981.

³⁷³ Мусин М. В плену у спрута // Аргументы и Факты. — 2007. — 5 декабря. — С. 16; Панфилова Е. Сумма от тюрьмы не спасёт? // Аргументы и Факты. — 2007. — 12 декабря. — С. 14.

Представляется, что в ситуации понижения веса традиционных инструментов противодействия преступности в современном российском обществе как раз семья и сможет воспрепятствовать формированию криминогенной направленности личности путём формирования у своих подрастающих членов примата духовных интересов над вещными, воспитания чувства ценности такого нерентабельного, на первый взгляд, института, как родственные связи, и, в дальнейшем, сможет сформировать личность, которая взвешивает свои поступки на весах не только законности, но и морали, нравственности, любви к ближнему.

При анализе воздействия на криминогенность социального института семьи в целом факторов нематериальной культуры следует признать справедливым мнение А. Н. Ильяшенко, который отмечает, что нравственность всегда противопоставит преступности, а безнравственность интенсивно продуцирует её. Если общество в целом, государство, его структуры, а также отдельные люди руководствуются идеями добра и справедливости, живут по законам нравственности, то они могут успешно противостоять криминогенному прессу экономической разрухи, социальных бедствий, других криминогенных факторов базисного, глубинного характера.³⁷⁴

Какое же влияние на антикриминогенный потенциал духовного развития человека оказывает супружеская измена? Самое негативное. Так, по данным Д. А. Шестакова, 46,2 % взрослых преступников провели детство в условиях неполной семьи, характеризующейся известным набором отрицательных влияний: от пьянства до допускаемых их родителями серьёзных правонарушений.³⁷⁵ Также возможно предположить наличие пониженного внимания к детям в семье, остающейся внешне единой, но уже поражённой супружеской изменой. Время и силы, направляемые в прочных семьях на воспитание детей и на осуществление других семейных функций, изменники тратят отчасти на удовлетворение потребностей партнёра, расходуя на то же и большую или меньшую часть своих доходов, что приводит к изъятиям в удовлетворении материальных потребностей зависимых членов семьи, зачастую особенно сурово проявляющимся в условиях низкого материального уровня жизни большинства российских семей.

По мнению ряда исследователей в перечень видов жестокого обращения с детьми в семейной сфере входит пренебрежение, которое представляет собой хроническую неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребёнка, не достигшего 18 лет, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и присмотре. Также выделяется психологическое жестокое обращение, которое подразделяется на психологическое пренебрежение — последовательную неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить ребёнку необходимую поддержку, внимание и привязанность и психологическое жестокое обращение — хронические модели поведения, такие, как унижение, оскорбление, высмеивание ребёнка.³⁷⁶ С. Л. Сибираков, установил, что корреляция с девиантным поведе-

³⁷⁴ *Ильяшенко А. Н.* Борьба с насильственной преступностью в семье. — М., 2003. — С. 134.

³⁷⁵ *Шестаков Д. А.* Семейная криминология. — СПб., 2003 — С. 139.

³⁷⁶ *Кобута М. А.* Насилие в семье: это необходимо знать для его выявления и предотвращения. — Ярославль, 2006. — С. 12–13.

нием пренебрежительного отношения к ребёнку составляет в России — 70%, в Швеции — от 40% до 60 %.³⁷⁷

Нельзя не упомянуть и о значительном возрастании в результате супружеской измены риска совершения преступлений, предусмотренных статьями 121 и 122 УК РФ (заражение венерической болезнью и вич-инфекцией), причём не только субъекта преступления, но и его законного супруга, а что касается СПИДа, то и прочих членов семьи через возможный контакт крови, например, при случайном прикосновении к бритвенному прибору или использовании предметов гигиены полости рта, принадлежащих преступнику.

Представляется целесообразным наряду с мерами по укреплению семьи, лежащими в плоскости социальной политики, такими, как усиление гарантий по занятости на рынке труда для работников из семей, нуждающихся в повышенной социальной защите, путём стимулирования создания для них рабочих мест, обеспечения работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением ими семейных обязанностей и т. д.,³⁷⁸ принять также меры психолого-воспитательного характера.

Следует регулярно проводить мероприятия по разъяснению широким слоям населения пагубности внебрачных половых связей. Так, например, регулярное информирование общества о непоправимых последствиях венерических заболеваний для физического и психического здоровья, уровне их распространённости, о состоянии здоровья лиц, занимающихся проституцией, может заставить некоторых любителей подобных форм отношений и досуга пересмотреть свои взгляды на данный вопрос и не нарушать верность супругу.

Также в рамках подобных программ следует шире освещать воздействие серьёзных семейных неурядиц, супружеской измены на эмоциональную сферу несовершеннолетних и особенно малолетних, проживающих в подверженных им семьях, приводить данные зависимости между семейным неблагополучием в родительской семье и алкоголизацией, наркотизацией, прочими негативными девиациями подростка и ребёнка.

Необходимо подчёркивать и тот факт, что колоссальный потенциал семьи по адаптации к психотравмирующим ситуациям, их преодолению фактически нивелируется семейной изменой, что приводит и к возникновению хронического стресса, перерастающего в синдром хронической усталости, да и другие заболевания, и влечёт за собой понижение эффективности профессиональной деятельности и, соответственно, её результатов, в том числе и финансовых.

Разумеется, перечень подобных мер остаётся открытым, но, начав целенаправленную работу по изменению ситуации в данной сфере сегодня, мы избежим огромных потерь в будущем.

---

³⁷⁷ *Сибиряков С. Л.* Предупреждение девиантного поведения молодёжи (методологические и прикладные проблемы: Дис... докт. юрид. наук. — М., 1998. — С. 21.

³⁷⁸ *Ильяхенко А. Н.* Борьба с насильственной преступностью в семье. — М., 2003. — С. 137–139.

Д. А. Шестаков*

ИЗМЕНА В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Измена как преступление.

Феномен измены возвращает нас к вопросу о криминологическом понимании преступления, в котором решающее значение мы придаём значительной опасности деяния, безотносительно к законодательному установлению за него уголовного наказания. По существу преступление делает преступлением заключающееся в нём зло, что в своё время дало нам повод рассматривать криминологию как учение о зле в его крайних проявлениях.³⁷⁹ Преступление — противоположность добру, благу.

Казалось бы, феномен измены бросает тень на представление о зле как о сущности преступления: что для одного зло, то для другого благо. Изменяя прежним возлюбленным, тем самым люди нередко осчастливливают возлюбленных новых.

Граждане США супруги Этель и Джулиус Розенберги, «разлюбив» Соединённые Штаты, сослужили добрую службу Советскому Союзу, передав ему ряд секретов изготовления атомной бомбы. (Казнены на электрическом стуле в 1953 году в Нью-Йорке.) Полковник Олег Владимирович Пеньковский, «разлюбив» СССР, помог Соединённым Штатам, выдав им секретные сведения о системе обороны. (Расстрелян в 1963 году в Москве.) В обоих случаях зло для одной из сверхдержав в то же время для другой из них было благом. А вообще является ли измена злом?

Не просто оценивать психологическую сторону сотрудничества с Германией, на которое в целях освобождения России от власти большевиков пошли во время второй мировой войны некоторые из белоэмигрантов. Они полагали, что, объединяясь с врагом, действуют тем не менее на благо Родине, полагали, что пусть дорогой ценой, но спасают её.

Существует подход, вообще оправдывающий измену, причём не только в половой сфере («любовь — дитя свободы»), но в широком контексте рассматривающий её как неотъемлемое свойство развивающегося мира: развитие, изменение, измена... В первые годы советской власти в России проводилась идеология, направленная на измену русским, российским традициям и идеалам. Символически это нашло выражение в воздвижении большевиками в городе Свяжске памятник Иуде Искариоту, олицетворяющему предательство, продажу идеалов.

В чём же состоит зло измены и, стало быть, преступность наиболее вредных её проявлений? Ответы на поставленный вопрос лежат в сферах как

---

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия).

© Д. А. Шестаков, 2008

³⁷⁹ См.: Шестаков Д. А.: 1) Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. — СПб., 2001. — С. 80; 2) Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. — СПб., 2006. — С. 19.

земного, материального, так и высокого, идеального. В низшей, материальной сфере, например в гражданско-правовых отношениях, опасность и вред измены состоят в ненадёжности, способности подвести (случай невозвращения долга, т.е. измены принятым обязательствам). В высшей, идеальной, сфере зло измены заключается в вероломстве, в отступлении от идеала. За предательством порой стоит борьба высокого и низкого.

Изменить можно только тому, чему (кому) предан. Измена соседствует с любовью, впрочем, и в саму любовь запутывается дьявольское начало. Похоже на то, что упомянутый Иуда Искариот был очень эмоциональным человеком: любовь к Идеалу (Спасителю), любовь к серебряникам, тоска по преданному Идеалу, — совсем запутался. Для меня Иуда интересен не тем, что он предатель, изменников очень много, а тем, что он всё-таки повесился. Осознал объективное зло измены?

Измена как причина.

Измена в любовной сфере в качестве фактора совершения преступлений традиционно рассматривается семейной криминологией, в связи с проблемами половой любви (вернее надо было бы говорить — половой страсти). В теоретическом плане здесь важна криминологически значимая концепция любви как процесса, включающего в себя противоречивые чувства, её формула.³⁸⁰ Естественным компонентом половой любви является ревность, выступающая во все времена и при всех властях мотивом многих ВВП (внутрисемейных насильственных преступлений). Измена, разрушающая сложившееся идеальное представление о партнёре, как показывают исследования, толкает на преступление в ситуации не только установленной, но также и предполагаемой измены — лишь в силу сомнений в верности.³⁸¹ Но обо всём этом я уже, кажется, даже слишком много сказал и написал.

Феномен измены в постлиберальной криминологии.

Вопреки многим консерваторам (намучился я с ними), в штыки воспринимающим появление в криминологии новых понятий, развитие преступности и теории требуют введения очередного термина: *постлиберальная криминология*. Речь идёт о грядущем этапе продвижения нашей научной дисциплины.

Как мной в одном интервью было уже сказано, либерализм предполагает критику власти и терпимость к мнениям. Либерально настроенные криминологи, включая автора настоящих строк, в нашей стране в семидесятые — восьмидесятые годы осуждали власть за политические преступления ленинского и сталинского терроров, за сохранение смертной казни в системе уголовных наказаний послесталинского периода, за злоупотребление лишением свободы и бесчеловечные условия его исполнения. Это было правильно и принесло некоторые положительные результаты.

---

³⁸⁰ Шестаков Д. А.: 1) Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор. Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 1977. — С. 60–63; 2) Убийства на почве семейных конфликтов. — Л., 1981. — С. 62–91; 3) Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. — СПб., 2003. — С. 48–77, 207–215.

³⁸¹ Сравн.: Степанова И. Б.: 1) Ревность: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. дис... канд. юрид. наук. — СПб., 1998; 2) Мотив ревности: проблема неосознанного // Правоведение. — 1996. — №2. — С. 78–82.

Однако, начиная с девяностых годов, ситуация в мире изменилась. Мир получил новую, глобальную, власть и новую, глобальную, преступность, значительную часть которой образует преступность этой новой глобальной пока ещё не очень удивившейся и встречающей закономерное сопротивление планетарной власти. Понятно, что я имею в виду власть транснациональных корпораций. Но почему-то многие из криминологов-либералов, не только и не столько в нашей России, сколько за её рубежами забывают о своём кредо — спорить с властью, занявшей теперь уже надгосударственное положение. Почему-то они не всегда проявляют терпимость к инакомыслию, в особенности, если оно направлено на защиту независимого, сильного положения российского государства.³⁸²

Характерной чертой постлиберального этапа криминологии должны стать дальнейшие исследования внешней государственной и надгосударственной олигархической преступности (С. У. Дикаев, П. А. Кабанов, Д. А. Шестаков и др.):³⁸³ агрессивные войны, геноцид, пособничество раздроблению государств, вмешательство в политическую жизнь суверенных государств, оказание влияние на выборы в органы государственной власти, подстрекательство соседних с Россией государств к недружественным действиям в отношении неё, взятие под контроль мировых сырьевых ресурсов и т.д. В задачи политической криминологии входит определение новых форм порой не криминализированного и с трудом поддающегося криминализации глобального зла, а также механизмов его сотворения. К числу таких механизмов относится инициирование измены России как духовной ценности россиян: разрушение в их сознании понимания огромных результатов исторического развития страны, её роли в балансе мировых сил, формирование идеологии антируссизма, к чему призывают А. Даллес, Э. Бжезинский и многие другие проводники противороссийской политики.

На постлиберальном этапе в связи с криминологическим осмыслением измены как инструмента проведения преступной политики ожидается внесение предложений по противодействию глобальной преступной политике. Эти предложения должны касаться средств массовой коммуникации, образовательных программ и, конечно, законодательства. Некоторые новеллы для уголовного права нами уже сформулированы.³⁸⁴

---

³⁸² См.: Шестаков Д. А. Выступление на семинаре Санкт-Петербургского криминологического клуба «Криминология закона» от 2-3.03.2007 // *Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба* // www.criminology.narod.ru/history.html; *Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба* // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1(10). С. 238–239.

³⁸³ Шестаков Д. А. Развитие криминологической науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге (вторая половина XX — начало XXI века). Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Масловой Эллы Витальевны // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008, № 2 (15). — *В печати*.

³⁸⁴ Шестаков Д. А. Противодействие глобальному злу как предмет общей криминологической теории // XX Международный балтийский криминологический семинар. — СПб., 2007. — С. 47.

Наиболее значимые положения, сформулированные на семинаре об измене.

Среди высказанных на семинаре суждений я бы хотел особо выделить в качестве заслуживающих дальнейшего обсуждения и развития нижеследующие.

В. Г. Шарыгин: «Как бы мы отнеслись к тому, если бы знаменитый опломбированный вагон с Лениным, и иже с ним, прибыл бы из Германии не в 1917 году во время первой мировой, а, скажем, в 1944 или в начале 1945 года?»

В. А. Бачинин: «Если государство и его правительство в своих главных предприятиях следуют заповедям Бога, то христианин с готовностью выполняет их требования. Если же государство демонстрирует позицию богоотступничества или тем более, богоборчества, то христианин, хранящий верность Богу, не может следовать за таким правительством. Библия требует не участвовать в делах тьмы».

И. А. Носкова: «Метод Алена Даллеса: “Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу. Все это мы будем ловко и незаметно культивировать...” Специалистам в области криминологии массовой коммуникации, равно как политической криминологии, необходимо разработать стратегию противодействия криминальной и криминогенной деятельности враждебных России спецслужб».

А. В. Чураков: «...следует освещать воздействие серьёзных семейных неурядиц, супружеской измены на эмоциональную сферу несовершеннолетних и особенно малолетних, проживающих в подверженных им семьях, приводить данные зависимости между семейным неблагополучием в родительской семье и алкоголизацией, наркотизацией, прочими негативными девиациями подростка и ребёнка».

А. П. Данилов: «Выражение и лоббирование интересов западных государств, часто выходящее за рамки закона, противоречит интересам России, снижает защищённость жизненно важных интересов общества и государства от внутренних и внешних угроз, то есть по существу является предательством по отношению к своей стране в целях получения собственной финансовой или иной выгоды».

А. М. Сысоев*

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По своей сущности экстремизм — это многоаспектное, имеющее разнообразные формы явление, воспринимаемое в обществе с различных позиций, но в любом случае небезосновательно утверждение, что «он является олицетворением определённого рода негативных проявлений, имеющих целью породить у членов мирового сообщества сомнения в возможности поддержания стабильности в мире на принципах демократии, уважения прав и свобод человека».²³¹

«Экстремизм есть проявление поведенческой активности человека, а всякое её проявление априорно детерминировано психической структурой личности. Именно поэтому, нарушение психической структурой личности — деструктивность, является, наряду с социально-политическими и экономическими, важнейшим фактором экстремизма».²³²

Криминологические аспекты экстремизма, под которым понимается приращенность крайним взглядам и мерам в общественном бытии и сознании, изучены слабо. Между тем это явление, как своего рода антипод упорядоченной, стабильной, спокойной жизни общества, безусловно, относится к разряду социально негативных и уже в этом качестве представляет интерес для исследователей. Экстремизм предстает перед нами, с одной стороны, как социальный феномен, с другой стороны — это определённая деятельность, которая проявляется в социальной действительности в виде определённых действий.

Как отмечает В. А. Бурковская, «экстремизм — это не только система взглядов, но и совокупность действий, направленных на их реализацию. В том случае, если они сопряжены с посягательствами на общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закон, экстремизм становится криминальным».²³³

Р. М. Узденов, отталкиваясь от энциклопедического определения экстремизма, делает вывод, что идеология экстремистов предусматривает некий тип девиантного поведения, определяемого как поведение, не соответствующее сложившимся в определенной сфере общества (общества в целом) нормам и ценностям. Следовательно, делает вывод автор, логично предположить, что

---

* Александр Михайлович Сысоев — кандидат психологических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России (Вологда, Россия).

© А. М. Сысоев, 2008

²³¹ Залужный А.Г. Правовые гарантии противодействия экстремистской деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни // Закон и право. — 2002. — № 9. — С. 29.

²³² Храпов С.А. Деструктивность как фактор экстремизма // Экстремизм как социально-философское явление. — Орёл, 2007. — С. 15.

²³³ Бурковская В.А. К вопросу о формах криминального экстремизма в российском законодательстве // «Чёрные дыры» российского законодательства. — 2005. — № 1. — С. 107.

целью экстремистов будет являться изменение существующего положения вещей. Этот существующий порядок, отрицаемый экстремистами, представляющий собой общественные отношения, обеспечивающие реализацию основ конституционного строя как исходного принципа существования личности, экономических отношений, общественного и государственного строя.²³⁴

Всякая деятельность имеет свою психологическую структуру. Согласно базовой схеме А. Леонтьева, любая деятельность имеет трёхчленное строение. Деятельности в целом соответствует мотив — предмет потребности человека, на удовлетворение которой направлена деятельность. Мотив как предмет, удовлетворяющий потребность, обладает двумя функциями. Во-первых, это побудительная функция, побуждающая человека к данной деятельности. Во-вторых, смыслообразующая функция, придающая данной деятельности особый личностный смысл.

Деятельность состоит из действий, каждое из которых направлено на достижение целей. Обычно достижение мотива всей деятельности складывается из реализации промежуточных целей. Действия, в свою очередь, складываются из отдельных операций. Операция — первичная единица деятельности. Это задача, данная в определенных условиях. Решая такие задачи, человек совершает действие. За счет осуществления цепочки действий достигается мотив, то есть осуществляется определенная деятельность в попытке реализовать запланированную цель.

Центральное место при определении сущности экстремизма занимает ксенофобия, которая представляет собой чувство неприязни, ненависти, нетерпимости к инородному, чужому и непонятному. Ксенофобия проявляется в идее целого спектра отрицательных чувств — собственного превосходства, агрессии, зависти или страха. Примерами ксенофобии выступают: русофобия, предвзятое отношение к кавказцам, юдофобия и т.п.

А.Р. Ратинов, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова определяют ксенофобию как негативное, эмоциональное окрашенное, иррациональное по своей природе (но прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение субъекта к определённым человеческим общностям и их отдельным представителям — «чужакам», «иным», «не нашим». Результатом подобного отношения в социально-перцептивном плане выступает формирование в сознании индивида устойчивого «образа врага». Таким образом, ксенофобия — это внутреннее, интрапсихическое образование. Но она может проявляться и вовне, определяя широкий спектр форм поведения индивида по отношению к объектам ксенофобии.²³⁵

Как отмечает Е.Н. Юрасова: «Первое, что можно выделить общего в описании ксенофобов, это резкое противопоставление себя и другого. Человек другой национальности воспринимается как отличающийся по поведению, чув-

---

²³⁴ Узденов Р.М. К вопросу об определении объекта преступных проявлений экстремизма // «Чёрные дыры» российского законодательства. — 2007. — № 2. — С. 465.

²³⁵ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. — М., 2005. — С. 7.

твам, личностным характеристикам, жизненным ценностям, внешнему виду, даже если объективные факты свидетельствуют об обратном. Второе — факт отличия расценивается как отрицательная характеристика. Такая оценка возникает тогда, когда отличие воспринимается как таящее угрозу. Таким образом, можно предположить, что центральным психологическим переживанием при ксенофобии является страх перед чем-то непохожим, неизвестным, неопределённым (как это и следует из определения). Поэтому ксенофобию можно рассматривать как низкую устойчивость к неопределённости».²⁵⁴

Если рассматривать данное положение в качестве основы, становится понятно, что устойчивость к неопределённости будет порождать связанные с ним вполне определённые социально-негативные качества и в первую очередь нетерпимость к любым отличиям.

Низкая устойчивость к неопределённости должна рождать тревогу в любой неопределённой ситуации, поэтому ксенофобы должны обладать жёсткой внутренней системой оценок и правил и стремлением всегда поступать в соответствии с ними. В когнитивной сфере этому соответствует полярность в мышлении. Полярность будет распространяться также на аффективную сферу в целом: положительное отношение превращается в восхищение, фанатизм, вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью, отрицательное — в ненависть и агрессию, вплоть до готовности лишить жизни другого.²⁵⁶

Отсюда мы можем исходить, что экстремистская деятельность — это совокупность действий, в основе мотивации которых лежит желание причинения вреда на основании ненависти по расово-этническим, национальным, религиозным или социальным признакам с проявлением различных форм насилия (физического или/и психического).

---

²⁵⁶ Юрасова Е.Н. Психология формирования ксенофобии // Юридическая психология. — 2006. — № 4. — С. 20.

Ю. С. Апухтин*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Замещение функций государства организациями гражданского общества (т. н. аутсорсинг) является одной из тенденций развития современного мира. Наиболее заметна эта тенденция на примере США — за последние 5 лет расходы правительства США на оплату услуг т. н. «четвёртой ветви власти» (т. е. частных компаний)³⁸⁵ возросли с 207 млрд. долларов США в 2000 году до 400 млрд. долларов США в 2006 году.³⁸⁶ Не является исключением и сфера военных/околовоенных услуг, где на протяжении последних 10 лет активно действуют частные военные компании, годовой оборот которых составляет около 100 млрд. долларов США.³⁸⁷

Частные военные компании (далее — ЧВК) представляют собой коммерческие организации, созданные для извлечения прибыли путём оказания на основе договоров и в рамках действующего законодательства услуг военного и околвоенного характера (в т.ч. обучение, экипировка персонала, сбор, обработка и анализ разведывательных данных, участие в боевых действиях, охрана стратегических объектов и др.), действующие преимущественно за пределами страны происхождения, и сотрудники которых не являются государственными служащими. Основными странами, на территории которых зарегистрированы ЧВК, являются США (более 20 ЧВК), Великобритания (более 14 ЧВК) и ЮАР (более 5 ЧВК).³⁸⁸

В настоящее время деятельность ЧВК приобрела большой масштаб. По мнению некоторых официальных лиц правительства США, взятые вместе ЧВК представляют собой самую большую охранную организацию в мире.³⁸⁹

Реалии сегодняшнего дня таковы, что, например, армия США настолько зависит от ЧВК, что не может отказаться от услуг ЧВК, так как не сможет заменить их на ряде направлений деятельности военнослужащими.³⁹⁰

---

* **Юрий Станиславович Апухтин** — аспирант кафедры уголовного права РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© Ю. С. Апухтин, 2008

³⁸⁵ *Scott S., Ron N.* U.S. contractors becoming a fourth branch of government // *International Herald Tribune*. — 2007. — February 4. <http://www.iht.com/articles/2007/02/04/america/web.0204contract.php>.

³⁸⁶ *Scott S., Ron N.* In Washington, Contractors Take on Biggest Role Ever // *New York Times*. — 2007. — February 4. http://www.nytimes.com/2007/02/04/washington/04contract.html?_r=2&oref=slogin.

³⁸⁷ *Holmqvist C.* Private Security Companies. The Case for Regulation. SIPRI Policy Paper, No. 9, January 2005. Army, Inc. // *Washington Profile*. — 2004. — 8 March. — № 1. — P. 43. <http://www.washprofile.org/ru/node/2009>.

³⁸⁸ *List of Private Military Companies.* International Consortium of Investigative Journalists. http://www.publicintegrity.org/docs/bow/bow_companies.xls.

³⁸⁹ *Dana P., Pat F. M.* Iraq: Security Firms Form World's Largest Private 'Army' // *Washington Post*. — 2004. — 8 April.

³⁹⁰ *Brian W.* Winning The War // *Forbes*. — 2007. — 2 February. http://www.forbes.com/business/2007/02/07/contractors-iraq-pentagon-biz-wash-cx_bw_0208contractors.html.

Самым ярким подтверждением этому является деятельность ЧВК в Ираке. Военная кампания «Иракская свобода» (март 2003 г. — фактически по настоящее время) по вторжению войск США в Ирак была бы невозможна без участия ЧВК — в общей сложности на территории Ирака одновременно действовало до 35 000 сотрудников более чем 60 ЧВК,³⁹¹ а по данным ООН — от 30 000 до 50 000 сотрудников ЧВК.³⁹² Если во время операции «Буря в пустыне» (январь-апрель 1991 г.) на каждые сто солдат регулярной армии США приходился всего один сотрудник ЧВК, то в 2003 г. это соотношение составило 10 сотрудников ЧВК на сто солдат регулярной армии. Общая сумма затрат на услуги со стороны ЧВК превысила 1 млрд. долларов США,³⁹³ а из каждого доллара США, выделенного на восстановление Ирака, примерно 25 — 30 центов США приходится на услуги ЧВК.³⁹⁴

Своей деятельностью в Ираке ЧВК оказывали содействие операционной деятельности войск США, предоставляли услуги по защите должностных лиц США и нового правительства Ирака, обеспечению безопасности зданий и сооружений (как военного назначения, так и мирного), охране транспортных колонн и перемещаемых грузов. Так, например, ЧВК обеспечивали работоспособность компьютерной системы Единого центра воздушных операций, эксплуатацию беспилотных разведывательных аппаратов, системы контроля и управления ракетными системами, систем связи, обучали полицию и армию Ирака, собирали информацию разведывательного характера.³⁹⁵

За время своего пребывания на территории Ирака ЧВК и их сотрудники не раз попадали на первые полосы газет и новостные выпуски телеканалов. Наиболее яркими примерами скандальной деятельности ЧВК в Ираке являются многочисленные случаи стрельбы и убийства мирного населения,³⁹⁶ нападение на сотрудников ЧВК в г. Фаллудже³⁹⁷ и скандал в тюрьме Абу-Грейб.³⁹⁸

---

³⁹¹ *Isenberg D.* A Fistful of Contractors: The Case for a Pragmatic Assessment of Private Military Companies in Iraq. BASIC Research Report 2004.4, September 2004. — P. 28 — 29.

³⁹² *Mercenaries* are second largest force in Iraq: UN official // AFP News brief. — 2007. — February 3. http://news.yahoo.com/s/afp/20070203/wl_mideast_afp/peruiraqmilitary.

³⁹³ *Borenstein S.* Insurance, security prove costly for contractors in Iraq // Knight-Ridder/Tribune News Service. — 2004. — April 1.

³⁹⁴ *Hearing of the National Security, Emerging Threats and International Relations Subcommittee of the House Government Reform Committee.* Representative Christopher Shays, Chair. — June 13, 2006.

³⁹⁵ См., напр.: *Isenberg D.* A government in search of cover: PMCs in Iraq. British-American Security Information Council. www.basicint.org/pubs/Papers/pmcs0603.pdf.

³⁹⁶ *Jay P.* Blackwater admits shooting: Operative killed Iraqi worker // News & Observer. — 2007. — February 8. <http://www.newsobserver.com/505/story/540721.html>.

³⁹⁷ *House oversight and government reform committee hearing.* Rep. Henry A. Waxman holds a hearing on Iraq private contractor oversight. — 2007. — February 7. <http://oversight.house.gov/story.asp?ID=1163>.

³⁹⁸ *Eric F.* An Iraq Interrogator's Nightmare // Washington Post. — 2007. — February 9. — P. A19. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/02/08/AR2007020801680.html>. Beaumont P. Abu Ghraib abuse firms are rewarded as prison ringleader awaits sentence, defence contractors win multi-million Pentagon contracts // The Observer. — 2005. — January 16. <http://observer.guardian.co.uk/international/story/0,6903,1391431,00.html>.

Тем не менее, по заявлению командующего войсками в Ираке генерал-лейтенанта Дэвида Х. Петреуса он видит постоянное место для тысяч сотрудников ЧВК в условиях ограниченности военного контингента США в Ираке.³⁹⁹

Как показывает новейшая история, с использованием ЧВК нарушаются права человека,⁴⁰⁰ совершаются преступления против мира и безопасности человечества: наёмничество (Ангола, Хорватия), участие в агрессивной войне, агрессии (Хорватия, Босния, Ирак), геноцид (Хорватия, Босния)⁴⁰¹ и военные преступления как они определены в ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда⁴⁰² (такие как умышленное убийство, умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, умышленные нападения на гражданские объекты и другие).

При этом в большинстве известных нам случаев предполагаемого совершения преступлений адекватного наказания за совершенные ЧВК преступления не последовало, так как, по нашему мнению, уголовное преследование сотрудников ЧВК является в настоящее время исключением из общего правила, которое гласит — ЧВК могут действовать без оглядки на уголовный закон и могут не бояться быть наказанными.⁴⁰³

В крайнем случае, государство, на территории которого зарегистрирована ЧВК, будет иметь интерес в расследовании противоправных деяний исключительно в области экономической или фискальной деятельности ЧВК (неуплата налогов, мошенничество с бюджетными средствами) и не более того. При этом поступки ЧВК в других областях будут оставлены без внимания. И действительно, на практике государства, на территории которых зарегистрированы и/или по заказу которых действуют ЧВК, преследуют ЧВК и их сотрудников исключительно за случаи мошенничества с бюджетными средствами, которые были выделены ЧВК для осуществления деятельности по тому или иному контракту,⁴⁰⁴ а также за случаи взя-

---

³⁹⁹ Pincus W. Security Contracts to Continue in Iraq. New Top Commander Counts Hired Guards Among His Assets // Washington Post. — 2007. — February 4. — P. A19.

⁴⁰⁰ Hastings M. We must fight our instinctive distaste for mercenaries // Guardian. — 2006. — 2 August.

⁴⁰¹ Шестаков Д.А. Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2006. — №1 (10). — С. 228–229.

⁴⁰² Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. A/CONF. 183/9. Russian.

⁴⁰³ См., напр.: Fidler S., Sevastopulo D. Civilian workers could face US courts martial // Financial Times. — 2007. — January 10. — P. 6.

⁴⁰⁴ См., напр.: Robberson T. DynCorp faulted for Iraq spending // The Dallas Morning News. — 2007. — January 31. <http://www.dallasnews.com/sharedcontent/dws/news/world/stories/013107dnintdyncorp.1ce0a5f.html>; Investigators find that millions of dollars wasted in Iraq reconstruction aid // The Associated Press. — 2007. — January 31. <http://www.ihf.com/articles/ap/2007/01/31/america/NA-GEN-US-Iraq-Reconstruction-Waste.php>.

точничества.⁴⁰⁵ И даже в этом случае суды зачастую предъявляют такие требования к доказательствам, подтверждающим мошенничество со стороны ЧВК, которые делают практически невозможным привлечение ЧВК и их сотрудников к ответственности.⁴⁰⁶

Представляется, что необходимость четкой регламентации деятельности ЧВК уже осознана как международным сообществом,⁴⁰⁷ так и самими ЧВК, крупнейшие из которых выступают за скорейшее создание нормативов поведения ЧВК и даже создали собственный Кодекс поведения.⁴⁰⁸

Инициативы ЧВК можно только приветствовать, однако, по нашему мнению, не представляется возможным и допустимым предоставить вопрос регламентации деятельности ЧВК на исключительное усмотрение самих ЧВК. Полагаем, что в целях противодействия преступности ЧВК необходима разработка и внедрение системы регулирования деятельности ЧВК, которая определяла бы правовой статус ЧВК, включала бы в себя установленные на международном уровне минимальные стандарты деятельности ЧВК, в т. ч. механизмы обеспечения подотчетности и подконтрольности деятельности ЧВК, предусматривала определённую криминализацию деятельности ЧВК и введение комплексной международной правовой ответственности за деяния ЧВК.

Для того чтобы перейти к изложению наших предложений, необходимо определиться с тем, какими международными документами может регулироваться ответственность ЧВК, каково текущее правовое положение ЧВК и чем они являются в соответствии с действующим международным правом.

Основным документом, регулирующим ответственность наёмников и ЧВК на международном уровне, была призвана стать международная Конвенция ООН по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников (далее — Конвенция по борьбе с наёмничеством), которая была принята 4 декабря 1989 года.⁴⁰⁹ Однако она не вызвала особого интереса у мирового сообщества и вступила в силу лишь 20 октября 2001 года. Большинство государств не стало участниками Конвенции по борьбе с наёмничеством, в т. ч.

---

⁴⁰⁵ Tomasko C. Army Official, Contractor Convicted of Bribery.

http://news.findlaw.com/andrews/bf/gov/20070108/20070108_harvery.html; Witte Griff. U.S. Contractor Admits Bribery For Jobs in Iraq // Washington Post. — 2006. — April 19. — P. D01.

<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/18/AR2006041801742.html>;

Heilprin J. Army Probes War Contractor Fraud // The Guardian. — 2007. — January 28.

<http://www.guardian.co.uk/uslatest/story/0,-6376092,00.html>.

⁴⁰⁶ Hedgpeth D. Judge Clears Contractor of Fraud in Iraq // Washington Post. — 2007. — February 9. — P. D1.

<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/02/08/AR2007020801871.html>.

⁴⁰⁷ Commission on Human Rights resolution 2005/2. 7 April 2005. E/2005/23 (Part I), chap. II.A. http://ap.ohchr.org/documents/E/CHR/resolutions/E-CN_4-RES-2005-2.doc.

⁴⁰⁸ IPOA code of conduct. International Peace Operations Association. December 1, 2006.

http://ipoaonline.org/php/index.php?option=com_content&task=view&id=100&Itemid=108.

⁴⁰⁹ Действующее международное право. Т. 2. — М., 1997. Конвенция вступила в силу 20 января 2001 г. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует.

и практически все так называемые развитые государства, в которых зарегистрировано подавляющее большинство ЧВК.

Следует признать, что попытка ограничиться определением понятия «наёмник» и приравнять ЧВК к наёмничеству оказалась неудачной — определение понятия «наёмник» является фактически неприменимым на практике, а уж ЧВК и их сотрудники тем более не подпадают под указанное определение, а понятие «частная военная компания» или его аналог в Конвенции по борьбе с наёмничеством отсутствует. Таким образом, такой важный международно-правовой документ не отразил всей сути происходящих перемен, что и стало одной из причин отсутствия интереса со стороны большинства государств в отношении Конвенции по борьбе с наёмничеством.

Принимая тот факт, что в настоящее время отсутствует международный правовой акт, оперирующий понятием «частная военная компания» (или его аналогом) и который прямо регулировал бы деятельность ЧВК, большинство исследователей данной проблематики считают, что хотя ЧВК и являются неотъемлемой частью военных операций, но их правовой статус не определён и не установлен из-за пробелов в действующем законодательстве.⁴¹⁰

По нашему мнению, с таким утверждением можно согласиться лишь частично. Действительно, на настоящий момент не существует ни одного международного правового акта, в котором содержалось бы понятие «частная военная компания». Однако это вовсе не означает, что ЧВК находятся в полном правовом вакууме. Нам представляется, что в условиях участия ЧВК в международных и немеждународных вооруженных конфликтах на действия ЧВК и их сотрудников распространяются положения действующего международного гуманитарного права.

Безусловно, отсутствие в международном праве четкого и однозначного описания ЧВК и границ дозволенного поведения ЧВК, а также отсутствие специфических мер ответственности ЧВК за совершаемые деяния, равно как и заинтересованность в использовании ЧВК со стороны мощных держав (например, США) для поддержания и защиты своих политических интересов, приводит на практике к тому, что привлечение ЧВК и их сотрудников к ответственности становится затруднительным.

В связи с этим нами предлагается внедрение системы нормативного регулирования деятельности ЧВК, которая призвана определить статус ЧВК, минимальные стандарты деятельности ЧВК, в т. ч. механизмы обеспечения прозрачности и подконтрольности деятельности ЧВК, а также предусматривает определенную криминализацию деятельности ЧВК и введение комплексной международной ответственности за деяния ЧВК.

Целью предлагаемых нами мер является, с одной стороны, обеспечение устойчивой и прогнозируемой деятельности ЧВК, предупреждение и профилактика преступности ЧВК, а с другой — недопущение выхода деятельности ЧВК за установленные правовые рамки.

---

⁴¹⁰ *Singer P. Outsourcing War // Foreign Affairs. — 2005. — March 1. <http://www.brookings.edu/views/articles/fellows/singer20050301.htm>.*

1. Необходимо определение и закрепление в международном праве понятия «частная военная компания». По нашему мнению, ЧВК представляет собой коммерческую организацию, созданную для извлечения прибыли путём оказания на основе договоров и в рамках действующего законодательства услуг военного и околвоенного характера (в т.ч. обучение, экипировка персонала, сбор, обработка и анализ разведывательных данных, участие в боевых действиях, охрана стратегических объектов и др.), действующую преимущественно за пределами страны происхождения, и сотрудники которой не являются государственными служащими.

Сотрудники ЧВК по общему правилу должны считаться комбатантами, за исключением случаев, когда их деятельность связана исключительно с вопросами мирного характера (уборка территории воинской части, приготовление пищи и т.п.). Указанное разделение в полной мере соответствует современной тенденции, когда военные в целях соблюдения принципов единоначалия и субординации предпринимают попытки подчинить действия ЧВК и их сотрудников своей воле.

2. В дополнение к определению понятия «частная военная компания» необходимо разработать и нормативно закрепить общие правила и ограничения деятельности ЧВК.

Представляется необходимым установить, что деятельность ЧВК должна быть обременена следующими ограничениями:

- по вопросам сугубо военных услуг (обслуживание вооружения, осуществление разведывательной деятельности, воинское обучение и т.п.) ЧВК имеют право работать исключительно с государствами, в отношении которых не введены международно-правовые ограничения (например, санкции) в области военного дела и безопасности, а также с международными межправительственными организациями;

- при заключении договоров на оказание услуг ЧВК должны быть обязаны в уведомительном порядке представлять договоры уполномоченному органу государственной власти страны происхождения ЧВК;

- в целях обеспечения подотчетности деятельности ЧВК заключение субподрядных договоров должно быть максимально детализировано;

- ЧВК должны быть обязаны в безусловном порядке регулярно предоставлять информацию о своей деятельности правительству страны происхождения;

- заказчик услуг ЧВК должен быть обязан осуществлять постоянный эффективный контроль за деятельностью ЧВК в процессе выполнения условий договора с ЧВК;

- для сотрудников ЧВК должно предусмотреть обязательную проверку при приеме на работу и систематическую проверку во время работы в ЧВК в целях недопущения лиц, которые ранее привлекались к уголовной ответственности, лиц, в отношении которых компетентными органами того или иного государства или международного органа выдвигались уголовные обвинения, а также лиц, страдающих различного рода психическими патологиями.

Указанные правила не должны трактоваться как ограничивающие право государств на установление дополнительных режимов регулирования деятельности частных военных компаний.

3. За несоблюдение любого из указанных ограничений деятельности частных военных компаний предлагается установление уголовной ответственности непосредственно частных военных компаний как юридических лиц.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой установление уголовной ответственности юридических лиц в международном праве принципиально возможно. Косвенно на это нам указывает как само развитие соответствующих отношений в виде лавинообразного повышения важности частных образований в международных отношениях (что уже само по себе не может игнорироваться международным правом), так и положения доктрин и документов международных органов.⁴¹¹

Несомненно, что в большинстве случаев вред, причиняемый деятельностью юридического лица, значительно превышает вред, который может быть нанесён физическим лицом.⁴¹² В случае с ЧВК это еще более очевидно — ведь нарушения международных правовых актов и совершение преступлений против мира и безопасности человечества, военных преступлений априори приводят к наиболее негативным последствиям.

Таким образом, считаем целесообразным признание ЧВК как субъектами преступлений, так и субъектами ответственности за совершение преступлений по международному уголовному праву.

По нашему мнению, необходимо установление следующих видов наказаний за совершение ЧВК преступлений:

- ликвидация (прекращение деятельности) ЧВК (устанавливается в качестве основного вида наказания);
- штраф, т. е. осуществление денежных выплат в пользу потерпевших от преступной деятельности ЧВК, а также в пользу государства, на территории которого осуществлялась подобная деятельность (устанавливается в качестве основного или дополнительного вида наказания);
- обнародование информации, т. е. обязанность ЧВК разгласить определенную информацию и доводить её до сведения всех заинтересованных лиц, в том числе поступающих на работу людей и контрагентов ЧВК (подлежит установлению в качестве дополнительного вида наказания).

Одной из специфичных особенностей деятельности ЧВК, которая может оказывать влияние на ответственность ЧВК, является их высокая мобильность, т. е. возможность перерегистрации юридического лица на других людей,

---

⁴¹¹ См., напр.: *Панов В.П.* Международное уголовное право. — М., 1997. — С. 32. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового экономического порядка. Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание. Нью-Йорк, 1992. С. 34.

⁴¹² *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. — СПб., 1998. — С. 6–9.

в другой стране, ликвидации юридического лица и регистрация нового юридического лица теми же лицами для осуществления прежней деятельности. Ярким примером этого является Тим Спайсер, который сначала возглавлял ЧВК «Сэндлайн» («Sandline»), а после того как к этой ЧВК возникли претензии и вопросы со стороны ООН в связи с подозрением в нарушении режима эмбарго в Сьерра-Леоне он основал новую ЧВК — «Аегис» («Aegis»), которая продолжила оказание услуг государствам.⁴¹³

Учитывая это, мы предлагаем установить, что в случае нарушения ЧВК обременений, установленных международным правом (в частности, предложенными нами выше), к руководителям и иным причастным сотрудникам ЧВК должно применяться в качестве основного или дополнительного наказания наказание в виде лишения права занимать руководящие и исполнительные должности в ЧВК и иных организациях, связанных с оказанием военных или околвоенных услуг, а также занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления.

4. Учитывая неразрывную связь между ЧВК и государствами, неизбежно встает вопрос о международной уголовно-правовой ответственности государства за действия ЧВК.

Нам представляется, что в тех случаях, когда ЧВК действуют строго в рамках своих прав и обязанностей, по соответствующим договорам с правительствами государств-заказчиков, то ответственность за действия ЧВК и их сотрудников несут не только сами ЧВК, но и государства, по заказу которых ЧВК осуществляют свою деятельность. Дополнительно следует отметить, что отношения, складывающиеся между ЧВК и государством при заключении контракта, являются по своей природе гражданско-правовыми отношениями, для которых традиционно важен принцип разумности и осмотрительности при выборе контрагента. В подобных случаях в соответствии со ст. 25 Римского Статута подлежит применению институт соучастия, который хорошо известен международному уголовному праву. При этом можно выделить такие виды соучастников, как руководитель, организатор, подстрекатель и пособник преступления.⁴¹⁴ При этом статус человека, в т.ч. и политический, не играет никакой роли и не влияет на наступление уголовной ответственности в силу применения положений ст. 27 Римского Статута.

Установление комплекса мер по регулированию деятельности ЧВК достигается как путем закрепления норм непосредственного действия в международном праве, так и путем внесения соответствующих изменений в национальное право конкретных государств.

Технически высказанные нами предложения могут быть осуществлены путем внесения соответствующих дополнений и изменений в Конвенцию ООН по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучени-

⁴¹³ *Spicer calls Sierra Leone affair 'ethical'* // BBC News Online. — 1998. — November 5.

⁴¹⁴ *Устав* международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Действующее международное право. Т. 3. — М., 1997. — С. 763–770.

ем наёмников (в части определения статуса ЧВК, ограничений деятельности ЧВК и ответственности ЧВК), Римский Статут Международного уголовного суда и проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (в части уголовной ответственности юридических лиц), а также разработки и принятия отдельного международного правового акта, регулирующего деятельность ЧВК.

Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает обсуждение и внесение изменений в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, а также обсуждение затронутых нами вопросов деятельности ЧВК в рамках ООН (в частности, на Конгрессе ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями). Важно помнить, что Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества является своеобразным модельным кодексом в данной области, а резолюции Конгресса ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями фактически устанавливают стандарты поведения в той или иной области отношений. Таким образом, использование этих двух способов позволит оперативно выработать примерные правила поведения для всех государств в отношении ЧВК, а также поможет ввести уголовно-правовую ответственность ЧВК в национальное законодательство стран.

Подводя итоги, мы считаем, что ЧВК, их сотрудники и государства-заказчики должны быть субъектами уголовно-правовой ответственности по международному уголовному праву и нести соответствующую ответственность за свои деяния при соблюдении определённых международным правом условий. В случае совершения преступления сотрудником ЧВК уголовное наказание может быть применено как к нему непосредственно, самой ЧВК (в виде штрафа или иного наказания), а также и к государству-заказчику ЧВК при соблюдении указанных нами выше условий.

И если уголовно-правовая ответственность государств-заказчиков является предметом для научных дискуссий и делом будущего, то уголовно-правовая ответственность самих ЧВК как юридических лиц и их сотрудников за совершение преступлений, как нам представляется, должна стать реальностью в ближайшее время.

4. ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

С.Д. Шестакова,* Д.Д. Ковтун**

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ВЫЗОВ И ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ В ЕГО ПОЛЬЗУ НА ТЕХ ЖЕ УСЛОВИЯХ, КАКИЕ СУЩЕСТВУЮТ ДЛЯ СВИДЕТЕЛЕЙ, ПОКАЗЫВАЮЩИХ ПРОТИВ НЕГО

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод гарантирует право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него (п. (d) ч. 3 ст. 6 Конвенции).

Основная проблема реализации данного права в российском уголовном процессе тесно связана с проблемой разделения процессуальных функций на стадии предварительного расследования.

По УПК РФ на предварительном расследовании функция юстиции не полностью отделена от функции уголовного преследования. Такие юстиционные полномочия, как легализация доказательств, выполняются следователем и дознавателем, действующими на стороне обвинения, а не представителем судебного ведомства. Данное положение вещей вызывает проблемы по обеспечению равных для сторон обвинения и защиты условий по вызову и допросу свидетелей.

Право на вызов и допрос свидетелей охватывается более широким правом, которое в российских уголовно-процессуальных нормах и теории российского уголовного процесса называется правом собирания доказательств. Предполагается, что анализ этого права позволит с наибольшей точностью и полнотой определить, в чем состоит и чем объясняется несоответствие норм УПК РФ положениям Конвенции о праве обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, которые существуют для вызова свидетелей обвинения.

Право на собирание доказательств — это право по изъятию и фиксации фактических данных, которые в результате таких процессуальных действий приобретают юридическую силу доказательств и могут быть использованы для установления наличия или отсутствия события преступления, виновности конкретного лица в его совершении и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Данное право не следует смешивать с правом по поиску улик. Правом по поиску улик обладают органы уголовного преследования в любом государстве.

---

* **Софья Дмитриевна Шестакова** — доктор юридических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

** **Дмитрий Дмитриевич Ковтун** — адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© С.Д. Шестакова, 2008

© Д.Д. Ковтун, 2008

тве, иначе они не были бы таковыми. Там, где одни и те же органы полномочны искать улики и придавать им юридическую силу доказательств, — налицо смешение функций обвинения и юстиции.

В качестве примера разделения функций обвинения и юстиции применительно к процессу доказывания можно привести уголовный процесс США. Американские полицейские пользуются правом поиска улик: например, находят очевидца, готового дать обвинительные показания, и опрашивают его или проводят обыск и изымают имеющие значение для дела предметы. Однако для того, чтобы образовались доказательства, опрошенное полицией лицо должно быть допрошено в суде в качестве свидетеля, полицейские также подлежат судебному допросу о происхождении добытых в ходе обыска предметов, иначе эти предметы на обретут силу вещественных доказательств.

В большинстве европейских государств, на что уже указывалось в предыдущей главе, юридическую силу доказательств приобретают данные, собранные в результате следственных действий, которые полномочны производить отличные от органов уголовного преследования должностные лица (например, участковый судья в Германии и следственный судья во Франции).

В соответствии с УПК РСФСР 1960 года на стадии предварительного расследования правом собирания доказательств обладали только органы уголовного преследования: следователь, лицо, производящее дознание, прокурор. Обвиняемый, подозреваемый, защитник могли самостоятельно обнаруживать фактические данные (например, орудие преступления, несущее на себе информацию в виде отпечатков пальцев, принадлежащих не обвиняемому, а другому лицу). Однако изъятие и фиксация этих фактических данных, обуславливающие придание им юридической силы доказательств, полностью зависели от решения органов уголовного преследования. Прокурор, следователь, дознаватель по собственному усмотрению могли в предусмотренном законом порядке оформить представляемые стороной защиты данные и приобщить их к материалам дела, а могли посчитать их не обладающими свойством относимости и в таком приобщении отказать. Принятие же независимого судебного решения по данному вопросу на предварительном расследовании не предусматривалось.

Для собирания доказательств уголовно-процессуальный закон (ст.ст. 70, 127 УПК РСФСР) предоставлял следователю и другим органам уголовного преследования совокупность следственных действий, а также такие способы их собирания, как истребование и принятие доказательств у граждан, должностных лиц и организаций. Единственным случаем, когда защитник, являющийся адвокатом, в императивном порядке мог потребовать от третьих лиц предоставления ему документов, необходимых для реализации функции защиты, был предусмотренный Положением об адвокатуре, утвержденным Законом РСФСР 1980 г.⁴¹⁵ случай истребования указанных документов адвокатом у предприятий, учреждений и организаций по запросу, оформленно-

---

⁴¹⁵ Закон РСФСР «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» от 20.11.1980 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596.

му через юридическую консультацию. Адресаты (предприятия, учреждения, организации) обязывались указанным положением представить истребуемые документы. Однако решение вопроса об относимости этих документов, о необходимости приобщения их к материалам дела все равно оставалась за следователем.

Аналогичным образом права адвоката по участию в собирании доказательств закреплены в действующем законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴¹⁶.

Ничего принципиально не изменили положения ст. 53 и ст. 86 нового УПК о том, что «защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций». Решение вопроса об относимости полученных защитником предметов и документов, о необходимости приобщения их к материалам дела на предварительном расследовании закон оставляет за органами уголовного преследования.

А.П. Гуськова приводит разделяемое ею мнение А.В. Победкина о том, что уголовно-процессуальным законом «не исключается формирование защитником «параллельных уголовных дел, представление их непосредственно в суд, заявление требований о включении не представленных государственными органами сведений в обвинительное заключение и т.д. При этом такого рода доказательства допустимы, поскольку процедура их получения защитником практически не предусмотрена, а значит, и не может быть нарушена».⁴¹⁷ Данная позиция представляется не вполне верной по нижеследующим соображениям. Сами по себе данные, полученные в результате такого действия, как опрос, правом которого УПК РФ наделил защитника, не являются допустимыми доказательствами. Никакого из предусмотренного законом (ст. 74 УПК РФ) вида доказательств в результате опроса граждан защитником не формируется. Данное действие направлено лишь на обнаружение источника информации. Придание же соответствующей информации доказательственного значения возможно лишь посредством производства государственными органами, ведущими процесс, допроса лиц, опрошенных защитником. В этой связи неточен и сам термин «собрание доказательств защитником», употребляемый в тексте анализируемой нормы.

Предусмотренные уголовно-процессуальным законом права защитника участвовать в следственном действии, в котором участвует его подзащитный

---

⁴¹⁶ Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102 (с последующими изменениями и дополнениями).

⁴¹⁷ Цит. по Гуськовой А.П. К вопросу о некоторых криминалистических аспектах профессиональной деятельности адвоката — защитника по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. — Екатеринбург, 2002. — С. 44.

и в следственном действии, производимом по его ходатайству, способствовать формированию оправдательных доказательств и опровергать обвинительные доказательства — посредством замечаний, подлежащих внесению в протокол этого следственного действия, и постановки вопросов его участникам отнюдь не уравнивают его возможности по участию в собирании доказательств с процессуальными возможностями следователя. Именно следователю принадлежит право отвести поставленные защитником вопросы (ст. 53 УПК РФ). К тому же от решения следователя зависит, допустить ли обвиняемого, подозреваемого, защитника к участию в производстве следственного действия, о котором они ходатайствуют (п. 9 ч. 4 ст. 46; п. 10 ч. 4 ст. 47; п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Защитник и его подзащитный вправе заявить следователю ходатайство о производстве следственного действия, направленного на получение оправдательных доказательств, однако следователь может его отклонить или несвоевременно удовлетворить — когда имеющие значение для дела фактические данные будут уже утрачены.

Теоретики и практики, считавшие, что предварительному расследованию по нормам УПК РСФСР была свойственна состязательность приводили такой довод: в соответствии со ст. 131 УПК РСФСР следователь не вправе отказать участникам процесса в удовлетворении ходатайств о производстве следственного действия, если обстоятельства, об установлении которых таким путем они ходатайствуют, могут иметь значение для дела. Такой же довод может быть приведен и в настоящее время. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 159 УПК РФ. Однако контраргумент данному доводу достаточно очевиден. Вопрос о том, могут или не могут иметь значение для дела соответствующие обстоятельства, могут или не могут они быть обнаружены в ходе производства соответствующего следственного действия, решался и решается следователем.

Новый УПК устанавливает сроки рассмотрения ходатайств и возможность обжалования отказа в их удовлетворении (ст. 121, 122) при наличии условий, предусмотренных ст. 125 не только прокурору, но и в суд. Тем самым УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР, несомненно, расширяет процессуальные возможности стороны защиты по участию в собирании доказательств, однако в достаточной мере их все же не обеспечивает. Для того чтобы обжаловать отказ следователя в удовлетворении ходатайства, необходимо его получить, но зачастую на практике составление мотивированного отказа затягивается. На предмет соблюдения сроков рассмотрения ходатайств участников процесса на стадии предварительного расследования было изучено 200 уголовных дел, рассмотренных федеральными судами г. Санкт-Петербурга в 2003–2005 годах. В итоге было выявлено, что в 52 случаях имелось нарушение сроков до 2-х дней, в 70 случаях — до 5-ти, в 18 случаях — до 10-ти и в 4 случаях — свыше 10-ти дней. Сходные данные были получены в результате изучения 200 уголовных дел, рассмотренных федеральным судом города Сочи в 2003–2005 годах. В 76 случаях имелось нарушение установленных законом сроков рассмотрения ходатайств до 2-х дней, в 65 случаях — до 5-ти, в 52 случаях — до 10-ти и в 7 случаях — свыше 25-ти дней.

Таким образом, закон не обеспечивает в достаточной мере практической реализации права стороны защиты на своевременное рассмотрение ее хода-

тайства. Более того, органы уголовного преследования полномочны отказать в удовлетворении ходатайств обвиняемого, подозреваемого, защитника о производстве следственных действий, в том числе о вызове свидетелей в пользу обвиняемого или подозреваемого. В случае удовлетворения подобного ходатайства органы уголовного преследования пользуются правом не допускать к участию в допросе такого свидетеля сторону защиты. В то же время для вызова и допроса свидетеля, сообщающего информацию обвинительного свойства, следователем прокурором и дознавателем не требуется ничего согласия или участия. Очевидно, что равенство условий для вызова и допроса свидетелей стороной обвинения и стороной защиты не обеспечивается.

Участие обвиняемого, подозреваемого, защитника в следственных действиях, проводимых по их ходатайству, зависит от усмотрения следователя. Следователь может разрешить, а может и отказать в разрешении на такое участие (п. 9 ч. 4 ст. 46, п. 10 ч. 4 ст. 47, п. 5 ст. 53 УПК РФ). Данная норма нарушает гарантируемое право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Принципиальным выходом из таких ситуаций было бы закрепление в законе права стороны защиты обращаться напрямую в судебный орган с ходатайством о производстве следственного действия. Судебный орган, усмотрев соответствующие основания, обязывал бы органы расследования произвести это следственное действие. Еще более последовательно в смысле уравнивания процессуальных возможностей сторон по вызову и допросу свидетелей было бы предоставление полномочий по производству следственных действий по ходатайству сторон независимым от сторон процессуальным фигурам — следственным судьям, известным законодательству большинства европейских государств. Такой субъект уголовного процесса гарантировал бы равенство сторон по участию в доказывании, например, во время производства допроса — за счет того, что отводил бы наводящие вопросы сторон и фиксировал бы показания допрашиваемых в протоколе допроса.

Итак, предусмотренная УПК РФ обусловленность участия стороны защиты в допросах свидетелей и других следственных действиях, производимых по ее ходатайствам, разрешением следователя нарушает гарантируемое Конвенцией право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей, показывающих в его пользу на тех же условиях, что и свидетелей стороны обвинения. В противоречии с данным правом находится и правило российского уголовного процесса, предусматривающее разрешение вышеуказанных ходатайств органами уголовного преследования.

В перспективе решением данной проблемы является перераспределение функций юстиции и уголовного преследования между органами предварительного расследования и судебным ведомством.

На переходный период представляется допустимым ограничиться дополнением ст. 46, 47, 49 УПК РФ правами подозреваемого, обвиняемого и защитника соответственно на участие в допросах свидетелей и производстве других следственных действий, проводимых по их ходатайствам независимо от усмотрения следователя.

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

СОВЕТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ЮБИЛЯРОВ, ЖЕЛАЕТ ИМ ДАЛЬНЕЙШИХ ДОСТИЖЕНИЙ В КРИМИНОЛОГИИ, ЗДОРОВЬЯ И РАДОСТИ!

Азалия Ивановна Долгова

Юбилей доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РСФСР, почётного работника Прокуратуры РФ, президента Российской криминологической ассоциации, заместителя председателя Союза юристов России, заведующей отделом Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка Генпрокуратуры РФ состоялся 5 июля 2007 года.

Азалия Ивановна родилась в Хабаровске. В 1959 году она окончила юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1959–1965 годы она работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора: по надзору за дознанием и следствием в органах внутренних дел, по надзору за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, по делам о несовершеннолетних. С 1968 года А. И. Долгова работает в институте генеральной прокуратуры.

В 1993–2002 годы А. И. Долгова возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», она — автор опубликованного законопроекта «О криминологической экспертизе».

Профессор Долгова — известный российский криминолог, автор более 200 научных трудов, основные из них: «Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей» (1970); «Социально-психологический аспект преступности несовершеннолетних» (1980); Курс советской криминологии (1985. Т. 1. — соавтор); «Преступность и общество» (1990); «Знать и исполнять закон» (1978); Криминология (1987, соавтор и отв. ред.); Криминология (2000); Российская криминологическая энциклопедия (2000, член авторского коллектива и ответственный редактор), «Преступность, её организованность и криминальное общество» (2003), и др.

Азалия Ивановна Долгова является президентом Российской криминологической ассоциации, с которой у Санкт-Петербургского криминологического клуба сложились давние дружеские отношения.

Зарип Саидович Зарипов

Зарипов Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор, родился 21 ноября 1947 года в Республике Туркменистан. В минувшем году ему исполнилось 60 лет.

В 1966 году Зарип Саидович был призван в ряды Вооружённых сил СССР, службу проходил в воздушно-десантных войсках. В 1969 году поступил в Ташкентскую высшую школу МВД СССР, которую закончил в 1973 году с отличием. После окончания был направлен в следственное управление МВД Республики

Узбекистан и работал там с 1973 по 1975 год следователем. В ноябре 1975 года поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР (Москва) на кафедру криминологии и профилактики правонарушений (научный руководитель — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Г. А. Аванесов). В 1979 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Организация и осуществление профилактики правонарушений следственными подразделениями органов внутренних дел». В 1991 году в Москве защитил докторскую диссертацию на тему: «Система правовых мер профилактики правонарушений и основные условия её эффективного функционирования». Учёное звание «профессор» присвоено в 1992 году. В 1997 году избран академиком Международной академии наук о природе и обществе в городе Москве. С 2007 года профессор Зарипов — член Санкт-Петербургского криминологического клуба.

Зарипом Саидовичем опубликовано более 150 научных работ. Среди них: «Функции и задачи профилактической службы органов внутренних дел» (1982); «Профилактическая функция следственных подразделений органов внутренних дел» (1985); «Криминология. Учебник» (1996); «Профилактика правонарушений несовершеннолетних средствами правового воспитания. Пособие для учителя». (1997); «Правовой механизм профилактики правонарушений» (1990); «Криминология. Учебник» (2006).

Зарип Саидович работал в Академии МВД Республики Узбекистан на различных должностях: старшим преподавателем, доцентом, начальником кафедры криминологии и профилактики правонарушений, заместителем начальника академии по научной работе. С мая 2006 года он работает в Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Нинель Фёдоровна Кузнецова

9 декабря 2007 года состоялся юбилей доктора юридических наук, профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, лауреата государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР Нинели Фёдоровны Кузнецовой.

Нинель Фёдоровна родилась в Ташкенте в семье военного лётчика. Она окончила юридический факультет и затем аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1953 году Н. Ф. Кузнецова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ответственность за приготовление и покушение на преступление». В 1968 году она защитила докторскую диссертацию на тему «Преступление и преступность».

Начиная с 1953 года Нинель Фёдоровна преподаёт на кафедре уголовного права МГУ. С 1985 по 2000 год она была заведующей кафедрой.

Нинель Фёдоровна стояла у истоков возрождения отечественной криминологии в 60-е годы XX столетия. Под руководством процессора С. С. Остроумова она разработала первую учебную программу и прочитала курс лекций по криминологии, который затем стал обязательным для юридических вузов. Достижения Н. Ф. Кузнецовой в разработке проблем преступности и её детерминации отмечены присуждением ей вместе с группой учёных государственной премии СССР.

Профессор Кузнецова плодотворно работает по реформированию отечественного уголовного законодательства — разработке Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Уголовного кодекса РФ 1996 года.

В настоящее время в сферу научных интересов профессора Н. Ф. Кузнецовой входят проблематика Общей части уголовного права, спорные вопросы квалификации преступлений, проблемы международного уголовного права, зарубежное уголовное законодательство.

Нинель Фёдоровна — автор более 250 научных работ, в числе которых — монографии «Значение преступных последствий» (1958), «Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву» (1958), «Уголовное право и мораль» (1967), «Преступление и преступность» (1969), «Сравнительное криминологическое исследование преступности в г. Москве» (1971), «Современная буржуазная криминология» (1978), «Современное уголовное право ФРГ» (1981), «Проблемы криминологической детерминации» (1984), «Преступление и наказание в Англии, Франции, ФРГ» (1986), «Современное уголовное право США» (1986), «Современное уголовное право Японии» (1986), «Избранные труды» (2003) и др. Соавтор и ответственный редактор многочисленных учебников и курсов по уголовному праву и криминологии, комментариев к уголовному кодексу.

Профессор Кузнецова сыграла заметную роль в подготовке кадров для отечественной юридической науки. Ею подготовлено 5 докторов наук, более 40 кандидатов наук для России и других государств: Китая, Болгарии, США, ФРГ, Польши, Канады, Кубы, ГДР, Греции. Педагогический талант Нинели Фёдоровны отмечен почётными званиями и наградами «Отличник высшей школы» и «Заслуженный профессор МГУ».

Глубокий учёный и чуткий человек, Нинель Фёдоровна сыграла важную роль в становлении многих известных сегодня криминологов. Так, она была официальным оппонентом как по кандидатской, так и по докторской диссертациям сегодняшнего президента Санкт-Петербургского криминологического клуба. Коллеги из Санкт-Петербурга с интересом ждут участия профессора Нинели Фёдоровны Кузнецовой в дискуссиях клуба.

Александр Максимович Яковлев

Доктор юридических наук, профессор, ректор Московского нового юридического института Александр Максимович Яковлев родился 30 августа 1927 года в Ленинграде. В 1952 году он с отличием окончил Московский юридический институт. В минувшем году ему исполнилось 80 лет.

До 1975 года Александр Максимович работал в институте советского законодательства Министерства юстиции СССР, в 1989—1991 годы — он народный депутат, член комитета по законодательству Верховного Совета, в 1993 году — координатор работы 1-й секции Конституционного Совещания, принявшего конституцию РФ. В 1994—1996 годы профессор Яковлев осуществлял функции полномочного представителя Президента РФ в Федеральном собрании. С 1994 года он — член комитета ООН по борьбе с пытками.

Александр Максимович является автором многочисленных публикаций (всего свыше 200), в числе которых такие монографии и учебные пособия, как: «Совокупность преступлений» (1960), «Борьба с рецидивной преступностью» (1964), «Преступность как образ жизни» (1967), «Преступность и социальная психология» (1971), «Право и социология» (1975), «Индивидуальная профилактика преступного поведения» (1977), «Основания уголовно-правового запрета» (1982, в соавторстве), «Теория криминологии и социальная практика» (1985), «Социология экономической преступности» (1988), «Социология преступности» (2001), «Социальная структура общества» (2002).

Профессор Яковлев неоднократно выступал в качестве соавтора учебников по уголовному праву и комментариев к Уголовному кодексу. Имеет научные статьи на английском, немецком и французском языках. Преподавал в качестве приглашенного профессора в университетах Альберты, Йорка, Торонто (Канада) и Школе уголовной юстиции Ратгерского университета, университета Эмори (США).

Александр Максимович — лауреат Государственной премии СССР, которой он в составе группы кримиологов награждён за участие в разработке теоретических основ криминологии. В Санкт-Петербургском криминологическом клубе высоко ценят гуманную систему научных воззрений профессора Яковлева.

6. НЕКРОЛОГ

Борис Владимирович Волженкин

28 апреля 2008 года скончался доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Борис Владимирович Волженкин.

Борис Владимирович родился 22 декабря 1937 года в Архангельске в семье преподавателей вуза. В 1960 году он с отличием окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета и был оставлен в аспирантуре. В период 1963 — 1966 годы Борис Владимирович работал в прокуратуре города Ленинграда. В 1965 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общественная опасность преступника и её значение для уголовной ответственности и наказания». С 1966 по 1996 годы Б. В. Волженкин работал в Институте повышения квалификации прокурорско-следственных работников, занимая должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии, заместителя директора института по учебной и научной работе. В 1991 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Корыстные злоупотребления по службе (хищение, взяточничество, злоупотребление служебным положением)». С 1992 года профессор Волженкин возглавил институт, который в 1996 году был преобразован в Юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. С 2001 года Б.В. Волженкин работал профессором кафедры уголовного права СПбГУ.

Б. В. Волженкину принадлежит более 200 печатных работ. Среди них: «Квалификация должностных преступлений» (1973), «Обстоятельства, способствующие совершению тяжких преступлений против жизни и здоровья, и их выявление в процессе расследования» (1982), «Вопросы квалификации краж, грабежей и разбоев, совершенных с целью завладения личным имуществом граждан» (1981), «Ответственность за взяточничество» (в соавторстве) (1987), «Квалификация хищений государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением» (1987), «Уголовный закон: Действие во времени и пространстве» (в соавторстве) (1993), «Экономические преступления» (1998), «Служебные преступления» (2000), «Преступления в сфере экономической деятельности» (2002), и др. Профессор Волженкин является соавтором многих современных комментариев к Уголовному кодексу РФ, учебников по криминологии и уголовному праву, курсов уголовного права.

Борисом Владимировичем разработана концепция ответственности за преступления против интересов службы и преступления в сфере экономической деятельности в современных условиях, получившая закрепление в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Профессор Волженкин активно участвовал в законодательном процессе, в работе над Уголовным кодексом РФ, руководил рабочей группой по созданию Модельного уголовного кодекса государств — участников СНГ, одобренного Межпарламентской Ассамблеей СНГ, руководил рабочей группой при Верховном Совете РФ, разработавшей первый вариант закона «О борьбе с коррупцией».

Известен Б.В. Волженкин и как криминолог. Его работы, посвящённые преступлениям в сфере экономической деятельности, вносят заметный вклад в отечественную экономическую криминологию. Помимо прочего мы благодарны Борису Владимировичу за его участие в деятельности Санкт-Петербургского криминологического клуба. Он выступал на наших семинарах и конференциях вплоть до последнего заседания, состоявшегося за два месяца до кончины Бориса Владимировича.

Борис Владимирович Волженкин оставляет о себе память как об авторитетном учёном, интеллигентном человеке с независимыми суждениями. Мы скорбим о его уходе из жизни.

РЕЗЮМЕ

Я. И. Гилинский

20-й Международный Балтийский криминологический семинар

Балтийский криминологический семинар основан в 1987 г. по инициативе группы криминологов из Ленинграда, Москвы, Латвии, Литвы, Эстонии (Д. Блувштейн, С. Босхолов, Я. Гилинский, А. Добрынин, В. Коган, А. Лепс, Э. Раска, Д. Сепс, В. Юстицкий, Д. Шестаков, А. Яковлев и др.). Он ежегодно проводится последовательно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Н. Кристи

Три формы бедности

В современном мире существует три формы бедности, которые снижают уровень жизни индивида. Это нехватка финансовых ресурсов, недостаток образования и потеря традиционных межчеловеческих форм взаимопомощи.

В. А. Бачинин

Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания

Секулярная основа современной науки в целом и криминологии в частности находится в кризисе. В научной сфере необходимо шире использовать религиозные постулаты и их осмысление.

Я. И. Гилинский

Глобализация и преступность

Глобальные потоки наркотиков проходят через Россию. В неё поступает героин из Афганистана, Пакистана, Северной Кореи, производные каннабиса — из стран Средней Азии и с Украины, кокаин из Латинской Америки, медикаментозные средства из стран Западной Европы, эфедрин и его производные — из Китая. В свою очередь Россия реэкспортирует героин и каннабис в Западную Европу.

Процесс деградации России завершён. Не нужно следовать идее многополярного мира.

К. Ляковска

Деятельность русскоязычных организованных преступных групп в Польше (По результатам криминологических исследований)

В современной Польше существует ряд преступных группировок, состоящих из жителей стран бывшего СССР. Однако их удельный вес в общем числе криминальных сообществ Польши средствами массовой информации преувеличивается.

С. Н. Ениколопов, Д.А. Умняшкина

Психологические проблемы влечения к азартным играм

Проблемы азартной игры (гемблинга) актуальны для современной России. Патологическим игрокам свойственны эмоциональная уязвимость, низкая толерантность к фрустрации, неадекватность копинг-стратегий. С целью получения денег на игру гемблеры могут подделывать документы, воровать, использовать деньги, предназначенные на расходы их семей. Обычно их преступные действия не носят характера насилия; это подлоги, растраты или мошенничество. В силу этих причин игрокам приходится лгать кредиторам, коллегам и близким. При этом осознанным намерением является желание вернуть деньги и отдать долги. Осложнениями, которые обычно наблюдаются при этом, являются охлаждение к родным и отчуждение знакомых, утрата всего, что достигнуто в жизни, суицидальные попытки, тюремное заключение.

С. Н. Ениколопов, Н. В. Мешкова

Психологические аспекты «преступлений ненависти»

«Преступления ненависти» являются поведенческим аспектом предубеждённости. Они показывают, что преступники делают окружающих на два класса: свой и чужой, который можно ненавидеть и в отношении которого можно и нужно совершать насильственные действия. Психологические особенности личности, которая может совершить преступление ненависти, проявляются в склонности к генерализации и переносу собственной враждебности на «иног», не похожего на неё. Убеждения преступников коррекции практически не поддаются, но на людей, симпатизирующих им и формирующих мир, в котором «преступления ненависти» зарождаются, влиять можно и необходимо.

Е. В. Ильюк

Роль эмоций в детерминации преступного поведения

Эмоции являются движущей силой человеческого поведения. В подсознании человека заложены потребности (драйвы), которые обеспечивают выживание человека, условно их делят на пять групп: потребление, безопасность, размножение, экспансия, социальный пакет.

Неудовлетворенные потребности (фрустрирующие драйвы) рожают эмоции. Неудовлетворенная потребность в безопасности вызывает страх, тревогу, гнев и связана с совершением насильственных преступлений. Неудовлетворенная потребность в размножении в сочетании с ненавистью, презрением составляет психологическую основу половых преступлений.

Потребность в экспансии в криминальном мире находит отражение в разделе или переделе сфер влияния организованными преступными группировками.

Неудовлетворение потребности в социальном пакете лица может быть побудительным мотивом к совершению должностных и экономических преступлений.

В.С. Овчинский

**Радикальный либерализм,
сильное государство и уголовная политика**

Необходимо жёсткое противодействие преступной политике, отвечающей клановым интересам.

К. Папендорф

**Модельные проекты лечения героиновой зависимости
в Западной Европе**

В 90-х годах XX века в Западной Европе имеет место переориентация антинаркотической политики от репрессий к модели воздействия на саму наркоситуацию.

Эта модель базируется на концепции уменьшения вреда, включает в себя вытеснение героина метадоном, а также бесплатный обмен шприцев и предоставление помещений для инъекций.

Г.С. Мауленов

**О совершенствовании правовых мер,
направленных на противодействие коррупции
и организованной преступности**

Коррупция взаимосвязана с экономическими преступлениями. Во всём мире происходит глобализация политики, экономики, а также преступности. Проблема коррупции затрагивает все страны мира, в связи с этим представляет значительный интерес сравнительный анализ законодательства и практики борьбы с коррупцией.

Х. Гиртсен

**Целостный взгляд на личность наркозависимых,
не предусматривающий деления на правовые,
медицинские и социальные аспекты**

В настоящее время в Норвегии наркозависимые люди подвергаются воздействию со стороны правоохранительных органов, медицинских учреждений и службы социальной поддержки. Необходимо отказаться от подобного разделения и начать решать проблему в комплексе.

Д. А. Шестаков

**Развитие криминологической науки в Ленинграде —
Санкт-Петербурге (вторая половина XX — начало XXI века.)
Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание
учёной степени кандидата юридических наук
Масловой Элины Витальевны**

Непростой исторический путь Санкт-Петербургской криминологии, на котором имели место достижения, упадок, противостояние, ещё не в полной мере изучен. Кандидатская диссертация Э. В. Масловой вносит вклад в осмысление развития в Петербурге науки о преступности.

А. Лепс**Тартускому университету — 375 лет**

Университет города Тарту — старейший вуз Эстонии, основанный в 1632 г. и существующий по сей день. В развитие данного университета и укрепление научных связей между криминологами Эстонии и России значительный вклад внесли русские учёные-юристы.

С. Ф. Милоков**К понятию посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника**

Термин «посягательство на жизнь», употребляемый в конструкции составов преступления, охватывает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

С. Ф. Милоков**Моя первая статья**

Спустя многие годы автор с благодарностью вспоминает ныне покойного профессора Г. Ф. Горского за содействие первой публикации, тем более что она состоялась в одном из центральных юридических изданий СССР.

Д. А. Шестаков**Частная криминология в структуре науки о преступности**

Учебник «Частная криминология» — это третья книга, входящая в состав четырёхтомного курса криминологии. К предмету частной криминологии относятся основные типы преступности (корыстная, насильственная), её организованная форма, преступления в сфере социализации несовершеннолетних, преступления, обусловленные демографическими процессами, виктимология. После выхода в свет «Частной криминологии» — на очереди завершающий том: «Криминология в нормативных актах (теория и практика криминологического законодательства)».

А. П. Данилов, Т. В. Константинова, И. А. Носкова**Применение семантической концепции в отраслевых исследованиях**

Семантическая концепция находит своё отражение в таких криминологических отраслях, как семейная криминология, криминология СМИ, экологическая криминология, политическая криминология и др., относящихся к невско-волжской криминологической школе. Преступность политики (политическая преступность) — свойство политической сферы воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи политических преступлений и их причин.

Т. В. Шипунова**Обыденные (привычные) агрессия и насилие в социальном взаимодействии**

В повседневной жизни людей существуют проявления нездоровой агрессивности. Они поддаются классификации и требуют работы по устранению их причин.

В. Овчинский

**Об организованной преступности
как форме социальной организации жизни в России
и необходимости нового российского курса**

Организованная преступность стала неотъемлемой частью жизни практически всех слоёв населения современной России. Коррупции необходимо противодействовать путём выработки и проведения целенаправленной государственной политики.

З. С. Заринов

**Криминологическая безопасность несовершеннолетних
и противодействие незаконному обороту наркотиков
в России и Центральном-Азиатском регионе**

Ситуация с наркотиками представляет собой серьёзную проблему для Государств Содружества и стран Центральной Азии. По статистическим данным за последние 10 лет число зарегистрированных наркопреступлений в странах СНГ увеличилось в среднем в 5 раз.

М. Шейност

Торговля людьми, опыт Чехии

Сегодня Чехия сталкивается с явлением торговли людьми, особенно в целях сексуальной эксплуатации. Это побудило провести исследование, в ходе которого была сделана попытка изучить такие аспекты проблемы, как страна происхождения жертв, основные маршруты транспортировки, особенности транзита живого товара через территорию Чехии.

Н. И. Пишикина, Г. И. Грицай

**О принципах ответственности в налоговой сфере
в современной России**

Такое неординарное решение государственной власти, как налоговая амнистия для физических лиц, создало прецедент отступления от буквы закона.

В. А. Бачинин

**Секулярная криминология
и библейская концепция преступления**

Для современной криминологии характерно разнообразие мировоззренческих позиций и методологических подходов. И хотя российское криминологическое сознание является в основном секулярным, можно говорить о пробуждающемся интересе отечественных учёных к религиозно-теологическим аспектам криминологического знания, в том числе к проблеме библейских оснований современных концепций сущности преступления.

В Библии сущность преступления определяется через апелляцию к более общему понятию греха. Если суть и смысл преступления могут определяться и описываться при помощи сугубо антропологических или социальных категорий, то смысл греха неизменно предполагает теологический контекст и, со-

ответственно, теологическую интерпретацию. То есть через понятие греха и концепт преступления входит теологическая составляющая.

А. В. Лысова

Насилие в семье и межличностных отношениях в России: обзор основных исследований

Обзор основных социологических исследований бытовых насильственных преступлений в России за последние десять лет показывает высокий уровень виктимизации всех членов семьи: не только женщин и детей, но мужчин и престарелых родственников. От физического насилия страдают от 25% до 50% женщин, около 26% мужчин и 13% пожилых членов семьи. Необходимо проведение дальнейших качественных исследований с использованием сопоставимого надёжного инструментария и репрезентативных выборок.

Б. Б. Тангиев

Научный эколого-криминологический комплекс как новое направление криминологических исследований. Социально-правовые предпосылки и концепция его формирования

Одной из особенностей экологической преступности является её транснациональный и перманентный характер. Необходимо работать над осознанием этого факта широкими слоями общественности, что позволит усилить превенцию данного типа преступлений со стороны граждан, а также эффективностью правоприменения существующего природоохранного законодательства.

В. Г. Шарыгин

Феномен предательства в новой и новейшей истории России (криминологический взгляд)

Предательство как социально-психологическое явление является видом государственных преступлений, на которые российское государство реагировало принятием превентивных мер ещё в XIX веке.

Проблема особенно обострилась в период крушения монархии и установления советской власти. В советский период в данной области законодатель вводил ответственность за «мнимые преступления», сегодня предательством, по сути, является коррупция.

В. А. Бачинин

Феномен измены в свете библейской аксиологии

Проблема предательства отличается повышенной мировоззренческой и методологической сложностью. Её успешное разрешение требует выхода за пределы релятивизма, в область абсолютных принципов и ценностей бытия.

А. П. Данилов

Политико-криминологический аспект измены в контексте противоречий между бюрократическими и олигархическими силами в причинном комплексе убийств по политическим мотивам (постановка вопроса)

Противоречия в политической и экономической элитах России, связанные с пределом собственности и сфер влияния, нередко имеют своим следствием убийства причастных к данному процессу лиц. На сегодняшний день отсутствует криминологический анализ данного процесса, однако сделать его необходимо.

И. А. Носкова

Средства массовой информации о предательстве

В наши дни на постсоветском пространстве средства массовой информации пытаются принизить негативную оценку предательства, в том числе используя для этого методы, разработанные зарубежными спецслужбами.

А. В. Чураков

Криминологический аспект супружеской измены

Институт семьи в современной России переживает кризис, одной из причин которого является широкая распространённость супружеской измены. Необходимо целенаправленно реагировать на данное негативное явление.

Д. А. Шестаков

Измена в свете криминологической теории

В чём состоит зло измены и, стало быть, преступность наиболее вредоносных её проявлений? Ответы на поставленный вопрос лежат в сферах как земного, материального, так и высокого, идеального. В низшей, материальной сфере, например в гражданско-правовых отношениях, опасность и вред измены состоят в ненадёжности, способности подвести (случай невозвращения долга, т.е. измены принятым обязательствам). В высшей, идеальной сфере зло измены заключается в вероломстве, в отступлении от идеала. Вообще говоря, за предательством стоит борьба высокого и низкого.

А. М. Сысоев

О психологической сущности экстремистской деятельности

Центральное место при определении сущности экстремизма занимает ксенофобия, которая представляет собой чувство неприязни, ненависти, нетерпимости к инородному, чуждому и непонятному. Ксенофобия проявляется в идее целого спектра отрицательных чувств — собственного превосходства, агрессии, зависти или страха. Примерами ксенофобии выступают: русофобия, предвзятое отношение к кавказцам, юдофобия и т.п.

Ю. С. Апухтин

Международная правовая ответственность частных военных компаний

Привлечение частных образований для оказания военных и околвоенных услуг становится всё более распространённым явлением. Деятельность частных военных компаний не является предметом специального регулирования международного или национального права. Необходимо ввести регу-

лирование деятельности частных военных компаний и их ответственности на международном уровне.

С.Д. Шестакова, Д.Д. Ковтун

К вопросу о реализации права обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод гарантирует право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него. В статье анализируются проблемы реализации конвенционного права в российском уголовном процессе.

SUMMARY

J. I. Gilinskij

20th International Baltic Criminological Seminar

The Baltic criminological seminar is originated in 1987 under the initiative of group criminologists from Leningrad, Moscow, Latvia, Lithuania, Estonia (D. Bluvshstejn, S. Bosholov, J. Gilinsky, A. Dobrynin, V. Kogan, A. Leps, E. Raska, D. Seps, V. Justitsky, D. Shestakov, A. Yakovlev etc.) It is annually spent by consistently in Estonia, Latvia, Lithuania, Leningrad (St. Petersburg).

N. Kristi

Three Forms of Poverty

In the modern world three forms of poverty, reducing a standard of living of the individual, exist. They are shortage of financial resources, lack of education and loss of traditional interhuman forms of mutual aid.

V. A. Bachinin

Freud and-or Dostoyevski:

Ideological Choice of Criminological Consciousness

The secular basis of modern science in a whole and criminology in particular is in crisis. In research sphere it is necessary to use more broadly religious postulates and their comprehension.

J. I. Gilinsky

Globalization and Criminality

Global streams of drugs pass through Russia: heroin from Afghanistan, Pakistan, Northern Korea, derivatives cannabis – from the countries of Central Asia and from Ukraine, cocaine from Latin America, medicamentous means from the countries of the Western Europe, ethidrin and its derivatives – from China. In its turn Russia re-exports heroin and cannabis to the Western Europe.

K. Lyaskovska

Activity of Russian-speaking Organized Criminal Group in Poland (by Results of Criminological Researches)

In modern Poland there is a number of the criminal groupings consisting of inhabitants of the former USSR countries. However their shares in the total number of criminal communities of Poland is exaggerated by the mass media.

S. N. Enikolopov, D. A. Umnyashkina

Psychological Problems of an Inclination for Gamblings

Problems of gambling are actual for modern Russia. To pathological players emotional vulnerability, low level of tolerance to frustration and inadequacy of

koping-strategy are peculiar. In order to obtain money for gamble, gamblers can forge documents, steal, use the money intended on charges of their families. Usually their criminal acts do not have nature of violence; they are forgeries, wastes or swindle. Because of these reasons players have to lie to creditors, colleagues and relatives. At the same time the realized intention is the desire to return money and to repay. Complications which are usually observed are coolness to relatives and alienation of families, loss of everything that has been achieved in lives, suicide attempts, imprisonment.

S. N. Enikilopov, Meshkova

Psychological Aspects of «Crimes of Hatred»

«Crimes of hatred» are behavioral aspect of bias. They show, that criminal divides his associates into two classes: his own people and others, who can be hated and concerning whom it is possible and it is necessary to make violent actions. Psychological features of the person which can commit a crime of hatred, are shown in propensity to generalization and carry criminal's own animosities towards «other», who is not similar to it. It is impossible to correct criminal's convictions but influence upon people who sympathize to criminals and to forming the world in which «crimes of hatred» arise is possible and necessary.

E. Ilyuk

Emotions Determine Crime

Emotions determine human behavior. In the mind of man there are five groups of requirements (drives), it secure life a man. It divides into five groups: consumption, safety (security), satisfaction (sex), expansion, social status. Dissatisfied requirements (frustration drives) generate emotions. Dissatisfied requirement in consumption generate crime against property. Dissatisfied requirement in safety (security) generate fear, worry, hatred and crime against person. Dissatisfied requirement in sex combined with hatred is psychological base of sexual abuse. Requirement in expansion in criminal world realize in activities of criminal conspiracy. Dissatisfied requirement in social status can be motivation to white-collar crime.

V. Ovchinskij

Radical Liberalism, the Strong State and a Criminal Politics

It is necessary to counteract rigidly to the criminal politics adequate to clan interests.

K. Papendorf

Model Projects of Heroin Medication in Western Europe

In 90th years of XX century in the Western Europe reorientation of antinarcotics policy from repressions to the model of influence on drug situation took place. This model is based on the concept of reduction of harm, and includes replacement of heroin by methadone, and also a free-of-charge exchange of syringes and granting of rooms for injections.

G. S. Maulenov

Improvement of the Legal Measures of Counteraction of Corruption and the Organized Crime

In the article the interrelation of criminality and corruption, a negative place and a role of corruption in the state, factors promoting corruption and measures of its prevention are consecrated. All over the world, as it is known, there is a globalization of policy, economy, and also criminality. The problem of corruption concerns all the countries of the world. In this connection the comparative analysis of the legislation and practice of struggle against corruption represents significant interest.

H. Giertsen

A Complete Sight at the Person Drug Addicts, not Providing Division into Legal, Medical and Social Aspects

Nowadays in Norway drug addicts are influenced by law machinery, medical institutions and service of social support. It is necessary to refuse similar division and to start solving this problem in a complex.

D.A. Shestakov

Development of Criminology in Leningrad - Saint Petersburg (the Second Half of XX - the Beginning of XXI Century). A Response of the Official Opponent to the Dissertation on Competition of an Academic Degree of the Candidate of Jurisprudence by E. V. Maslova

The uneasy historical way of St.-Petersburg's criminology, which experienced achievements, decline, opposition, is not fully investigated yet. E.V.Maslova's thesis contributes to comprehension of development of St. Petersburg sciences about criminality.

A. Leps

University of City Tartu – 375 Years

University of city Tartu - the oldest high school of Estonia based in 1632 and existing to this day. To development of the given university and strengthening of scientific communications between criminologists of Estonia and Russia the huge contribution was brought by Russian researches.

S.F. Miljukov

The Concept of an Encroachment on Life of the Worker of Militia or the National Combatant

The term «an encroachment on life» used in a corpus delicti covers deliberate causing heavy harm to the health, entailed on imprudence death of the victim.

S.F. Miljukov

My First Article

After many years the author thanks nowadays the deceased professor G. Ph. Gorskiy for the assistance of the first publication as it has taken place in one of the central legal editions of the USSR.

D.A. Shestakov

The Particular Criminology in the Structure of a Science about Criminality

The textbook «Particular Criminology» is the third book within the limits of the four-volume criminology course. The basic types of criminality concern to a subject of private criminology (mercenary, violent), as well as organized form of criminality, crimes in the sphere of socialization of minors, the crimes caused by demographic processes, victimology. After the issue of «Particular Criminology» completed volume «Criminology in Statutory Acts (the Theory and Practice of Criminological Legislation)» is next in turn.

A. P. Danilov, T. V. Konstantinova, I. A. Noskova

Application of Semantic Conception in the Branches of the Criminology

Semantic conception is applied in criminological branches such as family criminology, criminology of mass media, ecological criminology, political criminology and others which belong to Neva-Volga criminological school. Criminality politics – property political sphere to reproduce multitude dangerous for people acts, which show intercommunication political crimes and their reasons.

T. V. Shipunova

Ordinary (Habitual) Aggression and Violence in Social Interaction

In daily life of people displays of morbid aggression exist. They are amenable to classification and require work on elimination of their reasons.

V. Ovchinskij

The Organized Crime as the Form of Social Organization of Life in Russia and the Necessity of a New Russian Policy

The organized crime has become an integral part of life virtually of all strata of society in modern Russia. It is necessary to counteract corruption by development and carrying out of a purposeful national policy.

Z. S. Zaripov

Criminological Safety of Minors and Counteraction to Illegal Circulation of Drugs in Russia and the Central - Asian Region

The situation with drugs represents a serious problem for the States of Commonwealth and the countries of the Central Asia. According to the statistical data for last 10 years the number registered drug crime in the countries of the Commonwealth of Independent States has increased on the average five times.

M. Sheynost

Human Traffic: Experience of Czechia.

Today Czechia faces the significant scope of human traffic, especially for sexual exploitation. This fact has induced investigation, in order to study such aspects of a problem, as native country of victims, the basic routes of transportation, feature of transit of living goods through territory of Czechia.

N.I. Pishikina, G. I. Gricai

The Principles of the Responsibility in Tax Sphere in Modern Russia

Such extraordinary decision of the government as tax amnesty for physical persons has made possible deviation from the letter of the law.

V. A. Bachinin

Secular Criminology and the Biblical Concept of a Crime

Modern criminology is characterized by variety of ideological and methodological approaches. Though Russian criminological consciousness is basically secular, we can say, that native scientists begin to show interest towards religious-theological aspects of criminological knowledge, including the problem of the biblical bases of modern concepts of a crime essence.

In the Bible the essence of a crime is determined through the appeal to more general concept of a sin. If the essence and sense of a crime can be defined and described with the help of especially anthropological or social categories, the sense of a sin invariably presupposes a theological context and, accordingly, theological interpretation. That is through concept of a sin theological becomes a component in the concept of crime.

A. V. Lysova

Family/Partner Violence in Russia: The Review of the Major Studies.

This article provides the review of the major sociological studies of family/partner violence in Russia for the last ten years. High victimization rate was revealed not only for women and children but also for men and elders in family/partner relationships. From 25% to 50% of women, nearly 26% of men and 13% of elders reported to be victims of physical violence. The necessity for further quantitative studies with the usage of reliable instrument and representative sample is being discussed.

B. B. Tangiev

Scientific Ecology-Criminological Complex as a New Direction of Criminological Researches. Social - Legal Preconditions and the Concept of its Formation

One of the features of ecological criminality is its transnational and permanent character. It is necessary to work above comprehension of this fact by wide layers of the public that will allow to strengthen the prevention of the given type of crimes on the part of citizens, and also efficiency of application of the existing nature protection legislation.

V. G. Sharygin

The Phenomenon of Betrayal in New and Newest Russian History (the Criminological Approach)

The article is about betrayal in Russian history and nowadays. The evaluation of betrayal is given from the view of Russian law. The role of monarchic law policy reinforcing the Orthodox Church in Russia is considered as a foundation of devotion and loyalty of the people to their country. The author determines the important

changes of betrayal phenomenon at the time of the key events in Russian history: the October Socialist Revolution in 1917, the soviet period, post-perestroika period and nowadays. The author considers corruption as a form of betrayal of the state interests in modern Russia.

V. A. Bachinin

The Phenomenon of Treason in a View of Biblical Philosophical Theory of Values

The problem of treachery is distinguished by the heightened ideological and methodological complexity. Its successful decision requires overstepping the limits of relativism in area of absolute principles and values of existence.

A. P. Danilov

The Political and Criminological Aspect of Treason in a Context of Contradictions between Bureaucratic and Oligarchic Forces in a Causal Complex of Political Assassinations

In a complicated causal complex of political assassinations in the after soviet times Russia contradictions between gradually consolidating bureaucratic and oligarchic forces which determined policy from 1990 till the beginning of 2000th years are most significant. Thus in Russia social group of oligarches that usurped a significant part of national property of Russia plays the main role in criminogenesis.

I. A. Noskova

Mass Media about Treachery

The subject of treachery is often covered by mass media. As treachery, mass media represent: political treachery, high treason, and also many other things. The author considers that the activity of mass media directed on moral decay of a society also may be named as a peculiar treachery.

A. V. Churakov

Criminological Aspect of Adultery

The institute of family in modern Russia is experiencing crisis. Wide prevalence of adultery is one of its reasons. It is necessary to react purposefully to this negative phenomenon.

D. A. Shestakov

The Treason in a Context of Criminological Theory

What is the evil of treason and therefore why most harmful forms of treason are considered to be the crimes? Answers to the given question exist in both earthly material and highest ideal spheres. In the low material sphere, for instance, in the sphere of relations which are regulated by civil law danger and harm of treason consist in unreliability (for example, not paying the debt is unfaithfulness to undertaken obligations). In the highest ideal sphere evil of treason is betrayal and deviation from an ideal. Generally in treason the struggle of the high and low aspirations can be seen.

A. M. Sysoyev

The Psychological Essence of Extremist Activity

The central place at definition of essence of extremism is occupied with xenophobia which represents feeling of hostility, hatred, intolerance to alien as well as to everything what is and not clear. Xenophobia is shown in idea of the whole spectrum of negative feelings – own superiority, aggression, envy or fear. The examples of xenophobia acts are Russofobia, the prejudiced attitude to Caucasians, anti-Semitism, etc.

J.S. Apuhtin

Responsibility of Private Military Companies according to International Law

Involving private entities in performing military and paramilitary services is becoming more and more common. Activity of private military companies is not specially regulated by international or national law. It is necessary to establish regulation of private military company's activity and their liability on international level.

S.D. Shestakova, D.D. Kovtun

Problems of Realization of Everyone's Charged with a Criminal Offence Right to Obtain the Attendance and Examination of Witnesses on His Behalf under the Same Conditions as Witnesses against Him

The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms guarantees to everyone charged with a criminal offence the right to obtain the attendance and examination of witnesses on his behalf under the same conditions as witnesses against him. The problems of realization of this right in Russian criminal procedure are analyzed in the article

К НАШИМ АВТОРАМ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В «К:ВСЗ»

Формат

Формат (отступы слева и справа; отступ первой строки), стиль, шрифт, размер шрифта, интервалы должны соответствовать формату настоящей памятки.

Размер шрифта

Размер шрифта основного текста — 14; имени автора — 16; сносок — 12.

Буква ё и длинное тире

Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е».

Используется длинное тире: (—).

Нумерация страниц и сносок

Нумерация страниц — внизу, посередине.

Сноски располагаются внизу страницы, нумерация — постатейная.

Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

Образец заглавия

П. А. Кабанов

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ

Образцы сносок

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ В НАЧАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

* **Павел Александрович Кабанов** — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Набережные Челны, Россия).

© П. А. Кабанов, 2008

КНИГА БЕЗ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. — М., 2001. — С.147.

КНИГА С ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.

ДИССЕРТАЦИЯ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества.: Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

АВТОРЕФЕРАТ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, ГЛАВА В КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ, СБОРНИКЕ

Харламов В. С. Роль службы участковых уполномоченных в профилактике внутрисемейных насильственных преступлений (по материалам Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 1 (2). — С. 89.

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ

Кларисс М. Р. Выбивание долгов // Новая газета. — 2004. — 4 марта. — С. 6 — 7.

Резюме

К статье должно быть приложено резюме на русском языке, объёмом до 700 знаков (с пробелами), включая имя автора и название статьи, а также перевод названия статьи и резюме на английском языке.

Сведения об авторе

Автор должен сообщить редакции свои фамилию, имя, отчество, учёную степень, место работы, должность, а также географическое место нахождения работы.

Журнал издается с 2005 года в городе Ставрополе. Главный редактор — Олег Викторович Старков, доктор юридический наук, профессор, известный специалист в области криминологии и криминопедологии. В редакционную коллегию входят: А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло, М. М. Бабаев, А. Я. Вилке, Л. И. Воскобитова, Я. И. Гилинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунев, С. В. Максимов, С. Ф. Милоков, М. Г. Миненок, В. А. Номоконов, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибиряков, О. В. Филимонов, Д. А. Шестаков, В. Н. Орлов, А. В. Петровский, Л. А. Ефименко. В журнале публикуются научные статьи на русском языке с аннотациями на русском и английских языках.

ЧАСТНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Частная криминология / Отв. ред. д-р юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ **Д. А. Шестаков**. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр пресс», 2007. — 771 с.

Учебник «Частная криминология» — это третья книга, входящая в состав тетралогии по криминологии, выпускаемой в свет под редакцией и при участии президента Санкт-Петербургского криминологического клуба профессора Д. А. Шестакова. По смыслу первая из четырёх книг — Д. А. Шестаков, «Криминология, новые подходы к преступлению и преступности, 2006», вторая — «Частная криминология», третья — «Преступность среди социальных подсистем, новая концепция и отрасли криминологии, 2003».

«Частная криминология» посвящена отдельным проблемам воспроизводства преступного поведения и противодействия ему. К предмету частной криминологии относятся основные типы преступности (корыстная, насильственная), её организованная форма, преступления в сфере социализации несовершеннолетних, преступления, обусловленные демографическими процессами, виктимология.

После выхода в свет «Частной криминологии» — на очереди завершающая книга тетралогии, «Криминология в нормативных актах (теория и практика криминологического законодательства)».

